

Ю. И. Семенов

Автор фундаментального труда

*Введение
в НАУКУ
ФИЛОСОФИИ*

АКАДЕМИЯ

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ

ИССЛЕДОВАНИЙ :

ИСТОРИЯ

ПОЛИТАРНЫЙ («АЗИАТСКИЙ») СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА

**Сущность и место
в истории человечества
и России**

*Философско-
исторические
очерки*

Annotation

В работах, составивших настоящую книгу, всесторонне рассматривается проблема так называемого азиатского способа производства, который автор именуется политарным. Прослежена история проблемы с XVII по XXI вв., включая две дискуссии, которые имели место в марксистской философской и исторической науке в 20-30-х и 60-70-х годах XX в. В центре внимания находится прежде всего тот политарный способ производства, который был основой первой классовой общественно-экономической формации, возникшей на Востоке в конце IV тыс. до н. э. и просуществовавшей там до конца II тыс. н. э. Однако кроме этого — древнеполитарного способа производства, в истории человечества существовало и несколько других политарных способов производства. Два из них имели место в истории нашей страны: державополитарный, возникший во второй половине XV - XVI в., и неополитарный способ производства, сформировавшийся после победы Великой Октябрьской рабоче-крестьянской революции 1917 г. Не ограничиваясь генезисом неополитаризма в СССР, автор анализирует события 1990-х годов и выявляет сущность происходивших тогда перемен, нередко именуемых «демократической» революцией, а также природу нашего современного социально-экономического и политического строя.

Предисловие ко второму изданию

При подготовке второго издания книги в очерк «Политарный ("азиатский") способ производства: теория и история» был включен в качестве одиннадцатого новый раздел «Последняя фаза развития неополитаризма в СССР». Соответственно был доработан прежний одиннадцатый раздел, ставший теперь двенадцатым.

Предисловие

Книгу составили мои работы, посвященные одной из самых не только интересных, но, как выяснилось, и актуальных проблем философии истории и исторической науки (историологии) — вопросу о возникновении, сущности и роли в истории человечества способа производства, который в свое время был назван К. Марксом «азиатским». Написаны эти работы в разное время. Кроме уже публиковавшихся, в книгу вошли и работы ранее не печатавшиеся

Интерес к этой проблеме у меня пробудился ещё на первом курсе исторического факультета Красноярского педагогического института (1947 г.), когда я более или менее детально ознакомился с историей Древнего Востока, и долгое время носил чисто теоретический характер. Мне бросилось в глаза вопиющее противоречие между безапелляционными утверждениями авторов всех тогдашних учебных пособий и трудов по истории Древнего Востока о том, что древневосточное общество было рабовладельческим, и приводимыми ими самими фактическим материалом, неопровержимо свидетельствующим о противном.

К этому вопросу я вернулся, когда после смерти И. В. Сталина и особенно после XX съезда КПСС (1956 г.) появилась пусть небольшая, но всё же возможность высказать в печати мнение, радикально расходившееся с господствующей официальной точкой зрения. Провинциальным институтам дали право издавать ученые записки, и первое время содержание их практически никак не контролировалось сверху, т. е. из Москвы. Статья, носившая название «К вопросу о первой форме классового общества», никогда в то время не смогла бы быть опубликованной ни в одном центральном издании. Но кафедра истории Красноярского пединститута согласилась включить ее в свой том ученых записок. Большую роль в этом сыграла поддержка со стороны Андрея Иосифовича Блинова — талантливого ученого и замечательного человека. Тогда он был еще доцентом кафедры истории КГПИ, в последующем стал доктором исторических наук и профессором.

О том, насколько своевременной была постановка данного вопроса, говорит факт, что в том же году в ГДР увидели свет работы Элизабеты Шарлотты Вельскопф, в которых доказывалось, что общество Древнего Востока рабовладельческим не было, а в 1964 г. — второй раз в истории марксистской философской и исторической мысли — началась дискуссия

об «азиатском» способе производства, о ходе которой рассказано во включенной в эту книгу работе «Политарный ("азиатский") способ производства: Теория и история».

Но если критическая часть моей статьи 1957 г. была достаточно убедительной, то позитивного решения проблемы мне дать не удалось. Это во многом было обусловлено тем, что я принимал за истину безраздельно господствовавшее и в советской, и в западной исторической науке положение о существовании трех и только трех способов эксплуатации человека человеком: рабства, феодализма и капитализма¹. В результате я пришел к выводу, что общество Древнего Востока и вообще все ранние классовые общества имели своей основой социально-экономический строй, представлявший собой синтез незрелых рабовладельческих и незрелых феодальных отношений.

К тому времени, когда началась новая дискуссия об азиатском способе производства, я постепенно стал освобождаться от данной догмы. Мне стало ясным, что существует не три, а большее число форм эксплуатации человека человеком. Об этом я писал в целом ряде статей: «Проблема социально-экономического строя Древнего Востока» (Народы Азии и Африки. 1965. №4), «Об одной из ранних нерабовладельческих форм эксплуатации» (сб. «Разложение родового строя и формирование классового общества». М., 1968) и др. Но, преувеличив значение одного из довольно редких подтипов «азиатского» способа производства, я снова не смог постигнуть его суть.

Прозрение пришло в самом начале 70-х годов. Выявление природы «азиатского» способа производства дало ответ и на другой вопрос, который мучил меня с начала 60-х годов. Именно тогда мне стало ясным, что наша страна не является социалистическим обществом. В ней существует какой-то иной социально-экономический строй, основанный на какой-то совершенно непонятной форме эксплуатации человека человеком. Первоначально эти два сюжета: вопрос о социально-экономическом строе Древнего Востока и вопрос об общественном порядке, существовавшем в СССР, представляли передо мной как совершенно разные проблемы, не имевшие между собой ничего общего. И вдруг эти проблемы сомкнулись.

Раскрыв сущность «азиатского» способа производства в том его виде, в котором он существовал в предклассовых обществах и на Древнем Востоке, и, назвав его политарным, я понял, что наше советское общество является не чем иным, как новейшим вариантом политаризма. Общество Древнего Востока было древнеполитарным (палеополитарным), наше — новополитарным (неополитарным).

Сущность этого открытия я изложил в 1974 г. в довольно большой работе «Об одном из путей становления классового общества», предназначавшейся для сборника «Становление классов и государства», который готовился сектором истории первобытного общества Института этнографии АН СССР. К тому времени дискуссия об «азиатском» способе уже была насильственно прервана по указанию сверху. Статьи сторонников концепции «азиатского» способа производства было запрещено печатать. Поэтому Древний Восток в статье практически почти совсем не затрагивался. Вскользь упоминался лишь Древний Китай. Все основные выводы работы базировались на данных этнографии о тех предклассовых обществах, в которых шел процесс становления политарного способа производства, — формирующихся политарных (протополитарных) социоисторических организмах². И, разумеется, ни слова, ни полслова не было там сказано об общественном строе СССР.

Статья ни в малейшей степени не представляла собой преднамеренной попытки преподнести в замаскированном виде картину советского общества. Но параллели между тем, что было в исследованных этнологией протополитарных обществах, и тем, что наблюдалось в нашей стране, явно напрашивались. Причем это не требовало и не предполагало внесения в картину древнеполитарного общества каких-либо добавлений или же изъятия из нее тех или иных моментов. Наоборот, эти параллели вырисовывались тем более отчетливо, чем ближе к действительности была нарисованная картина протополитаризма.

Тем не менее и сектор истории первобытного общества, и Ученый совет Института этнографии утвердили сборник с моей статьей к печати. Но опубликована она не была. Заведующий отделом этнографии и археологии издательства «Наука» С. Н. Бобрик, человек крайне бдительный и осторожный, категорически заявил, что сборник не пойдет в печать до тех пор, пока эта статья не будет изъята и заменена другой. Мне срочно пришлось писать для сборника другую статью — «Первобытная коммуна и соседская крестьянская община». Только после этого сборник увидел свет. Это произошло в 1976 г. Что же касается крамольной статьи, то она осталась лежать в ящике письменного стола.

После нескольких неудачных попыток в результате усилий известного экономиста востоковеда Виктора Георгиевича Растянникова отвергнутая работа все же была в 1980 г. опубликована в сборнике Института востоковедения АН СССР «Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки». Правда, для этого работу пришлось значительно сократить, снабдить предисловием, имеющим

целью доказать уместность её помещения в данном сборнике, и дать ей довольно невразумительное камуфляжное название «Об одном из типов традиционных структур Африки и Азии: прагосударство и аграрные отношения». Но в результате бдительность институтского начальства была притуплена и статья прошла.

В процессе подготовки указанной работы мною был собран большой материал о протополитарных обществах, который лишь частично был использован в ней. Но и он был ужат до крайнего предела при подготовке окончательного, сокращенного варианта работы. А между тем этот материал очень важен для понимания процесса становления политарного способа производства и политарного общества. Поэтому в качестве продолжения и дополнения предшествующего очерка в сборник включена работа «Протополитарные и политарные общества: материалы к генезису политарного способа производства», в которой показано широкое распространение и многообразие форм и особенностей развития протополитарных обществ.

С началом перестройки запрет на печатание работ об «азиатском» способе производства был постепенно снят, и статья «Социально-экономической строй Древнего Востока: современное состояние проблемы» была опубликована в журнале «Народы Азии и Африки» (1988. № 2) без каких-либо проблем.

Совершенно иначе обстояло со статьей, посвященной становлению и природе политаризма в СССР, написанной в мае 1991 г. Где-то в июне этого года я предложил ее журналу «Социологические исследования». Работникам редакции она понравилась, и они заверили меня, что она будет обязательно опубликована в ближайшем номере. Но, к сожалению, этого обещания они выполнить не смогли. На заседании редколлегии журнала, где решался вопрос о статье, против ее публикации категорически выступил член-корреспондент АН СССР Михаил Николаевич Руткевич. Членам редколлегии, которые в большинстве своем были склонны поместить статью, он предъявил ультиматум: если будет принято решение о публикации статьи, он выходит из состава редколлегии. Где-то через год я показал статью члену редколлегии журнала «Свободная мысль» Валерию Геннадиевичу Бушуеву. Она показалась ему очень интересной, и он предложил мне отдать её для публикации в журнале. Но он не был хозяином. Редактор журнала Наиль Бариевич Биккенин заявил, что пока он занимает этот пост, статья в журнале ни в коем случае не появится.

Я уже потерял всякую надежду увидеть статью опубликованной. Но на помощь пришел этнолог, исследователь Севера и одновременно

блистательный писатель Юрий Борисович Симченко, который начал в то время издавать серию ротاپринтных сборников под названием «Российский этнограф». Он не только предложил напечатать эту статью, но и разрешил ее значительно расширить. В результате объем статьи увеличился более чем в три раза. Эта работа под названием «Россия: что с ней случилось в двадцатом веке» была опубликована в 1993 г. в вышедшем тиражом в 150 экземпляров 20-м выпуске «Российского этнографа», который никогда не поступал в открытую продажу. Поэтому он практически мало кому доступен.

Основные тексты всех четырех названных выше работ воспроизведены в книге практически в том виде, в котором были впервые опубликованы. Все изменения свелись к исправлению орфографических ошибок, уточнению пунктуации, мелким стилистическим правкам, унификации некоторых используемых терминов и аппарата сносок. Перемены в тексте, выходящие за эти пределы, специально оговорены в примечаниях к соответствующим статьям. Изменены названия двух работ: «Об одном из типов традиционных структур Африки и Азии: прагосударство и аграрные отношения» получила более соответствующее содержанию заглавие — «Становление и сущность политарного ("азиатского") способа», «Россия: что с ней случилось в двадцатом веке» тоже названа более точно — «Великая Октябрьская рабоче-крестьянская революция 1917 г. и возникновение неополитаризма в СССР».

Работа «Проблема исторического пути Руси-России (Размышления над трудом В. И. Сергеевича "Древности русского права")» представляет собой доработанный вариант вводной статьи к труду В. И. Сергеевича «Древности русского права» (Т. 1-3. М., 2007). Как известно, почти все дореволюционные историки, включая В. И. Сергеевича, категорически отвергали существование на Руси феодализма. Но одновременно никто из них не смог сказать ничего определенного о социально-экономическом типе этого общества. Как показано в данной работе, общество Древней Руси относилось к той же общественно-экономической параформации, что и все страны Центральной и Юго-Восточной Европы, — нобиломагнарной. Эта структура оказалась неспособной не только к прогрессивному развитию, но к и обеспечению самостоятельного государственного существования социоисторических организмов данного типа. Все нобиломагнарные страны рано или поздно оказались под чужеземным господством (Древняя Русь, Болгария, Молдова и Валахия, Сербия, Хорватия, Словакия, Чехия, Польша, Литва). Во второй половине XV в. - XVI в. в Северной Руси на смену нобиломагнарному пришла

державополитарная параформация и одновременно возник новый единый социоисторический организм — Россия.

В ней во второй половине XIX в. начала формироваться паракапиталистическая параформация (периферийный капитализм). В результате Великой Октябрьской рабоче-крестьянской революции 1917г. в России утвердилась неополитарная параформация, а после 1991 г. произошла реставрация паракапитализма.

В основу труда «Политарный ("азиатский") способ производства: Теория и история» положена вводная статья к книге Ф. Бернье «История последних политических потрясений в государстве Великого Могола». В нем подведены итоги всех моих исследований в данной области, что сделало неизбежным определенное повторение того, что было сказано в предшествующих работах. Но кроме ранее разработанных сюжетов в ней дано много совершенно нового, в частности раскрыты основные законы развития политарного общества, что позволило понять причины и механизмы политического и социально-экономического переворота, происшедшего в нашей стране в 90-е гг. XX в., и вскрыть сущность нашего современного общественного строя.

Очерк 1

К вопросу о первой форме классового общества (в порядке дискуссии)³

В предисловии к работе «К критике политической экономии» К. Маркс, заключая данное им предельно сжатое, четкое и ясное изложение сущности исторического материализма, писал: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения, это — последняя антагонистическая форма общественного процесса производства, антагонистическая не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Этой общественной формацией завершается поэтому предыстория человеческого общества»⁴.

Упоминание К. Марксом в числе общественно-экономических формаций азиатской формации не является случайным. Оно тесно связано с целым рядом его высказываний о «восточном обществе», о «древнеазиатских способах производства», об «эпохе азиатских и египетских царей», об особенностях общественного строя древневосточных, древнеазиатских стран⁵. Это не может не свидетельствовать о том, что К. Маркс в понятие «восточное общество», «азиатская формация» вкладывал какое-то определенное содержание. Какое же именно? Что имел в виду К. Маркс, когда говорил, об азиатском способе производства, что такое азиатская формация, предшествующая, по его мнению, античной (рабовладельческой) и феодальной общественно-экономическим формациям? Этот вопрос вызвал немало споров и дискуссий среди историков-марксистов.

Мы не имеем здесь возможности углубляться в детали споров, которые велись историками по вопросу об азиатской формации, да это и не является нашей задачей. Ограничимся только краткой характеристикой тех решений проблемы, которые предлагались в ходе дискуссий.

Не встретило поддержки утверждение некоторых историков, что под

азиатской формацией нужно понимать первобытное, доклассовое общество, ибо из самого контекста, в котором дано спорное положение, видно, что под азиатской формацией К. Маркс понимал первую форму существования классового общества. Кроме того, у К. Маркса имеются прямые указания на то, что под азиатской формацией он подразумевал степень исторического развития, которая имела место в странах Древнего Востока, где раньше всего возникли классы и государство.

Вследствие этого большинство историков рассматривало проблему азиатской формации как вопрос о социально-экономическом строе Древнего Востока. Но, соглашаясь с тем, что разгадку азиатской формации нужно искать в общественно-экономическом строе древневосточных государств, историки разошлись во взглядах на экономическую структуру классового общества Древнего Востока, на характер господствовавших в этом обществе производственных отношений.

Одни из них, подчеркивая своеобразие общественного строя древневосточных стран, его отличие, как от рабовладельческого строя древней Греции и Рима, так и от феодального строя средневековой Европы, утверждали, что на Древнем Востоке существовала особая классовая общественно-экономическая формация, характеризовавшаяся особыми, только ей присущими «азиатскими» производственными отношениями, качественно отличавшимися как от рабовладельческих, так и от феодальных (не говоря уже о капиталистических) производственных отношений.

Сторонникам этой точки зрения вполне справедливо замечали, что нам известны только три антагонистические формы соединения рабочей со средствами производства, лишь три формы эксплуатации — рабовладельческая, феодальная и капиталистическая, что никакой четвертой формы — азиатской или какой-либо другой — мы не знаем, что нигде в истории человечества мы не встречаем такой формы эксплуатации, которая не сводилась бы к одной из трех выше перечисленных.

Выявление несостоятельности утверждения о существовании каких-то особых — «азиатских» — производственных отношений сделало ясным, что в странах Древнего Востока иных производственных отношений, кроме рабовладельческих и феодальных не могло быть. После этого проблема общественно-экономического строя Древнего Востока свелась для историков к вопросу о том, был ли этот строй рабовладельческим или феодальным. Соответственно упростилась для них проблема азиатской формации. Те из них, которые считали древневосточное общество феодальным, утверждали, что К. Маркс под азиатской формацией понимал

восточную, азиатскую разновидность феодализма. Те же, которые объявляли строй древневосточных государств рабовладельческим, утверждали, что К. Маркс под азиатской формацией понимал примитивную форму рабовладельческого общества, специфичную для стран Древнего Востока.

До 1933-1934 гг. среди советских историков преобладал взгляд на социально-экономический строй Древнего Востока как на феодальный. С 1933-1934 гг. победил и прочно утвердился взгляд на древневосточное общество как на общество рабовладельческое. В подтверждение правильности последней точки зрения было приведено немало фактов. Но не они решили исход спора о характере социально-экономического строя Древнего Востока в пользу признания его рабовладельческим. Множество фактов, и притом не менее, а даже скорее более убедительных, приводилось и в пользу признания древневосточного общества феодальным. Основной и решающий довод, обеспечивший победу этому взгляду, состоял в том, что признание древневосточного общества феодальным находится в противоречии с общепринятым в нашей исторической науке представлением о последовательности смены ступеней исторического развития, согласно которому вслед за родовым обществом должна следовать рабовладельческая формация, и никакая иная, и только вслед за ней — феодальная.

Признание абсолютной правильности положения о закономерном характере смены родового общества рабовладельческим делало беспредметным дальнейшее обсуждение вопроса об азиатской формации, ибо с этой точки зрения она не могла быть чем-либо иным, кроме как формой рабовладельческого общества. Неудивительно, что после 1933-1934 гг. проблема азиатской формации, проблема первой формы существования классового общества стала рассматриваться как вопрос полностью и до конца решенный.

Но можно ли безоговорочно признать правильным положение о том, что древневосточное общество есть общество рабовладельческое, можно ли безоговорочно согласиться с тем, К. Маркс под азиатской формацией понимал формацию рабовладельческую? На наш взгляд, нет. Мы уже указывали выше, что против положения о существовании на Древнем Востоке рабовладельческой формации приводились многочисленные доводы, которые, во всяком случае, были не менее убедительными, чем доводы, приводимые в защиту этого положения. Кроме того, трудно согласиться с тем, что К. Маркс под азиатской формацией подразумевал формацию рабовладельческую. Даже при не очень внимательном чтении

работы К. Маркса бросается в глаза, что рабовладельческую формацию (под названием античной) он выделил особо и поставил вслед за азиатской.

Все эти соображения не позволяют признать правильным понимание азиатской формации как формации рабовладельческой, не позволяют согласиться с взглядом на социально-экономический строй Древнего Востока как на строй рабовладельческий. Проблема азиатской формации, проблема первой формы существования классового общества, на наш взгляд, не может считаться исчерпанной. Она ждет своего решения. Настоящая работа представляет собой попытку поставить эту проблему и предложить на обсуждение один из вариантов ее возможного решения. Автор не может не сознавать, что предлагаемое решение вопроса представляет собой гипотезу, и, само собой разумеется, не настаивает на том, что все выдвигаемые им положения являются правильными.

Единственный путь, ведущий к решению проблемы азиатской формации, — анализ социально-экономического строя Древнего Востока. Мы ни в малейшей степени не претендуем на сколько-нибудь подробный анализ общественно-экономического строя даже одного древневосточного государства. Наша задача гораздо скромнее. Она состоит в том, чтобы выяснить, получили ли развитие в обществе Древнего Востока какие-либо другие антагонистические производственные отношения, кроме рабовладельческих. Так как о развитии капиталистических отношений на Древнем Востоке не может быть и речи, то эта задача фактически сводится к выяснению, существовали ли и получили ли развитие в древневосточных странах отношения феодальные.

Напомним коротко основные отличия между рабовладельческими и феодальными производственными отношениями. Рабовладельческие отношения есть отношения между рабовладельцем, являющимся собственником всех средств производства, и рабом, непосредственным производителем, оторванным от средств производства и находящимся в полной собственности рабовладельца. Как собственник всех средств производства и самого производителя, рабовладелец имеет право на весь произведенный рабом продукт. Из этого продукта он уделяет рабу столько, сколько необходимо для поддержания его физического существования. При феодальных отношениях феодал заставляет производителя, наделенного средствами производства вообще и землей и частности, отдавать ему безвозмездно часть производимого продукта. Он имеет возможность высасывать неоплаченный прибавочный продукт из непосредственного производителя, во-первых, потому, что является верховным владельцем главного средства производства — земли, во-вторых, потому что

непосредственный производитель находится от него в личной зависимости.

Египет. Выполнение поставленной задачи начнем с анализа общественно-экономического строя классической страны Древнего Востока — Египта. В качестве основы для рассмотрения возьмем труд В. И. Авдиева «История Древнего Востока», в котором, заметим, категорически отрицается возможность существования феодальных отношений в древневосточном обществе.

Поставим вопрос, из кого состояла основная масса производителей материальных благ в древнем Египте. «Основной массой трудового населения Египта этого времени, — отвечает В. И. Авдиев, — были свободные земледельцы, входившие в состав древних сельских общин»⁶. Спросим далее, подвергались ли эти непосредственные производители эксплуатации со стороны господствующего класса. «Древнеегипетское общество этого времени, — дает ответ В. И. Авдиев, — как бы напоминает гигантскую человеческую пирамиду. Основанием этой пирамиды были угнетенные массы рабов и бедняков, подвергавшиеся жестокой эксплуатации. Средней частью пирамиды были *средние свободные слои населения: крестьяне, общинники и ремесленники, которые находились в экономической зависимости от рабовладельческой знати, были принижены непосильными налогами и почти полностью порабощены*» (подчеркнуто мною. — Ю. С.)⁷.

Как охарактеризовать форму эксплуатации «основной массы трудового населения Египта» — «бедноты» и «средних свободных слоев населения», в первую очередь крестьянства? Это, несомненно, не рабовладельческая форма, ибо сам В. И. Авдиев отказывается признать эту массу непосредственных производителей рабами, и, конечно, не капиталистическая. Остается один ответ: здесь налицо феодальная форма эксплуатации. Суть наблюдаемых производственных отношений состоит в том, что господствующий класс вынуждает производителей, наделенных средствами производства (можно спорить, имела ли средства производства беднота, но несомненно, что ими владели эксплуатируемые «средние слои») отдавать им часть производимого продукта. В древнем Египте, на наш взгляд, несомненно существование феодальных отношений. «Беднота» и «средние слои» являются основным эксплуатируемым классом. Неудивительно, что ожесточенная классовая борьба идет именно между этими массами и господствующим классом⁸.

Дополнить представление о производственных отношениях Египта помогает первый том «Всемирной истории». «О жизни трудового люда

Египта, — пишут авторы, — мы знаем по изображениям на гробницах вельмож, а эти изображения показывали тех рядовых египтян, которые работали на вельможу. На стенах гробниц Древнего царства изображены *бесчисленные* работающие на вельможу землепашцы и садоводы, пастухи и охотники, птицеловы и рыбаки... пекари и пивовары. По виду, одежде, а так же по их имени...— это египтяне» (подчеркнуто мною. — Ю. С.)⁹.

Были ли эти бесчисленные работающие в хозяйствах вельмож египтяне рабами? Утверждать это авторы тома, несмотря на тяготеющую над ними концепцию о рабовладельческом характере древнеегипетского общества, не решаются. Более того, они приводят данные, опровергающие подобное предположение. «Некоторые работники, трудившиеся в хозяйствах вельмож, по-видимому, владели каким-то имуществом и могли им распоряжаться, — пишут они.— В гробницах вельмож Древнего царства неоднократно встречаются изображения происходящего обмена между людьми — картины своеобразных рынков. Большинство людей на этих изображениях по виду ничем не отличаются от работников хозяйств вельмож. Некоторые из них названы "мастерами". Можно думать, что большинство продавцов и покупателей работало в хозяйстве вельможи. Обмениваются съестные припасы... и ремесленные изделия... Как показывают приписки к гробничным изображениям производственного содержания, жнец должен выполнять дневные уроки, скотовод и рыболов должны были сдавать часть своей продукции. Ремесленник или рыбак дополнительно могли работать на себя»¹⁰. Мы встречаем и более определенные указания на то, что египтяне, работавшие в хозяйствах вельмож, владели средствами производства¹¹.

Все это, на наш взгляд, не оставляет сомнения в том, что большинство египтян, работавших на вельмож, обладало имуществом, в том числе средствами производства, и ни в коем случае не могут быть названы рабами. Это — феодально-зависимые производители. Сами авторы тома противопоставляют подобного рода производителей рабам. «...Египетское общество времени Древнего царства состояло: из крупной рабовладельческой знати — вельмож, обладавших большими богатствами и эксплуатировавших большое количество людей: из средних слоев свободных...; *из людей, вовлеченных в хозяйство царей, храмов и вельмож, а также из рабов в собственном смысле слова*» (подчеркнуто мною. — Ю. С.)¹². Зависимые от знати египтяне составляли очень значительную часть населения страны¹³.

Феодальные отношения имели место не только в эпоху Древнего

царства. Имеются материалы, свидетельствующие об их существовании и в периоды Среднего¹⁴ и Нового царств¹⁵.

Ассирия. Существовали феодальные отношения и в Ассирии. «Массовое закабаление крестьянства,— пишет И. М. Дьяконов в работе "Развитие земельных отношений в Ассирии", характеризуя среднеассирийский период,— позволяет применять, наряду с трудом вполне оторванного от средств производства раба, также и труд закабаленного крестьянина, уже лишенного собственности на свои средства производства, но не полностью оторванного от них; он может работать на хозяина, оставаясь на том же, уже не принадлежащем ему, участке земли»¹⁶.

В новоассирийский период наряду со свободными крестьянами «в гораздо большем числе существуют земледельцы, считающиеся собственностью царя, храмов или частных лиц и могущие продаваться с землей... Они могут иметь собственность и могут быть наделены известными гражданскими правами, и также подлежат общественным повинностям, вместе с первой категорией, именуясь "людьми страны"»¹⁷. Этих земледельцев, составлявших основную массу населения Ассирии¹⁸, И. М. Дьяконов противопоставляет рабам в полном смысле слова¹⁹, отмечая, «что положение этой общественной категории резко отличается от положения классических рабов и рабов предыдущих эпох истории Ассирии»²⁰.

Земледельцы, прикрепленные к земле, находящиеся вместе с землей во владении царя, храмов и частных лиц²¹, имеющие семьи, продаваемые вместе с землей целыми семьями²², в то же время владеющие движимым и недвижимым имуществом²³, обладавшие определенными нравами, несущие государственные повинности, нам кажется, не могут быть охарактеризованы иначе, как феодально-зависимые, крепостные крестьяне

Индия. Сколько-нибудь подробно на общественно-экономическом строе древней Индии мы останавливаться не будем. Отметим только, что в книге «Краткий очерк истории Индии до X века» (М., 1948), которая является единственной крупной работой по истории древней Индии, принадлежащей перу советского историка, автор ее — А. М. Осипов прямо признает существование феодальных отношений в древнеиндийском обществе²⁴.

Китай. Основные вопросы истории древнего Китая являются предметом оживленных дискуссий в среде китайских историков. В качестве примера возьмем дискуссию, происходившую среди преподавателей

исторического факультета Шандуньского университета. Высказанные участниками дискуссии взгляды были отражены на страницах журнала «Вэны-шичжэ», где в частности был напечатан доклад Тун Шу-е «К вопросу о периодизации древнекитайской истории», послуживший основой для обмена мнениями²⁵.

Тун Шу-е считает, что с эпохи Ся (по древней традиции XXIII- XVIII вв. до н. э.) или, во всяком случае, с эпохи Инь (XVII-XI вв. до н. э.) и до конца периода Чуньцю (VIII—V вв. до н. э.) в Китае было раннерабовладельческое общество. Эпоха развитого рабовладения началась с V в. до н. э. и продолжалась до III в. н. э. С III в. н. э. в Китае начинает господствовать феодализм. Тун Шу-е является сторонником существования рабовладельческой формации в древнем Китае²⁶.

Указывая, что система распределения владений, возникшая в эпоху Инь, внешне действительно напоминает систему феодальной иерархии средневековой Европы, Тун Шу-е подчеркивает, что она имела совершенно иной социальный характер. В период своего расцвета (Западное Чжоу, XI-VIII вв. до н. э.) система распределения владений была системой племенной колонизации. «Чжоусцы, — пишет Тун Шу-е, — захватив царство Инь и обширную территорию на востоке, для удобства управления стали раздавать завоеванные земли вместе с живущим на них населением родственникам вана и его заслуженным приближенным. Знать, наделенная такими владениями, безусловно, была родовой знатью. Патриархальные семьи этой знати переселялись в отведенные им районы вместе со своими рабами. Здесь они осуществляли племенное военное господство»²⁷.

Но как бы ни подчеркивал Тун Шу-е, что здесь речь идет о племенной военной колонизации, что знать, эксплуатировавшая сидевших на земле, наделенных средствами производства земледельцев, была родовой знатью, все это ни в малейшей степени не меняет того несомненного факта, что наблюдаемую нами форму эксплуатации иначе, чем феодальной назвать нельзя. Не спасает положения и другой приводимый Тун Шу-е аргумент. Систему распределения владений, утверждает он, нужно считать не феодальной, а раннерабовладельческой потому, что знать, управлявшая владениями, владела большим количеством рабов. Само собой разумеется, что наличие рабов не может изменить феодального характера отношений между знатью, владевшей рабами, и массой крестьян, населявшей владения знати и вынужденной отдавать ей часть производимого продукта.

Далее Тун Шу-е кратко характеризует систему «цзинтянь». Под этим названием обычно понимается описанная в сочинении философа Мэн- Цзы

система землеустройства, при которой земля делилась на квадратные поля. Девять таких полей составляли большой квадрат. В этом квадрате восемь полей, расположенных по краям, обрабатывались крестьянами для себя; урожай с поля, расположенного в центре и совместно обрабатывавшегося крестьянами, шел властителю. Мэн-Цзы говорит, что так распределялась земля в эпохи Инь и Чжоу.

«Тун Шу-е считает, — указывается в кратком изложении его доклада, — что "цзинтянь" — система земледелия сельской общины. Мэн-Цзы дает крайне идеализированное изображение этой общины. В действительности, так же как и в других древневосточных странах, обрабатывавшие землю общинники здесь подвергались необычайно жестокой эксплуатации. Тун Шу-е считает, что известное положение Маркса на распространенное в странах Востока "поголовное рабство" следует понимать так, что в древневосточных обществах труд свободных людей был близок к рабскому труду. Поэтому только условно можно называть древневосточных общинников свободными»²⁸. Система «цзинтянь» носит ярко выраженный феодальный характер и не может быть названа рабовладельческой. Каких-либо доводов против феодального характера этой системы Тун Шу-е не приводит.

Большой интерес представляют взгляды Тун Шу-е на общие закономерности развития обществ Древнего Востока. По его мнению, историю некоторых древневосточных государств можно разделить на два этапа: этап примитивного рабовладения и этап развитого рабовладения. «Докладчик, — указывается в сообщении,— намечает следующие признаки примитивного рабовладения на Востоке: 1) основные орудия труда медные, и некоторые страны даже не вступили в этап бронзового века; 2) в производстве главную роль играет сельское хозяйство, ремесло подчинено сельскому хозяйству; 3) торговля и обмен не развиты, города еще не достигли расцвета; 4) количество рабов незначительно, большинство их принадлежит властителю или знати; 5) рабы почти не эксплуатируются в качестве основных производителей материальных благ, их большей частью используют для выполнения различных обязанностей в домашнем хозяйстве или на подсобных работах; 6) основные производители — члены семейной или сельской общины, они подвергаются крайне жестокой эксплуатации; 7) земля либо принадлежит государству, либо право владения ее принадлежит знати» (подчеркнуто мною. — Ю. С.)²⁹.

Тун Шу-с верно подметил многие характерные черты обществ

Древнего Востока. Многие его положения нельзя не признать правильными. Нельзя согласиться, пожалуй, только с одним — с характеристикой общества, в котором количество рабов незначительно, в котором основную массу производителей составляют не рабы, а крестьяне, наделенные средствами производства, жестоко эксплуатируемые знатью, владеющей землей, как общества рабовладельческого. Отношения между основной массой производителей материальных благ и знатью, на наш взгляд, не могут быть иначе охарактеризованы как феодальные.

Для полноты характеристики древневосточного общества отметим единодушно признаваемый всеми историками факт, что рабских восстаний на Древнем Востоке было очень мало и в них участвовало мало рабов, что главную боевую армию во всех социальных движениях, направленных против существующего строя, составляли крестьяне.

На этом наш краткий экскурс в социально-экономическую историю стран Древнего Востока можно закончить. Приведенные данные свидетельствуют, что в этих странах имели место феодальные отношения, что, следовательно, на Древнем Востоке не было рабовладельческой общественно-экономической формации,

Но можно ли охарактеризовать социально-экономический строй Древнего Востока, как строй феодальный? Нет. Несомненно, на наш взгляд, наличие в странах Древнего Востока феодальных отношений, но несомненно существование в этих странах и рабовладельческой формы эксплуатации. Советские историки, выдвинув положение о существовании на древнем Востоке рабовладельческой формации, фактически не смогли опровергнуть факта наличия феодальных отношений в древневосточном обществе и, следовательно, не смогли доказать правильность выдвинутого ими тезиса. Но зато, и в этом их большая заслуга, они сумели на основе огромного фактического материала доказать существование рабства на Древнем Востоке и раскрыть его значительную роль в истории древневосточного общества. Их доводы в пользу существования рабовладельческой формы эксплуатации в странах Древнего Востока остаются неопровержимыми.

Таким образом, в странах Древнего Востока существовали одновременно феодальные и рабовладельческие отношения³⁰. Причем важно отметить, что сосуществование этих отношений имело место уже в самый начальный момент истории классового общества на Древнем Востоке.

Сосуществование феодальных и рабовладельческих отношений при переходе от родового общества к обществу классовому не является

специфической особенностью стран Древнего Востока. Существование феодальных и рабовладельческих отношений в период, непосредственно предшествующий оформлению классового общества, в период оформления классового общества и на ранних ступенях его развития отмечается советскими историками и этнографами у всех восточных³¹, западных³² и южных³³ славян, у всех германских народов³⁴, венгров³⁵, народов Прибалтики (литовцев, латышей, эстонцев)³⁶, карел³⁷, волжских болгар³⁸, башкир³⁹, всех народов Северного Кавказа (адыгейцев, кабардинцев, осетин, лезгин, аварцев, лаков, кумыков и др.)⁴⁰, грузин⁴¹, армян⁴², азербайджанцев⁴³, монголов⁴⁴, казанских, крымских, сибирских, ногайских татар⁴⁵, алтайских тюрков⁴⁶, енисейских киргизов⁴⁷, туркмен⁴⁸, узбеков⁴⁹, каракалпаков⁵⁰, киргизов⁵¹, казахов⁵², якутов⁵³, бурят⁵⁴, дауров⁵⁵, хантов и манси⁵⁶, тувинцев⁵⁷, афганцев⁵⁸, арабов⁵⁹, корейцев⁶⁰, японцев⁶¹, у народов Индонезии⁶², Полинезии⁶³, Меланезии⁶⁴, в раннеклассовых государствах Африки (Дарфур, Сеннар, Махдистское государство, Гана, Мали, Сонгаи, Кенем, Борну, государства моси, фульбе, Ахмаду, Сокото, Ганду, государства йоруба, Дагомея, Ашанти, Буганда, Уньоро, Руанда, Урунди, Уха, Карагве, Анколе, Иханги, Кизиба, Конго, Лунда, Косонго, Балуба, Бутонго, Имерина)⁶⁵, а также в Эфиопии⁶⁶.

Мы выше перечислили только те народы, у которых одновременное существование феодальных и рабовладельческих отношений так или иначе признается советскими историками и этнографами. Но этим список далеко не исчерпывается. Феодальные отношения существовали наряду с рабовладельческими и у тех народов, раннеклассовый строй которых рассматривается советскими историками только как рабовладельческий.

Мы уже отметили выше существование наряду с рабовладельческими отношениями феодальных у народов Древнего Востока. К ним в первую очередь необходимо добавить древние народы Эгейского бассейна. Все советские историки указывают на сходство общества крито-микенского периода с древневосточным обществом⁶⁷. Уже это позволяет сделать заключение о существовании феодальных отношений в обществах древнейшего Эгейского мира. Имеющиеся данные о социально-экономическом строе древнейшего Крита и Микенской Греции подтверждают это предположение⁶⁸.

Нам кажется, что вряд ли можно сомневаться в наличии феодальных отношений в древней Греции гомеровского периода. «Экономическое превосходство родовой аристократии, — пишет академик А. И. Тюменев, характеризуя Гомеровскую Грецию, — давало ей, в свою очередь,

возможность распространить и упрочить свою власть над остальным до того свободным населением. Зависимое земледельческое население обязано чествовать царей и других "владык" дарами и другими приношениям, выполнять в их пользу различные повинности... Крупным землевладельцам- рабовладельцам противостояли, с одной стороны, рабы, с другой — частью свободный, но частью уже попавший в зависимость класс мелких производителей-земледельцев»⁶⁹.

Существовали феодальные отношения и в последующие эпохи греческой истории. В некоторых древнегреческих государствах феодальная форма эксплуатации была преобладающей. Из таких государств следует в первую очередь назвать Спарту. Основную массу производителей в Спарте составляли *илоты (гелоты)*, которые были, как свидетельствуют данные, приводимые всеми историками, не рабами, а крепостными крестьянами⁷⁰. Как крепостных рассматривал илотов Ф. Энгельс⁷¹. В аналогичном положении находились *клароты (войкеи)* на Крите⁷², *пенесты* в Фессалии⁷³, *коринефоры* в Сикионе⁷⁴, *гимнесии (гимнеты)* в Аргосе⁷⁵. В образовании илотии, пенестии и других подобных форм феодально-крепостнической зависимости, наблюдаемых в древней Греции, большую роль сыграло завоевание⁷⁶.

В других областях Греции мы наблюдаем возникновение и развитие феодальных отношений безо всякого завоевания. Уже в гомеровский период, как указывалось выше, крестьяне попадали в зависимость от крупных землевладельцев. В послегомеровскую эпоху процесс закабаления крестьянства принял еще более крупные масштабы⁷⁷. Ипотека и долговая кабала вели к тому, что земля, обрабатываемая крестьянином, переходила в собственность к крупному землевладельцу, а сам производитель становился к этому землевладельцу в отношения личной зависимости. Крестьянин, как правило, продолжал обрабатывать ранее принадлежавший ему клочок земли, но теперь он был вынужден отдавать богатому землевладельцу, которому принадлежала теперь земля и от которого он лично зависел, большую часть урожая. Подобную форму эксплуатации вряд можно охарактеризовать иначе, как феодальную.

Существование феодальных отношений мы наблюдаем и в древней Италии: в Этрурии⁷⁸ и Риме царского периода⁷⁹. Следует отметить, что академик В. В. Струве в одной из своих последних работ считает вероятным отнесение римского общества VI-V вв. до н. э. и городов Этрурии к числу обществ, «где сложилось т. н. крепостничество завоевательного типа»⁸⁰.

Имеются материалы, свидетельствующие о сосуществовании феодальных и рабовладельческих отношений во всех классовых обществах древней Америки: в обществе древних майя⁸¹, в обществе ацтеков⁸², древнем Перу⁸³.

Подводя итоги всему изложенному выше, можно сказать, что сосуществование феодальных и рабовладельческих отношений при переходе от родового общества к классовому имело место у народов Азии, Европы, Африки, Америки, Океании, т. е. везде, где только возникало классовое общество. В раннем классовом обществе всех народов мира наряду с рабовладельческой формой эксплуатации имела место феодальная форма, независимо от того, когда они достигли ступени классового общества.

Таким образом, для первой формы классового общества характерным является сосуществование двух антагонистических способов соединения рабочей силы со средствами производства, двух антагонистических способов производства — рабовладельческого и феодального. Важно подчеркнуть, что феодальный и рабовладельческий способы производства здесь не просто существуют рядом, они теснейшим образом связаны между собой, образуя по сути дела один двуединый феодально-рабовладельческий. Взаимосвязь, взаимопроникновение феодального и рабовладельческого способов производства выражается, в первую очередь, в том, что в раннеклассовом обществе нет двух эксплуататорских классов — феодалов и рабовладельцев, а существует один единый класс эксплуататоров — класс феодало-рабовладельцев, который высасывает прибавочный продукт из феодально-зависимых крестьян и рабов. В значительной степени условной является в этом обществе грань между рабами и феодально-зависимыми производителями, имеет место взаимопревращение этих двух категорий эксплуатируемого населения.

Базис раннеклассового общества представляет неразрывное единство рабовладельческих и феодальных отношений, оплетенных пережитками родовых связей. Первой исторической формой существования классового общества является, таким образом, общественно-экономическая формация, имеющая своей основой нерасчлененное единство феодального и рабовладельческого способов производства — феодально-рабовладельческая формация. Если сосуществование феодальных и рабовладельческих отношений имело место при переходе к классовому обществу у всех народов мира, независимо от времени осуществления этого перехода, то дальнейшая судьба феодально-рабовладельческой

формации была не одинаковой, и различие в дальнейшем развитии классового общества зависело от того, в какую эпоху истории человечества, характеризующуюся определенным уровнем производительных сил, эти народы достигли ступени классового общества.

В истории человечества от возникновения первых классовых обществ до появления капитализма, т. е. с IV тысячелетия до н. э. до середины II тысячелетия н. э., можно выделить три основные эпохи, отличающиеся друг от друга уровнем развития производительных сил. Первая эпоха — IV-II тысячелетия до н. э. Это эпоха энеолита и бронзового века. Вторая эпоха охватывает I тысячелетие до н. э. и, возможно, начало I тысячелетия н. э. Это эпоха раннего железного века. И, наконец, третья эпоха — среднего железного века, охватывающая I тысячелетие н. э. и первую половину II тысячелетия⁸⁴.

Для народов, у которых классовое общество возникло и оформилось в эпоху энеолита и бронзового века, характерно длительное, веками продолжающееся существование феодально-рабовладельческого способа производства. У этих народов феодально-рабовладельческая формация получает свое полное оформление, и ее специфические особенности проявляются очень ярко. Классический пример феодально-рабовладельческой формации дает нам общество Древнего Востока.

Отличие общественно-экономической формации, существовавшей в странах Древнего Востока, как от рабовладельческой, так и от феодальной, не ускользнуло от взора К. Маркса. Так как эти страны в большинстве своем являются странами азиатскими, то К. Маркс назвал данную форму существования общества «азиатской» формацией, а способ производства, лежащий в основе этой формации, «азиатским» способом производства. Азиатская формация есть, таким образом, не что иное, как феодально-рабовладельческая формация. Азиатский способ производства есть нерасчлененное единство феодального и рабовладельческого способов производства, феодально-рабовладельческий способ производства.

Длительное сосуществование феодальной и рабовладельческой форм эксплуатации в странах Древнего Востока находит свое объяснение в том, что в эпоху энеолита и бронзового века ни одна из этих форм эксплуатации не могла взять верх над другой, не могла вытеснить другую. В эпоху энеолита подавляющее преобладание в индустрии принадлежит еще камню. Успешно соперничает камень с металлом и в течение всего бронзового века. Феодально-зависимые мелкие производители применяли самые совершенные каменные орудия, а также более или менее совершенные орудия из металла. Рабам таких орудий доверять было

нельзя, ибо они их неизбежно бы испортили. Как известно, совершенные, тщательно отделанные орудия из камня требуют бережливого обращения, то же относится и к медным и бронзовым орудиям, ибо медь мягка, а бронза хрупка. Рабам можно было давать только грубые, неуклюжие каменные и металлические орудия⁸⁵.

Использование совершенных орудий делало труд феодально-зависимых крестьян более производительным, чем труд рабов. Но это преимущество труда феодально-зависимых крестьян на данном уровне развития производительных сил нейтрализовалось целым рядом преимуществ рабского труда. Менее производительный рабский труд мог доставлять почти столько же продуктов, сколько труд феодально-зависимых производителей, в силу того, что степень эксплуатации раба могла превышать и превышала степень эксплуатации феодально-зависимого работника. При одинаковом количестве произведенного продукта труд раба приносил больше выгоды, ибо часть продукта рабского труда, присваиваемая эксплуататором, превышала его долю в продукте труда феодально-зависимого производителя. Если рабу можно было уделять только такую часть произведенного продукта, которая была абсолютно необходимой для поддержания его физического существования, то феодально-зависимый производитель должен был оставлять себе столько, сколько было необходимо для поддержания существования не только его самого, но и семьи.

В классовом обществе эпохи энеолита и бронзового века преимущества феодальной и рабовладельческой форм эксплуатации взаимно уравновешивались. Феодальный и рабовладельческий способы производства в эту эпоху не могли существовать друг без друга. Поэтому формой существования классового общества эпохи энеолита и бронзового века является общественно-экономическая формация, основу которой составляет нерасчлененное единство феодального и рабовладельческого способов производства. Феодально-рабовладельческая формация есть первая форма существования классового общества.

Положение изменяется со сменой бронзового века железным, происшедшей, примерно, на рубеже II и I тысячелетий до н. э. Появление и распространение первых, еще крайне несовершенных железных орудий означало огромный скачок в развитии производительных сил человеческого общества. Орудия раннего железного века были несовершенными, грубыми и прочными. Они с трудом подвергались порче. Смена бронзового века железным сделала возможным использование в производстве, основанном на рабском труде, тех же орудий, что применялись свободными и

феодално-зависимыми производителями. Это давало возможность рабовладельческой форме эксплуатации проявить все свои преимущества перед феодальной.

С появлением железных орудий рабовладельческая форма эксплуатации стала более выгодной, чем феодальная. Возникла возможность победы рабовладельческого способа производства, возможность возникновения рабовладельческой общественно-экономической формации. И эта возможность превратилась в действительность у ряда народов, достигших ступени классового общества в раннем железном веке. У этих народов сосуществование феодальных и рабовладельческих отношений продолжалось сравнительно недолго. Рабовладельческий способ производства сравнительно быстро взял верх и стал полностью господствующим. Феодально-рабовладельческая формация сравнительно быстро сменилась рабовладельческой. Вполне понятно, что в таком случае феодально-рабовладельческая формация не получила сколько-нибудь выраженного оформления и ее специфические черты почти не проявились.

К числу стран, где победила рабовладельческая общественно-экономическая формация, в первую очередь относится античная Греция. Она в эту эпоху распадалась на множество полисов — городов-государств «...Для античности исходным пунктом служил *город* и его небольшая округа...»⁸⁶.

В VIII-VII вв. до н. э. власть в большинстве полисов находилась в руках феодально-рабовладельческого класса. Одним из основных противоречий этой эпохи было противоречие между феодально-рабовладельческой аристократией, с одной стороны, и закабаляемым и частично закабаленным крестьянством, с другой. Особую остроту это противоречие приобрело к концу VII - началу VI вв. до н. э. В Аттике, например, могущественная феодально-рабовладельческая знать сосредоточила в своих руках все лучшие земли. Значительная часть остального населения оказалась от них в зависимости. Аристотель и Плутарх сообщают, что в Аттике к началу VI в. до н. э. масса мелких земледельцев находилась и долгу у эвпатридов. Должники обрабатывали земли богатых. Крестьяне вели упорную борьбу против феодально-рабовладельческой знати, стремясь отстоять свободу и землю. Но это была не единственная сила, выступавшая против класса феодало-рабовладельцев.

VIII-VI вв. до н. э. явились в истории Греции периодом быстрого экономического подъема. Происходят крупные сдвиги во всех основных

отраслях производства. Прогрессирует общественное разделение труда. Труд городских ремесленников все более отделяется от сельского труда. В ремесленных мастерских начинает все в больших масштабах использоваться труд рабов. Необычайно развивается и приобретает все большее значение торговля. Часть полисов вступает на путь быстрого развития товарного производства.

Быстрый рост товарного производства имел своим следствием появление нового экономически могущественного класса — класса богатых промышленников и купцов⁸⁷. Богатство этого класса не основывалось на земледелии, которое являлось фундаментом экономической мощи феодало-рабовладельцев, оно выросло из торговли и ремесла. Возникший торгово-промышленный класс не был связан с феодальной формой эксплуатации, он был классом чисто рабовладельческим. Феодальные отношения мешали развитию товарного производства, поэтому рабовладельческий торгово-промышленный класс был кровно заинтересован в ликвидации экономического преобладания и ниспровержении политического господства феодально-рабовладельческой аристократии.

В этом отношении его интересы совпадали со стремлениями широких народных масс, в первую очередь со стремлениями жестоко угнетаемого крестьянства. Класс рабовладельцев — богатых промышленников и торговцев — сумел сплотить эти широкие массы трудящихся и поднять их на революцию против существующего строя⁸⁸. В результате ее власть была вырвана из рук феодально-рабовладельческой знати и перешла к классу рабовладельцев, были уничтожены феодальные отношения, феодально-рабовладельческая формация сменилась формацией рабовладельческой.

Классическим примером такого пути развития может послужить история Афин. В Афинах в результате реформ Солона и Клисфена были отменены тяготевшие над земледельцами поземельные долги, навсегда уничтожена долговая кабала, ликвидированы феодальные отношения.

Рабовладельческая революция имела место не во всех полисах Греции. В аграрных, земледельческих областях, в которых товарное и производство не было развито и хозяйство носило чисто натуральный характер, феодальные формы эксплуатации уничтожены не были. К числу греческих государств, в которых сохранились феодальные отношения, относится в первую очередь Спарта⁸⁹.

Железные орудия пришли на смену бронзовым и в тех странах, где классовое общество возникло еще в предшествовавшую эпоху — эпоху

энеолита и бронзового века. Как следствие, в целом ряде этих стран мы наблюдаем изменения в экономике, в значительной степени аналогичные тем, которые имели место в древней Греции VII-VI вв. до н. э. В качестве примера можно взять страны Западной Азии и Китай.

Древний Восток энеолита и бронзового века не знал городов в подлинном смысле слова, т. е. торгово-ремесленных центров⁹⁰. В начале 1 тысячелетия до н. э. с переходом к железному веку в странах Передней Азии начинают быстро развиваться торговля и ремесло. Развитие товарного хозяйства и денежных отношений прежде всего выражается в росте городов как центров торговли и ремесла. В городах постепенно побеждает и становится господствующим рабовладельческий способ производства. Возникает торгово-ростовщический рабовладельческий класс.

Но города с развитыми торговлей и ремеслом, с развитым товарным производством, с господством рабовладельческого способа производства, оказались небольшими островками в море натурального земледельческого хозяйства, в котором по-прежнему господствовал феодально-рабовладельческий способ производства. Между феодально-рабовладельческой земледельческой аристократией и торгово-ростовщической рабовладельческой городской верхушкой начинается борьба. В результате этой борьбы торгово-ремесленные рабовладельческие города добиваются автономии. В Ассирии и Вавилонии уже в VIII-VI вв. до н. э. получает достаточно четкие формы система, при которой деспотическая царская власть сочетается с сетью таких организаций класса рабовладельцев, как автономные города⁹¹. Все эти явления получили свое полное развитие в странах Восточного Средиземноморья в эпоху эллинизма, для которой характерно сочетание военной монархии с системой самоуправляющихся городов-государств. Экономическим базисом этой политической организации являлось сосуществование феодально-рабовладельческой земледельческой хоры и торгово-ремесленных рабовладельческих полисов.

В древнем Китае применение железных орудий начало широко распространяться, начиная с VI-V вв. до н. э. В связи с этим в экономической жизни страны происходят крупные изменения: прогрессирует общественное разделение труда, интенсивно развиваются торговля и ремесло, происходит быстрый рост товарно-денежных отношений, начинается процветание городов как торгово-промышленных центров. В ремесле, в горном деле, на промыслах начинает в широком масштабе использоваться труд рабов. Как отмечает китайский историк Тун

Шу-е: «Особенно большое значение для хозяйственного развития этой эпохи имела эксплуатация рабов, принадлежащих владельцам ремесленных мастерских и купцам»⁹². Во времена империй Цинь и Хань труд рабов являлся основой ремесленного производства. Что же касается сельского хозяйства, то в нем по-прежнему господствовал феодально-рабовладельческий способ производства. Следствием развития рабовладельческих отношений в городах явилось появление торгово-ростовщического рабовладельческого класса, который, возникнув, вступает в борьбу с феодально-рабовладельческой знатью.

Но эта борьба, как и в странах Западной Азии, не привела к победе рабовладельческого способа производства во всей стране, к уничтожению феодально-рабовладельческого способа производства. Рабовладельческий способ производства мог полностью победить в торгово-ремесленном городе, представляющем вместе с небольшой прилегающей к нему земледельческой округой самостоятельное государство, но не в обширных земледельческих странах, в которых еще до смены бронзового века железным победил и прочно утвердился феодально-рабовладельческий способ производства.

В Китае, странах Передней Азии, и, вероятно, в других государствах Древнего Востока, переход к железному веку имел своим следствием победу рабовладельческого способа производства в целом ряде отраслей хозяйства, победу рабовладельческих отношений в торгово-ремесленных центрах, появление наряду с феодально-рабовладельческой аристократией класса рабовладельцев, но не привел к возникновению подлинной рабовладельческой формации. Города, в которых господствующим стал рабовладельческий способ производства, существовали в окружении обширной феодально-рабовладельческой периферии. Вполне понятно, что сколько-нибудь резкой грани между феодально-рабовладельческим и рабовладельческими способами производства не могло быть. Соответственно этому и грань между феодально-рабовладельческим и рабовладельческими классами в значительной степени носила условный характер.

Выше мы излагали взгляды китайского историка Тун Шу-е на общие закономерности развития древневосточного общества. Тун Шу-е считает, что историю некоторых древневосточных государств можно разделить на два этапа: этап примитивного рабовладения и этап развитого рабовладения. Первый этап Тун Шу-е связывает с медным и бронзовыми веками, второй — с ранним железным веком. На втором этапе «восточное рабовладение, — пишет Тун Шу-е, — настолько напоминает древнегреческое и римское

рабовладение, что его можно отнести к типу классической экономики. Так называемая "классическая экономика" характеризуется развитым рабовладением и процветанием торговли и городов. Восточная классическая экономика отличается от греческой и римской тем, что при всем развитии рабовладения число рабов едва ли превышало число свободных. Несмотря на то, что рабы участвовали в производстве, их труд не мог целиком вытеснить свободный труд. Кроме того, долговое рабство не было отменено, и основным источником рабства было порабощение соплеменников. При всем развитии рабовладения так до конца и не удалось порвать с патриархальным рабством (а тем самым и с типом раннего рабовладения). При всем развитии ремесла, торговли и городов так до конца и не удалось порвать с примитивным натуральным хозяйством... Древневосточное развитое рабовладение не является чистой и зрелой формой классической экономики»⁹³. В делении., предлагаемом Тун Шу-е, имеется огромный рациональный смысл. То, что он характеризует как этап примитивного рабовладения, есть на самом деле период существования «чистой» феодально-рабовладельческой формации. То, что Тун Шу-е называет этапом развитого рабовладения, есть такая эпоха в истории феодально-рабовладельческой формации, когда в ее недрах появляется и получает развитие рабовладельческий уклад хозяйства.

Древний Восток, таким образом, не знал подлинной рабовладельческой формации. Рабовладельческая революция произошла только в античном мире. Лишь там мы наблюдаем смену феодально-рабовладельческой формации рабовладельческой. Так как подлинная рабовладельческая формация имела место лишь в античном мире, К. Маркс называет ее «античной» формацией.

Смена раннего железного века средним, имевшая место в первых веках н. э., означала дальнейший огромный успех в развитии производительных сил человечества. С появлением более совершенных железных орудий, которые во избежание порчи не могли быть доверены рабам, труд феодально-зависимого работника становится значительно более производительным, начинает приносить больше прибавочного продукта. Это создает возможность победы феодальной формы эксплуатации, возможность возникновения феодальной общественно-экономической формации.

В странах, где в течение раннего железного века продолжал существовать феодально-рабовладельческий способ производства, с переходом к среднему железному веку феодало-рабовладельцы начинают постепенно отказываться от использования рабского труда и всецело

переходить к феодальным методам эксплуатации, превращаясь в феодалов. Одновременно хиреют отрасли производства, основанные на труде рабов, замирает торговля, наступает упадок товарно-денежных отношений, происходит натурализация хозяйства. На смену феодально-рабовладельческой формации с существующим в ее недрах рабовладельческим укладом приходит формация феодальная. Это совершается без политической революции. Изменение классового характера государственной власти происходит вместе с изменением природы господствующего класса.

Процесс становления феодальной формации имел место и в тех странах, где господствовала рабовладельческая формация. Растущая невыгодность рабского труда и непрерывно обостряющаяся классовая борьба заставляла рабовладельцев переходить к более мягким и более выгодным феодальным формам эксплуатации. В поздней Римской империи наряду с рабовладельческими отношениями возникли и начали довольно быстро развиваться отношения феодальные, которые, в конце концов, вытеснили рабовладельческие.

Появившаяся с переходом к среднему железному веку возможность возникновения феодальной формации превращается в действительность и у народов, только в эту эпоху перешагнувших порог, отделяющий родовое общество от классового. У них, как правило, сосуществование рабовладельческой и феодальной форм эксплуатации продолжается сравнительно короткий период времени. Феодальный способ производства быстро проявляет свои преимущества и становится господствующим. С превращением феодально-рабовладельческого способа производства в феодальный способ феодально-рабовладельческая формация сменяется феодальной. Вполне понятно, что в таком случае феодально-рабовладельческая формация почти не получает своего оформления и ее специфические черты проявляются слабо. Так происходит развитие классового общества у славян⁹⁴, германцев и многих других народов, поднявшихся до стадии классового общества в I тысячелетии н. э. и первой половине II тысячелетия.

Таким образом, в развитии классового общества до капитализма можно выделить три основные эпохи, отличающиеся уровнем развития производительных сил. Для каждой из этих эпох характерным является существование определенной общественно-экономической формации. Для первой эпохи — эпохи энеолита и бронзового века, охватывающей IV-II тысячелетия до н. э., характерна феодально-рабовладельческая — азиатская, как называл ее К. Маркс, формация. Для второй — эпохи

раннего железного века, охватывающей в основном I тысячелетие до н. э., характерна рабовладельческая (античная) формация. Для третьей эпохи — эпохи среднего железного века, охватывающей I тысячелетие н. э. и первую половину II тысячелетия, характерной является феодальная формация. Смена среднего железного века поздним открыла четвертую и последнюю эпоху развития классового общества — эпоху капитализма, охватывающую значительную часть второй половины II тысячелетия.

Феодально-рабовладельческая (азиатская), рабовладельческая (античная), феодальная и капиталистическая общественно-экономические формации представляют собой четыре последовательно сменяющиеся ступени развития классового общества. Так, по нашему мнению, расшифровывается положение К. Маркса об азиатской, античной, феодальной и буржуазной формациях как этапах развития классового общества.

Если мы теперь попытаемся бросить общий взгляд на историю человечества, то она представится нам в следующем виде. Вся история человечества делится прежде всего на два крупных периода: историю человеческого стада (период формирования, складывания человеческого общества) и историю человеческого общества (период развития готового, сложившегося человеческого общества)⁹⁵. Последовательными этапами развития человеческого общества являются родовая⁹⁶, феодально-рабовладельческая (азиатская), рабовладельческая (античная), феодальная, капиталистическая и коммунистическая общественно-экономические формации.

Важно подчеркнуть, что периодизацию истории человеческого общества, периодизацию мировой истории, нельзя смешивать с периодизацией истории отдельных народов. История человеческого общества и история отдельных народов не одно и то же, хотя мировая история, несомненно, складывается из истории отдельных народов. Общественно-экономические формации являются ступенями развития человеческого общества, эпохами мировой истории. Было бы совершенно неправильным полагать, что каждый отдельный народ должен обязательно пройти все эти ступени. Все этапы исторического развития может пройти только человечество в целом.

Очерк 2

Становление и сущность политарного («азиатского») способа производства (Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии: прагосударство и аграрные отношения)

[97](#)

2.1. Вводные замечания ⁹⁸

Общеизвестна огромная роль, которую играет государство во всех сферах жизни развивающихся стран Африки и Азии. Велико, в частности, воздействие государства на развитие аграрных отношений. Вполне понятно, что решение проблемы взаимосвязи государства и аграрных отношений в развивающихся странах может быть достигнуто лишь на основе глубокого анализа реального положения вещей, сложившегося к настоящему времени. Но современное состояние любого социоисторического организма всегда является продуктом исторического развития. Без учета прошлого нельзя понять настоящее.

Как известно, большинство развивающихся стран Азии и Африки в прошлом были колониями. И годы колониального господства должны быть приняты во внимание при всяком сколько-нибудь глубоком анализе. Сложившиеся в этих странах социально-экономические и политические структуры не были результатом естественного развития их доколониальной традиционной социальной организации. Их генезис можно понять, лишь учитывая всестороннее экономическое и политическое влияние не только страны-метрополии, но и всей мировой капиталистической системы. Но ни в особенностях этого процесса, ни в его результатах нельзя до конца разобраться, не учитывая характера исходных социальных структур. Это делает настоятельно необходимым детальное исследование последних.

Многие народы Азии и особенно Африки были втянуты в сферу влияния мировой системы капитализма тогда, когда сами они находились на стадии перехода от первобытного общества к классовому. Как свидетельствуют этнографические материалы, различные предклассовые общества значительно отличаются друг от друга. Особый интерес представляет один из существующих их типов. Относящиеся к нему предклассовые общества в сравнительно недалеком прошлом имели самое широкое распространение в Азии и особенно в Африке. И, самое главное, характерной для общества подобного типа была теснейшая взаимосвязь становящегося государства и аграрных отношений. По существу, в такого рода обществах формирующееся государство было важнейшим элементом системы аграрных отношений.

Изучение предклассовых обществ этого типа важно в целом ряде отношений. Оно позволяет выявить такие аспекты взаимосвязи государства и системы аграрных отношений, которые трудно, если вообще возможно,

раскрыть на другом материале. Не менее важен и чисто практический план. Социальные структуры такого типа в более или менее модифицированном виде нередко продолжали существовать в качестве элементов в системе социальных отношений некоторых развивающихся стран вплоть до самого последнего времени, и этот факт не может в той или иной степени не сказываться и на современном состоянии дел.

2.2. Факты и только факты

Данный тип традиционной социальной организации рассмотрим в его наиболее чистом виде, что позволит лучше понять все его характерные особенности. Именно в таком виде существовал он, в частности, еще в XIX в. и отчасти даже в начале XX в. у большинства банту Южной Африки⁹⁹. Этот сложный конгломерат этнических групп, насчитывавший в своем составе более 10 млн человек, делился на четко отграниченные друг от друга социальные единицы, которые в литературе чаще всего именуется «племенами» (tribes). По размерам они значительно отличались друг от друга. На одном полюсе были племена, состоявшие из 2-3 тыс. человек (тлоква, курутше и др.), на другом — из нескольких сот тысяч (свази Свазиленда, сото Басутоленда). Но последние были редким исключением. Большинство племен насчитывало в своем составе по 20-30 тыс. человек. Таким же был средний размер племён юго-восточных банту и в конце XVIII - начале XIX вв. Более крупными были лишь возникшие в первой половине XIX в. в результате подчинения одних племен другими «королевства» (kingdoms) зулу, педи, шангаан.

Но независимо от размера каждое племя было совершенно самостоятельной социальной единицей. Оно имело название, территорию, обычно отделенную от территорий соседних племен полосой незаселенной земли. Во главе каждого племени стоял наследственный правитель, которого в литературе обычно именуют «вождем» (chief). Его положение в племени было уникальным. Он был тем центром, вокруг которого строилась вся эта социальная единица. Племя у южноафриканских банту было совокупностью людей, находившихся под властью одного вождя. С этим и связано применение в англо-американской этнографической литературе для обозначения данной социальной единицы термина «вождество» (chiefdom), образованного по аналогии с термином «королевство» (kingdom). В силу своей должности вождь обладал большой властью. Все подданные были обязаны безоговорочно подчиняться его приказам. Он имел право на жизнь и смерть своих подданных: мог не только приговаривать их к смерти, но в определенных случаях также казнить их без суда. Имел он право и на труд членов племени. Их вызывали для участия в сооружении дома и крааля вождя, обработки полей его жен. Существовали особые поля, которые обрабатывались членами того или иного подразделения племени и весь продукт с которых шел вождю.

Подданные снабжали вождя дровами, водой, отдавали ему долю продукта, произведенного в их собственных хозяйствах (зерно, скот), а также часть охотничьей добычи (мясо, шкуры, слоновая кость и т. п.). Вождь присваивал большую часть военной добычи. Как верховный судья вождь получал штрафы с виновных, чаще всего скотом.

Вполне понятно, что вождь был самым богатым человеком в племени. Так, например, вождь племени кхатла, численность которого достигала 20 тыс. человек, владел 5,5 тыс. голов скота, что составляло седьмую часть всего поголовья, находившегося в собственности членов племени. Он ежегодно получал 20-40 голов скота в качестве штрафов, 30 голов в качестве даров, приношений и т. п., а также 1200 корзин зерна с полей, которые специально для него обрабатывались подданными.

Значительную часть своих доходов вождь банту использовал для содержания центрального аппарата управления, состоявшего из подчиненных ему должностных лиц. На местах вождь был представлен субвождями (sub-chiefs), каждый из которых управлял определенным территориальным подразделением племени — дистриктом (district) или крупным селением. В свою очередь, субвождям подчинялись старосты (headmen), стоявшие во главе еще более мелких подразделений — субдистриктов (sub-districts) у нгуни, деревень (villages) у венда и значительной части сото, кварталов селений (wards) у тсвана и северных сото. У многих племен вождь непосредственно управлял столичным дистриктом и субдистриктом. У мелких племен существовала не трехзвенная, а двухзвенная система управления. Так, например, у тлоква, которые все жили в одном селении, вождю непосредственно подчинялись старосты пяти кварталов. В крупных племенах существовало четыре уровня: верховный вождь племени — вожди крупных территориальных округов — субвожди — старосты.

Все местные правители обладали определенной властью. Каждый из них, не исключая деревенского старосты, был судьей в подвластной ему единице племени и соответственно взимал в свою пользу штрафы. Жители деревни хотя и не были формально обязаны, но обычно помогали старосте в обработке его полей, дарили ему мясо, пиво и т. п. Труд на субвождей был уже обязателен. Им шел весь продукт со специальных полей, которые обрабатывались подвластным им населением. Они получали часть податей, которые собирались ими для племенного вождя. Значительную долю этих доходов субвожди использовали для содержания должностных лиц, помогавших им управлять дистриктом.

Совершенно такая же картина наблюдалась в Бусоге (Восточная

Тропическая Африка) — области, населенной басога, или сога, — народом, относящимся к группе северных банту¹⁰⁰. Численность басога достигала 500 тыс. человек. В XIX в. Бусога была разделена примерно на 15 самостоятельных социальных единиц, которые исследователи именуют государствами (states) или королевствами (kingdoms). Численность их населения варьировала от 4 тыс. человек (королевство Бусамбира) до 50 тыс. (королевство Буламоги).

Во главе Буламоги стоял наследственный правитель — зибонде, имевший в своем распоряжении значительное число должностных лиц, составлявших центральный аппарат власти. Важнейшую роль среди них играл катикиро — своеобразный «премьер-министр», которому был подчинен большой персонал. Королевство делилось на округа, во главе которых стояли правители, находившиеся в различной степени зависимости от зибонде. Ниже их были старосты деревень (villages), а еще ниже — старосты субдеревень (sub-villages). Но были и такие деревенские старосты, которые подчинялись непосредственно зибонде. Эта иерархия была организацией одновременно и судебной, и податной. Собрав подать, старосты оставляли часть ее себе, а остальное передавали вышестоящим правителям, которые поступали аналогичным образом. Рядовые подданные были обязаны также и трудиться на правителей. Структура Бусамбиры была более простой. Наследственному правителю Бусамбиры — касамбире были непосредственно подчинены старосты всех 12 входивших в королевство деревень.

Точно такая же общественная структура была обнаружена у другой группы северных банту — баха, или ха¹⁰¹, а также у васукума, или сукума, относящихся к восточным банту¹⁰². Но она имела в Африке не только у банту. Мы находим ее, например, у азанде (занде) Центральной Африки¹⁰³. Существовавшие у них социальные единицы исследователи называют «королевствами». Наиболее изучено из них королевство, правителем которого в течение почти 40 лет (1868-1905) был Гбудве. Численность населения королевства — между 50 тыс. и 100 тыс. человек. Примерно такими же были и королевства братьев Гбудве. Государство делилось на провинции, число которых достигало несколько десятков. Центральная провинция непосредственно управлялась самим королем, во главе остальных стояли губернаторы, часть которых относилась к королевской семье (принцы-губернаторы). Им принадлежало право суда над подвластным населением. Провинции, в свою очередь, подразделялись на дистрикты, возглавляемые назначенными губернаторами должностными

лицами. В обязанность последних входил сбор податей, которые они, не оставляя себе ничего, передавали губернаторам, а также организация людей для работы на полях короля и принцев-губернаторов. Масштаб этих работ был велик. На королевских полях могло работать одновременно несколько сот человек. Принцы-губернаторы пользовались большой самостоятельностью. Считалось, что подати они собирали не для короля, а для себя, хотя определенную долю они обычно посылали королю. Рядовые губернаторы собирали подати для короля, но половину собранного они имели право оставлять для себя.

Не умножая числа примеров, отметим, что социальные единицы с рассмотренной выше структурой были выделены известным африканистом А. Саутхоллом под названием «сегментарных государств». Основную их особенность А. Саутхолл видел в том, что они построены по принципу пирамиды: социальная единица делится на сегменты, те, в свою очередь, на меньшие сегменты и т. д., причем каждый такой сегмент на любом уровне деления, исключая лишь самый низший, построен по тому же самому принципу, что и вся социальная единица в целом, т. е. повторяет ее, во все в меньшем и меньшем масштабе¹⁰⁴. Как сегментарную, или пирамидную, характеризуют эту структуру и другие африканисты¹⁰⁵.

Но пирамидная структура не является достоянием исключительно лишь африканских праклассовых обществ. В Азии ее существование отмечено, например, у части чинов Бирмы. У них во главе социальной единицы, охватывавшей несколько деревень, стоял наследственный правитель — вождь, который одновременно был и главой деревни, где он жил. Все его подданные обязаны были платить ему подать зерном, доставлять лес и участвовать в строительстве его жилища. Вождю подчинялись старосты деревень, которые имели право на долю охотничьей добычи, определенное количество зерна с каждого хозяйства деревни и другого рода приношения. Кроме того, члены каждого домохозяйства были обязаны отработать два дня на полях старосты. Большие деревни делились на кварталы, во главе них находились назначенные старостами особые должностные лица, которые также могли получить определенные права на труд подчиненного населения¹⁰⁶. Сходные отношения бытовали в недавнем прошлом у муонгов Вьетнама¹⁰⁷.

Социальные структуры описанного типа существовали также в Океании, в частности в Новой Каледонии¹⁰⁸, и на Гавайях¹⁰⁹, в Америке, в частности у араваков Гаити¹¹⁰ и у натчей¹¹¹.

Во всех рассмотренных и упомянутых выше случаях мы имели дело с

обществами, которые не относятся исследователями к числу классовых.

Это формирующиеся классовые (праклассовые) общества. Но наука располагает данными, которые позволяют понять, каким мог быть результат их эволюции, если бы они не подвергались влиянию высокоразвитых классовых обществ. Из числа известных историкам подлинных классовых обществ наибольшим сходством с рассмотренными выше праклассовыми социоисторическими организмами обладают два — Китай эпохи Западного Чжоу (XI—VIII вв. до н. э.) и империя инков (XVI в. н. э.).

В эпоху Западного Чжоу во главе древнекитайского государства стоял наследственный правитель — ван. Ему были подчинены местные правители — чжухоу. Ниже их стояли дафу, которые находились в таком же отношении к чжухоу, как последние к вану. Ниже дафу были ши. Еще ниже находилась основная масса производителей материальных благ — шужень. Снизу вверх по этой лестнице шел поток прибавочного продукта. Ши, получив его от простолюдинов, одну часть оставляли себе, а другую передавали лицам, стоявшим выше их на ступень, в данном случае — дафу. Так же поступали дафу и чжухоу, и в результате часть продуктов достигала вершины, поступая непосредственно в распоряжение вана¹¹². Помимо различного рода приношений натурой чжухоу были обязаны направлять в распоряжение вана людей для участия в различного рода работах¹¹³. Существовали в эпоху Западного Чжоу, по крайней мере, в раннюю ее пору, особые поля, которые обрабатывались простолюдинами и урожай с которых поступал вану¹¹⁴. Нет необходимости говорить, что в руках вана и местных правителей находился суд и что они имели право на жизнь и смерть своих подданных.

Численность населения империи инков к 1525 г. — времени ее завоевания испанцами — исследователями оценивается по-разному: от 3,5 до 32 млн человек. Наиболее вероятная цифра — 6 млн. Во главе империи стоял наследственный властитель — верховный инка, сосредоточивший в своих руках огромную власть. Ему был подчинен большой административный аппарат. Империя делилась на провинции, которые были объединены в четыре группы. Правители четвертей жили в столице империи — Куско и входили в состав большого государственного совета. Подчиненные им губернаторы жили в столицах провинций. Каждая провинция делилась на два или три округа с населением примерно в 10 тыс. человек, возглавляемых должностными лицами — курака 1-го ранга. Им подчинялись курака 2-го ранга, управлявшие административными

единицами с населением 1000 человек, затем курака 3-го ранга (500 человек), и еще ниже — курака 4-го ранга (100 человек). Должностные лица, управлявшие группами в 50 и 10 человек, к привилегированному слою не относились. Они работали вместе с рядовыми подданными.

Указанные цифры носили во многом условный характер. В действительности размеры групп, управляемых курака того или иного ранга, могли отличаться от номинальных. Важнейшей низовой ячейкой общества инков была айлю — деревенская община. Основная земля государства делилась на три категории. Вся она обрабатывалась крестьянами-общинниками, но продукт с полей первой категории шел храмам и жрецам, второй — инке, и только третьей — самим производителям. Помимо обработки храмовых и государственных земель рядовые подданные обязаны были также принимать участие в различного рода других работах (строительство дворцов, рудничное дело и т. п.). Урожай с полей храмов и инки собирался в особые хранилища. Их было по два в каждом округе и значительно больше в столицах провинций и Куско. Урожай с храмовых полей шел на содержание жречества, с полей инки — на содержание императора, его двора, чиновничества, армии. Использовались государственные запасы и для поддержания вдов, увечных, престарелых, а также как страховой фонд на случай стихийных бедствий. Существовала система судов, но приговаривать к смерти могли лишь император и губернаторы провинций¹¹⁵.

2.3. Проблема и первые шаги к решению

В последнем примере мы столкнулись с системой, которая не является пирамидной в том узком смысле слова, который вкладывается в это слово африканистами. Здесь сегменты иерархически построенной системы далеко не на всех уровнях повторяют в уменьшенном виде систему в целом. Однако и тут, по существу, мы сталкиваемся в принципе с той же социальной структурой, что и во всех ранее приведенных примерах.

Везде мы встречаем деление общества на две основные группы. Одну из них образуют непосредственные производители, которые имеют в своем распоряжении землю и все необходимые средства производства, самостоятельно ведут хозяйство, обеспечивающее их существование. Но их хозяйства никогда не существуют изолированно друг от друга. Они входят в состав более или менее крупных систем, которые принято именовать общинами. Общины были обнаружены исследователями во всех рассмотренных выше социальных единицах и описаны ими под разными названиями. Это — дистрикты азанде, субдистрикты игуни, деревни венда и некоторых других юго-восточных, а также восточных и северных банту, айлю у инков и т. п. Люди, входящие в состав общин, обеспечивают свое существование собственным трудом. Но на создание продукта, идущего на удовлетворение их собственных нужд, расходуется лишь часть их рабочего времени. В течение другой его части создается продукт, поступающий в полное распоряжение второй основной общественной группы, т. е. прибавочный продукт.

Прибавочный продукт может создаваться в собственном хозяйстве непосредственного производителя. В таком случае он поступает в распоряжение второй общественной группы в форме податей, приношений, даров, штрафов и т. п. Прибавочный труд может выступать в форме работы в хозяйствах отдельных конкретных представителей второй группы и, наконец, в форме работы на специально выделенных полях, продукт с которых идет в распоряжение второй группы, на строительстве дорог, в рудниках и т. п. Однако при всем этом суть остается одной и той же, прибавочный продукт поступает в полное распоряжение второй общественной группы и в той или иной форме распределяется между всеми без исключения ее представителями.

Как можно видеть, две основные группы, существующие в каждом из рассмотренных выше обществ, находятся в определенном отношении друг

к другу, а именно: одна из них присваивает себе труд другой. Таким образом, перед нами определенный способ эксплуатации человека человеком. Но ни в одном из описанных обществ он не являлся единственно существующим. Наряду с ним, как правило, существовали и другие. Так, например, у южноафриканских банту описаны люди, которые находились в непосредственной зависимости от вождей и постоянно работали в их хозяйствах¹¹⁶. Никто из исследователей не называет их рабами, и они действительно не могут быть так охарактеризованы. В других обществах (в частности, у азанде) мы встречаем категорию людей, которых исследователи именуют рабами, и в ряде случаев они действительно ими являются¹¹⁷.

Однако во всех случаях эти формы эксплуатации имели лишь второстепенное значение. И главное, сравнивая общества данного типа, мы не обнаруживаем никакого соответствия между стадией развития, на которой находится тот или иной социоисторический организм, и наличием и степенью развития этих форм эксплуатации. Рабство существовало, например, у азанде, но его не было ни у стоящих несколько ниже их южноафриканских банту, ни у находившихся уже на стадии классового общества перуанцев XV-XVI вв.

Иначе обстоит дело с описанным выше способом эксплуатации, определявшим разделение членов всех рассмотренных выше обществ на две основные группы. Он не только во всех случаях является основным, главным способом извлечения прибавочного продукта. Крайне важно существование прямого соответствия между стадией развития, на которой находился тот или иной социоисторический организм, и степенью зрелости данного способа эксплуатации. В наиболее примитивных, незрелых формах существовал он в небольших племенах южноафриканских банту, в наиболее зрелом виде — в Китае эпохи Западного Чжоу и в империи инков. Иными словами, процесс становления данного способа эксплуатации был одновременно и процессом становления классового общества. У южноафриканских банту, басога, азанде, чинов мы застаем данный способ эксплуатации еще в процессе становления, соответственно переходными от первобытных к классовым были и их общества. У древних китайцев и перуанцев данный способ эксплуатации был уже сформировавшимся, соответственно уже классовым, точнее, раннеклассовым было и их общество. Все это обуславливает необходимость детального рассмотрения этого способа эксплуатации, тщательного анализа данной системы производственных (социально-экономических) отношений, т. е. данного

общественно-экономического уклада¹¹⁸.

2.4. Общеклассовая частная собственность и политарный способ производства

Любой общественно-экономический уклад характеризуется существованием особой, только ему присущей хозяйственной ячейки. Для формационного общественно-экономического уклада характерно также наличие особого хозяйственного организма, который, однако, в определенных случаях может совпадать с хозяйственной ячейкой¹¹⁹.

Непосредственные производители, являвшиеся объектом интересующей нас формы эксплуатации, всегда сами вели хозяйство, т. е. были хозяевами. В случае с раннеклассовым обществом (древние китайцы, перуанцы) перед нами — настоящие крестьянские домохозяйства, в случае с предклассовым (банту, чины и др.) — формирующиеся крестьянские (пракрестьянские) домохозяйства. В обоих случаях непосредственные производители имели определенные права на все необходимые средства производства, в том числе и на землю, т. е. в той или иной степени были их собственниками. И крестьянские, и пракрестьянские домохозяйства были хозяйственными ячейками. И те, и другие существовали в составе общин, которые представляли собой хозяйственные организмы.

Община, объединявшая крестьянские домохозяйства, была настоящей крестьянской общиной. Община, объединявшая пракрестьянские домохозяйства, была формой, переходной от первобытной общины к крестьянской, т. е. формирующейся крестьянской (пракрестьянской) общиной. Таким образом, при анализе социально-экономической структуры интересующих нас обществ мы, прежде всего, сталкиваемся в одном случае с формирующимся, а в другом — с уже сформировавшимся крестьянско-общинным укладом общественного производства¹²⁰. Однако ни крестьянские (пракрестьянские) домохозяйства, ни крестьянская (пракрестьянская) община не являются единицами рассматриваемой формы эксплуатации.

Почти во всех приведенных выше примерах во главе общины (деревни, субдистрикта, квартала и т. п.) стоял староста, который не только собирал часть продукта, созданного ее членами, но и нередко получал в свое распоряжение известную его долю. Значительную часть (если не весь) прибавочного продукта он передавал должностному лицу, стоявшему во главе округа, в который входила данная община. Правитель округа получал

прибавочный продукт также и от старост всех остальных общин, входивших в округ. Таким образом, он являлся вершиной своеобразной пирамиды. Грани этой пирамиды были образованы линиями, по которым шло движение прибавочного продукта, а вершинами многоугольника, лежавшего в основе пирамиды, были старосты общин. Если движение прибавочного продукта вверх с его переходом в руки главного должностного лица округа завершалось, то это означало, что последний был верховным правителем, данная элементарная пирамида — совершенно самостоятельной структурой, а округ соответственно — самостоятельным социоисторическим организмом¹²¹.

Но округ мог быть лишь частью крупного образования. В таком случае должностное лицо, возглавлявшее его, значительную часть прибавочного продукта передавало правителю данного образования. Последний, разумеется, получал прибавочный продукт и от глав остальных округов; входивших в данное образование. Таким образом, и правитель объединения являлся вершиной пирамиды, грани которой были образованы линиями движения прибавочного продукта, а вершинами многоугольника, лежавшего в его основе, были правители округов. Но последние сами были вершинами пирамид. В результате первая пирамида была верхней частью, верхним этажом более крупной пирамиды, нижний этаж которой состоял из значительного числа элементарных пирамид. И правитель объединения был вершиной всей этой пирамиды в целом. Если движение прибавочного продукта вверх с переходом в руки правителя объединения завершалось, то он был верховным правителем, данная пирамида, которую можно было бы назвать пирамидой с двумя уровнями, была самостоятельной структурой, а объединение — совершенно самостоятельным социоисторическим организмом. Но пирамида с двумя уровнями могла быть и не самостоятельной социальной структурой, а всего лишь сегментом пирамиды третьего уровня, а последняя — сегментом пирамиды четвертого уровня и т. д.

Некоторые исследователи характеризуют описанные выше отношения как феодальные¹²². Определенные черты сходства тут, несомненно, имеются. Они связаны с тем, что здесь, как и при феодализме, мы сталкиваемся не с полной частной собственностью, а с верховной частной собственностью. Частная собственность есть не вещь и не отношение человека к вещи, а прежде всего отношение двух частей общества по поводу факторов производства (средств производства и рабочей силы), причем такое, которое дает одной части общества возможность

присваивать труд другой ее части. Частная собственность является полной, когда первая часть общества безраздельно владеет либо всеми факторами производства (рабство), либо важнейшим из них — средствами производства (капитализм). В этом случае непосредственные производители полностью лишены средств производства, а при рабстве также и каких-либо прав на свою личность, а тем самым и на собственную рабочую силу.

Верховная частная собственность, которая всегда является собственностью одновременно и на важнейшее средство производства — землю и на личность (а тем самым и на рабочую силу) непосредственных производителей, не только не исключает, но, наоборот, предполагает собственность работников на средства производства и собственную рабочую силу. Но последняя с необходимостью — собственность подчиненная

Когда объектом частной собственности служат не вещи, а люди, отношения собственности необходимо предполагают существование прямого насилия. Поэтому верховная частная собственность как определенное экономическое отношение с неизбежностью порождает внеэкономическое принуждение и не существует без него¹²³.

Единицей феодальной верховной частной собственности, а тем самым и данной формы эксплуатации была вотчина. Она представляла собой хозяйственную ячейку феодализма¹²⁴. Каждый феодал был верховным частным собственником и крестьянских наделов, входивших в состав вотчины, и личностей, а, следовательно, и рабочей силы, непосредственных производителей, и единственным собственником прибавочного продукта, созданного в вотчине.

Иначе обстояло дело в обществах, являющихся предметом нашего анализа. С одной стороны, прибавочный продукт, созданный членами одной определенной общины, распределялся между людьми, стоявшими на всех ступеньках иерархической лестницы, начиная со старосты общины и кончая верховным правителем; с другой — человек, стоявший на любой ступени иерархической лестницы, кроме первой, получал прибавочный продукт, созданный членами не одной, а нескольких общин, а верховный правитель — прибавочный продукт, созданный членами всех общин, входивших в состав данной социальной единицы.

Таким образом, своеобразие анализируемых производственных отношений заключается в том, что ни один из многочисленных получателей прибавочного продукта, взятый в отдельности, не был

верховным частным собственником ни личностей непосредственных производителей, ни обрабатываемой ими земли. Именно это обстоятельство и дало основание некоторым исследователям утверждать, что в обществах данного типа вообще отсутствовала частная собственность на землю¹²⁵. Однако в действительности в них отсутствовала не частная собственность на землю вообще, а лишь частная собственность на землю отдельных лиц, т. е. индивидуальная частная собственность на землю.

Подобно тому, как не всякая индивидуальная собственность является частной, не всякая частная собственность обязательно представляет собой собственность индивидуальную. Суть частной собственности заключается в том, что она есть собственность только части членов общества, причем такая, которая дает этой части возможность присваивать себе труд другой части общества. И не имеет принципиального значения форма проявления этой сущности, конкретная форма собственности эксплуатирующей части общества. В качестве частного собственника может выступить отдельный член класса эксплуататоров — в таком случае мы имеем дело с персональной частной собственностью, группа членов этого класса — в таком случае перед нами групповая частная собственность, или, наконец, весь класс в целом — тогда перед нами общеклассовая частная собственность.

В обществах, являющихся объектом нашего анализа, как и в феодальных, существовала верховная частная собственность на личности непосредственных производителей и обрабатываемую ими землю. Но в отличие от феодальных обществ, в которых каждый член господствующего класса был верховным частным собственником, в каждом из социоисторических организмов рассматриваемого типа всегда существовал только один верховный частный собственник. Этим верховным частным собственником личностей непосредственных производителей и земли были все члены описанной выше иерархической системы, т. е. все получатели прибавочного продукта, вместе взятые. Они образовывали класс эксплуататоров, противостоящий классу эксплуатируемых непосредственных производителей. В праклассовых обществах мы встречаемся с формирующимися классами (праклассами), в раннеклассовых — с уже сформировавшимися, настоящими классами. Таким образом, рассматриваемый антагонистический способ производства был основан исключительно лишь на общеклассовой верховной частной собственности. Именно класс, и только класс в целом, был частным собственником и личностей непосредственных производителей и обрабатываемых ими земель. И каждая самостоятельная социальная

единица, возглавляемая верховным правителем, была ничем иным, как ячейкой классовой частной верховной собственности, ячейкой рассматриваемой формы эксплуатации.

Верховная частная собственность невозможна без внеэкономического принуждения, принимающего форму политической власти. Поэтому каждая ячейка общеклассовой верховной частной собственности была одновременно и самостоятельной единицей политической власти — государством. Соответственно общеклассовая частная верховная собственность была собственностью государственной. Так обстояло дело в раннеклассовых обществах. В рассмотренных выше праклассовых обществах мы сталкиваемся с еще только формирующейся классовой верховной частной собственностью, формирующимся классом эксплуататоров и формирующимся государством (прагосударством). Естественно, что совпадающая с государством ячейка общеклассовой верховной собственности была социоисторическим организмом, т. е. отдельным, конкретным обществом, единицей исторического развития.

Единица общеклассовой верховной собственности имела сложную природу. Она включала в свой состав домохозяйства непосредственных производителей и выступала по отношению к ним как хозяйственный организм. Домохозяйства непосредственных производителей входили, таким образом, одновременно в состав двух разных хозяйственных организмов — общины и данной ячейки классовой верховной частной собственности, являвшейся одновременно также и государством и социоисторическим организмом. Как части общины они были ячейками по производству лишь необходимого продукта. Ни сами домохозяйства, ни община сама по себе не были единицами какой-либо формы эксплуатации. Крестьянско-общинный уклад не был антагонистической системой общественного производства. Прибавочный продукт создавался в крестьянских дворах исключительно лишь как в частях единицы классовой верховной собственности. Эта единица была единственной ячейкой, в которой был воплощен данный способ производства, данный способ эксплуатации. И в этом смысле она была единственной хозяйственной ячейкой данного способа производства.

Но эта хозяйственная ячейка могла существовать без всякой экономической связи с другими такими же ячейками. Она была в экономическом отношении совершенно самостоятельной. И в этом смысле она была одновременно и хозяйственным организмом данного способа производства. Иначе говоря, для данного способа производства было характерно полное совпадение хозяйственной ячейки с его же

хозяйственным организмом. И в этом отношении данный общественно-экономический уклад был сходен с тем, что существовал на самом раннем этапе эволюции первобытного общества, и был отличен от всех остальных.

Рассматриваемая единица верховной общеклассовой собственности была организацией исключительно лишь по производству прибавочного продукта. И этот продукт создавался не только в крестьянских домохозяйствах, как частях данной ячейки, но и непосредственно в ней самой. Примером может послужить империя инков. При этом роль единицы верховной собственности как хозяйственной, производственной ячейки выступает необычайно отчетливо.

Но, всегда являясь системой производства лишь прибавочного продукта, данный уклад не мог существовать иначе, как своеобразная надстройка над крестьянско-общинным укладом. Он всегда с неизбежностью включал в себя последний в качестве своего фундамента, своей основы.

Таким образом, одна из основных особенностей данного общества состояла в его, если можно так выразиться, двухэтажности. В нем существовало два уклада и соответственно два способа производства, из которых один — крестьянско-общинный был фундаментом для другого, являвшегося антагонистическим.

И это обуславливало своеобразие процесса становления данного общества. Он состоял не в простом замещении первобытнообщинных отношений антагонистическими отношениями описанного типа. Первобытнообщинные отношения превращались в крестьянско-общинные, и никакие другие отношения, а над формирующимися крестьянско-общинными отношениями «надстраивались» формирующиеся классовые отношения описанного типа.

Описанный выше антагонистический способ производства в его зрелой форме был выделен в свое время К. Марксом¹²⁶. «Если не частные земельные собственники, — писал он, — а государство непосредственно противостоит непосредственным производителям, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты. При таких обстоятельствах отношение зависимости может иметь политически и экономически не более суровую форму, чем та, которая характеризует положение всех подданных по отношению к этому государству. Государство здесь — верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, сконцентрированная в национальном

масштабе»¹²⁷.

В работах, относящихся к 50-60-м гг., К. Маркс называл данный способ производства «азиатским»¹²⁸. В дальнейшем, когда К. Маркс убедился, что данный способ производства существовал не только в Азии, но и в других частях света, он, ни в малейшей степени не отказываясь от своей концепции, перестал пользоваться этим термином¹²⁹.

В последующем изложении мы будем именовать данный антагонистический способ производства *политарным* (от греч. политая — государство), представителей класса эксплуататоров — *политаристами*, весь класс в целом — *политократией*, а в качестве самого общего термина для обозначения и данного способа производства и всего данного общественного порядка в целом будем употреблять слово «*политаризм*». Соответственно речь будет идти о политарных производственных отношениях и политарном обществе¹³⁰. Представителей эксплуатируемого класса будем называть так, как их обычно именуют в нашей научной литературе — *крестьянами-общинниками*. В применении к обществу, в котором данный способ производства еще только формируется, все эти термины будут употребляться с приставками «прото-» или «пра-» (*протополитаризм, протополитаристы, пракрестьяне-общинники* и т. п.).

2.5. Политосистема, политарх, политархия

Политарная частная собственность была общеклассовой. Поэтому прибавочный продукт, созданный в политарной хозяйственной ячейке, совпадавшей с социоисторическим организмом, поступал всему классу политаристов в целом, что и предполагало и делало необходимым существование системы отношений по распределению этого продукта между отдельными членами данной общественной группы — *политосистемы*. В завершенном виде последняя представляла собой систему мест, с каждым из которых было связано право на получение определенной доли прибавочного продукта, причем число этих мест всегда было ограниченным. Мало сказать, что каждый член господствующего класса был включен в эту систему. Собственно, только занятие человеком определенного места в политосистеме и делало его членом господствующего класса. Лишившись его, человек тем самым выбывал из состава данного класса.

Политосистема имела иерархическую структуру. И размеры доли прибавочного продукта, на которую давало право то или иное место, зависели от того, на какой ступени иерархической лестницы было оно расположено. Чем ниже оно было, тем меньше была связанная с ним доля прибавочного продукта, чем выше — тем соответственно большей была доля.

Политарная частная собственность, будучи общеклассовой, была тем самым с неизбежностью и государственной. Ячейка политарной собственности была одновременно и государством. Результатом было совпадение в главном и основном господствующего класса с государственным аппаратом, системы распределения прибавочного продукта среди членов господствующего класса с политической иерархией, а тем самым и мест в политосистеме с должностями в системе государственного управления. С этим связана еще одна особенность становления политарного общества — формирование классов здесь шло одновременно с формированием государства.

Все это, вместе взятое, с неизбежностью порождало и порождает у многих исследователей иллюзию производности в таком обществе экономических отношений от политических, иллюзию примата политической силы, государства. Блестящую критику подобного рода иллюзий мы находим в марксовом конспекте книги Г. Мойна «Лекции по

древней истории институтов». «Несчастный Мейн, — писал К. Маркс, — сам не имеет ни малейшего представления о том, что там, где существуют государства (после первобытных общин и т. д.), то есть политически организованные общества, государство ни в каком случае не является *первичным*; оно лишь *кажется* таковым»¹³¹. В действительности базисом общества всегда являются *экономические условия*. «Они, — подчеркивал К. Маркс, — представляют ту основу, на которой строится государство, и служат его предпосылкой»¹³².

Но взаимоотношение социально-экономических и политических отношений в политарном обществе действительно носило своеобразный характер¹³³. В отличие, например, от капиталистического общества социально-экономические отношения в нем не просто определяли политические, а в известной степени воплощались в них. Однако, это ни в малейшей степени не меняло того несомненного факта, что и в политарном обществе, как и во всех обществах, в которых существовало государство, система социально-экономических отношений была основой, фундаментом, неразрывно связанной с ней системы политических отношений. И поэтому только детальное исследование существовавшей в них системы распределения прибавочного продукта среди членов господствующего класса, которая не могла не быть и системой присвоения этого продукта, системой эксплуатации, может дать ключ к пониманию их политической структуры.

Как мы уже видели, политосистема могла приобрести и приобретала структуру пирамиды с одним, двумя, тремя и большим числом уровней. И в таких случаях все основные ее особенности выступают особенно наглядно. Прежде всего, бросается в глаза та огромная роль, которую играет вершина пирамиды. Это место является центром всей системы. Именно оно связывает все остальные места в единую систему. Ведь, действительно, стоит только, например, из системы, имеющей форму пирамиды с тремя уровнями, удалить вершину, как она распадается на несколько новых, совершенно самостоятельных систем, каждая из которых имеет структуру пирамиды с двумя уровнями.

Положение этого места в системе политических отношений понятно. Это есть место высшего лица в государстве, есть должность верховного правителя. Сложнее обстоит дело с положением этого места в системе отношений по распределению прибавочного продукта. Внешне оно выступает как такое место, куда, в конечном счете, поступает часть прибавочного продукта, созданного представителями всех общин,

входящих в состав данной ячейки верховной классовой собственности. Староста каждой общины, получив прибавочный продукт, созданный ее членами, часть его оставляет себе, а другую передает вышестоящему правителю, тот, в свою очередь, часть прибавочного продукта, поступившего к нему от старост всех общин его округа, оставляет себе, а остальную передаст вышестоящему правителю. И все это повторяется до тех пор, пока прибавочный продукт не поступит в руки верховного правителя.

В данной схеме движение прибавочного продукта направлено снизу вверх, от подножия пирамиды к ее вершине. Но о каком движении прибавочного продукта идет в данном случае речь — физическом (может быть, лучше сказать — техническом) или социальном? К. Маркс в «Капитале» раскрыл двойственную природу товара, показав, что последний, с одной стороны, является потребительной ценностью, а с другой — стоимостью и что последнее его качество — чисто социальное и не имеет ничего общего с его физической природой. Двойственную природу имеют все созданные человеком вещи при любом социально-экономическом строе. Все они, с одной стороны, являются физическими телами, способными удовлетворить какую-либо потребность человека, а с другой — все они представляют чью-то собственность. Соответственно все они вовлечены в два качественно отличных вида движения: они могут перемещаться как физические тела и они же могут переходить из собственности одного лица (или группы лиц) в собственность другого и т. п. Техническое и социальное движения вещей могут сопровождать друг друга, а могут происходить совершенно независимо друг от друга. Вещь может десятки раз перейти от собственника к собственнику, не трогаясь с места. Она может и переместиться на тысячи километров, не меняя принадлежности.

Возвращаясь к рассмотренной схеме, нетрудно заметить, что хотя понятие «верха» и «низа» в ней является чисто социальным, но за направление движения прибавочного продукта от одного должностного лица к другому принято направление его перемещения как определенной совокупности физических тел. Но даже при исключительно таком понимании движения прибавочного продукта данную схему нельзя рассматривать как абсолютно верную. До сих пор в нашей схеме фигурировали лишь люди, возглавляющие ту или иную территориальную единицу (общину, округ, провинцию, государство), т. е. правители различного ранга. Но ими государственный аппарат, а тем самым и господствующий класс отнюдь не исчерпывается. Правители, исключая

лишь самых низших, обычно располагали определенным штатом помощников. Верховный правитель всегда имел в своем распоряжении центральный аппарат, состоящий из большего или меньшего числа различного рода должностных лиц. И все эти люди, так же как и правители, занимали определенные места в системе распределения прибавочного продукта и соответственно были не в меньшей степени, чем последние, членами господствующего класса. Во многих случаях лица, занимавшие должности в центральном аппарате того или иного правителя, получали свою долю прибавочного продукта из той его части, которая поступала в распоряжение их непосредственного повелителя. И тогда мы наблюдаем движение прибавочного продукта уже не снизу вверх, а, наоборот, сверху вниз, от правителя к его непосредственным помощникам. И здесь опять-таки за направление движения прибавочного продукта мы принимаем направление его физического (технического) перемещения. Однако тут мы имеем дело и с чем-то большим.

Верховный правитель дает тому или иному своему помощнику большую или меньшую долю прибавочного продукта потому, что тот занимает определенную должность, а тем самым и место в политосистеме, дающее право на получение определенной доли этого продукта. И в этом смысле он не более волен в своих действиях, чем нижестоящий правитель, передающий вышестоящему часть полученного прибавочного продукта. Но он волен предоставлять или не предоставлять этому лицу данную должность, а вместе с этим и права на получение доли прибавочного продукта. И здесь он выступает не просто как даватель доли прибавочного продукта, а как его распорядитель. Прибавочный продукт движется от него к помощнику прежде всего в чисто социальном смысле. Это, прежде всего, его социальное движение.

Но верховный правитель назначает не только должностных лиц своего центрального аппарата. Он обычно назначает или, но меньшей мере, утверждает в должности правителей, стоящих ступенькой ниже его. Тем самым он дает им или закрепляет за ними места в политосистеме, иными словами, дает им или закрепляет за ними право на получение определенной доли прибавочного продукта. Таким образом, если в чисто техническом аспекте нижестоящий правитель выступает по отношению к верховному как даватель прибавочного продукта, то в чисто социальном аспекте, наоборот, верховный правитель является давателем прибавочного продукта, а нижестоящий — получателем. Верховный правитель выступает, таким образом, в качестве распределителя прибавочного продукта, его распорядителя по отношению не только к должностным лицам своего

центрального аппарата, но и к правителям рангом ниже его.

Если непосредственно подчиненные ему правители пользуются правом назначать или утверждать в должности правителей рангом ниже себя, то тем самым они выступают по отношению к последним в качестве распределителей прибавочного продукта, но только вторичных, подчиненных. Единственным первичным распределителем является верховный правитель. Ведь правитель рангом ниже верховного выделяет подчиненным ему правителям долю той части прибавочного продукта, которая была получена им от верховного правителя. Вполне возможно существование подчиненных распределителей прибавочного продукта третьего, четвертого и более низких уровней. Все они распоряжаются все меньшими и меньшими долями прибавочного продукта, которые через множество рук дошли до них в конечном счете от верховного правителя.

Если попытаться нарисовать схему чисто социального движения прибавочного продукта в политосистеме, то она предстанет в следующем виде. Весь прибавочный продукт первоначально прямо, непосредственно находится в распоряжении верховного правителя, и только от него, через него он поступает в политосистему, в которой поток этого продукта движется, все более разветвляясь, сверху вниз, от вершины пирамиды к ее подножию. Таким образом, вершина политарной пирамиды есть то место, от которого прибавочный продукт растекается по всей политосистеме, есть ее центральный распорядительный пункт. Лицо, занимающее это место, является верховным распорядителем всего принадлежащего классу в целом прибавочного продукта между всеми его отдельными членами. Это с неизбежностью делает его главой класса, а тем самым и верховным правителем. В дальнейшем изложении мы будем именовать его *политархом*.

Все сказанное выше дает возможность четко определить границы каждой конкретной отдельной политосистемы. Ее образуют все те люди, которые прямо или косвенно получают свои доли прибавочного продукта из одного центра распределения, от одного политарха. Единство каждой такой системы есть единство политарха. Политосистема есть политархосистема. Группа, состоящая из политарха и людей, получающих от него прибавочный продукт, была верховным собственником определенной совокупности непосредственных производителей материальных благ вместе с занимаемой ими определенной территорией. Единство собственника обуславливало единство определенной ячейки верховной частной собственности, являющейся одновременно социоисторическим организмом. Таким образом, и единство ячейки

политарной собственности, совпадающей с социоисторическим организмом, было также единством политарха. Этим ячейкам, этим социоисторическим организмам было столько, сколько было политархов. Поэтому их можно было бы назвать *политархиями*.

Прибавочный продукт, созданный в политархии, был собственностью не политарха, а всего господствующего класса в целом. Но политарх распоряжался всем им, причем он был единственным, кто имел на это право. Только политократия в целом была верховным собственником непосредственных производителей и земли. Отдельные политаристы могли выступать лишь в роли распорядителей. Но опять-таки из всех их один лишь политарх мог распоряжаться всей собственностью класса. Являясь олицетворением единства класса и единственным распорядителем всей общеклассовой собственности, политарх с неизбежностью выступал в глазах, как своих подданных, так и исследователей в качестве верховного собственника жителей и земли политархии и собственника всего произведенного в ней прибавочного продукта. И анализ этих представлений дает возможность лучше понять особенности политарной, т. е. общеклассовой частной верховной собственности.

В отличие от феодальной, которая является верховной собственностью прежде всего на землю и лишь затем на личность непосредственных производителей, политарная представляла собой верховную собственность прежде всего на личность производителей и лишь тем самым на землю. Как подчеркивают многие исследователи, политарх прежде всего рассматривался как собственник своих подданных. Так, например, южноафриканские банту считали, что все члены «племени» (т. е. протополитархии) принадлежат его вождю. И соответственно, последний именовался правителем не территории, на которой жило «племя», а племени как определенной совокупности людей, например вождем свази, а не Свазиленда¹³⁴. Аналогичные представления мы встречаем и в самой крупной из известных науке протополитархий — Буганде. Для населения этой страны в середине XIX в. исследователи приводят цифры от 1 до 3 млн человек¹³⁵. Сами жители Буганды — баганда утверждали, что «вожди» (т. е. правители всех рангов) имеют право на людей, а не на землю¹³⁶. Верховный правитель Буганды — кабака имел полное право распоряжаться личностью всех своих подданных¹³⁷.

Наиболее наглядным выражением собственности политарха на своих подданных было его право распоряжаться их жизнью и смертью. У южноафриканских банту вождь мог не только приговорить члена племени к

смерти, но и приказать убить без суда. У некоторых племен тсвана вождю при его вступлении в должность торжественно вручали копье, топор, дубинку и говорили при этом, что он обладает властью убивать или оставлять в живых. Известны случаи убийства людей исключительно лишь по капризу вождя¹³⁸.

В Буганде кабака не только имел абсолютное право на жизнь и смерть жителей страны, но и систематически пользовался этим правом. Известны случаи, когда он приказывал уничтожать своих подданных только для того, чтобы продемонстрировать свою власть над ними. Убийство ни в чем не повинных людей входило в качестве необходимого элемента в ритуал, который должен был соблюдать каждый кабака. Важную роль в жизни Буганды играл обычай человеческих жертвоприношений. Существовало 13 специальных мест, каждое со своим верховным жрецом, где они совершались. Число людей, приносимых в жертву одновременно, могло достигать до 500. Право и одновременно обязанность поставлять людей для жертвоприношений принадлежало кабаке. В жертву могли быть принесены люди не только совершившие какой-либо проступок, но и совершенно ни в чем не повинные. Отряды, высланные по приказу кабаки, могли схватить любого. И затем только от воли кабаки зависело, будет ли человек принесен в жертву или нет¹³⁹.

Политарх считался и собственником всей земли политархии. Об этом пишут почти все исследователи. Но, характеризуя политарха как собственника земли, они тут же подчеркивают, что его собственность на землю имела совершенно иную природу, чем, например, капиталистическая. Во-первых, она не только не исключала, а, наоборот, предполагала существование собственности других лиц на эту же самую землю¹⁴⁰. Иначе говоря, она была собственностью не полной, а только лишь верховной. Во-вторых, как подчеркивают почти все исследователи, политарх был собственником земли не в качестве определенного лица, а лишь как обладатель должности, носитель титула. Собственность его на землю была не персональной, а чисто должностной, титульной¹⁴¹. И в должностном, титульном характере собственности политарха на землю находил свое наглядное выражение тот факт, что действительным верховным собственником был вовсе не он, а класс, организованный в форме иерархии должностных лиц, и что политарх имел право распоряжаться общеклассовой собственностью лишь в силу своего положения на вершине этой иерархической лестницы.

В основе единства каждой политархии лежало единство

политосистемы, а последнее, как уже указывалось, коренилось в наличии одного единого центра распределения, который был воплощен в политархе. Самые простые, исходные политосистемы обычно имели форму пирамиды с несколькими уровнями. В них политарх непосредственно распределял продукт лишь между должностными лицами своего центрального аппарата и правителями, стоявшими одной ступенью ниже его. Последние, получив от политарха долю прибавочного продукта, в свою очередь, распределяли его между членами своих центральных аппаратов и правителями рангом ниже их. Они, как и политархи, были распорядителями прибавочного продукта, но только подчиненными. Их можно было бы назвать субполитархами, а округа, ими возглавляемые, — субполитархиями. Структура субполитархий была повторением, но в меньшем масштабе, структуры политархии. Таким образом, система распределения прибавочного продукта, центром которой был политарх, состояла из нескольких подсистем, центром каждой из которых был субполитарх. В свою очередь, каждая субполитархия могла быть разделена на несколько субсубполитархий, каждая из которых еще в меньшем масштабе повторяла политархию.

Если принять во внимание, что в чисто техническом отношении движение прибавочного продукта шло не от политарха к субполитархам, а, наоборот, от субполитархов к политарху, то можно понять, насколько непрочными были политархии, обладавшие такой структурой. Ведь, действительно, стоило только субполитархам перестать передавать часть прибавочного продукта, созданного в их округах, политарху, как их связь с последним рвалась, они сами становились политархами, а возглавляемые ими части одной единой ячейки политарной собственности превращались в самостоятельные ячейки, в самостоятельные политархии.

Но гораздо чаще, чем полный распад крупной политархии на несколько более мелких, имело место отделение от политарного социоисторического организма нескольких его частей и превращение их в самостоятельные политархии. Все эти процессы можно было наблюдать и у южноафриканских банту, и у басога, и у многих других народов. Подобного рода пирамидная структура ограничивала размеры протополитархий, что особенно наглядно можно видеть на примере южноафриканских банту. Последние принадлежали к числу, если можно так выразиться, «расширяющихся» народов, т. е. таких, у которых идет непрерывный рост населения, сопровождающийся расширением территории их обитания. Но увеличение населения и территории той или иной их протополитархий не могло продолжаться без предела. Рано или поздно она либо распадалась на

несколько самостоятельных протополитархии, либо же от нее отделялось несколько частей, становившихся самостоятельными социоисторическими организмами¹⁴². Этим и объясняется, что численность населения подавляющего числа южноафриканских политархии не превышала нескольких десятков тысяч человек.

2.6. Перестройка политосистемы как способ обеспечения целостности политархии

Сколько-нибудь длительное существование более крупных протополитархий было невозможно без существенной перестройки их внутренней структуры. И эта перестройка могла идти и шла по нескольким тесно связанным и переплетающимся линиям.

Одна из этих линий — уничтожение деления политосистемы на подсистемы, ликвидация таких мест в политосистеме, которые делали человека хотя и подчиненным, но, тем не менее, все же распорядителем прибавочного продукта, превращение политарха в единственного монопольного распорядителя прибавочного продукта. На практике это означало, прежде всего, лишение местных правителей права назначать или утверждать нижестоящих должностных лиц и переход его непосредственно к политарху.

Особенно наглядно движение в этом направлении можно видеть на примере Буганды. В середине XIX в. правитель Буганды — кабака непосредственно назначал не только губернаторов большинства провинций страны, но также правителей и субпровинций и округов, на которые последние подразделялись¹⁴³. Все эти местные правители назывались бакунгу. Кроме того, во всех провинциях страны имелось значительное число деревень (общин), прибавочный продукт которых шел непосредственно кабаке. Должностные лица, управляющие этими общинами, назначались самим кабакой и были ему непосредственно подчинены.

В XIX в. в Буганде получила широкое развитие и еще одна система. Суть ее заключалась в том, что многие лица, занимавшие должности при дворе кабаки, исполнявшие определенные обязанности по отношению к нему, оказывавшие ему определенные услуги и т. п., получали деревни (общины), которыми они или непосредственно сами, или через назначенных ими людей управляли и прибавочный продукт с которых поступал в их собственность. Такого рода общины назывались батонголе, а люди, получившие их в свое распоряжение, — батонголе. Батонголе были непосредственно ответственны перед кабакой и соответственно независимы от местных правителей — бакунгу¹⁴⁴.

Но движение по пути превращения политарха в единственного

распределителя прибавочного продукта ни в одной из сколько-нибудь крупных протополитархий не могло завершиться. В условиях, когда число политаристов было очень велико, полностью ликвидировать деление политосистемы на подсистемы было невозможно. С этим связано существование и еще одной линии перестройки этой системы. Суть ее заключалась в децентрализации существующих в политосистеме подсистем, в отрыве от их территориальных подразделений политархии. Это опять-таки наглядно можно видеть на примере Буганды. Одно из главных должностных лиц Буганды — ее «премьер-министр» и одновременно главный судья, — носившее титул катикиро, имело в своем непосредственном подчинении сотни общин, прибавочный продукт с которых шел ему, минуя всех местных правителей. Катикиро сам назначал должностных лиц, управлявших как отдельными общинами, так и их группами, причем все они вместе с должностями получали право на определенную долю прибавочного продукта. Перед нами, таким образом, определенная подсистема распределения прибавочного продукта, центром которой был катикиро. Но сколь обширна она ни была, никакой опасности превращения катикиро в политарха не существовало. Дело в том, что подчиненные ему деревни не занимали определенного участка территории, которая могла бы стать политархией, а были разбросаны по всем провинциям страны. Катикиро не был исключением. Все сказанное о нем может быть отнесено также к кимбугве — второму после него должностному лицу, к матери кабаки, к главной жене кабаки и некоторым другим представителям господствующего класса¹⁴⁵. Подобного рода явления мы наблюдаем и в других сколько-нибудь крупных протополитархиях.

Помимо перестройки путей социального движения прибавочного продукта сплоченности протополитархий могло способствовать и изменение путей его технического движения, например, переход сбора налогов от местных правителей к специальным уполномоченным политарха. Так, например, в Буганде, когда наступало время сбора налогов, кабака посылала каждую провинцию своего специального представителя, которого сопровождали представители катикиро, кимбугве, матери кабаки и его главной жены. В провинции к ним присоединялся представитель губернатора.

Собранный с провинции налог делился между всеми лицами, представители которых участвовали в сборе этого налога, причем большая его часть доставалась кабаке. Губернатор провинции из доставшейся ему

части налога выделял доли подчиненным местным правителям¹⁴⁶.

Другое решение этой проблемы, обеспечивавшее большую степень централизации распределения прибавочного продукта, мы наблюдаем у инков. Весь продукт с полей инки поступал в государственные хранилища и уже из них выдавался представителям господствующего класса.

И, наконец, важнейший способ обеспечения возрастания роли политарха в политосистеме было изменение принципа занятия мест в ней, т. е. принципа рекрутирования состава господствующего класса. В ранних протополитархиях важнейшую роль играл принцип наследственности. Место в политосистеме переходило после смерти человека, занимавшего его, к одному из ближайших его родственников, например, к сыну. Почти во всех ранних протополитархиях наблюдается существование знатных, аристократических родов (слово «род» мы употребляем здесь в самом широком смысле, подразумевая под ним совокупность людей, имеющих общего предка). Аристократизм их проявлялся не только в том, что их члены обладали монополией на занятие определенных мест в политосистеме, которые обычно были и должностями в государственном аппарате, но и в том, что сама по себе принадлежность к такому роду обеспечивала человеку место в данной системе. В последнем случае место в политосистеме могло и не совпадать с должностью в системе управления. Если человек принадлежал к роду политарха, то последний давал ему долю прибавочного продукта даже в том случае, если тот не занимал никакой должности. Основанием было исключительно лишь родство с политархом.

Чаще всего в каждой протополитархии был лишь один аристократический род — тот, к которому принадлежал сам политарх. Многочисленные примеры дает Африка¹⁴⁷. Однако известны и такие протополитархии, в которых существовало несколько знатных родов. Одним из них был род политарха, другие были обычно родами важнейших местных правителей (субполитархов). Как уже отмечалось, число мест в политосистеме всегда было ограниченным. Поэтому совершенно неизбежным было появление различного рода способов ограничения числа аристократов, способов «выведения» людей, имеющих аристократических предков, из рядов аристократии и тем самым из состава господствующего класса. Их мы находим у южноафриканских банту, натчей, полинезийцев, древних китайцев и многих других народов.

Но следует подчеркнуть, что даже на ранних этапах класс политаристов состоял не из одних только аристократов. Роль политарха как распределителя прибавочного продукта по отношению к аристократам

была минимальной. Кроме того, его ближайшие родственники не в меньшей степени, чем он сам, имели право на занятие места политарха и нередко пытались его реализовать либо путем свержения правящего политарха, либо путем отделения одной из частей протополитархий и превращения ее в самостоятельный социоисторический организм. И одним из способов нейтрализации опасности, угрожавшей политарху со стороны аристократов, было включение в состав господствующего класса представителей рядовых (коммонерских) родов, по отношению к которым политарх выступал как подлинный распределитель прибавочного продукта, как человек, который мог дать им долю прибавочного продукта, а мог и лишить их этой доли.

У южноафриканских банту аристократия составляла основную часть господствующего класса. К аристократии принадлежало большинство субвождей и значительная часть общинных старост. Аристократами были и многие ближайшие советники вождя. Однако центральный исполнительный аппарат вождя набирался в основном из коммонеров. Из числа последних чаще всего вождь выбирал своего главного помощника — великого индуну — своеобразного «премьер-министра». Коммонерами были некоторые субвожди и многие старосты общин¹⁴⁸. Южноафриканские протополитархи в принципе могли назначать и смещать местных правителей, причем не только из числа коммонеров, но и аристократов; в определенных случаях они этим правом пользовались. Однако чаще всего поста субвождей независимо от того, занимали их аристократы или коммонеры, были не только пожизненными, но и наследственными. Обычно должность переходила к одному из сыновей субвождя, и политарх ограничивался утверждением последнего в ней. Так же обстояло дело и с должностями старост общин с тем только отличием, что утверждал наследника, как правило, не вождь, а субвождь¹⁴⁹. Фактически наследственный характер должностей местных правителей ослаблял их зависимость от протополитарха, что способствовало расколам протополитархий, столь частым у южноафриканских банту.

По мере возрастания размеров протополитархий все более важным условием сохранения ее целостности становился переход к замещению мест в политосистеме, не исключая должностей местных правителей, путем назначения их политархом. Это само по себе усиливало значение политарха как распорядителя прибавочного продукта, не говоря уже о том, что только такое назначение могло открыть дорогу к превращению политарха в единственного распорядителя прибавочного продукта. Только

получив возможность назначать, если не на все должности, то, по крайней мере, на основные, и смещать с них, политарх становится подлинным распорядителем прибавочного продукта, созданного в пределах политархий. И роль политарха в распределении прибавочного продукта, а тем самым и его политическая власть, являлась тем большей, чем шире был круг лиц, из которого он мог черпать кандидатов на государственные должности. Если этот круг в основном ограничивался лишь теми людьми, которые уже входили в состав господствующего класса, то действия политарха, по существу, сводились к перемещению одних и тех же людей с одного места в политосистеме на другое. Если же он более широк, если число лиц, входящих в него, значительно превышало число мест в политосистеме, то политарх получал возможность, с одной стороны, систематически вводить в состав господствующего класса людей, которые ранее к нему не принадлежали, а с другой — столь же систематически удалять из состава этого класса тех его членов, которые по тем или иным причинам вызвали его недовольство, причем это удаление чаще всего принимало форму физического уничтожения последних,

Если обратиться снова к Буганде, то все исследователи единодушно указывают на ту огромную роль, которую сыграл в обеспечении единства страны переход от замещения должностей по наследству к замещению их путем назначения кабакой. К середине XIX в. этот переход не был еще завершен полностью. Оставались и такие должности, которые в той или иной степени замещались по наследству. Так, например, мугемой — губернатором центральной провинции страны — Бусиро был глава рода Нкима¹⁵⁰. Однако, во-первых, эта провинция была разделена на две части, каждая из которых управлялась должностным лицом, назначенным кабакой, во-вторых, в ней было много батонголе, непосредственно назначаемых кабакой и ответственных лишь перед ним¹⁵¹.

В раннюю эпоху истории Буганды должности губернаторов всех без исключения провинций были наследственными в том или ином роде. Кабака первоначально добился права назначать глав родов и тем самым губернаторов провинций. Однако это еще не давало ему полноты власти, ибо должность главы рода могла быть замещена только одним из членов этого рода. И следующим шагом был переход к назначению губернаторов по усмотрению кабаки, без учета их родовой принадлежности. За главами родов сохранилось лишь право управления теми общинами, на территориях которых были погребены родовые предки. Все это было достигнуто в упорной борьбе, в ходе которой многие главы родов были убиты. Память о

массовых репрессиях против глав родов и их подразделений была жива еще в середине XIX в.¹⁵²

Постепенно были отстранены от власти и родственники кабаки. Потомки прежних кабака хотя и именовались принцами, но не составляли привилегированного слоя и нередко жили как обычные крестьяне. Они были известны как «крестьянские принцы»¹⁵³. Ближайшие родственники правящего кабаки, прежде всего его братья, обычно не занимали никаких должностей, хотя определенную долю прибавочного продукта получали. Они занимали такие места в политосистеме, которые не совладали с должностями в государственном аппарате. Но с начала XIX в. братья кабаки обычно безжалостно уничтожались¹⁵⁴.

В целом в Буганде XIX в. подавляющее большинство должностных лиц назначалось, причем чаще всего непосредственно, самим кабакой. Выбирались они обычно из тех сотен мальчиков, которые служили при дворце кабаки в качестве своеобразных пажей¹⁵⁵. Каждое должностное лицо в любое время могло быть смещено со своего поста. Если местный правитель переводился в другой округ, то он не имел права никого и ничего захватить с собой, кроме жен и скота. Все остальное имущество переходило к его преемнику¹⁵⁶.

Нередко кабака, желая сместить того или иного протополитариста, возбуждал против него дело и заключал в тюрьму. Если он признавался виновным, то кабака захватывал его жен и скот. Особенно часто возбуждалось дело против тех должностных лиц, которые выделялись своим богатством. Ни один самый могущественный протополитарист не мог считать себя в безопасности. В любое время он мог быть лишен всего достояния и даже жизни по простому капризу кабаки¹⁵⁷. Среди протополитаристов процветала система взаимной слежки и доносов. Нижестоящие протополитаристы доносили на вышестоящих, обвиняя их в измене, неспособности, с тем, чтобы добиться смещения последних и занять их место¹⁵⁸.

Насколько кабака, несмотря на все описанные выше меры, не доверял местным правителям, можно видеть хотя бы по тому, что большую часть года они обязаны были жить в столице страны, представляя управление своими округами заместителям. Правитель, который слишком часто задерживался в своем округе, подозревался в заговоре и смещался, а нередко лишался также и всего имущества¹⁵⁹.

К концу XIX в. в Буганде появилась постоянная армия. Все это, вместе взятое, делало Буганду сплоченным централизованным государством¹⁶⁰.

Буганда была классическим образцом поздней протополитархий. Последние в отличие от ранних, как правило, не имели пирамидной структуры в том смысле, который вкладывают в этот термин некоторые африканисты, т. е. части, из которых они состояли, не были уменьшенными копиями целого. На определенном этапе становления политарных отношений ликвидация такого рода организации была необходимым условием дальнейшего развития по направлению к классовому обществу. Перестройка структуры политосистемы в разных протополитархиях могла происходить по-разному, но она с необходимостью должна была иметь место. Без этого дальнейший прогресс был невозможен. Но при всех изменениях протополитархий продолжали иметь пирамидную структуру в самом широком смысле слова, а именно: всегда существовала иерархическая система, имевшая несколько уровней, высший из которых был представлен лишь одним лицом — протополитархом, а каждая последующая — все большим числом должностных лиц.

Возвращаясь снова к Буганде, отметим, что она была такой поздней протополитархией, которая сравнительно близко подошла к границе, отделявшей праклассовое общество от классового. Следующим крупным шагом могло быть превращение ее в подлинную политархию. Если было бы исключено влияние со стороны более развитых обществ, то Буганда в конечном счете превратилась бы в социоисторический организм, по основным своим чертам сходный с Ранним и Древним царствами Египта.

Но к тому времени, когда Буганда достигла рассматриваемой ступени развития, человечество в целом уже вступило, в эпоху капитализма, и судьба этого социоисторического организма с неизбежностью оказалась совершенно иной. Она вошла в состав английского протектората Уганды, который спустя семь десятилетий, в 1962 г., стал независимым государством. И перед этим новым социоисторическим организмом в настоящее время открываются только две возможности, два пути развития — капиталистический и некапиталистический. И в этом отношении судьба Буганды типична для современных ей праклассовых обществ.

май 1974 г.

Очерк 3

**Протополитарные и политарные
общества: материалы к генезису**

политарного способа производства [161](#)

3.1. Вводные замечания

Больше всего протополитарных, т. е. формирующихся политарных, обществ было обнаружено этнографами в Африке. В предшествующей работе было показано, что такие общества существовали у всех бату Южной Африки, а также у азанде, баганда, басога, баха, васукума. К этому списку можно добавить базинга, баньоро, баньянколе, баторо, бахайя¹⁶², ашанти, балунда, бамилеке, волоф, дагомба, йоруба, мампруси, менде, моси, тикар, фанги, фон, хауса, эдо (бини)¹⁶³, алур, базинза, баконго, бакуба, балуба, балунда, баньяруанда, лапула, мланье, чагга¹⁶⁴, бемба¹⁶⁵, лувале¹⁶⁶, нуле¹⁶⁷, мальгашей¹⁶⁸ и еще много других культурно-языковых общностей Африки южнее Сахары.

Но самое важное, в целом ряде случаев наука располагает материалами не только о структуре и функционировании протополитарных обществ, но и об их историческом развитии.

3.2. Историческая динамика протополитархий нгуни (мтетва, ндвандве, зулу, темба, нгвааны, хлуби, батлоква, кумало и др.) Южной Африки

В предшествующей работе была довольно подробно рассмотрена социальная организация южноафриканских банту, какой она была в конце XIX - начале XX вв. Такими же были общественные отношения у них и раньше — в конце XVIII - начале XIX вв. Банту Южной Африки подразделялись на множество вождеств, т. е. протополитархий. Имеются основания полагать, что такая организация существовала у них уже тогда, когда они пришли в эти края¹⁶⁹. Произошло это довольно давно. Район современного Наталя, который нас прежде всего интересует, был заселен банту, вероятно, в середине XV в.¹⁷⁰ Большинство их относилось к группе, которую было принято именовать нгуни. Только на территории, которая в дальнейшем получила название Зулуленда, в начале XIX в. существовало около 50 независимых их вождеств¹⁷¹.

Одни и те же исследователи буквально на одних и тех же страницах называют эти социальные единицы и родами (кланами), и племенами, и государствами¹⁷².

Первая характеристика связана с тем, что в каждом вождестве один из родов был доминирующим. К нему принадлежал правитель. Имя доминирующего рода обычно использовалось как название вождества в целом¹⁷³. Например, вождество, в котором доминировал род Зулу, носило название Зулу.

Характеристика вождества как племени имеет несколько причин. Одна из них состоит в том, что члены этой социальной единицы обычно имели общую культуру и говорили на одном языке. В результате название вождества было одновременно названием совокупности людей, составлявших его население. Жители вождества Мтетва назывались мтетва. Другая заключалась в том, что вождество в своей исходной форме было не геосоциальным, а демосоциальным организмом¹⁷⁴. Хотя оно всегда и занимало определенную территорию, однако не было намертво связано с ней. Вождество могло перемещаться по земле, сохраняя свою структуру.

Вождество было формирующимся государством (прагосударством), что и давало исследователям основание характеризовать его как государство.

По мнению А. Т. Брайанта, население «кланов», находившихся на территории Зулуленда, в 1816г. колебалось от несколько сот до несколько тысяч человек¹⁷⁵. Однако эти цифры находятся в известном противоречии с утверждениями ряда исследователей о том, что социоисторические организмы нгуни начала XIX в. имели не двухзвенную (общины — вождество), а трехзвенную (общины — округа — вождество) систему управления¹⁷⁶.

В XVIII в. отношения между вождествами нгуни были далеко не всегда мирными. Частым явлением были набеги с целью захвата скота¹⁷⁷. Имели место и формальные войны между вождествами. Они возникали по разным причинам. Когда выяснялось, что какие-либо противоречия между членами разных вождеств нельзя разрешить мирным путем, назначался день и определялось место схватки. Собирались все взрослые члены обоих прагосударств. Каждая сторона выставляла 20-40 воинов, которые вступали в сражение друг с другом. Победенные обращались в бегство, а победители кидались ловить мужчин, женщин, а также скот врага. Людей в последующим возвращали за выкуп, а скот оставляли у себя¹⁷⁸.

Но войны с целью подчинения других вождеств до конца XVIII в., по-видимому, были неизвестны. Положение изменилось с началом XIX в., что, вероятно, в определенной степени связано с европейским влиянием.

Один из сыновей правителя вождества Мтетва Нгодонгвана в силу ряда причин был вынужден покинуть родину. Во время своих странствий он имел контакты с европейцами. В 1806 или 1808 г. он вернулся, захватил власть и начал править мтетва под именем Дингисвайо¹⁷⁹.

Население Мтетва составляло немногим более 4 тысяч человек, из которых 500 были способны носить оружие¹⁸⁰. С этим небольшим отрядом Дингисвайо начал свои завоевания. За сравнительно короткий срок он подчинил себе значительное число ранее самостоятельных вождеств. Он провел военную реформу. На базе возрастных разрядов им была создана более или менее стройная система полков. В результате в его распоряжении оказалась настоящая армия¹⁸¹. Одни вождества были им завоеваны, другие подчинились ему добровольно.

Однако единой крупной протополитархии Дингисвайо не создал. Подчиненные им вождества сохранили большую степень самостоятельности. Их зависимость от Дингисвайо ограничивалась уплатой дани и предоставлением в его распоряжение отрядов воинов. Они не входили в состав новой, более крупной протополитархии в качестве округов или провинций, а по-прежнему оставались протополитархиями, но

только теперь вассальными. Такого рода объединение, состоящее из одной господствующей и нескольких вассальных протополитархии, некоторые исследователи называют федерацией¹⁸². Я буду называть его державой. Соответственно господствующую протополитархию можно именовать державной. Державная протополитархия является ядром державы, вассальные составляют ее периферию.

Дингисвайо не был одинок в своих замыслах. Одновременно или почти одновременно с ним завоевательную политику начал проводить правитель вождества Ндвандве — Звиде. Он тоже подчинил себе немалое число ранее самостоятельных вождеств. Столкновение Дингисвайо и Звиде было неизбежным. Дингисвайо трижды побеждал Звиде, брал его в плен и освобождал после того, как тот признавал его верховенство. В 1818 г. Дингисвайо предпринял новый поход против Звиде, но был предательски убит последним. После этого Звиде продолжал создавать свою державу. Однако он столкнулся с новым соперником. Им оказался Чака — правитель вождества Зулу.

Родившийся в 1787 г. Чака был сыном вождя зулу — Сензангаконы. В семилетнем возрасте он вместе с матерью был изгнан отцом, в конце концов он оказался в вождестве Мтетва, где прославился как воин и стал любимцем Дингисвайо. Еще находясь на службе у Дингисвайо, Чака изобрел новый вид оружия — ассегай с массивным клинком и прочным коротким древком, что привело к изменению тактики боя. В 1816 г. Сензангакона, признавший к тому времени власть Дингисвайо, умер и при поддержке верховного правителя Чака стал вождем зулу.

Владения Чаки составляли 100 кв. миль. В войске его насчитывалось 500 человек. Не отказываясь от подчинения Дингисвайо, Чака начал проводить активную самостоятельную политику. Он начал с подчинения вождества Э-Лангени в результате чего удвоил свои силы. Затем в зависимости от него оказались еще три вождества: Гунгебени, Сибийя и Разини. Следующим шагом Чаки был беспощадный разгром вождества Бутелези. Часть его жителей была истреблена, часть слита с зулу, э-лангени и гунгебени. Пустующие земли были заселены зулу и их союзниками. Захваченный скот был отослан Дингисвайо, который значительную его часть вернул своему протезе.

В течение года Чака подчинил себе 6 вождеств. Территория, контролируемая им, выросла в 4 раза, а армия увеличилась до 2 тысяч человек. К этому времени его воины были вооружены ассегаями нового типа и научились соблюдать боевой порядок и строжайшую дисциплину. В 1817 г. Чака принял участие в походе Дингисвайо против вождества

нгваанов, который закончился успехом.

Убив Дингисвайю, Звиде попытался покончить с Чакой. Вспыхнула война. В апреле 1818 г. произошла кровопролитная битва на холме Гокли, в которой войска Чаки одержали победу. Ндвандве потеряли 7,5 тысяч человек. Из воинов Чаки было убито 1,5 тысячи человек и 500 ранено.

Этот успех обеспечил дальнейшее расширение влияния Чаки. Многие вождества признали его власть. В конце 1818 г. было покорено крупное вождество Гвабе. Подчинилось его власти и ранее державное вождество Мтетва. К концу 1818 г., под властью Чаки оказалось более 80 вождеств. Его господство распространялось на территорию более чем в 7 тысяч кв. миль¹⁸³.

В 1819 г. началась новая война между Чакой и Звиде. 18-тысячная армия ндвандве во главе с Сошангааном вторглась в страну Чаки. В решающей битве она была наголову разгромлена. После этого войска Чаки смертоносным смерчем пронесли по стране ндвандве, уничтожая людей, угоняя скот, сжигая хижины. Звиде с частью жителей своего вождества бежал и поселился далеко от родины.

В 1820 г. Чакой была разгромлена еще одна держава нгуни, которую возглавлял верховный вождь тембу — Нгози. К концу 1821 г. господство Чаки распространилось на область в 11,5 тысяч кв. миль, простиравшуюся от реки Тугела на юге до Понголы на севере и от реки Баффало на западе до Индийского океана. Эту территорию Э. А. Риттер называет Великой Зупусией¹⁸⁴. Именно ее прежде всего имеют в виду, когда говорят о Зулуленде. По подсчетам А. Г. Брайанта население Зулуленда в 1816 г. составляло 74 898 человек¹⁸⁵. К 1821 г. в армии Чаки насчитывалось более 20 тысяч воинов¹⁸⁶. Еще более возросло могущество Чаки за последующие годы. По подсчетам Э. А. Риттера к 1828 г. под его властью находилась территория в 200 тысяч кв. миль. Армия его к этому времени выросла до 50 тысяч человек¹⁸⁷.

22 сентября 1828 г. Чака был убит заговорщиками. Власть перешла к его брату — Дингаану, при котором территориальная экспансия прекратилась. После войны с бурами в 1838 г. произошло сокращение подвластной зулусам территории. В 1840 г. Дингаан был свергнут братом — Мпанде. После смерти последнего в 1872 г. правителем стал его сын — Сетвайю. В 1880 г. зулусы потерпели поражение от англичан. Их земля была вновь разделена на множество вождеств¹⁸⁸.

Политическое образование, созданное Чакой, довольно отчетливо делилось на две части. Первая часть — ядро, называемое Э. А. Риттером

Великой Зулусией. Вторая часть — вся остальная территория, находившаяся в зависимости от Чаки. Собственно Зулусия не была объединением, состоявшим из одной господствующей протополитархии и многих вассальных. Чака последовательно проводил политику централизации. С подчинением его власти ранее самостоятельные вождества на этой территории превращались не в вассальные протополитархии, а становились частями — провинциями новой крупной единой протополитархии.

Во главе этих провинций нередко оставались старые правители, но права их при этом значительно урезывались. Ни один из них не мог вести самостоятельной политики, как это делал Чака при Дингисвайо. Огромную роль в создании политического единства играла армия. Вся жизнь зулусов при Чаке была милитаризована. Продолжая линию Дингисвайо, Чака создал стройную систему полков, сформированных по возрастному принципу. Эти полки подчинялись непосредственно верховному правителю. Они жили в специальных военных краалях, сконцентрированных вокруг столицы. Правители провинций не имели над ними никакой власти.

В результате централизаторской деятельности Чаки все население Великой Зулусии образовало одну этническую общность, за которой закрепилось название зулу, или зулусов. Если в начале деятельности Чаки под зулусами понимали лишь членов вождества Зулу, то к ее концу зулусами считало себя все население этой территории.

В отличие от вождеств, которые были демосоциальными организмами, созданная Чакой единая крупная протополитархия была организмом уже геосоциальным. Она прочно срослась с территорией. Качественное отличие протополитархий подобных тем, что была создана Чакой, с одной стороны, от обычных вождеств, с другой, — от объединений, состоящих из господствующих и вассальных протополитархий, т. е. держав, осознается многими исследователями. Они их именуют «нациями» или «королевствами». В некоторых ранних работах о южноафриканских банту термин «королевство» применялся иногда и для обозначения вождеств. Однако в более поздней литературе отчетливо проводится различие между вождеством, федерацией (т. е. державой) и королевством¹⁸⁹.

Все сказанное выше дает основание для подразделения протополитархий на два основных вида. Первый — ранние протополитархии. Их обычно именуют вождествами. Второй — поздние протополитархии. Именно их обычно называют королевствами. Учитывая, что речь здесь идет о предклассовом обществе, я вместо слова

«королевство» буду употреблять несколько иное — «пракоролество». Пракоролество зулусов во времена Чаки было ядром обширной державы, в которую входили вассальные вожества.

События, развернувшиеся в Натале в начале XIX в. имели своим следствием не только образование пражкоролества зулусов и вообще державы Чаки. Они привели и к другим результатам.

Выше уже упоминался поход, предпринятый Дингисвайо против вожества нгваанов. Их вождь Мативаан признал верховенство Дингисвайо, после чего конфликт был разрешено. Но, готовясь к войне с Дингисвайо, Мативаан укрыл весь скот своего вожества во владениях Мтимкулу — вождя хлуби. Когда войско Дингисвайо ушло, Мативаан потребовал у Мтимкулу свой скот и получил отказ. В это время на нгваанов обрушился уже известный нам правитель ндвандве Звиде. Нгвааны были вынуждены спешно покинуть родину. Их войско, вместе с которым шли женщины и дети, напало на главное селение хлуби, уничтожив всех тех, кто там находился, включая Мтимкулу. Уничтожены были и другие селения хлуби. Победители удалились, гоня с собой и собственный скот, который удалось вернуть, и чужой.

Однако значительная часть хлуби спаслась бегством. Их объединил под своей властью брат убитого вождя — Мпангазита. Под его руководством они перешли Драконовы горы и напали на вожество Батлоква, находившееся на территории нынешнего Свободного Оранжевого государства. Им в то время управляла Мантатизи — мать малолетнего вождя Сиконьелы. Захватив весь скот батлоква, Мпангазита пошел на юго-запад, уничтожая все на своем пути. При этом пострадали народы, населявшие запад Басутоленда и большую часть Свободного Оранжевого государства.

Ограбленные батлоква во главе с Мантатизи двинулись на юго-запад, оставляя после себя столь же страшные следы. Они нанесли поражение бафукенгам, махвава, баквена. Ими была одержана победа над знаменитым Мшвешне (Мошешу) — будущим основателем пражкоролества Басутоленд.

Что же касается нгваанов во главе с Мативааном, то, разгромив хлуби, они двинулись на юг, сжигая на своем пути селения и истребляя всех без разбора: детей и женщин, стариков и больных. Переправившись через реку Тугела, Мативаан со своими людьми поселился в 1818 г. у подножья Драконовых гор. Однако спустя четыре года он потерпел поражение от одного из полководцев Чаки — Мдлака и, потеряв весь скот, был вынужден уйти на территорию Свободного Оранжевого государства. Грабя и

уничтожая все на своем пути, нгвааны прошли по восточной части Свободного Оранжевого государства к северо-западным районам Басутоленда. В 1828 г. в восточной части Капской провинции Мативаан был разбит объединенными силами англичан, коса и тембу. С горсткой воинов он избежал гибели и вернулся в страну зулусов, где был убит по приказу Дингаана¹⁹⁰.

В случае с Мпангазита, Мантатизи и особенно Мативааном мы сталкиваемся с очень своеобразным явлением — мигрирующим, или подвижным (мобильным) вождеством. Так как подобное вождество почти непрерывно находилось в движении, что не давало возможность заниматься нормальной хозяйственной деятельностью, то в основном оно жило грабежом народов, по территории которых проходило. Если исключить бесчисленные зигзаги, то нгвааны во главе с Мативааном за несколько лет прошли, грабя и уничтожая все на своём пути, почти тысячу миль по неизвестной местности. После поражения в войне с Чакой мигрирующим вождеством стали тембу, мбата и кузе во главе с Нгози. В подвижное вождество превратились в 1821 г. цуну, возглавляемые Мацингване. Они также сеяли на своем пути смерть и разрушения¹⁹¹.

В одних случаях мы имеем дело с настоящими подвижными вождествами, т. е. протополитархиями, в других — просто с вооруженными отрядами. Впрочем, грань здесь весьма условна. Мигрирующие вождества могли превращаться в обыкновенные вооруженные отряды, а отряды — в подвижные вождества.

Во главе образований, природа которых не вполне ясна, оказались после полного разгрома ндвандве бывший главнокомандующий их армией Сошангаан, его заместитель Звангендаба, а также один из подчиненных ему полководцев — Нкаба. Эти образования постоянно пополнялись за счет народов, которые оказывались на их пути. В 1821-1822 гг. Сошангаан, Звангендаба и Нкаба порознь двинулись на север от своей родины. Победоносно продвигаясь вперед, Сошангаан разгромил португальцев, подчинил себе множество вождеств и основал державу Шангаан (Газа), простиравшуюся по побережью Индийского океана от бухты Делагоа до Замбези¹⁹². По своим масштабам это образование было не меньшим, чем держава Чаки.

Звангендаба за 20 лет прошел путь более 2 тысяч миль и к 1840 г. достиг Танганьики. Если при начале движения его сопровождало несколько сот человек, то к этому времени он был главой вождества, насчитывавшем в своем составе много тысяч членов. Из них только 10% были нгуни по

происхождению. Остальные 90% были абсорбированы во время движения из среды народов, по территории которых проходило это вождество. Эта новая общность людей получила название ангони. Во время движения от подвижного вождества Звангендабы откалывались группы, возглавляемые теми или иными честолюбивыми руководителями. В конце концов они оседали в том или ином районе. Всего возникло 16 вождеств ангони. Самые южные из них обосновались в области озера Ньяса, самые северные — возле озера Виктория¹⁹³.

Участь Нкабы была трагичной. Вначале, подчинив себе ндаву, он стал правителем довольно крупного вождества на территории нынешнего Мозамбика. Затем он, будучи изгнан Сошангааном, двинулся на запад и, в конце концов, погиб¹⁹⁴.

Одним из самых удачливых завоевателей, вышедших из числа нгуни, был Мзиликази (Моселекатсе). Он был сыном правителя вождества Кумало, находившегося в зависимости от Звиде. Отец его был вероломно убит последним. После битвы у Гокли Мзиликази перешел на службу к Чаке. Когда ндвандве были разгромлены, он был восстановлен в должности вождя кумало. Будучи послан Чакой в поход на север, он захватил богатую добычу, которую решил оставить себе. Узнав об этом, Чака послал к нему гонца с требованием отдать захваченный скот. Мзиликази отказался. Против него была направлена карательная экспедиция, которая оказалась безуспешной. В результате следующей, предпринятой в 1823 г., Мзиликази потерпел поражение и бежал. По одним данным его сопровождало 300 молодых воинов и много женщин и детей, к которым потом присоединились и некоторые другие люди из числа кумало¹⁹⁵. Другие утверждают, что он увел с собой более 2 тысяч воинов с женами и детьми¹⁹⁶. Двигаясь на север, Мзиликази разгромил зависимое от Чаки вождество Ньока. Многие ньока были убиты, весь их скот захвачен. Ся смерть и разрушение, он прошел по вождествам басуто в Восточном Трансваале. Женщин он захватывал, молодых мужчин забирал себе на службу. Образовавшаяся вокруг Мзиликази общность людей получила название матабеле.

Вслед за басуто наступила очередь бечуанов, которые ничего не могли противопоставить матабеле с их зулусской военной организацией, новым оружием и новой тактикой рукопашного боя. Часть бечуанов была перебита, часть бежала в пустыню Калахари, а оставшиеся признали власть Мзиликази. Последний основал свою резиденцию вблизи нынешней Претории. Отсюда он распространил свое влияние на большую территорию

между реками Ваал и Лимпопо. Здесь матабеле прожили 13 лет.

В 1836 г. их начали теснить бургские поселенцы. После двух лет борьбы матабеле снялись с места и ушли на север. Они поселились на территории нынешнего Зимбабве. Мзиликази создал огромную державу, простиравшуюся от реки Ваал на юге до реки Замбези на севере и от озера Нгами на западе до Мозамбика на востока Ее территория превышала 500 тысяч кв. миль. На этом обширном пространстве кроме матабеле жили бечуаны, мошона, моколото. По европейским данным, войска преемника Мзиликази Лобенгулы в 1889 г. включали в свой состав 11 500 матабеле и 10000 воинов из вассальных вожеств. В 1893 г. матабеле потерпели поражение в борьбе с англичанами и оказались под их властью. Держава матабеле прекратила существование.

На основе приведенного материала напрашивается несколько выводов.

Когда существует бок о бок множество сравнительно равных по силе протополитархий, то такая система долгое время может оставаться стабильной. Но стоит только одной протополитархии выделиться и подчинить себе несколько других, как равновесие сил резко нарушается. Наступает эффект снежного кома. Подчинение все новых и новых протополитархий делает первую все более могущественной, а могущество в свою очередь делает возможным новые захваты. Одновременно рост могущества одной из протополитархий делает настоятельно необходимым объединение тех протополитархий, которые еще не завоеваны и не желают подвергнуться такой участи. В результате наряду с одной расширяющейся протополитархией возникают и другие не менее могущественные. Между ними разгорается борьба, которая решается в пользу одной из них. Поражение одного из соперников снимает преграды на пути территориальной экспансии победителя.

В результате буквально за несколько лет может радикально измениться политическая карта. На смену множества независимых вожеств приходит либо одна крупная протополитархия, либо держава, а иногда и то и другое одновременно.

Толчок, нарушающий первоначальное равновесие, нередко приходит извне. Особенно наглядно это можно видеть тогда, когда на данную территорию вторгается мобильная протополитархия. Она первоначально подчиняет себе несколько местных, а затем начинается эффект снежного кома. Вторгнуться извне может не только подвижная протополитархия, но просто крупный вооруженный отряд, отправившийся на поиски новой родины.

Завоевания Чаки состояли в присоединении новых территорий к ранее

существовавшему социальному образованию. Они привели к возникновению, во-первых, пракоролевства зулусов, во-вторых, крупной державы, ядром которой это пракоролевство являлось. Внутри пракоролевства не было различий между завоевателями и покоренными. Все его жители в равной степени являлись зулусами. В пределах державы различие между завоевателями и покоренными было различием между жителями зулусского пракоролевства и жителями вассальных вожеств.

В случае Мзиликази завоеватели пришли извне и поселились на территории покоренных народов. В результате, наряду с протоклассовой стратификацией возникла и иная, не совпадающая полностью с первой.

Кумало, вообще все нгуни, пришедшие из Наталя, и их потомки образовали высший слой, получивший название абензанзи («Те, кто с юга»). Представители басуто, бечуанов, которые были инкорпорированы во время пребывания в Трансваале и в той или иной степени усвоили зулусский язык, образовали второй слой — абенхла («Те, кто с севера»). Остальные, прежде всего мошона, принадлежали к низшему слою — амахоле¹⁹⁷. Это различие не совпадало не только с классовым, но и с различием между жителями доминирующей протополитархий и жителями вассальных.

Различие между завоевателями и коренным населением особенно долго сохраняется, когда первые и вторые не только относятся к разным этническим общностям, но и ведут различный образ жизни.

Все южноафриканские банту, о которых шла речь, были земледельцами и животноводцами. У всех у них существовали протополитарные отношения. В результате завоевания их общественный строй не претерпел сколько-нибудь существенных изменений. Единственное, что произошло, это возникновение наряду с вожествами пракоролевств и держав.

3.3. Союзы протополитархий: аканы (ашанти и фанти) Западной Африки

Сходный, но несколько иной ход событий наблюдался у аканов Западной Африки (ашанти, фанти), численность которых 10 млн человек. У них наблюдалось возникновение не только держав и пракоролевств, но и союзов (федераций, конфедераций) протополитархий. Протополитархии объединялись прежде всего для ведения войн. Один из самых известных таких союзов носил название Асанте, что буквально означало — «объединение для войны, военный союз»¹⁹⁸.

В жизни аканов огромную роль играла внешняя торговля, прежде всего обмен с европейцами. Объектами были золото, слоновая кость, перец, черное дерево. С конца XVII в. главным товаром стали невольники, которых европейские работорговцы поставляли в Америку. В обмен аканы получали огнестрельное оружие. Войны у аканов были постоянным явлением. Они велись ради грабежа, захвата рабов, получения контрибуции, увеличения числа данников.

Но одной из важнейших целей войн было установление контроля над торговыми путями, ведущими от побережья к внутренним районам. Значение внешней торговли и войн у аканов было столь велико, что В. А. Попов характеризует их социальные образования как паразитические военно-торговые организмы¹⁹⁹. Как утверждает он, общество аканов зиждилось прежде всего на внешней эксплуатации: военном грабеже, контрибуциях, данничестве, посреднической торговле²⁰⁰. Для него был характерен африканский (военно-торгово-даннический) способ производства²⁰¹. Именно на его базе возникло государство. Что же касается антагонистических классов, то их в обществе аканов не существовало. Политогенез у них опережал классогенез²⁰².

Прежде всего следует отметить, что В. А. Попов ставит знак равенства между понятиями «способ эксплуатации» и «способ производства». Но существуют такие способы эксплуатации, которые способами производства не являются. К ним относятся и военный грабеж, и посредническая торговля, и данничество. Никакого военно-торгово-даннического способа производства не существует и существовать не может. Но ни одно общество не может жить без какого-либо способа производства.

Основная социальная единица у аканов называлась оман. Ее

возглавлял оманхене. Данные свидетельствуют о том, что оман был типичной протополитархией, а оманхене — типичным протополитархом. Оманхене считался хозяином земли омана²⁰³. Оман подразделялся на округа, а последние состояли из общин с населением от 500 до 1000 человек²⁰⁴.

Часть созданного продукта общинники отдавали главе общины (одекуро). Последний 1/3 полученного использовал на свои нужды, а остальное передавал оманхене. Последний получал дары, подношения от общин во время праздников Оджиры и Адаэ. Оманхене имел право на часть мяса и шкуры ряда диких животных, убитых на территории вождества, а также на часть рыбы. Охотник на слонов был обязан отдавать ему один бивень и хвост. Оманхене получал значительную долю золотых самородков и золотого песка, добываемого на подвластной территории. Правителю шли дани, штрафы, пошлины, а также часть военной добычи²⁰⁵. Долю прибавочного продукта получали и другие должностные лица. Размеры ее зависели от их места в иерархической системе. Например, сборщики податей, пошлин и штрафов получали 1/5 собранного²⁰⁶.

Существование протополитарной эксплуатации, а тем самым и протополитаристов, у аканов несомненно. Но наряду с ней бытовали и другие формы извлечения прибавочного продукта. Кроме упомянутых выше у них существовало также рабство и кабальничество²⁰⁷.

Одни оманы могли себе подчинять другие. В ряде случаев побежденные оманы становились частями победившего, т. е. происходило укрупнение последнего. Так в XVIII в. оман Кумаси победил и влил в свой состав оманы Амакон, Каасе, Тафо, Дормаа. В других случаях побежденные оманы, сохраняя внутреннюю самостоятельность, становились вассалами данниками победителя²⁰⁸. Возникли объединения, которые выше были названы державами. Оман Аквamu в XVII-XVIII вв. имел 10-12 вассальных оманов²⁰⁹.

Все это имело место и у нгуни. Новое явление — образование союзов протополитархий. Один из самых известных таких союзов — конфедерация Ашанти (Асанте Нгабом), возникшая, вероятно, в начале XVIII в. Она была образована для ведения войны с Оманом Денчира, который был в дальнейшем разгромлен и влился в состав омана Кумаси.

Согласно устной традиции этот союз состоял первоначально из 5 оманов, хотя трудно сказать, насколько это соответствует действительности. В дальнейшем число полноправных членов союза, которые назывались аманто, выросло. Однако на протяжении двух столетий

в союз никогда не входило одновременно более 12 аманто.

Главой союза был правитель омана Кумаси. Он был не только кумасихене, но и асантехене. Все аманто были независимы в решении своих внутренних проблем. Асантехене не имел права вмешиваться в их дела и обладал реальной властью только в своем Омани Кумаси. Первоначально он был первым среди равных оманхене.

Все аманто вместе взятые образовывали союз — Асантеман. Но вскоре состав конфедерации Ашанти перестал совпадать с Асантеманом. В результате непрерывных войн Асантеман к середине XVIII в. подчинил и обложил данью более 20 вожеств. Еще около десятка добровольно приняли его протекторат.

Все эти зависимые протополитархии не стали аманто. Они делились на две категории. Первая из них — амансин. К ней относились оманы, населенные аканами, или те, где при смешанном населении правили аканские роды. Они были тесно связаны с Кумаси, но пользовались независимостью в своих внутренних делах. Их жители участвовали в войнах в составе ашантийской армии. Амансин входили в состав конфедерации Ашанти, но не Асантемана²¹⁰.

Вторая категория — аматеасе. В их столицах, в отличие от амансин, находились вооруженные отряды ашантийцев и представители асантехене, которые собирали дань. Их жители не участвовали в войнах в составе ашантийской армии. Состав аматеасе был нестабильным. Некоторые из них входили в конфедерацию Ашанти не прямо, а в силу того, что были данниками вожеств амансин.

Таким образом конфедерация Ашанти со временем превратилась в своеобразную державу, ядром которой была не одна протополитархия, а союз, состоящий из нескольких протополитархий (Асантеман). К началу XIX в. Асантеман контролировал примерно 150 тысяч кв. км с населением в 2-3 млн человек.

Во второй половине XVIII в. асантехене начали проводить политику централизации. Усилился контроль над амансин, куда стали назначаться резиденты из числа кумасийских военачальников. Это вело к усилению позиции Кумаси как центра ашантийской державы. Начались попытки поставить в зависимость от Кумаси другие аманто. Все это вызвало недовольство со стороны их правителей. Появились сепаратистские настроения, которые использовали англичане. В конце концов раздираемая внутренними противоречиями конфедерация не смогла оказать серьезного сопротивления во время последней англо-ашантийской войны 1895-1896 гг. и прекратила существование.

Другой известный союз протополитархий у аканов — конфедерация Фанти. Она возникла в начале XVIII в. и состояла, примерно, из 20 оманов. Как и конфедерация Ашанти, конфедерация Фанти была вызвана к жизни необходимостью объединения военных усилий. Главными врагами были ашантийцы. Никакого центрального аппарата конфедерация Фанти не имела. Это был аморфный военно-политический союз²¹¹.

3.4. Государство Конго: от протополитархии к политархии и назад к предклассовому обществу

На территории, населенной баконго, к XIII в. существовало несколько мелких и средних протополитархий. Сын правителя одной из них — Нтину Вене (Ними а Лукени), не надеясь унаследовать отцовскую власть, собрал вокруг себя большой отряд молодежи и вместе с ним переправился на южный берег реки Конго.

Он начал с объединения под своей властью мелких протополитархий, расположенных между левыми притоками Конго — Луву и Луньонзо. Эта область называлась Мпемба Кази. Затем были присоединены несколько протополитархий, расположенных в области, получившей название Нсунди. В результате владения Нтину Вене вплотную подошли к границам довольно крупной протополитархии Мпемба, где правил мани (глава, вождь) Кабунга. Нтину Вене предложил ему союз, скрепив его женитьбой на дочери мани. Он предложил и своим воинам вступить в брак с местными девушками. Как сообщают предания, знатные женились на аристократках, простые воины — на девушках из простонародья.

Затем Нтину Вене добровольно подчинилась протополитархия Мбатта, пришедшая в упадок из-за раздоров в среде знати. В последующем были завоеваны Мпангу, Сойо и Мбамба. Так возникла крупная протополитархия, состоящая из 6 провинций: Мпемба, Нсунди, Мбатта, Мпангу, Сойо и Мбамба. Возникшее в 70-80 гг. XIII в. прагосударство Конго стало ядром большой державы. Согласно преданиям еще при жизни Нтину Вене его власть признали протополитархий Нгойо, Каконго и Лоанго. В дальнейшем вассалами Конго стали Ангола, Матамба и некоторые другие прагосударства²¹².

Расцвет державы Конго приходится на XV в. К этому времени ее площадь составляла около 300 тысяч кв. км²¹³. В конце XV в. в правление Нзинга а Нкуву в Конго начали проникать португальцы. Влияние их было значительным. В 1491 г. Нзинга а Нкуву крестился и принял имя Жуана I. Его примеру последовали и многие другие представители знати. Затем миссионеры начали совершать массовые обряды крещения. Распространение новой веры проходило не гладко. Вспыхнуло недовольство простого населения. Все это побудило Жуана I отречься от христианства. Но его преемник Аффонсу I (1506-1543) продолжал

политику христианизации.

В Конго португальскими мастерами возводились храмы. Афонсу I проявил большую заботу о европейском образовании знатного юношества. Молодые люди посылались для обучения в Португалию. В первые годы правления Афонсу I в столице Мбанза-Конго (Сан-Салвадоре) была создана школа на 400 человек, в которой учились прежде всего близкие родственники короля. В XVI-XVII вв. образование в Конго было распространено достаточно широко. Возникла прослойка собственной интеллигенции, по происхождению связанная с высшими слоями общества. Современники пишут о широком распространении грамотности в Сан-Салвадоре и необычайной тяге молодежи к образованию. Автор «Истории Конго» (конец XVI в.) писал, что «почти все среди них умеют читать... Они продают все, что имеют, чтобы купить рукопись или книгу»²¹⁴. По сообщению Питера ван Брука в XVII в. в столице провинции Сойо было 8 или 10 школ. «Все дети, — пишет он, — знают португальский язык и получают образование на этом языке. В течение всего дня их можно видеть с маленькой книжечкой в руках»²¹⁵.

В городах Конго были сооружены церкви. В 1648 г. в Сан-Салвадоре было 6 действующих храмов. Все они были выстроены из камня.

Королевский дворец и португальский квартал были окружены стенами из камня и глины. Для XVII в. существует описание королевского дворца, целиком построенного из кирпича²¹⁶.

Таким образом, в Конго XVI-XVII вв. присутствовали все признаки цивилизации: монументальные каменные и кирпичные сооружения и письменность. Поэтому данная страна в данную эпоху должна быть отнесена не к предклассовому, а уже к классовому обществу. Конечно, появление монументальных строений и письменности было не результатом самостоятельного внутреннего развития, а внешнего влияния. Но ведь и в Руси X в. монументальное зодчество и письменность были привнесены извне, что ни в малейшей степени не мешает характеризовать ее общество как уже классовое.

Однако наряду с таким стремительным взлетом в области материальной и духовной культуры в Конго с XVI в. начинают обнаруживаться признаки упадка. Уже первые годы правления Афонсу I характеризовались серьезными народными волнениями. То нарастая, то затухая, они длились в течение всего его царствования. В последние 10—15 лет пребывания Афонсу I на троне страну раздирали междоусобицы. Центральной власти пришлось вести войны с местными правителями²¹⁷.

После смерти Афонсу I началась борьба за трон, которая длилась несколько лет. В конечном результате королем стал его внук Диогу I. После его смерти в 1561 г. начался один из самых «смутных» периодов истории Конго. На престол сел ставленник португальцев Афонсу II. В октябре 1561 г. группа знати при поддержке простолюдинов столицы свергла и казнила Афонсу II. Это послужило сигналом к началу всеобщего восстания, направленного прежде всего против португальцев. Народное движение не утихло и после воцарения Бернарду I.

К этому смутному времени относятся все более частные вторжения в Конго народов, живших за его пределами. В начале 60-х годов на восточных границах королевства появились яга. Этот народ, пришедший из глубин Экваториальной Африки, жил в непрерывном движении. Яга не имели ни постоянных жилищ, ни селений. Они разбивали военный лагерь там, где приказывал остановиться вождь. Европейские наблюдатели описывают яга как варваров, людоедов. Некоторые сравнивают их с варварскими народами раннего европейского средневековья — готами и вандалами.

Английский моряк А. Беттел, проживший среди яга около двух лет, сообщает об огромной власти их военных вождей. Подобно туче саранчи яга все истребляли и опустошали на своем пути. Женщины яга, как и мужчины, владели оружием и участвовали в сражениях. Согласно обычаю они не могли иметь детей. Каждого новорожденного убивали. Чтобы восполнить потери, которые они несли в непрерывных войнах, яга включали в свой состав мальчиков, подростков и девушек тех народов, на чью территорию которых вторгались и чье взрослое население безжалостно истребляли²¹⁸.

Если до сих пор рассматривались войны, которые велись между социоисторическими организмами, находившиеся на одних и тех же стадиях эволюции и с одинаковой социальной организацией, то здесь имела место борьба между народами, отличавшимися друг от друга уровнем общественного развития.

Яга вторглись в Конго во время правления Алвару I, который пришел к власти в 1568 г. Первый их удар обрушился на провинцию Мбатта. Разбив войска местного правителя, яга стали продвигаться во внутренние районы страны. После разгрома королевской армии они подошли к столице. Вышедшие навстречу остатки конголезского войска были разбиты и бежали. Сан-Салвадор был разгромлен. После этого яга разделились на отряды и направились во все провинции Конго, сея смерть и разрушение. Оставшиеся в живых жители бежали в горы. В стране начались голод и

эпидемия чумы.

И государство Конго несомненно бы погибло, если бы не внешнее вмешательство. Алвару I обратился к королю Португалии Себастьяну за помощью. В 1571 г. в устье реки Конго высадился португальский вооруженный отряд во главе с Франциску ди Говейа. К нему присоединились остатки королевской армии. Говейа быстрым маршем направился к лагерю яга, неожиданно напал на них и обратил в бегство. Большую роль сыграло в этом огнестрельное оружие, особенно бамбарды. При первых залпах пушек яга в панике бежали. Тем не менее война продолжалась еще четыре года. За это время португальцы вместе с присоединившимся к ним баконго изгнали яга за пределы государства. Король вернулся в разграбленную и сожженную столицу. В благодарность за помощь он признал себя вассалом Португалии²¹⁹.

Но изгнание яга не прекратило процесс упадка страны. В XVII в. распад Конго принял угрожающие масштабы. Усилились центробежные силы. Во второй половине XVII в. внутренние смуты и войны раздирали на части некогда могущественное государство. Местные правители перестали подчиняться центральной власти. В 30-40 гг. XVII в. правитель провинции Сойо после победоносных войн подчинил себе три северных государства-данника (Нгойо, Каконго, Лоанго). После этого он открыто отказался признать власть короля²²⁰.

Междоусобицы, которые не прекращались ни на один год, в 1665 г. переросли в большую войну. Правители двух больших областей, вассалов Сойо, восстали против короля. Им на помощь пришли португальцы. 29 октября 1665 г. у селения Амбуила произошло решающее сражение. Вначале португальцы разбили двадцатитысячный авангард армии баконго. Однако основные силы короля численностью в 70 тысяч человек предприняли успешное наступление. И лишь когда король — Антониу I был убит, его армия обратилась в беспорядочное бегство. В сражении погибла значительная часть высшей знати баконго. Снова началась борьба за престол.

После битвы при Амбуила в борьбе за трон победил Алвару VII, но вскоре он был убит в войне с правителем Сойо. На эти же годы приходятся разорительные войны между правителями Сойо и Мбамба. Королям Конго с трудом удавалось удержать реальную власть над столичной провинцией, которую все чаще стали называть «королевством Конго». Были годы, когда в Конго одновременно правили несколько «законных» королей, которые вели между собой нескончаемые войны. Все провинции и области страны

за пределами столичной провинции пользовались фактической самостоятельностью²²¹. Сан-Салвадор — столица государства — в 1684 г. была «совершенно покинута вследствие злополучных войн и превратилась в логово диких зверей»²²². Лишь в последующем король вернулся в этот город.

Ставшие самостоятельными провинции в свою очередь распались на составные части²²³. С середины XVIII в. территория Конго сократилась до небольшого района в центре бывшей столичной провинции²²⁴. Хотя он по-прежнему считался независимым государством, но практически целиком находился в сфере влияния португальцев. После раздела Экваториальной Африки между Францией, Португалией и Бельгией почти вся территория средневекового Конго вошла в состав Анголы.

По мере нарастания упадка государства Конго шел процесс массового отхода от христианства и возрождения традиционных культов. Во второй половине XVII в. христианство было на грани полного исчезновения. К концу XIX в. у баконго не сохранилось никакого следа довольно длительного влияния католической церкви²²⁵. Прекратилось строительство монументальных каменных и кирпичных сооружений. Исчезла письменность.

Дж. Уикс, побывавший в 1882 г. Сан-Салвадоре, увидел лишь каменные руины кафедрального собора, монастыря и крепости. Он был принят королем домом Педро V в его жилище, которое представляло собой деревянное строение шириной в 5,5 и длиной около 8 м, покрытое соломенной крышей²²⁶. На месте некогда могущественного государства путешественник застал множество не очень прочных вождей²²⁷. Баконго вернулись, таким образом, на стадию предклассового общества. Характерно в этом отношении название книги Дж. Уикса — «Среди диких баконго».

Конечно, к распаду Конго приложили руки португальцы. Но все же основные причины были внутренними. Такая же участь постигла и соседние протополитархии, такие как Лоанго, Куба, Луба.

3.5. Протополитархии Западной Экваториальной Африки: Лоанго, Куба, Луба

Единая протополитархия Лоанго возникла, вероятно, в XVI в. в результате объединения нескольких вожеств под властью одного правителя. Но к 70-м годам XIX в., все местные правители снова обрели полную самостоятельность. Верховный правитель Лоанго утратил всякую власть над страной. Лишились значительной доли власти и правители провинций. Если раньше только они именовались мфуму-нси, т. е. «господа земли», то с течением времени так стали называть и деревенских старост²²⁸.

Протополитархия Куба сложилась, вероятно, в начале XVI в. Ее возникновению предшествовала ожесточенная борьба между отдельными вождествами бакуба (бушонга). Во второй четверти XVII в. начался расцвет Кубы, длившийся несколько десятилетий. Это был период завершения территориальных захватов и формирования аппарата власти. К Кубе были присоединены земли, насеченные нгомбе, идинг и бакеле. После ожесточенных войн были покорены пьянг, бьенг, бакете.

Конец XVII-XVIII вв. характеризуются усилением центробежных тенденций. Поднимаются на борьбу нгонго, пьянг, кайювенг, кофа, нгедди. Их выступления жестоко подавляются. Восстания нгенде, пьянг, кель, шова, нгонго продолжаются и в XIX в. К ним добавляются междоусобицы. Особенно яростная борьба за престол развернулась после смерти ными (верховного правителя) Мбоп а Мабаинка. В начале XX в. Куба потеряла независимость, войдя в состав Независимого государства Конго, которое фактически было бельгийской колонией²²⁹.

К началу XVI в. на территории, населенной балуба, существовало множество вожеств, наиболее крупными среди которых были Каниок и Колундве. К северу от них находилась страна, населенная бакаланга. Согласно преданиям один из них по имени Конголо, собрав вокруг себя сверстников, отправился на юг и подчинил себе вождества, расположенные на территории между Луалабой (так называется река Конго в верхнем течении) и рекой Бушимаи на западе. Так образовалось ядро прагосударства Луба. В коей экспансии Конголо столкнулся с вождеством Киконджи, правители которого стремились расширить свои владения за счет соседних протополитархий, и одержал победу.

Конголо правил железной рукой. Это вызвало недовольство среди населения, которое использовал племянник Конголо — Калала Илунга. Конголо был убит. Захватив власть, Калала Илунга основал новую столицу. Это произошло примерно в 1585 г. При двух преемниках Калала Илунги к Лубе были присоединены новые земли.

Затем наступила эпоха неудач. В конце XVII в. от Луба отделилось несколько областей. Положение осложнялось частыми смутами. Определенный перелом наступил, когда к власти пришел Илунга Сунгу. Он совершил множество удачных походов в районы между Луалабой и озером Танганьика. Его сына — Кувимба Нгомбе (приблизительно конец XVIII - начало XIX в.) предания характеризуют как самого великого воина и завоевателя из числа правителей Луба. При нем держава Луба раскинулась с востока на запад более чем на 600 км и с севера на юг почти на 560 км. Площадь ее равнялась 36 тысяч кв. км. Но во второй половине XIX в. страна фактически распалась на множество мелких самостоятельных протополитархий, между которыми шли непрерывные войны²³⁰.

Таким образом, везде мы наблюдаем одну и ту же картину: возникновение в результате войн более или менее крупной протополитархии, становящейся ядром державы, ее расцвет, а затем упадок, выражающийся как в отделении вассальных владений, так и распаде самой державной протополитархии. И такое на одной и той же территории могло происходить несколько раз. Наиболее яркий пример дает нам в этом отношении Западный Судан.

3.6. Протополитархии и политархии Западного Судана: Мали и Сонгаи

В IV в. в верховьях рек Сенегал и Нигер зародилась крупная держава Гана. Расцвет ее относится к IX - середине XI вв. В 1076 г. она была завоевана Альморавидами. Тем самым был положен конец могуществу Ганы²³¹.

Около VIII в. в Западном Судане образовалось государство мандингов — Мали. Некоторое время оно находилось в вассальной зависимости от Ганы, в конце XII - начале XIII вв. от государства Сосо (Сусу). В 1235 г. правитель Мали Сундитата Кейта разгромил Сосо и начал завоевания, которые продолжались и при его преемниках. Возникла новая могущественная держава, которая поглотила все земли бывшей Ганы. Во время своего наивысшего расцвета — в первой половине XIV в. — территория Мали простиралась от Атлантического океана до плато Адрар-Ифорае. С 60-х годов XIV в. начался быстрый упадок военно-политического могущества Мали²³².

Он сопровождался прежде всего освобождением из под власти центра вассальных владений. В последней четверти XIII в. одним из данников Мали была сонгайская протополитархия Гао. Около 1400 г. правитель Гао — Мухаммед Дао, не отказываясь прямо от вассальной зависимости от Мали, совершил поход на малийские владения. Спустя некоторое время другой сонгайский государь — Сулейман Дама (или Денди) опустошил одну из областей, находившуюся под властью мандингов.

К середине XV в. Мали фактически распалась на множество мелких протополитархий. Мандинги утратили контроль над такими городами, как Томбукту и Араван, захваченными в 1433 г. туарегами. Была полностью дезорганизована внешняя торговля, прежде всего золотом и солью, которая имела огромное значение для экономики Западного Судана. Набеги кочевников наносили огромный ущерб и правителям множества западносуданских протополитархий и купечеству, которое лишилось большей части доходов. Существовала объективная нужда в новом политическом объединении Западного Судана.

Выполнение этой задачи взяли в свои руки правители Гао. В 1464 г. главой этой протополитархии стал Али Бер. Им были захвачены Томбукту, Дженне и Араван. Тем самым в руках сонгаев был сосредоточен контроль

над важнейшими узловыми точками торговых связей Судана с Северной Африкой. Но завоевательные походы продолжались и дальше. Были разгромлены моси, фульбе. Ши Али Бер стал основателем великой Сонгайской державы. Она, как и все державы, состояла из ядра — крупной протополитархии — и вассальных владений.

После смерти Ши Али Бера и захвата в 1492-1495 гг. власти аскией Мухаммедом I походы в западном и юго-западном направлениях продолжались. В первые годы XVI в. была предпринята серия походов и на юго-восток.

На первых порах армия сонгаев представляла собой народное ополчение. Но по мере расширения границ державы вооруженные силы этого типа становились все менее пригодными для того, чтобы обеспечивать гегемонию на все более расширявшейся территории. Ополчение было слишком громоздким и слишком привязано к сельскому производству. Необходимостью было создание профессионального войска. Этот шаг был сделан аскией аль-Хадж Мухаммедом I, разделившим сонгаев на войско и «подданных». Новое войско, состоявшее из профессионалов и находившееся на государственном обеспечении, оказалось намного более боеспособным и, главное, мобильным. Но чтобы не слишком зависеть от военной знати, сонгайские правители в дальнейшем создали части нового типа, состоящие из рабов-евнухов. Они не только служили в личной охране аскии, но и участвовали в военных действиях²³³.

До последнего десятилетия XV в. Сонгаи развивалась как военная держава, живущая в первую очередь за счет ограбления более слабых соседей. В дальнейшем наметилось стремление не только завоевать и получить дань, но и экономически освоить покоренные земли, включить их в состав ядра державы²³⁴.

Важнейшей целью военных походов аскии Мухаммеда I и его преемников был захват все новых и новых масс людей. Часть невольников продавалась. На север ежегодно поставлялось до 20 тысяч человек. Но основная масса захваченных использовалась иначе. Их сажали на землю. Создавались поселки, во главе которых стояли начальники — фанфа. Поселенцы сами вели хозяйство, выплачивая подать в казну правителя.

Исходя из того, что поселки с такого рода работниками могли быть пожалованы отдельным представителям знати, Л. В. Куббель характеризует эту форму эксплуатации как феодальную²³⁵. В действительности же здесь перед нами тот вариант политарной эксплуатации, который может быть

назван политомагнарным²³⁶. В подавляющем большинстве поселки с живущими в них людьми находились в распоряжении верховного правителя. И «пожалованные» отдельным лицам селения не становились их собственностью. Верховный правитель по своему произволу отбирал поселки у одних приближенных и «жаловал» их другим²³⁷.

Кроме такого рода эксплуатации существовала и обычная политообщинная ее форма. Рядовые свободные сонгаи, жившие общинами, несли традиционные повинности в пользу верховного правителя. Но их эксплуатация была более умеренной, чем эксплуатация описанных выше зависимых людей. Однако уже в середине XVI в. дала себя знать тенденция к слиянию рядовых свободных общинников сонгаев и магнарно-зависимых людей в один класс²³⁸.

Поселение пленных на землю широко практиковалось в странах Древнего Востока. Существование такого обычкновения отмечено в Египте, Хеттской державе, Ассирии, Урарту²³⁹. И там же наблюдалась тенденция к слиянию посаженных на землю пленных и местного населения в одну общую массу²⁴⁰. Особенно наглядно это можно было видеть на примере Ассирии, которую историки часто характеризуют как военную державу²⁴¹.

Огромную роль в истории Западной Африки играли контакты с мусульманским миром. Правителями Сонгайской державы был принят ислам. Вместе с ним в страну пришло монументальное зодчество и письменность. В одном Томбукту существовало 80 или даже 150 коранических школ. Аския Дауд (1549-1583 гг.) создал книгохранилище и держал переписчиков, которые копировали для него рукописи²⁴². Все это дает основание относить Сонгайскую державу не к предклассовым, а уже классовым обществам.

Уже во второй половине XVI в. обнаружались признаки упадка государства Сонгаев. Начались широкие народные волнения. В этой обстановке в страну в 1591 г. вторглись войска марокканского султана Ахмеда альМансура. В битве при Тондиби сонгайская армия была разгромлена. В конце XVII в. сонгайская держава окончательно прекратила существование.

3.7. Протоурбополитархии (города-государства) йорубов Западной Африки

Выше был рассмотрен лишь один из вариантов развития протополитарного и политарного обществ, который в этнографической литературе нередко называют «деревенским». В полной мере это применимо к державам зулусов, матебеле, и Буганде, где никаких городов вообще не существовало. Даже их столицы не могут быть названы городами. Сложнее обстоит дело с Конго и Сонгаи. Там несомненно были города. В языке баконго существовали различные термины для обозначения деревни — либбата и города — мбанза. Столица Конго — Мбанза-Конго (Сан-Салвадор) в эпоху расцвета а страны насчитывала 60-100 тысяч жителей²⁴³. Но города Конго образовались прежде всего как административно-управленческие центры. Все они были столицами провинций и округов, на которые последние делились. В состав Сонгайской державы входили города, которые были важными торговыми центрами: Томбукту, Дженне, Араван. Но они были своеобразными инородными вкраплениями. Они прежде всего играли роль посредников в транссахарской торговле.

Иное дело — вариант развития протополитарного и политарного обществ, который иногда называют «городским». В этих обществах города не просто существовали, а были основными социальными единицами, Город был не столицей протополитархии или политархии, а самой протополитархией или политархией. К таким протополитархиям термин «вождество», как правило, не применяется. Их обычно называют городами-государствами. Я в дальнейшем изложении буду именовать такого рода политархии урбополитархиями (от лат. urb — город), а политархии «деревенского» типа — орбополитархиями (от лат. orbo — страна, область)²⁴⁴.

Наиболее яркий пример протоурбополитархий дают йорубы Западной Африки. В XVI-XVII вв. наиболее крупные йорубские города насчитывали 20-50 тысяч жителей, в середине XIX в. — 20-70 тысяч, в начале XX в. — до 85-60 и даже 175 тысяч²⁴⁵. Но одновременно в том же XX в. в подчинении города Адо (25 тыс. жителей) находилось 17 городов с общим населением всего лишь 35 тысяч человек²⁴⁶. Все города — илу — были окружены крепостной стеной и рвами. В каждом из них были царский

дворец и рынок.

Низовой единицей города был агболе. Это слово буквально означает «куча домов». Классический агболе состоял из множества домов или точнее комнат, смежных друг с другом боковыми стенами, так что строение в целом образовывало четырехугольник, огораживавший внутренний двор. На улицу агболе был обращен глухими стенами, высота которых достигала 2 м. Многие агболе состояли из целой серии внутренних дворов.

Люди, населявшие агболе, назывались ара-иле (дословно «дети дома»). Ядром агболе являлись омоле («жители дома»). В идеале все омоле относились к одному идиле — экзогамному объединению, принадлежность к которому считалась по отцу. Иначе говоря, идиле являлась отцовским родом или патрилиниджем. Этот род считался собственником земли. Но хотя в идеале ядро агболе должно было совпадать с ядром одного идиле, в реальности дело обстояло сложнее. В одном агболе могли жить вместе несколько идиле, в то время как одна идиле могла быть расселена в нескольких агболе. Агболе играл огромную роль. Человек мог быть членом той или иной социально- политической общности только через членство в агболе.

О численности агболе в литературе ничего не сообщается. Размер идиле в XX в. колебался от нескольких десятков до 500 человек. Все члены агболе подчинялись старшему мужчине омоле — старейшине, что носил титул бале («отец земли»). Несколько более или менее родственных агболе составляли квартал — адугба. Во главе его стоял вождь. Он управлял кварталом и представлял его население в городском совете. Во главе города стоял правитель — оба. Он считался собственником всей земли города²⁴⁷. Нетрудно заметить, что агболе соответствует сельской общине народов, развитие которых шло по деревенскому варианту, квартал — округу, а весь город в целом — вождеству.

Все население города несло подати и повинности в пользу его правителя. Подати в натуральной форме (ямс, зерно, пальмовое масло, вино) собирались с глав семейств главой идиле и далее по иерархической цепочке доходили до правителя. Подобным же образом собирались поборы, носившие нерегулярный характер, но осуществлявшиеся постоянно по разным поводам (покупка оружия, возмещение потерь от стихийных бедствий). Как и в случае с податями, часть собранных средств оседала в руках людей, представлявших все инстанции между рядовым общинником и царем. И главы агболе, и вожди кварталов присваивали в свою пользу часть прибавочного продукта. Являясь добровольными по форме, подношения нижестоящих лиц вышестоящим, были в сущности

обязательными и регулярными²⁴⁸.

Жители городов в основном занимались земледелием. В небольших городах основной массив обработанных полей был удален от крепостных стен на 7-8 км. Для населения очень крупных городов это расстояние возрастало до 30 км и больше. На время полевых работ горожане, занятые в земледелии, переселялись ближе к своим участкам. Так возникли деревни — аба. Каждый более или менее значительный город был окружен сотнями, даже тысячами аба. Деревни были естественным продолжением города.

Многие горожане проводили в аба большую часть своей жизни, появляясь в городе лишь на время. Хотя большую часть населения аба составляли горожане илу, в аба было какое-то количество постоянных жителей. Правитель (оба) никогда не жил в аба. Свадьбы, похороны проводились только в городских жилищах. Только в стенах города происходил сбор податей, торговля, отправление важнейших религиозных ритуалов.

Для характеристики общества йорубов часто применяется термин «цивилизация»²⁴⁹. Действительно определенные основания для этого имеются. В одном из древних городов йорубов — Ифе были найдены каменные памятники. Среди них особо выделяется гранитная колонна высотой в несколько метров, украшенная вбитыми в нее железными гвоздями. Крепостные стены вокруг Старого Ойо возвышались на 6 м. Они образовывали неправильную окружность длиной примерно в 15 миль. За стеной тянулся ров, который во время дождя наполнялся водой. Некоторые города имели несколько линий таких укреплений. Город Игбохо был опоясан тройной стеной длиной примерно в 20 миль. В Старом Ойо было, по крайней мере, две стены, а в некоторых местах три. Но стены были сложены не из камней или кирпичей. Они были земляными или глинобитными. В Иле Ифе мощные глинобитные стены толщиной в 1 м и высотой в 5 м окружали дворец правителя города²⁵⁰.

Интересным явлением материальной культуры йорубов были мостовые из керамики. Материалом для них служили глиняные черепки трех типов. Землю мостили поставленными на ребро грубыми черепками, а сверху это основание покрывалось слоем тонких и изящных черепков. Это требовало огромных затрат труда²⁵¹. Возможно, что эти мостовые имели не столько утилитарное, сколько ритуальное значение.

Но письменности у йорубов не было. Лишь во второй половине XIX в. христианскими миссионерами были созданы на латинской основе системы письма для местных жителей²⁵². Все это вместе взятое позволяет считать,

что общество йорубов было не подлинно классовым, а лишь формирующимся классовым.

Кроме протополитарной формы эксплуатации у йорубов существовали и другие. Человек, взявший в долг, должен был наряду с работой в собственном хозяйстве часть времени трудиться на кредитора²⁵³. Такого рода отношения могут быть названы заемнодоминантными²⁵⁴. У йорубов существовало рабство. Часть рабов трудились в хозяйствах владельцев. Они жили вместе с хозяевами и питались вместе с ними из одного котла. Другая часть рабов наделялась средствами производства. Такой раб получал в пользование участок земли, на котором строил дом и вел самостоятельное хозяйство для содержания своей семьи. При этом часть времени он должен был работать на господском поле²⁵⁵. Это — магнорабовладельческие отношения²⁵⁶.

Как и в случае с вождествами одни города-протополитархии могли путем войн подчинять себе другие. В результате возникали более крупные протополитархии, включавшие в себя несколько городов, и державы.

Центром одного из первых крупных протополитарных образований йорубов был город Ифе. Политическая гегемония Ифе распространялась и за пределы Йорубы. В зависимости от него находился, в частности, Бенин. Период расцвета Ифе относится, вероятно, к XIV в. Далее начался упадок²⁵⁷.

Значительно более известна другая крупная держава йорубов — протополитарное образование во главе с Ойо. По устным преданиям начало возвышения Ойо связано с правлением четвертого алафина — Шанго. Он вел войны во всех направлениях и отличался жестокостью. Его преемник — Аджака согласно традиции умертвил 1060 оба (правителей городов). Но затем для Ойо наступили тяжелые времена. В первых десятилетиях XVI в. в страну вторглись войска Нуле и разрушили город. Столица была перенесена в Ойо-Игбохо. Восстановлена она была на старом месте лишь при алафине Абине в начале XVII в.

С этого времени начался новый период в истории Ойо — период экспансии на юг и создания державы. Целью войн был грабеж, захват территории и обложение данью и установления контроля над торговыми путями. Большую роль в жизни Ойо играла работорговля. С конца XVII в. держава стала крупным поставщиком рабов.

В течение всего XVII в. в первой половине XVIII в. расширение территории державы Ойо продолжалось, хотя и с перерывами. Этот период характеризуется постоянными завоевательными войнами и карательными

экспедициями против бунтующих окраин. В первой четверти XVII в. образовалось прагосударство Дагомея, которая стала главным соперником йорубов. В 40-х годах XVIII в. Дагомея признала верховенство Ойо. Согласно договору 1748 г. Дагомея теряла значительную территорию. Устанавливалась ежегодная дань, включавшая 41 мужчину, 41 молодую женщину, 41 ружье, 400 мешков каури и 400 кораллов²⁵⁸.

Ко второй половине XVIII в. алафины Ойо контролировали огромную территорию, простиравшуюся от реки Нигер на севере и северо-востоке до современной Ганы на западе. По некоторым данным дань Ойо платили Нуле и Боргу. Ядром Ойо были земли населенные собственно йорубами — ойо-йоруба. Они включали в себя столичный город и подчиненные города. Подчиненные города имели своих наследственных правителей — оба или бале. Они избирались на трон в соответствии с местными обычаями, но должны были ехать в Ойо за одобрением алафина. Подчиненные города должны были платить подать Ойо и поставлять воинов в его армию. Во внутренних делах города пользовались большой самостоятельностью, Внешняя их политика находилась под жестким контролем центра.

Метрополия была разделена на четыре провинции (Экун Оси, Экун Отуп, Ибоко, Эно) во главе с правителями, которые были промежуточным звеном между алафином и главами других провинциальных городов. В свою очередь между алафинами и правителями провинций стояли столичные «патроны». Главной функцией последних был контроль над сбором дани. В провинциальных городах находились официальные царские наблюдатели и сборщики дани — илари и аджеле. Последние рекрутировались из числа доверенных рабов или слуг правителя Ойо. Они обеспечивали мир в подчиненном городе и его лояльность центру²⁵⁹.

Вокруг ядра — крупной протополитархии — группировались земли населенные другими этническими группами йорубов (эгбо, эгдадо) и нейорубскими народами (бариба, фон и др.).

Вторая половина XVIII в. характеризуется ростом народного недовольства поборами, войнами, а также раздорами в правящей верхушке. Начинается распад державы. В 80-х годах отпала юго-западная окраина — Эгба. В конце XVIII в. прекратила уплату дани Дагомея, а вслед за ней Нуле и Боргу. Затем начался распад метрополии. Около 1817 г. в результате восстания отделилась самая богатая область — Илорин.

Самые печальные последствия для Ойо имело объединение под эгидой фульбе городов-государств хауса и других земель северных народов в мощное и агрессивное государство Сокото. Около 1836 г. войска фульбе

захватили и разграбили Ойо. Затем были разрушены многие города Северной Йорубы. Держава Ойо пала. На ее территории образовалось несколько новых независимых прагосударств: Эгба, Кету, Иджебу, Ибадан, Иджеме, Ифе, которые вели друг с другом постоянные войны. В дальнейшем к концу XIX в. земля йорубов оказалась под властью англичан²⁶⁰.

3.8. Протополитархии в Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии

Протополитархии были обнаружены этнографами и далеко за пределами Африки, в частности в ряде регионов Азии. В предшествующей работе были описаны протополитархии у той части чинов Мьянмы (Бирмы), общественный строй которых характеризуется как автократический. Подобного рода социальные структуры существовали у качинов Бирмы и назывались ими гумса²⁶¹. Вождества были обнаружены у коньяк нага Ассама (Индия)²⁶². Протополитархии с двухзвенной системой управления существовали у муонгов Вьетнама²⁶³, с трехзвенной — у муонгов Лаоса²⁶⁴ и у кхму²⁶⁵ и мео Вьетнама. У последних каждая семья рядовых общинников должна была отдавать вождям 100 кг. риса и 50 кг. опиума в год и отрабатывать на них 12 дней. Половина всего полученного шла протополитарху, четверть — правителям округов и четверть — главам деревень²⁶⁶.

Протополитархии были у палаун Бирмы²⁶⁷, у черных лису бирманокитайского пограничья²⁶⁸, и у на Юньнаня (Юго-Западный Китай)²⁶⁹.

А. Уинингтон в книге «Рабы Прохладных гор» описал социальную систему, существовавшую еще в 50-х годах XX в. у цзинпо Юньнаня. Господствующий слой этого народа автор именует классом, или кастой чиновников. Территория обитания цзинпо подразделялись на пять социальных единиц, каждая с населением примерно 10 тысяч человек. Во главе такой крупной территориальной единицы стоял особый чиновник. Ему были подчинены чиновники более низкого ранга, управлявшие подразделениями этой единицы и деревнями. Всего их было 500 семей. На них работали рядовые цзинпо. Каждая семья простолюдинов должна была отработать на чиновников 3-5 дней в году и доставить им определенное количество риса. Чиновники получали окорок от каждого принесенного в жертву и забитого животного, а также различного рода приношения по случаю тех или иных событий в их семьях (рождение, свадьба, смерть)²⁷⁰. У цзинпо существовали, таким образом, настоящие протополитархии. Одно такого рода социальное образование описано у пайван о. Тайвань²⁷¹.

В островной Юго-Восточной Азии протополитархии существовали у части батаков Суматры²⁷², на островах Бату²⁷³, о. Бали²⁷⁴, о. Сумбава²⁷⁵, у атони и тетумов Тимора²⁷⁶. Только на востоке Тимора в 80-х годах XIX в.

насчитывалось 47 протополитархий, правители которых обладали абсолютной властью²⁷⁷. 37 вожеств было на о. Нياس²⁷⁸, 50 — на востоке о. Сумба²⁷⁹, 5 — на о. Саву²⁸⁰, 39 — у манггараев о. Флорес²⁸¹. Существовали вожества и у других народов Флореса²⁸².

3.9. Протополитархии в Океании

Протополитархии существовали в Меланезии. Несколько небольших вожеств имелось на островах Тробриан²⁸³. Жители Новой Каледонии в XIX в. делились на 40-50 самостоятельных единиц, которые исследователи именуют племенами. При населении острова примерно в 80 тыс. человек это составляет в среднем 1600-1800 человек в племени. Во главе племени стоял наследственный властитель — вождь, имевший право на жизнь и смерть своих подданных. Он мог также приказать сжечь дом виновного, разорить его поля. В распоряжении вождя был штат лиц, составлявший его центральный аппарат. Ниже племенного вождя стояли деревенские вожди, которые вместе с ним и его приближенными составляли привилегированный слой общества. Рядовые подданные обрабатывали поля вождей, строили им дома, делали им подношения натурой²⁸⁴. Подобного рода социальная система в более зрелом виде существовала на островах Фиджи²⁸⁵.

Протополитархические отношения были развиты в Полинезии. К моменту открытия европейцами Гавайского архипелага там было обитаемо восемь островов, на которых жило примерно 240-400 тыс. человек. Каждый остров был, как правило, самостоятельной социальной единицей. Особое место занимал среди них самый крупный — Гавайи с населением, примерно, 75-100 тыс. человек. Шесть крупных округов, на которые он был разделен, в одни эпохи выступали как самостоятельные единицы, а в другие — как составные части одной единицы, охватывавшей весь остров.

Во главе острова стоял наследственный правитель — алии нуи, которого в литературе именуют верховным вождем, или королем. Он имел абсолютное право на жизнь и смерть своих подданных. Большие острова были разделены на округа (моку), во главе которых стояли алии аль моку. Моку делились на меньшие территориальные подразделения — ахупуа. Ахупуа в свою очередь состояли из или. Небольшие острова непосредственно подразделялись на ахупуа. Как король, так и местные правители имели в своем распоряжении штат лиц, при помощи которого управляли. Рядовые подданные были обязаны работать на землях короля и местных правителей, а также платить подати, среди которых особую роль играл большой ежегодный налог. Их привлекали также для строительства дорог, сооружения и очистки каналов и т. п.²⁸⁶ Сходные социальные порядки описаны на Таити и Тонга²⁸⁷. Вождества были также на островах

Токелау²⁸⁸ и на о. Мангарева²⁸⁹.

Существовали протополитархии и в Микронезии. Самые крупные из них имели трехзвенную систему управления. Такими были: вождество на о. Косраэ с населением 6 тыс. человек, 5 вождеств на о. Понапе и 3 на Маршалловых островах, с населением около 3,5 тыс. человек каждое. Более десятка протополитархий с двухзвенной системой управления имелись на островах Палау, 6 — на Северных Гильбертовых островах, 60 — на о. Яп, 2 — на атолле Луканор, по одной на атоллах Ламотрек и Этол²⁹⁰.

3.10. Протополитархии Америки

К моменту открытия Америки европейцами на о. Гаити (Эспаньола) проживало не менее 100 тыс. человек. Остров был подразделен на шесть самостоятельных социальных единиц, которые в литературе именуются провинциями или вождествами. Во главе каждой из них стоял правитель — вождь, или касик. Каждая «провинция» делилась на несколько десятков округов (до 30), возглавляемых субвождями. Ниже субвождей стояли старосты деревень, число которых в «провинции» доходило до 70-80. Субвождь был одновременно и старостой деревни, в которой жил. В руках правителей был суд. Даже староста деревни имел право на жизнь и смерть подвластного населения. Жители деревни были обязаны представляв в распоряжение старосты часть произведенного продукта. Вождь и субвожди не получали податей с населения иных деревень, кроме собственной, но имели права распоряжаться их трудом. Правители всех рангов имели различного рода помощников²⁹¹.

18 вождеств существовало на о. Пуэрто-Рико²⁹². Жившие в Северных Андах собственно чибча, или муиски, к моменту испанского завоевания насчитывали 300 тыс. человек. Они делились на 5 больших образований, которые исследователи называют государствами, или вождествами. В самом крупном из них — Зипа — верховному вождю подчинялись вожди меньшего ранга, возглавлявшие шесть подразделений вождества. Вожди жили в роскоши. Рядовые свободные обязаны были как платить налоги, так и непосредственно трудиться на своих повелителей²⁹³.

В восточной Боливии, горном Эквадоре, северной и западной Колумбии, существовало несколько десятков вождеств (Бауре, Манаси, Паресси, Хара, Пуруха, Пикаро, Торо, Пасто, Каламари, Момпоке, Арма, Пикаро и др.). Несколько вождеств существовало и на территории современной Панамы. Около двух десяткой вождеств находилось на территории современной Венесуэлы²⁹⁴.

Самое известное из вождеств Северной Америки существовало у натчей. К тому моменту, когда с ними столкнулись французские путешественники (XVII в.) их было всего несколько тысяч (3,5-5), которые жили в 9-12 деревнях. Во главе натчей стоял наследственный правитель, носивший титул «великого солнца». Он пользовался огромной властью, в частности имел абсолютное право на жизнь и смерть своих подданных. Достаточно было его каприза, чтобы человек был убит. В его распоряжении

был большой штат должностных лиц, а также воины. Ему были подчинены вожди деревень. Подданные были обязаны работать на полях вождя, а также отдавать часть продукта, произведенного в их собственных хозяйствах. Формы, в которых взимался продукт, были самыми разнообразными²⁹⁵. И натчи не исключение. На юго-востоке нынешних США существовало несколько вожеств. Самым крупным из них был Поухатан. Его вождь отличался абсолютной властью, имел право на жизнь и смерть подвластного населения. Ему платили налоги население как собственно вожества, так и покоренных областей²⁹⁶.

Во всем мире протополитархии существовали только у народов с производящим хозяйством. Единственное известное пока исключение — калуса Юго-Западной Флориды. Хотя основным их занятием было интенсивное рыболовство и собирательство, они жили в оседлых поселениях, которые путешественники именовали и деревнями, и городам. И у них в XVI в. было описано настоящее вожество с населением 4 — 7 тыс. человек. Правитель столичного города был главой протополитархии. Последняя была разделена на 20 округов — «ранчерий», столицами которых были меньшие города (деревни). Главы этих подразделений собирали с населения и посылали в столицу налоги. Платили дань вождю калуса и соседние социальные единицы, которых было около 20. Верховный вождь, главы «ранчерий», их семьи и приближенные образовывали знать, жившую за счет труда простолюдинов, коммонеров²⁹⁷.

3.11. Доколумбовая Америка: от протополитархий к политархиям

До сих пор рассматривались в основном протополитарные общества, хотя в двух случаях (Конго, Сонгаи) они под внешним воздействием превращались в политарные. Однако их существование в таком качестве было непродолжительным. Имеет смысл остановиться и на таких обществах, которые были протополитарными, стали политарными и продолжали оставаться такими более или менее продолжительное время. Важным фактором, обусловившим их превращение из протополитарных обществ в политарные, были войны. Примеры таких обществ дает нам доколумбовая Америка. Первое из них — общество инков, второе — ацтеков.

Империя инков — Тауантинсуйу была далеко не первым классовым обществом на территории современных Перу и Боливии. Первая археологическая культура, для которой характерны монументальные каменные строения, получила название Чавин. Она появилась на грани II-I тысячелетий до н. э. Ее чаще всего именуют цивилизацией. Возможно, что общество Чавин было уже не предклассовым, а классовым²⁹⁸. Расцвет культуры Чавин приходится на 800-500 гг. до н. э. Просуществовав несколько веков, она бесследно исчезла²⁹⁹.

Другими древними цивилизациями Южной Америки были культуры Мочика, Паракас, Наска. Цивилизация Мочика просуществовала с I по VII (VIII) вв. н. э., когда она полностью исчезла. По-видимому государство Мочика рухнуло³⁰⁰. Огромные каменные сооружения характерны для цивилизации Тиауанако, расцветшей в I тысячелетии н. э. В дальнейшем она исчезла, не оставив следов в материальной культуре более позднего населения³⁰¹. В конце I или начале II тысячелетий н. э. возникла империя Чиму, или государство Чимор, которое просуществовало до 70-х годов XV в.³⁰²

История инков начинается с поселения их в долине Куско. Произошло это во II тысячелетии н. э. В середине I тысячелетия н. э. долина Куско входила в состав государства с центром в Уари. Там был построен провинциальный центр — Пикильякту. В VII в. город был покинут также как и все другие центры культуры Уари. Тогда же или несколько позднее погибла цивилизация Тиауанако.

Некоторые исследователи полагают, что государство инков унаследовало социально-политическую организацию от Уари. Другие считают подобный взгляд ошибочным. Они указывают, что культура Уари и инки разделены 3-4 «темными» веками, в течение которых городская жизнь в горных районах южного и центрального Перу угасла. Поэтому, заключают они, инки никакого прямого отношения к древним цивилизациям не имели. Скорее всего, они были близки к народам, которые их разрушили³⁰³.

До переселения в долину Куско инки обладали сравнительно малоразвитой культурой и занимались охотой, собирательством, примитивным земледелием и скотоводством. Когда они переселились в долину Куско, то смешались с покоренным населением, восприняв его более высокую культуру³⁰⁴. Но скорее всего они и тогда продолжали оставаться на стадии предклассового общества. Они составляли одно небольшое вождество, состоявшее из нескольких общин — айлью³⁰⁵.

Согласно преданиям, инки пришли в долину Куско во главе с Манко Капаком. Он является первым (в традиционном списке правителей инков) Инкой. Манко Капак и его жена Мама Окльо Вака являются персонажами легендарными. Во многом легендарными являются и последующие шесть правителей: Синчи Рока, Льюке Юпанки, Майта Капак, Капак Юпанки, Инка Рока и Яуар Уакак. Некоторые исследователи считают этот список фиктивным. О делах всех этих правителей мы знаем лишь по туземным преданиям, изложенным в испанских хрониках³⁰⁶.

Если при первых трех правителях под властью инков находилась лишь центральная часть долины, то, согласно преданиям, при Майта Капаке они установили свое господство над всей долиной. В результате завоевательных походов Майта Капак подчинил себе все находившиеся в ней вождества. При пятом Инке — Капаке Юпанки началась экспансия инков за пределы долины. Завоевательные походы продолжались и при Инка Роке.

С восьмым Инкой — Инка Виракоча мы переходим из области легенд в область истории. Он занял престол в начале XV в. Некоторые исследователи утверждают, что только при нем начались завоевательные походы. Что же касается его предшественников, то они занимались лишь грабежом соседних деревень. Именно при Инке Виракоче была подчинена вся область вокруг Куско. Политическое образование, созданное им, называют уже не вождеством, а королевством. Границы его неясны. Одни утверждают, что Инка Виракоча подчинил себе кана и другие народы.

Другие считают, что эти народы были не подданными, а союзниками инков.

В борьбе за господство в области Центральных Анд инки столкнулись с несколькими соперниками, из которых наиболее могущественными были чанки. Последние тоже непрерывно расширяли свою территорию. В 1438 г. чанки вторглись в страну инков. В их армии, по утверждению авторов позднейших хроник, находилось до 100 тысяч человек. Организатором обороны стал один из сыновей престарелого Инка Вирокоча Куси Юпанки. В битве у Ичупампы чанки были разгромлены. Как утверждается, в ней погибло 30 тысяч воинов со стороны инков и их союзников. Чанки потеряли во много раз больше. Однако эти цифры являются, скорее всего, преувеличенными.

После победы над чанками Куси Юпанки стал правителем под именем Пачакути Инки. При нем политика территориальной экспансии продолжалась. На очереди было столкновение с державой аймара — Колья, которая простиралась от западных границ Боливии до берегов Тихого океана и от Атакама в Чили до перуанского города Пуно. Аймара были разгромлены и войска инков вышли к океану. Держава инков увеличилась в два раза. Далее был предпринят поход на север, в ходе которого было подчинено царство Кахамарка. В результате под властью инков оказалась значительная часть Перу и некоторые районы Эквадора.

Трудно точно сказать, когда именно общество инков из предклассового превратилось в классовое. По мнению некоторых исследователей, воцарение Пачакути Инки было поворотным пунктом в превращении вождества инков в супервождество, а затем, еще при его жизни, в государство.³⁰⁷

Во всяком случае имеются определенные основания полагать, что общество инков при Пачакути Инке было уже классовым. При нем была заново перестроена столица инков — город Куско. Были воздвигнуты грандиозные каменные сооружения — храмы и дворцы. Была построена самая большая во всей Америке крепость — Саксауаман.

Большое внимание уделял Пачакути Инка совершенствованию кипу — узелкового письма. Был создан своеобразный государственный архив — Пукинканча. В его стенах хранились полотна, на которых была запечатлена история инков. Пачакути Инка ввел обязательное обучение сыновей элиты империи в своего рода университете — ячауаси.

Преемник Пачакути Инки — Тупак Юпанки (1571-1593 гг.) предпринял несколько грандиозных походов. В 70-х годах им была завоевана переживавшая к тому времени упадок знаменитая империя Чиму, покорено царство Киту (Кито). В состав державы инков вошли юго-запад

Боливии, северные районы Чили, северо-запад Аргентины. Еще несколько областей в Перу и Эквадоре было завоевано при Уайна Капаке (1493-1525 гг.).

В пору своего наивысшего могущества империи Тауантинсу́йу охватывал территорию более чем в 1 млн кв. км. Численность ее населения достигала и, может быть, превышала 6 млн человек³⁰⁸. С определенного времени экспансия стала идеалом, главным девизом государства инков и его правителей. Войны велись непрерывно. В империи существовала всеобщая воинская повинность. В период мобилизации в армию мог быть призван любой подданный. Существовавшая в империи десятичная система делала легкой мобилизацию в армию. Каждое селение выставляло отряд в 10 человек, десять селений направляло на службу 100 человек и т. д. В случае необходимости в течение нескольких дней формировалось войско в 300 тысяч человек. Это была самая многочисленная армия в доколумбовой Америке.

Боевые успехи инков основывались не только на численном превосходстве войска, но и на высокой организованности. Великолепным было тыловое обеспечение армии. Повсюду располагались склады, из которых воины получали необходимую провизию. Одновременно с войсковыми частями на завоеванную территорию вступали многочисленные отряды водоносов и носильщиков продуктов. Двигались караваны лам, нагруженные запасами продовольствия и оружия.

Быстрому продвижению войск в пределах империи способствовали великолепные, мощные камнем или кирпичом дороги. В армии инков царил строжайшая дисциплина. Никто из воинов под страхом смерти не смел отлучиться от части. Солдатам было запрещено причинять какой-либо ущерб местным жителям, сблизаться с женщинами селений, через которые проходили войска. Впрочем, воины и не останавливались в селениях. Они ночевали в лагерях, состоящих из полотняных палаток.

Кроме ополченцев, существовали профессиональные воины. Их численность не превышала 10 тысяч человек. Они прежде всего несли охрану Инки.

Когда Инка принимал решение о присоединении новой территории, то к ее царю или вождю направлялось посольство. Вручив богатые дары, посланцы предлагали хозяевам мирно и добровольно признать власть «сыновей солнца». Если местные правители соглашались, Инка оставлял за ними их прежние должности. Они входили в состав знати. Если следовал отказ, начиналась война.

Солдаты, отличившиеся в бою, получали награды: различные

металлические, иногда золотые пластинки. Но главное — доблесть в сражениях открывала для рядового человека путь наверх. Он мог продвинуться по иерархической лестнице и войти в состав правящего класса³⁰⁹.

Подчинив себе те или иные народы, вождества, царства, инки не ограничивались взиманием дани. Они стремились инкорпорировать их в состав своего государства. На них распространялась единая для всей державы десятичная система. Для укрепления своего господства во вновь завоеванные области посылались большие группы колонистов — митимае, говоривших на языке кечуа. Митимае должны были способствовать насаждению институтов инков и распространению языка кечуа. В результате их деятельности были безвозвратно забыты сотни различных языков доколумбового Перу. В настоящее время на языке кечуа — бывшем государственном языке империи инков — говорит больше индейцев, чем на всех остальных туземных языках Южной, Центральной и Северной Америки.

С целью обеспечения военной экспансии, поддержания своего господства и централизации державы в империи инков была создана совершенная для своего времени сеть дорог. Они были вымощены камнем или кирпичом. Главной из них была «королевская дорога». Она пересекала Таунтинсуйу с севера на юг, длина ее составляла 5200 км. Вторая важная магистраль империи «Уайна Капак Ньян» составляла 4 тыс. км. Ширина ее на всем протяжении равнялась 8 м. Иногда инки прокладывали дороги в направлении пока еще только планируемых походов. Через реки были переброшены сотни мостов различных конструкций. Некоторые из них дожили до XIX в.

При дорогах были созданы специальные станции — тарбы, где могли отдохнуть путники. Дороги империи, общая протяженность которых составляла 20-30 тысяч км, использовались для государственной почтовой службы, ее курьеров. На расстоянии 2 км были расположены почтовые посты, на каждом из которых всегда дежурили два курьера. Один из них отдыхал, другой находился в полной готовности. Когда он замечал приближающегося курьера, то выбегал ему навстречу и принимал сообщение. Затем он бежал с ним до следующего поста.

В результате такой организации информация передавалась с огромной скоростью. Так, например, от Куско до Кито, расположенных друг от друга на расстоянии в 2 тысячи км, известия доходили через 5 дней. Основная задача инкской курьерской службы состояла в передаче информации военного характера, Подобно тому как пороги предназначались прежде

всего для передвижения войск, почтовая служба служила главным образом для военных целей.

В течение нескольких дней, а то и часов курьеры доставляли из столицы приказ о мобилизации и указания о том, куда должны быть направлены отряды воинов. Через курьеров командиры пограничных отрядов сообщали в Куске о концентрации войск на границах империи и о возможности нападения на нее. Инкские наместники в недавно присоединенных областях информировали центр о готовящихся восстаниях и других проявлениях недовольства. Это давало возможность немедленно направлять воинские части и тем погашать намечающиеся очаги сопротивления³¹⁰.

Так функционировала военная система Тауантинсуу. Но она не спасла империю от новой угрозы, на этот раз со стороны европейцев. В 1532 г. в государство инков вторглись испанцы. 19 августа 1533 г. ими был казнен последний Инка — Атауальпа. Империя инков исчезла с лица земли.

Если инки дают нам классический пример «деревенского» варианта развития протополитаризма и политаризма, то ацтеки — типичного «городского». В отличие от инков, у которых политарная форма эксплуатации господствовала почти что безраздельно, у ацтеков в период расцвета их общества наряду с доминирующим политаризмом существовали и играли довольно важную роль магнокабальные и магноарендные отношения. Отмечено также бытование у них доминорабовладельческих, доминокабальных и доминоприживальческих связей³¹¹.

Ацтекское общество не было первым классовым на территории Мезоамерики. Самые ранние цивилизации появились здесь еще в I тысячелетии до н. э., а может быть и раньше. Наиболее известны среди мезоамериканских классовых обществ цивилизации ольмеков, майя, Теотихуакана, Монте-Альбана³¹².

К концу I тысячелетия н. э. старые центры классической мезоамериканской культуры рушатся. Гибель Теотихуакана относится, вероятно, к началу VII в., Монте-Альбана — к концу IX в. или началу X в. В IX-X вв. приходят в запустение классические города майя центральной зоны расселения этого народа. Во всех случаях имело место вторжение извне народов, стоящих на более низких ступенях развития³¹³. В долине Мехико на смену классической цивилизации Теотихуакана пришла постклассическая цивилизация тольтеков. Столицей империи тольтеков был город Толлан (Тула). Господство этой державы длилось с 950 до 1200

гг.³¹⁴ После тольтеков настала очередь ацтеков.

Одной из групп ацтеков были теночки. Согласно их хроникам, они начали свои скитания в 1168 г. Однако дата эта является чисто произвольной³¹⁵. Как утверждает Дж. Вайян, с 1168 по 1248 гг. теночки представляли собой простое первобытное племя. Затем они перешли к оседлости³¹⁶. Согласно наиболее распространенной официальной версии, в 1325 г. они основали город Теночтитлан³¹⁷.

По всем данным ранний Теночтитлан был протоурбополитархией. Об этом можно судить по структуре позднего Теночтитлана, который был уже урбополитархией. Население его составляло по разным данным от 120 до 300 и даже более тысяч человек³¹⁸. Низовыми единицами были калпулли, которые соответствовали агболе йорубов. Каждое калпулли занимало малый квартал. В XIV в. их было 14. Во главе калпулли стоял лидер, который избирался ее членами из состава одной определенной семьи. Калпулли были сгруппированы в большие кварталы, которые соответствовали адугбо йорубов. Каждый большой квартал имел своего лидера, сборщиков налогов и других должностных лиц. Еще до поселения в Теночтитлане теночки имели общего правителя. В годы основания города им был Теноч.

В 1376 г. теночки обратились к городу-государству Кулуакан с просьбой дать им правителя тольтекской крови. Им стал Акамапичтли, который считается первым тлатоани Теночтитлана³¹⁹.

К началу XIV в. в долине Мехико существовали две аморфные державы: тепанеков с центром в Аскапотсалько и аколхуа, центром которой, в конце концов, стал Тескоко. Теночки были данниками тепанеков. К началу XV в. они стали скорее союзниками, чем вассалами.

В 70-х годах XIV в. правителем Аскапотсалько стал Тесосомок. С помощью теночков, возглавляемых вторым тлатоани — Уитсилиуитлем, он разгромил аколхуа. Правитель Тескоко — Иштлильшочитл был убит. Господство Тесосомока над долиной Мехико длилось до его смерти в 1426 г. Его преемник — Маштла умертвил наследника Уитсилиуитла — Чимальпопоку и увеличил дань. Это вызвало возмущение.

Новый правитель Теночтитлана — Итцкоатль вступил в союз с сыном убитого правителя Тескоко Несауалькойотлем и с городом Тлакопан (Такуба). Так возник тройственный союз Теночтитлана, Тескоко и Тлакопана. В 1428 г. союзники одержали победу над тепанеками. Теночтитлан стал независимым.

В течение всего XIV в. теночки активно перенимают культуру

окружающих их народов. В результате они переходят со стадии предклассового общества на стадию классового. Трудно сказать, когда этот переход завершился, но несомненно, что во времена Иццоатла мы имеем дело уже не с протоурбополитархией, а урбополитархией.

С именем четвертого тлатоани связаны крупные реформы, затронувшие все стороны жизни общества. Он начал воздвигать каменные храмы. Была сооружена дамба, соединившая остров, на котором находился город, с материком. При нем уже несомненно существовала иероглифическая письменность. Захваченные земли больше не делились между калпулли. Большая часть завоеванной земли и право на дань перешли к правителю и военной элите.

После 1428 г. история Теночтитлана — вереница бесконечных завоеваний. Формально сохранялся тройственный союз, но Тлакопан вскоре исчез со сцены, а Тескоко постепенно отошел на второй план. Но военное сотрудничество между этими двумя городами сохранялось. Иццоатль одержал победу над могущественными чалками и шочемилками и заставил признать его власть.

После смерти Иццоатля в 1440 г. ему наследовал Монтекусума (Монтесума) I, что по-ацтекски значит «грозный», «суровый». На востоке он перешел через горы, совершил набеги на Пуэблу и Вера-Крус, а на юге проник в Морелос и Гереро. В 1469 г. на престол вступил сын Монтекусома I — Ашайакатль. Он распространил господство Теночтитлана до района Матлацинки на западе и до Оахаки и Теунтепека на юге. В 1478 г. Ашайакатль пытался покорить союз городов-государств — Тараско, но потерпел сокрушительное поражение. Более 20 тысяч ацтекских воинов погибло. Это обеспечило независимость тарасканцев вплоть до прихода испанцев. Далее Ашайакатль подчинил себе соседний город Тлателолко.

В 1479 г. правителем стал Тисок, а в 1486 г. — Ауитсотль. В своих военных походах последний доходил до Гватемалы, а на севере достиг области Уаштеки в штате Вера-Крус. Ему постоянно приходилось подавлять сопротивление покоренных народов.

Обычаем ацтеков было приносить во время религиозных церемоний и особенно ритуалов, связанных с военными набегами, в жертву богам пленных. По некоторым данным в центральной Мексике приносились в жертву каждый год 15 тысяч человек³²⁰. После воцарения Ауитсотля была завершена работа по постройке большого храма, начатая еще его предшественниками. Для церемонии завершения храма требовались человеческие жертвы. Ауитсотль в союзе с правителем Тескоко — Несауальпилли предпринял двухгодичный поход в Северную Оахаку. При

этом было захвачено по одним данным 10, по другим 20 тысяч пленных. Все они были принесены в жертву. Обреченных поставили в два ряда и оба правителя занялись страшным делом — вырыванием сердец у жертв. Правителей в порядке старшинства сменяли должностные лица. Длилось это четыре дня³²¹.

Держава ацтеков была довольно аморфным объединением большого числа политархий и, может быть, протополитархий под властью тройственного союза, в котором главную роль играл Теночтитлан. На трон подчиненного государства сажали правителя чаще всего из той же династии, что правила до завоевания. Не предпринималось никаких попыток ассимиляции покоренных народов — ни культурной, ни политической. Оставив власть на местах нетронутой, ацтеки легко решали все административные проблемы, но тем самым они увеличивали возможность восстаний.

Выступления против власти ацтеков, которые начинались обычно с убийства присланных сборщиков дани, были самым обычным явлением. Покоренные народы приходилось завоевывать снова, причем не по одному разу.

Положение державы осложнялось тем, что внутри ее территории находились многочисленные независимые анклавы. Стремясь сохранить свою независимость, их правители поощряли восстания против ацтекского господства. Когда мятежи подавлялись, они давали убежище лидерам выступлений, которые затем снова возобновляли свои попытки. Таким независимым анклавом было горное государство Тлашкада, а также Теотитлан и Метцитлан. Большая опасность угрожала со стороны оставшегося независимым Тарасканского союза городов-государств.

К концу правления Ауитсотля держава ацтеков достигла пределов своих завоевательных возможностей. Неизбежным стал внутренний кризис. Преемник Ауитсотля — Монтекусома II, вступивший на престол в 1502 г., стремясь найти выход из создавшегося положения, повел политику централизации власти. Он стремился к консолидации и стабилизации в пределах всей державы. Им были предприняты попытки ликвидировать независимые анклавы. Но большого успеха они не принесли. Победы были, но они являлись пирровыми. Еще больше было поражений. Единственное, что ему удалось, — практическое подчинение старого союзника — Тескоко (1515). Это вызвало недовольство среди населения этого города-государства.

Следствием реформ, проводимых в самом Теночтитлане, было увеличение роли высшей знати, уменьшение социальной мобильности.

Возмущение мерами, принятыми Монтекусомой II, разочарование в результате его походов, периодические нехватки продуктов создало напряженную атмосферу. И в этих условиях в 1519 г. на сцене появились испанцы. В результате их вторжения империи ацтеков пришел конец.

Очерк 4

Социально-экономический строй Древнего Востока: современное состояние проблемы

[322](#)

Социально-экономический строй Древнего Востока дважды за последние 60 лет становился предметом оживленных дискуссий в марксистской исторической и философской литературе. В первой из этих дискуссий, происходившей в конце 20-х - начале 30-х годов, принимали участие в основном советские ученые. Вторая была международной. Она началась в конце 50-х годов и приобрела особенно интенсивный характер с середины 60-х годов, когда в нее активно включились советские ученые. Во второй половине 70-х годов наметился определенный спад дискуссии: с тех пор появлялись лишь отдельные работы, посвященные этой проблеме, да и то изредка.

С середины 30-х годов в советской исторической и философской литературе безраздельно господствовал взгляд на социально-экономический строй Древнего Востока, как на рабовладельческий. Считалось также, что в этом регионе в I тыс. н. э. на смену рабовладельческому строю пришел феодальный, в недрах которого в дальнейшем зародились капиталистические отношения. Эта точка зрения отстаивалась и в ходе дискуссии. Ей противостояли два основных взгляда. Согласно одному из них, на Древнем Востоке господствовали феодальные отношения³²³, и они продолжали существовать до появления капитализма. Некоторые авторы, считали, что в мировой истории имелась лишь одна докапиталистическая классовая формация — рабовладельческо-феодальная. Соответственно и социально-экономический строй Древнего Востока они характеризовали как рабовладельческо-феодальный³²⁴.

Согласно основному второму взгляду, противостоявшему господствующей точке зрения, на Древнем Востоке существовала особая классовая общественно-экономическая формация, отличная и от рабовладельческой, и от феодальной. В основе ее лежал антагонистический способ производства, который был в свое время назван К. Марксом «азиатским». Существование азиатской общественно-экономической

формации подготовило и сделало возможным появление античной (рабовладельческой) формации, которая в свою очередь сменилась феодальной. В недрах последней вызрел капитализм³²⁵.

Разумеется, и вторая и третья точки зрения имели и сейчас имеют своих сторонников. Но все же большинство, и даже, может быть, подавляющее, историков и философов остались верны когда-то безраздельно господствовавшей концепции. Они по-прежнему продолжают считать древневосточные общества рабовладельческими. И, что особенно показательно, именно эта точка зрения была изложена в учебном пособии для университетов «История Древнего Востока», вышедшем в 1979 г., и в трехтомной «Истории древнего мира», увидевшей свет в 1983 г. Возникает вопрос: в чем причина такого положения вещей? В том ли, что имеющийся фактический материал по истории Древнего Востока достаточно убедительно свидетельствует в пользу признания древневосточных обществ рабовладельческими, или же для этого есть иные причины? На мой взгляд, верно второе предположение. Обратимся к уже упоминавшейся выше «Истории Древнего Востока».

Было бы неправильно сказать, что в этом труде отстаивается положение о рабовладельческом характере древневосточных обществ. Оно не отстаивается, а просто излагается, причем как единственно возможное. Как ни странно, в книге даже не упоминается ни о дискуссиях, которые велись по проблеме социально-экономического строя Древнего Востока, ни о существующих по этому вопросу точках зрения, отличных от той, что излагается в работе.

По мнению авторов учебного пособия, в странах Древнего Востока существовало три основных класса. Первый из них именуется по-разному: «класс рабов и близких им подневольных работников»; просто «класс рабов», но с указанием на то, что в его состав входили «рабы, приравненные к вещи, рабы-должники, сохранявшие элементы правоспособности, условное рабство младших членов семьи, близкие рабам юридически свободные подневольные работники»³²⁶, «класс подневольных работников» включающий в себя в качестве одного из элементов рабов³²⁷.

Но, как бы этот класс ни называли, несомненным является то, что в его состав входили не только рабы, но и подневольные работники, которые рабами не были. Причем в определенные периоды истории основную массу этого класса в той или иной стране составляли не рабы, а именно подневольные работники. Так было, например, в Древнем царстве

Египта³²⁸.

Спрашивается, какова же та форма эксплуатации, которой подвергались подневольные работники, не являвшиеся рабами, чем она отличается от рабовладельческой? На этот вопрос никакого ответа авторами не дается. Более того, такой вопрос в книге даже не ставится.

Вторым основным классом является «класс мелких свободных производителей», состоявший из земледельцев и ремесленников³²⁹. Как признают авторы учебника, во многих древневосточных обществах этот класс был самым многочисленным. Так обстояло дело в Новом царстве Египта, где мелкие свободные или полузависимые производители играли огромную роль в экономике³³⁰. В Древнем Шумере класс мелких производителей составлял примерно половину населения³³¹, в Старовавилонском царстве — основную массу населения³³².

Преобладающую массу населения «класс мелких производителей» составлял и в Ассирии во второй половине II тыс. до н. э., причем в основном это были свободные земледельцы-общинники³³³. Как указывают авторы учебника, в среднеассирийском обществе шел процесс разорения общинников, которые попадали в долговую зависимость, теряли землю и личную свободу. Все возникавшие формы зависимости «в конечном счете вели к развитию рабства, были одним из его источников внутри ассирийского общества»³³⁴. А каким же был результат? Резкий рост числа рабов за счет сокращения численности свободных?

Ничего подобного. И в I тысячелетии до н. э. класс мелких свободных производителей составлял основную массу «низших» слоев ассирийского общества³³⁵. Анализируя социально-экономические отношения еще Старовавилонского царства (XIX-XVI вв. до н. э.), авторы отмечают, что там шел процесс расслоения мелких производителей, остановить который было невозможно. «...Этот класс постепенно распадался, пополняя, с одной стороны, класс рабовладельцев, с другой — рабов»³³⁶. Но что же мы наблюдаем на той же территории спустя более чем тысячу лет, в VII-IV вв. до н. э.? Мы узнаём, что класс рабов занимал важное место в Нововавилонском царстве. Однако одновременно нам сообщают, что «основой сельского хозяйства был труд свободных земледельцев и арендаторов, в ремесле также доминировал труд свободных ремесленников»³³⁷.

В обществе Чжоу (Китай) рабы использовались на тяжелой и грязной работе: в качестве носильщиков, конюхов, слуг, в домашнем хозяйстве. Что же касается остальных видов работ, то ими были заняты простолюдины —

шужэн. Именно они обрабатывали землю³³⁸. Класс свободных простолюдинов был самым многочисленным и в обществе Хань³³⁹.

Как следует из «Истории Древнего Востока», класс мелких свободных производителей, состоявший в первую очередь из земледельцев-общинников, если не во всех, то в большинстве древневосточных обществ был основным производителем материальных благ. На естественно возникающий вопрос, подвергался ли этот класс эксплуатации, в книге дается утвердительный ответ. Этот класс, так же как и класс «подневольных работников», относится к числу эксплуатируемых³⁴⁰. Земледельцы-общинники повсеместно несли повинности в пользу государства, в частности платили подати³⁴¹.

Но проблема в том, с какой же именно формой эксплуатации человека человеком мы здесь имеем дело? Ссылка на то, что это самые обычные налоги, которые во всех классовых обществах подданные платили государству, ничего не объясняет. Как можно видеть на примере Чжоу, на этой форме эксплуатации зиждилось все общество.

Даже если исходить из тех данных, которые приведены в «Истории Древнего Востока», то нельзя не прийти к выводу, что если не во всех, то во многих древневосточных обществах эта форма эксплуатации была преобладающей, господствующей. Тем не менее, никакой характеристики этой формы мы в книге не найдем. В ней этот вопрос не только не решается, но даже и не ставится. Есть материалы, но нет обобщений. Точнее, обобщения есть, но не те, которые вытекают из материала: вопреки всем фактам господствующим объявляется рабовладельческий способ производства. Но и эту точку зрения авторы последовательно не проводят.

Ведь если на Древнем Востоке действительно господствовал рабовладельческий способ производства, то отсюда с неизбежностью следует вывод, что в этом обществе существовало только два основных класса: класс рабов и класс рабовладельцев. А авторы говорят о существовании на Древнем Востоке трех основных классов, из которых два являются эксплуатируемыми. Эта конструкция не выдерживает критики. Любой антагонистический способ производства порождает не три, а два, и только два основных класса: класс эксплуататоров и класс эксплуатируемых.

Конечно, в обществе могут существовать и более чем два общественных класса. Но это связано с наличием в нем нескольких общественно-экономических укладов, в частности двух антагонистических укладов. Но в последнем случае, как правило, один уклад —

господствующий, а другой — подчиненный. Классы господствующего уклада являются основными, подчиненного — неосновными.

В обществе могут существовать и уклады мелкого самостоятельного производства. С каждым из них связано бытие одного определенного класса. Но эти уклады всегда являются подчиненными, а связанные с ними классы — неосновными. Если исходить из того, что общество Древнего Востока — рабовладельческое, то следует считать класс земледельцев-общинников порождением подчиненного уклада мелкого самостоятельного производства и соответственно неосновным

Но вопреки их собственной концепции авторы «Истории Древнего Востока» настаивают на том, что этот класс является основным. И этот их вывод не случаен. Он противоречит логике их рассуждений, но зато отвечает действительному положению вещей. Этот класс на самом деле основной. Другое дело — класс рабов. Утверждение, что этот класс является основным, покоится не на фактах, а на догме, а именно на догме о господстве в странах Древнего Востока рабовладельческого способа производства.

В действительности, на Древнем Востоке господствовал иной антагонистический способ производства — тот, который был назван К. Марксом «азиатским». Для него характерно существование двух основных общественных групп, из которых одна безвозмездно присваивает труд другой. Если взять основной вариант этого способа производства, то одну из этих групп составляют мелкие производители-земледельцы, которые самостоятельно ведут хозяйство и объединены в общины. Их обычно называют крестьянами-общинниками.

Имеется несомненное сходство между данным вариантом рассматриваемого способа производства и феодализмом: производители материальных благ, так же как и феодально-зависимые работники, были хотя и подчиненными, но собственниками земли и своей личности. Соответственно представители господствующей группы были не полными, а лишь верховными собственниками земли и личности производителей материальных благ. На этом, однако, сходство и кончается.

Если при феодализме прибавочный продукт непосредственно поступал отдельным представителям класса эксплуататоров, то при азиатском способе производства он поступал государству, а уже затем распределялся между людьми, составлявшими государственный аппарат, в соответствии с их положением на иерархической лестнице власти. Таким образом, вторую большую группу представляли люди, входившие в состав государственного аппарата. Именно они, но только вместе взятые, а не каждый в отдельности

были верховными частными собственниками земли и непосредственных производителей материальных благ. Частная собственность может существовать в разных формах: она бывает персональной, групповой, наконец, общеклассовой. В данном случае мы имеем дело с верховной общеклассовой частной собственностью, выступающей в форме государственной. С этим и связано совпадение в общем и целом класса эксплуататоров с государственным аппаратом. Соответственно данный способ производства можно было бы назвать политарным (от греч. *политая* — государство)³⁴².

Класс эксплуататоров, который в «Истории Древнего Востока» рассматривается как третий основной класс, охарактеризован авторами очень нечетко. Только изредка его называют классом рабовладельцев без каких-либо дополнений³⁴³. В том же месте «Введения», где дается общая картина классового состава общества Древнего Востока, господствующий класс определяется чисто описательно, а именно как класс, «куда входила землевладельческая, придворная, служилая аристократия, командный состав армии, жречество, состоятельная верхушка земледельческих общин»³⁴⁴. В другом месте «Введения» отмечается, что «особенностью господствующего класса в странах Древнего Востока являлась его тесная связь с государственным аппаратом. Явственно выделялись группа государственной бюрократии, жречество, командный состав армии, крупные частные торговцы, землевладельцы, собственники кораблей, ремесленных мастерских»³⁴⁵.

Политарный способ производства не был на Древнем Востоке единственным. Наряду с ним если не во всех, то во многих странах встречались доминарный и магнарный способы производства. Первый существовал в четырех вариантах: рабском, приживальческом, кабальном и наймитском, второй — в трех: рабском, кабальном и арендном³⁴⁶.

Эти способы производства могли не только существовать самостоятельно и в тесной связи друг с другом, но и срастаться с политарным способом производства, результатом чего было возникновение нескольких вариантов политаризма. Один из них — основной, прямо не связанный ни с доминарным, ни с магнарным способами производства, выше уже рассмотрен. Это — политообщинный вариант политарного способа производства.

Второй вариант предполагает, что государство само непосредственно ведет хозяйство руками людей, полностью лишенных основных средств производства. Эти люди работают на полях коллективно во главе с

надсмотрщиками. Весь урожай поступает в государственные закрома. Работники получают довольствие натурой с государственных складов. Среди них имеются и рабы. Однако основную их массу составляют местные жители, которые рабами не являются. Они пользуются определенными правами, имеют, как правило, семью и нередко, если не всегда, какое-то личное имущество. Это — политодоминантный вариант политарного способа производства.

Политодоминантно-зависимыми были многие подневольные работники Древнего и Среднего царств Египта³⁴⁷, шублугали Лагаша времени Лугальанды и Уруинимгины³⁴⁸, гуруши Шумеро-Аккадского царства III династии Ура³⁴⁹.

Третий вариант является как бы промежуточным между первым и вторым. В его рамках работникам выделялись участки земли, которые они обрабатывали в известной мере самостоятельно, причем степень этой самостоятельности была различной. Участки могли получать как отдельные работники, так и их группы. Часть урожая, выращенного на участке, шла государству, другая — производителю (или производителям). Кроме земли, работники нередко получали в пользование также посевное зерно, скот, инвентарь. Это — политомагнарный вариант политарного способа производства.

Политомагнарно-зависимыми были гуруши Шуруппака (XXVII-XXV вв. до н.э.)³⁵⁰, ишшаккумы Старовавилонского периода в Двуречье³⁵¹, «государственные земледельцы» Нового царства Египта³⁵².

Грань между политодоминантно-зависимыми и политомагнарно-зависимыми работниками была относительной. Ее не всегда легко провести. С одной стороны, политодоминантно-зависимые работники могли иметь небольшие земельные наделы, на которых они вели подсобное хозяйство³⁵³. С другой стороны, политомагнарно-зависимые работники нередко были объединены в группы под начальством особых чиновников, их могли при нужде перебрасывать с места на место и т. п.³⁵⁴

Выделение политодоминантного и политомагнарного вариантов политарного способа производства позволяет уточнить представление о нем. Этот способ производства не обязательно предполагал верховную собственность эксплуататоров и подчиненную собственность эксплуатируемых на землю. Такое положение характерно только для одного его варианта — политообщинного. В остальных вариантах собственность эксплуататоров на землю была не верховной, а полной. Сущность политарного способа производства заключалась в соединении частной

общеклассовой верховной или полной собственности на землю с общеклассовой же частной верховной собственностью на личность непосредственных производителей.

Если иметь в виду не только политообщинный, но и политодоминантный и политомагнарный варианты политарного способа производства, то нетрудно убедиться в том, что фактические данные, приведенные в «Истории Древнего Востока», свидетельствуют о господстве этого способа производства во всех древневосточных обществах во всех фазах их развития.

В отличие от «Истории Древнего Востока» во «Введении» к первому тому «Истории древнего мира» говорится о дискуссии, которая велась по проблеме социально-экономического строя Древнего Востока, хотя изложение выдвинутых в ходе ее точек зрения оставляет желать лучшего. Авторы этой книги стоят на том, что древневосточное общество было рабовладельческим.

Общие теоретические положения изложены в лекции 1 — «Возникновение земледелия, скотоводства и ремесла. Общие черты первого периода истории древнего мира и проблема путей развития», принадлежащей И. М. Дьяконову. По его мнению, на Древнем Востоке существовало три класса. «Высшим классом был класс лиц, не занимавшихся производительным трудом и эксплуатировавших чужой труд. В нашей науке этот класс обозначается как рабовладельцы, хотя они эксплуатировали не только рабов в собственном смысле слова»³⁵⁵. «Средним классом был класс крестьян и ремесленников, занимавшихся производительным трудом, но, как правило, не эксплуатировавших чужой труд или пользовавшихся им лишь как подсобным»³⁵⁶. «Низший класс составляли подневольные люди рабского типа, лишенные собственности на средства производства в хозяйствах, где они подвергались внеэкономической эксплуатации»³⁵⁷.

Ответ на вопрос, почему низший класс именуется не рабами, а «подневольными людьми рабского типа», находим в следующем абзаце. Из него мы узнаем, что «в состав эксплуатируемого класса входили и рабы, не только лишенные собственности на средства производства, но и сами являвшиеся собственностью эксплуатирующих...»³⁵⁸.

Следовательно, не все «подневольные люди рабского типа» были рабами. Но это значит, что не имевшие статуса рабов «подневольные люди рабского типа» подвергались иной форме эксплуатации, чем рабовладельческая, и, следовательно, их неправомерно характеризовать как

работников рабского типа. Кстати, никакого анализа этой нерабовладельческой формы эксплуатации мы в лекции не находим. Зато она содержит подробное обоснование выгоды эксплуатации рабов.

«Именно эксплуатация рабов, — пишет И. М. Дьяконов, — была наиболее полной, а, следовательно, наиболее желательной для рабовладельцев. Производительность рабского труда при постоянном наблюдении за ними при тогдашних крайне примитивных орудиях существенно не отличалась от производительности труда крестьянина-общинника, но раб не смел иметь семьи, а те члены эксплуатируемого класса, кто не являлся собственно рабами, должны были содержать и семью на свой паек или на урожай с надела. Для хозяина было удобнее не давать рабу прокорма на семью, да и самого раба можно было хуже кормить, хуже или совсем не одевать и ежедневно заставлять больше работать. Это было выгодно рабовладельцам, и при всяком удобном случае они старались также и других эксплуатируемых лиц превращать в настоящих рабов. Поэтому такая экономика называется рабовладельческой, а подневольных людей рабского типа часто обозначают как класс рабов в широком смысле слова»³⁵⁹.

Казалось бы, все ясно. Рабовладельческая форма эксплуатации была самой выгодной и желательной. Рабы в полном смысле этого слова составляли большинство и их ряды непрерывно пополнялись за счет не бывших рабами «подневольных людей рабского типа», что оправдывает применение к ним не только приведенного выше термина, но и термина «рабы в широком смысле слова».

Но оказывается, что мы плохо поняли автора. «Однако, — пишет он сразу за приведенными выше словами, — в ранней древности максимальная "классическая" эксплуатация рабов была, как правило, неосуществимой по ряду причин»³⁶⁰. Выходит, что в эту эпоху настоящих рабов не было или почти не было. Но это значит, что не существует никаких оснований называть не бывших рабами «подневольных людей рабского типа» рабами в широком смысле слова и вообще работниками рабского типа, а данную экономику именовать рабовладельческой.

И. М. Дьяконов выделяет три пути развития обществ ранней древности.

Первый путь развития представлен Шумером. Там существовало два сектора хозяйства: государственный и общинно-частный. Одни работники государственного сектора получали землю, которую обрабатывали. «Она, — пишет И. М. Дьяконов, — выдавалась им для пропитания и как плата за

службу или работу на храм или вождя-правителя и т. п.»³⁶¹. Другие получали только паек³⁶². «В ходе дальнейшей истории выяснилось, — отмечает И. М. Дьяконов, — что содержание государства за счет ведения им собственного хозяйства с помощью больших масс эксплуатируемых рабского типа в конечном счете является нерентабельным: оно требует слишком больших непроизводительных затрат на надзор и управление. Государство переходит на систему взимания прямых налогов и даней со всего населения»³⁶³. Далее упоминается о частных рабовладельческих хозяйствах, которые велись и на общинной и на государственной землях. Однако об этих хозяйствах в книге больше ничего не сообщается. Бесспорным же является тот факт, что на землях общинного сектора вели хозяйство представители среднего класса — крестьяне-общинники. И если налоги собирались со всего населения, то несомненно, что и эти люди их платили. Что же касается государственного сектора, то, как сообщает в другой работе И. М. Дьяконов, земля здесь теперь делилась на участки, которые раздавались для обработки отдельным лицам. Последние поставляли за это двору или храму установленный «доход» или «приношения»³⁶⁴.

Второй путь развития был представлен Египтом. Там, «как кажется, общинно-частный сектор был без остатка поглощен государственным»³⁶⁵. И здесь непосредственное ведение огромного хозяйства царской властью оказалось в конечном счете нерентабельным. И. М. Дьяконов говорит о развитии на государственной земле частных рабовладельческих хозяйств, в которых работают как рабы, так не являвшиеся рабами подневольные люди, которые раньше работали в государственном хозяйстве.

Однако другие авторы считают, что государственная земля стала делиться на отдельные участки, которые раздавались в обработку с условием уплаты государству определенной части урожая. Люди, которые обрабатывали эти участки, «государственные земледельцы» — не были рабами ни в прямом, ни в каком-либо другом смысле»³⁶⁶. Кроме «государственных земледельцев», существовали частные служилые землепользователи, из среды которых вышли частные «владельцы» земли. «Свои земельные участки они возделывали как лично (силами своей семьи), так и с помощью различного рода зависимых работников — «государственных земледельцев» и арендаторов»³⁶⁷.

Древнейшие общества третьего пути дают разнообразные картины и пропорции соотношений между государственным и общинно-частным секторами. В I тыс. н. э. в огромном большинстве стран, относившихся к

этому варианту развития — «общинно-частный сектор сохраняется только в городах, а почти все сельское население оказывается в результате завоеваний в пределах царского земельного фонда»³⁶⁸. Таким образом, даже из собственных высказываний И. М. Дьяконова видно, что первый путь развития, если не сразу, то со временем приводит к политарному способу производства в его политообщинном и политомагнарном вариантах. И сам же И. М. Дьяконов фактически признает, что при третьем пути развития в огромном большинстве стран все сельское население оказалось в положении людей, несущих повинности государству. Иначе говоря, от азиатского, или, как я предпочитаю говорить, политарного, способа производства уйти невозможно даже при рассмотрении общих теоретических проблем развития Древнего Востока. Тем более без него не обойтись при исследовании социально-экономической структуры отдельных стран³⁶⁹.

В 1984 г. вышел в свет сборник «Проблемы социальных отношений и форм зависимости на Древнем Востоке». В нем имеется одна статья теоретического характера — «Нерабские формы зависимости в древней Передней Азии (к постановке вопроса)», принадлежащая перу М. А. Дандамаева. Автор резко возражает против попыток ввести понятие «раб» в широком смысле слова, против включения в состав рабов зависимых работников, рабами не являвшихся. М. А. Дандамаев считает необходимым четко отличать рабов от такого рода зависимых людей и отдельно говорить о роли труда рабов и роли труда зависимых слоев населения, не бывших рабами.

«Как показали исследования советских ученых в 60-70-х годах, — пишет он, — труд рабов не занимал ведущего места в экономике Передней Азии... Этот же вывод с полным основанием можно распространить также и на некоторые другие страны Древнего Востока, например на царство хеттов, Палестину, ахеменидский Иран и Индию»³⁷⁰. «На Древнем Востоке не наблюдается развития института рабства в сторону неизбежного, неуклонного повышения удельного веса рабского труда в основных отраслях хозяйства»³⁷¹. Несколько по-иному обстояло дело с зависимыми людьми, не являвшимися рабами: «В III и начале II тысячелетия до н. э. на Ближнем Востоке именно труд таких зависимых людей играл решающую роль в государственном, или царском, хозяйстве, являвшемся в тот период ведущим сектором экономики»³⁷².

Но если брать общество Ближнего Востока в целом, то основой сельского хозяйства был труд не рабов и не других зависимых слоев

населения, а свободных земледельцев и арендаторов. Доминировал труд свободных и в ремесле³⁷³. «В настоящее время, — делает вывод М. А. Дандамаев, — нет никаких сомнений, что в течение всего периода древности на Ближнем Востоке труд свободных общинников играл исключительно важную роль, определенно гораздо большую, чем рабский труд или труд других зависимых слоев населения»³⁷⁴.

Однако наиболее любопытен конец статьи. «После всего сказанного, — пишет автор, — неизбежно возникает вопрос: какая общественно-экономическая формация господствовала на Древнем Востоке?» И продолжает: «Здесь нет необходимости подробно останавливаться на этом вопросе. На наш взгляд, правы те советские исследователи, которые считают, что термин "рабовладельческая формация" — лучшее из существующих в нашей науке определений классовых обществ на Древнем Востоке...»³⁷⁵.

Обоснование этого, более чем парадоксального, вывода выглядит следующим образом: «Прежде всего, рабство являлось оптимальной формой зависимости. Существование института рабства накладывало глубокий отпечаток на социальные отношения, идеологию, право и психологию общества, и классовый антагонизм в наиболее неприкрытой и типичной форме проходил между рабами и свободными»³⁷⁶.

Все эти положения весьма уязвимы для критики. Ведь на том основании, что рабство является оптимальной формой зависимости (что это означает, автор никак не поясняет), рабовладельческим можно объявить любое общество, в котором имеются рабы. Отмечу также, что есть серьезная причина, которая привела М. А. Дандамаева к выводу о принадлежности общества Древнего Востока к рабовладельческой формации. Он не видит, что крестьяне-общинники на Древнем Востоке подвергались эксплуатации со стороны государственно-организованного правящего класса, что там существовал особый антагонистический способ производства — азиатский, или политарный. Но, не замечая этого, он в то же время не может не исходить из того, что общество Древнего Востока было классовым, антагонистическим. Вот и приходится объявлять его рабовладельческим.

Все сказанное выше помогает понять, почему взгляд на общественный строй Древнего Востока как на рабовладельческий не является единственным: он резко противоречит фактам. Именно поэтому в советской литературе существуют и иные точки зрения по этому вопросу.

На одной из них, отстаиваемой Л. С. Васильевым, следует

остановиться. Ее основной смысл в том, что на Востоке с древних времен вплоть до эпохи колониализма господствовал особый способ производства, который К. Маркс называл «азиатским», а Л. С. Васильев предпочитает именовать «государственным»³⁷⁷. Для этого способа производства характерно существование двух больших групп людей. Одна из них — правящие верхи общества, составляющие государственный аппарат. Другая — остальные члены общества. Первая группа осуществляет эксплуатацию другой при посредстве ренты-налога³⁷⁸. В общих чертах перед нами та самая социальная структура, которая была охарактеризована выше как политообщинный вариант политарного способа производства. Но отличие моей точки зрения от концепции Л. С. Васильева не исчерпывается одной лишь терминологией. Л. С. Васильев трактует эту структуру совершенно по-иному.

Прежде всего, он утверждает, что две большие группы людей, из которых одна эксплуатирует другую, общественными классами не являлись. Соответственно рассматриваемое общество не было классово-антагонистическим. И не было оно классовым потому, что деление на эти две большие группы не обуславливалось частной собственностью на средства производства. «Структурообразующей основой» государственного способа производства была не частная собственность, а нечто совсем другое³⁷⁹. Что же именно?

Л. С. Васильев дает на этот вопрос два ответа. Один из них состоит в том, что «структурообразующую роль» в этом способе производства играли отношения редистрибуции³⁸⁰. Под редистрибуцией понимается сбор ренты-налога с населения с последующим его распределением среди членов правящей группы. Таким образом, получается, что в основе сбора ренты-налога лежит сам же сбор ренты-налога. Но у Л. С. Васильева есть и другой ответ: «структурообразующей основой» данного способа производства является не что иное, как «власть-собственность»³⁸¹.

Хотя понятие «власть-собственность» играет огромную роль в концепции Л. С. Васильева, разобраться в нем нелегко. Сформулировано оно очень нечетко. Прежде всего, поставим вопрос: о какой именно власти идет речь в данном случае? Когда имеется в виду уже сложившийся государственный способ производства, под властью нужно понимать не какую-нибудь иную, а государственную, и только государственную, власть. Носителем этой власти выступает государственный аппарат. Следующий вопрос: о какой именно собственности идет здесь речь? Не о всякой, а только о той, что неразрывно связана с государственной властью, является

собственностью исключительно лиц, составляющих государственный аппарат, т. е. собственностью не всех членов общества, не общественной, а собственностью только части членов общества. Добавлю к этому, что она является собственностью не каждого отдельного члена государственного аппарата, но всех их в совокупности.

Собственностью членов госаппарата, вместе взятых, является доля общественного продукта, полученная в качестве ренты-налога. Но не только. Сам же Л. С. Васильев признаёт, что тесно связанная с государственной властью собственность распространяется и на ресурсы, «включая земли и труд людей»³⁸². Земля является совместной собственностью правящих верхов, образующих госаппарат. Но она же представляет собой одновременно и собственность людей, которые ее обрабатывают. И нетрудно понять, что неразрывно связанная с государственной властью собственность правящих верхов на землю качественно отличается от собственности на эту же землю земледельцев или их коллективов. Это две качественно отличные формы собственности. Одну из них, а именно связанную с властью правящих кругов, Л. С. Васильев называет верховной собственностью³⁸³. Другую форму собственности он оставляет без названия. Эту форму можно было бы обозначить как подчиненную собственность.

Как следует из сказанного, две рассмотренные выше большие группы людей различаются по своему отношению к средствам производства. Одна из них является верховным собственником земли (и добавлю: верховным собственником личности непосредственных производителей), а представители другой — подчиненными собственниками земли и своей личности. Мы уже знаем, что первая группа эксплуатирует вторую.

Естественно, напрашивается вывод, что именно это различие в их отношении к средствам производства и служит основой присвоения одной группой труда другой группы. Иначе говоря, эти группы являются общественными классами в полном и точном смысле этого слова. И верховная собственность является прерогативой лишь части членов общества, причем это такая собственность, которая позволяет ее держателям эксплуатировать другую часть общества. Другими словами, она является не чем иным, как частной собственностью. Как видно из всего вышеизложенного, рассматриваемый способ производства, как и все остальные антагонистические способы производства, основан на частной собственности, но особого рода — на общеклассовой частной собственности. Эта собственность может быть верховной, как в

рассматриваемом случае, но она может быть и полной, как, например, при политодоминантном варианте политарного способа производства. В последнем случае государственная собственность с полной очевидностью является частной, ибо ей противостоят люди, полностью лишенные средств производства, в том числе земли. В этом случае ее иначе как частную и нельзя характеризовать.

Надо сказать, что и сам Л. С. Васильев непоследователен в проведении своей точки зрения. Отрицая классовый характер отношений между двумя рассматриваемыми группами, он тут же характеризует их как сословно-классовые³⁸⁴. Отрицая, что верхи общества, эксплуатирующие низы, являются классом, он добавляет, что они выполняли функцию господствующего класса³⁸⁵.

Концепция Л. С. Васильева, на мой взгляд, неверна. Однако она не беспочвенна. Это становится ясным, если иметь в виду, что существуют два вида отношений собственности: (1) экономические отношения собственности, или производственные отношения, (2) волевые отношения собственности, или, как их иногда называют, имущественные отношения. Первые есть отношения материальные, первичные. Но, будучи первичными по отношению к волевым отношениям собственности, они вместе с тем проявляются и существуют именно в этих вторичных отношениях. Определенные материальные отношения собственности требуют и предполагают существование определенных волевых отношений собственности. Когда объектом собственности являются люди, волевые отношения собственности неизбежно выступают одновременно и как отношения насилия, отношения власти.

В рассматриваемом случае, когда господствующий класс совпадает с государственным аппаратом, волевые отношения собственности неизбежно должны в определенной степени совпасть с отношениями государственной власти, которые тоже являются волевыми отношениями. Имущественные отношения должны одновременно быть и политическими отношениями³⁸⁶. Это совпадение отношений власти и волевых отношений собственности и было отмечено Л. С. Васильевым. В результате родился термин «власть-собственность». Но суть концепции Л. С. Васильева не ограничивается введением понятия «власть-собственность». Она состоит, во-первых, в практическом сведении собственности только к волевым отношениям и, во-вторых, в провозглашении приоритета власти над собственностью. Л. С. Васильев пишет, что «власть породила собственность», что «собственность — функция власти, ее следствие»³⁸⁷.

И это объяснимо. При рассмотрении общества, основанного на азиатском способе производства, бросается в глаза, что человек, для того чтобы начать получать долю прибавочного продукта, должен приобщиться к власти, занять определенный пост в госаппарате. Отсюда, казалось бы, неизбежно напрашивается вывод, что власть есть первичное, а различного рода имущественные права — вторичные, производные от власти. Такой вывод как раз и делает Л. С. Васильев.

Но в действительности не власть сама по себе дает определенные имущественные права. Право на получение доли прибавочного продукта обеспечивает вхождение в группу людей, которые, вместе взятые, являются одновременно и носителями власти, и совместными собственниками (верховными или полными) средств производства, и верховными собственниками личности производителей материальных благ. Не вначале власть, а затем из нее собственность, а одновременно — власть и собственность.

Отношения государственной власти и волевые отношения собственности при азиатском способе производства неотделимы друг от друга. И в основе их единства лежат экономические отношения собственности, производственные отношения. Они являются первичными по отношению ко всем волевым отношениям вообще и отношениям государственной власти в частности.

Представление о том, что при азиатском способе производства действует примат государственной власти над экономикой, является не чем иным, как иллюзией. Блестящую критику подобного рода иллюзии мы находим в марксовом конспекте книги Г. Мейна «Лекции по древней истории институтов». «Несчастный Мейн, — писал К. Маркс, — сам не имеет ни малейшего представления о том, что там, где существуют государства (после первобытных общин и т. д.), то есть *политически организованные общества*, государство ни в коем случае не является *первичным*: оно лишь *кажется* таковым». В действительности базисом общества всегда являются *экономические условия*. «Они, — подчеркивал К. Маркс, — представляют ту основу, на которой строится государство, и служат его предпосылками»³⁸⁸.

Я думаю, что нельзя согласиться не только с той трактовкой азиатского способа производства, которую мы находим в работах Л. С. Васильева, но и с его пониманием места этого способа производства в истории человечества. С его точки зрения, во всемирной истории были две основные параллельные линии развития. Одна из них — европейская,

другая — внеевропейская, прежде всего восточная³⁸⁹.

На мой взгляд, общество, основанное на азиатском способе производства, было, прежде всего, определенной стадией всемирно-исторического развития, а именно первой классово-антагонистической формацией. Только существование и развитие этой формации сделало возможным появление в Европе античного общества. Но если в Европе развитие пошло дальше, то страны Востока задержались на стадии первой классовой формации вплоть до XIX в., когда там под европейским влиянием начали зарождаться капиталистические отношения³⁹⁰.

Существует и точка зрения, согласно которой на Востоке, начиная с древних времен и вплоть до эпохи колониализма, господствовали феодальные отношения (Е. М. Медведев). Истоки такого взгляда очевидны. Как я уже отмечал, имеется определенное сходство между политарнообщинным вариантом политарного способа производства и феодализмом. В качестве феодализма можно истолковать магнарный способ производства, и политмагнарный вариант политарного способа производства.

Своеобразное место занимает концепция В. П. Илюшечкина, претерпевшая за прошедшие годы определенные изменения. Ее автор по-прежнему придерживается точки зрения, согласно которой существовала лишь одна добуржуазная классовая формация. Но теперь он называет это общество не рабовладельческо-феодальным, а сословно-классовым. Им подробно исследовано докапиталистическое классовое общество в Китае. Прежде всего приведу его характеристику эксплуатации, существовавшей в китайском обществе в XV-VI вв. до н. э. «...Это, — пишет он, — была эксплуатация общинников знатью посредством налога, отчуждаемого представителями знати во главе с ваном лишь в силу обладания ими властью»³⁹¹. Нетрудно заметить, что эта точка зрения близка к излагаемой в работах Л. С. Васильева. Единственное различие состоит в том, что Л. С. Васильев говорит о власти-собственности, а В. П. Илюшечкин только о власти. Такого рода эксплуатация была, по мнению В. П. Илюшечкина, характерна также для государств майя и ацтеков доколумбовой Америки и некоторых государственных образований доколониальной Африки³⁹².

В период с V в. до н. э. до III в. н. э. в китайском обществе основную массу непосредственных производителей в земледелии составляли самостоятельные крестьяне. Ведь даже к концу указанного периода, когда их удельный вес значительно сократился, на них приходилось не менее 50% населения³⁹³. Отсюда следует, что рента-налог была преобладающей

формой эксплуатации в данную эпоху. К этому следует добавить эксплуатацию арендаторов государственной земли³⁹⁴. Таким образом, политообщинный и политомагнарный варианты политарного способа производства, вместе взятые, бесспорно, господствовали в китайском обществе этого времени. Существовал тогда же и магнарный способ производства в его арендном варианте.

С конца III в. до середины VIII в. в Китае господствовала система государственного наделного землепользования. Суть ее состояла в том, что «большая часть земли стала считаться собственностью государства, а самостоятельные крестьяне — держателями государственной земли»³⁹⁵. В китайском обществе этого времени возобладал, следовательно, политомагнарный вариант политарного способа производства. Впрочем, он мало отличался от политообщинного варианта. В результате В. П. Илюшечкин именуется непосредственных производителей то арендаторами³⁹⁶, то податными крестьянами³⁹⁷.

К середине VIII в. система наделного землепользования потерпела крах. На ее развалинах утвердилась система земледелия, которая с некоторыми изменениями просуществовала вплоть до 1949 г.³⁹⁸ Характерная ее черта — наличие широкого слоя мелких самостоятельных крестьян, которые составляли не менее 50% населения³⁹⁹. Если к ним добавить арендаторов государственных земель, то мы получим картину господства в обществе политарного способа производства в двух его вариантах: политообщинном и политомагнарном. Среди других способов производства выделялся магнарный способ в его арендном варианте. Существовали и иные способы эксплуатации, но они не играли существенной роли, хотя значение их в определенные эпохи могло возрастать.

Большой интерес представляют увидевшие в последние годы свет работы Г. А. Меликишвили. «Исследуя социально-экономический строй ближневосточного классового общества, — пишет он, — прежде всего следует указать на устойчивое сохранение на всем протяжении его существования (вплоть до позднего средневековья) приоритета государства и государственной собственности»⁴⁰⁰. В III тыс. до н. э. государство само непосредственно вело хозяйство⁴⁰¹. Это — «царско-храмовый этап»⁴⁰². С началом II тыс. до н. э. «господствующей формой ведения хозяйства стало самостоятельное хозяйствование производителей на своих мелких участках»⁴⁰³. Именно тогда сложилась та модель общества, которая просуществовала на Ближнем Востоке до нового времени⁴⁰⁴.

Большое внимание уделяет Г. А. Меликишвили характеристике этой «восточной модели» общества. «Много общего, — пишет он, — между древним и средневековым Ближним Востоком и в отношении форм эксплуатации. В обоих случаях, в частности, мы имеем дело в правовом отношении со свободным производителем, обремененным многими разными обязанностями по отношению к государству: налогами, выполнением общественных строительных, ирригационных и др. работ, участием в военном ополчении... Особенно широко распространенной формой эксплуатации, как на древнем, так и на средневековом Востоке являлось взимание с населения налогов... Вообще эксплуатация основного производящего класса на Востоке происходила преимущественно посредством государства»⁴⁰⁵.

«Много общего, — продолжает Г. А. Меликишвили, — между древним и средневековым Востоком и в отношении характера господствующего слоя. В обоих случаях последний представлен государственно-бюрократическим аппаратом (или: военно-бюрократической прослойкой), в котором иерархия определяется преимущественно степенью близости к верховному правителю (царю-деспоту)»⁴⁰⁶.

На вопрос о том, с какой же общественно-экономической формацией мы здесь сталкиваемся, Г. А. Меликишвили не дает достаточно определенного ответа. С одной стороны, он характеризует этот социально-экономический строй как восточную разновидность феодализма, «восточный феодализм», «государственный (resp. бюрократический) феодализм»⁴⁰⁷. С другой стороны, он пишет, что «в средневековом ближневосточном обществе все же процесс феодализации, в отличие от древневосточного, получил больший размах и приводил в отдельных случаях к образованию довольно сильнофеодализованных обществ»⁴⁰⁸. Ясно, что процесс феодализации может протекать только в таком обществе, которое феодальным не является. Не имеет смысла говорить о феодализации феодального общества. Тем самым Г. А. Меликишвили в той или иной степени сознает, что обрисованное им общество существенно отличается от феодального, но не находит для его обозначения адекватного термина.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод: на Древнем Востоке господствовал не рабовладельческий и не феодальный, а особого рода антагонистический способ производства, который К. Маркс называл «азиатским», а я предпочитаю называть политарным. Этот способ производства доминировал на Востоке вплоть до XIX в., когда там под

влиянием Запада стали зарождаться капиталистические отношения. Таким образом, на Востоке существовала только одна классовая докапиталистическая формация.

Именно на абсолютизации этой особенности исторического развития Востока построены все концепции, провозглашающие, что и во всемирной истории человечества существовала только одна классовая добуржуазная формация (Ю. М. Кобищанов, В. П. Илюшечкин). Однако на стадии первой классовой формации задержался только Восток. Существование на древнем Ближнем Востоке обширной системы социоисторических организмов политарного типа подготовило и сделало возможным возникновение в Европе системы социоисторических организмов, относящихся к новой, более прогрессивной классовой общественно-экономической формации — античной (рабовладельческой). За рабовладельческой формацией последовала феодальная, а затем и капиталистическая.

Сторонники концепций, согласно которым существовала лишь одна классовая докапиталистическая формация, всегда стремились опровергнуть бытие рабовладельческой формации. Одни из них без каких-либо серьезных доказательств объявляли античное общество феодальным⁴⁰⁹. Другие делали упор на то, что в античном мире основную массу работников производства составляли в целом самостоятельные мелкие производители — крестьяне и ремесленники. Отсюда делался вывод, что «частнособственническая эксплуатация свободных и несвободных играла в общем второстепенную роль в общественном производстве»⁴¹⁰.

Но зададим вопрос: являлось ли античное общество классовым или нет? Ответ может быть только утвердительным. Но если оно было классовым, то, следовательно, в его основе лежал определенный антагонистический способ производства. Какой же именно? Если оставить в стороне Спарту, Фессалию, Крит, то во всех остальных античных обществах в эпоху их зрелости господствовал рабовладельческий способ производства. И вполне понятно, что господствующий способ производства не мог играть второстепенную роль в обществе, в котором он господствовал.

Есть и еще один вопрос, на который сторонники указанной концепции не могут ответить. Как известно, классовое общество на Востоке зародилось за несколько тысяч лет до его появления в Европе. И тем не менее родиной капитализма оказался не Восток, а Европа. Как же это объяснить, если считать, что и на Востоке и в Европе существовала одна и та же докапиталистическая классовая формация?

Не менее сложный вопрос встает перед сторонниками теории трех классовых формаций (рабство, феодализм, капитализм). Все классовые общества, существовавшие на Востоке до V в. н. э., они называют рабовладельческими, а точно такие же общества, сложившиеся после V в. н. э., характеризуют как феодальные. Поэтому феодальными признаются и такие классовые социоисторические организмы, которые возникли непосредственно из первобытного общества без какого-либо влияния со стороны более передовых социоисторических организмов.

Отсюда неизбежно следует вывод, что от первобытного общества к классовому идут две равноправные, параллельные линии развития: одна из них ведет к рабовладельческому обществу, другая — к феодальному. В результате получается, что существует не одна, а две равноправные первые классовые общественно-экономические формации: рабовладельческая и феодальная.

Но, практически признавая, что феодализм не в меньшей степени, чем рабовладение, является первой классовой общественно-экономической формацией, сторонники такого взгляда одновременно не отрицают и того, что он представляет собой вторую классовую общественно-экономическую формацию. Как видим, точка зрения, утверждающая, что существует одна первая классовая докапиталистическая формация, эклектически сочетается с взглядом, в соответствии с которым существуют две первые классовые докапиталистические формации.

Тем самым, по сути, отрицается единая линия развития и смены общественно-экономических формаций. Подобный вывод находится в противоречии с основными положениями исторического материализма. Все это требует отказа от рассмотренной выше концепции трех классовых формаций. Она не только противоречит фактам, она несостоятельна и теоретически.

Единственная концепция, согласующаяся со всей суммой исторического материала и вместе с тем внутренне непротиворечивая, — это теория, по которой человечество в целом прошло четыре классовые общественно-экономические формации: политарную, рабовладельческую, феодальную и капиталистическую. Оно соответствует всем основным положениям материалистического понимания истории.

Очерк 5

**Великая Октябрьская рабоче-
крестьянская революция 1917 г. и
возникновение неополитаризма в СССР
(Россия: что с ней случилось в двадцатом
веке)**[411](#)

5.1. Введение

Наше общество находится на крутом переломе, характер которого дня многих его членов неясен. Подавляющее большинство людей не имеет сколько-нибудь четкого представления ни о том, что у нас было, ни о том, что нас ждет в будущем. В этих условиях абсолютно необходимым является тщательный объективный анализ существовавшего и в определенной степени все еще продолжающего существовать у нас общественного строя. Без этого никакие прогнозы будущего не могут иметь прочного основания.

От марксизма сейчас почти все отворачиваются. А между тем, на мой взгляд, только материалистическое понимание истории может дать ключ к решению загадок нашего прошлого, а тем самым и к пониманию перспектив дальнейшего развития. Применение материалистического понимания истории для анализа существующего положения вещей следовало бы ожидать от ведущих идеологов партии, теоретическим знаменем которой всегда считался марксизм. Однако достаточно ознакомиться с программными документами КПСС, появившимися в период с 1985 по 1991 годы, не говоря уже о тех, что относятся к предшествующему времени, чтобы убедиться в отсутствии в них даже подобия марксистского анализа действительности. Нет даже попытки поставить само собой напрашивающийся вопрос о том, какой же именно способ производства сложился в стране за последние более чем 70 лет. Кроме фраз о деформации идеи социализма, а тем самым и самого социализма, в них ничего нет. Не лучше обстоит дело и с докладами, статьями и книгами руководителей и официальных идеологов КПСС. Ничего нового не содержат и программные документы партий, которые возникли на развалинах КПСС: Социалистической партии трудящихся, Союза коммунистов России, Российской партии коммунистов, Российской коммунистической рабочей партии, восстановленной Коммунистической партии РФ, не говоря уже о Всесоюзной коммунистической партии большевиков.

Что же касается мира ученых-обществоведов, то он раскололся. Одни из них продолжают считать себя марксистами. Лишь немногие из них имеют возможность публиковать статьи, не говоря уже о книгах. Но мысль их, как правило, бьется в тех же рамках, что характерны для официальных документов партии. Другие, годами клявшиеся в своей преданности

марксизму, начисто отrekliсь от него. Вполне понятно, что ждать от них историко-материалистического подхода к нашей истории не приходится. Их труды впечатляют в основном обилием разоблачений и проклятий. Это, отнюдь, не означает, что в работах представителей обоих направлений нет ничего ценного. И теми и другими выявлены многие моменты нашей реальности. Но сколько-нибудь стройная концепция и у тех, и у других отсутствует.

Особое место занимают работы исследователей, живущих за рубежом, включая тех, что были в свое время вынуждены покинуть пределы СССР. У некоторых из них общее неприятие нашего общественного порядка сочетается с использованием для его анализа части понятийного аппарата марксизма. Именно они ближе всего подошли к сути дела.

Если серьезный анализ нашего прошлого общественного строя в нашей литературе, как правило, отсутствует, то в различного рода обозначениях его нехватки нет. Крайности сходятся. Самые верные защитники этого строя именуют его социализмом. Термины «социализм» и «коммунизм» используют для его обозначения и самые ярые его противники. Что же касается остальных, то они чаще всего употребляют слово «социализм», но с добавлением эпитетов: государственный, бюрократическим, казарменный, тоталитарный, феодальный и т. п. Говорят также и о «сталинской модели социализма». Реже, но встречаются и такие характеристики, как государственный капитализм, рабовладельческо-феодальный строй и, наконец, азиатский способ производства. Широкое распространение получили термины «командно-административная система», «авторитарно-бюрократический строй», «тоталитарный строй» и т. п.

5.2. Советское общество - классовое, базирующееся на частной собственности

Переходя к анализу социально-экономического строя СССР, сразу же уточним, что мы будем его рассматривать в таком виде, в котором он существовал до 1985 г., не принимая во внимание происходящие сейчас перемены.

Способ производства есть производство, взятое в определенной общественной форме. Этой формой является система социально-экономических (или производственных) отношений одного определенного типа. Социально-экономические, или производственные, отношений всегда есть в своей сущности отношения собственности.

Но сами отношения собственности существуют в двух видах. Один вид — экономические отношения собственности, существующие в форме отношений распределения и обмена. Согласно материалистическому пониманию истории, они возникают и существуют независимо от сознания и воли людей, являются объективными, материальными. В обществе, где существует государство, экономические отношения собственности закрепляются в праве, в котором выражается воля государства. Так возникают правовые, юридические отношения собственности. Общественную форму производства образуют, разумеется, не юридические, а материальные экономические отношения собственности. Последние являются фундаментом, основой любого общества.

Существует, по крайней мере, одно положение, относящееся к нашему прошлому социально-экономическому строю, которое принимается всеми: и его защитниками, и его противниками. Это тезис о том, что в нашем обществе основная часть средств производства находилась в собственности государства. Его вполне можно принять, но с одной поправкой: собственностью государства являлись все вообще средства производства.

Могут возразить, что кроме государственной собственности у нас существовала также и колхозно-кооперативная. Бесспорно, что между государственными предприятиями и колхозами имелись определенные различия. Однако они не затрагивают сути дела. Колхозно-кооперативная собственность с самого начала во многом была юридической фикцией. Реальным собственником средств производства, которые использовались в колхозах, всегда являлось государство. Государство и юридически было собственником основного средства производства — земли. До ликвидации

системы МТС государству и официально принадлежал весь парк тракторов и комбайнов. Но главное: государство всегда не менее безраздельно распоряжалось продуктом труда колхозников, чем вещами, созданными на заводах и фабриках.

Согласно правовым нормам, нашедшим свое выражение в Конституции и Основных Законах СССР, государственная собственность являлась собственностью общенародной, собственностью всех членов общества вместе взятых. В принципе такое возможно. Но государственная собственность может быть одновременно и общенародной только при одном непереносимом условии: государство должно быть демократическим, а демократия при этом должна быть не формальной, а реальной. Лишь тогда, когда государственная власть реально принадлежит народу, государственная собственность может быть общенародной.

Но, как признается сейчас почти всеми, у нас не было не только реальной, но даже формальной демократии. Была лишь фикция демократии. Даже в выступлениях высших руководителей КПСС существовавший у нас политический режим характеризовался как тоталитарный, т. е. как крайне антидемократический. Общим местом в последних документах КПСС стало утверждение, что в нашей стране трудящийся человек был отчужден от власти и собственности. А это может означать только одно: государственная собственность у нас не была общенародной, общественной.

Иногда говорят, что она была ничейной. Но так никогда не бывает. Всякая собственность предполагает наличие собственника или собственников. Если нет собственников, то нет и самой собственности. А государственная собственность на средства производства, несомненно, существовала. Были и собственники.

И этими собственниками средств производства являлись люди, входившие в состав государственного аппарата. Сразу же необходимы уточнения. Говоря о государственном аппарате, мы должны иметь в виду не только собственно государственный, но и партийный аппарат. Последний вплоть до самых последних лет был не просто частью, но становым хребтом государственного аппарата. Это первое. Второе заключается в необходимости учитывать, что люди, входящие в состав государственного аппарата, занимали в нем далеко не одинаковое положение. Условно их можно подразделить на две основные категории: ответственных (или номенклатурных) работников и всех прочих. И не все, а лишь ответственные работники партгосаппарата представляли собой собственников средств производства. Причем собственность эта носила

своеобразный характер. Ни один из номенклатурщиков, взятый в отдельности, не был собственником средств производства. Собственниками средств производства являлись только все они, вместе взятые. Мы имеем здесь дело с совместной собственностью, но не всего общества, а лишь одной его части.

Наше общество делилось, таким образом, на две основные части, на две большие группы людей, которые отличались по их отношению к средствам производства. Одна из этих групп владела средствами производства, другая была лишена их. В результате представителям последней ничего не оставалось, как работать на владельцев средств производства. Различие в отношении к средствам производства определяло различие способов получения и размеров доли общественного богатства, которой располагала каждая из этих групп.

Весь созданный трудом производителей продукт поступал в распоряжение представителей первой группы, причем распоряжение бесконтрольное, часть его шла обратно производителям для обеспечения их существования. Но так дело обстояло не всегда. Было время, когда члены многих колхозов вообще ничего не получали из совместно созданного продукта. Они жили в основном за счет собственного подсобного хозяйства.

На этом примере не только явственно проступает различие между работниками государственных предприятий, которые все-таки всегда получали заработную плату, и колхозниками, но и еще одна особенность описываемого способа производства. Представители первой большой группы, вместе взятые, являлись собственниками не только средств производства, но и личностей непосредственных производителей. Колхозники, как известно, в то время были фактически прикреплены к земле, что и вынуждало их работать на государство, по существу, полностью безвозмездно. Эксплуатация здесь выступала в неприкрытой форме.

Грубой и совершенно откровенной была, конечно, и эксплуатация огромной армии работников, наполнявшей в сталинские времена бараки ГУЛАГа. Но эксплуатировались не только заключенные и не только колхозники. Эксплуатации подвергались вообще все производители материальных благ, включая и живших на воле работников государственных предприятий.

Значительная часть прибавочного продукта шла на расширение производства и другие нужды общества. Но немалая его доля поступала на содержание группы владельцев средств производства. Внешне они, как и

все вообще рабочие и служащие, получали от государства заработную плату. Но даже если бы весь их доход принимал форму заработной платы, то и в таком случае сущность его была бы совершенно иной, чем у производителей материальных благ. Они получали свой доход в качестве не работников, а собственников, то есть получали прибавочный продукт.

Но различие содержания вылилось и в различные формы. Иными были не только размеры доли общественного богатства, получаемой представителями господствующей группы. Иным был и способ получения этой доли. Все члены этой группы пользовались тем, что принято называть привилегиями. Они имели доступ к спецраспределителям, спецмагазинам, спецбуфетам, спецсанаториям, спецбольницам и т. д. Они вне обычных очередей, а то и просто вне всякой очереди получали квартиры, причем, разумеется, высшего качества. Многие пользовались госдачами с обслугой и охраной⁴¹².

На языке наиболее циничных представителей господствующей группы должности, с которыми были связаны привилегии, именовались должностями с «корытом». И это необычайно точное обозначение. Размеры «корыт» были, конечно, различны. Все зависело от места должности в пирамидальной иерархической системе. Чем выше была должность, тем большим был размер «корыта», чем ниже — тем меньшими были привилегии. Но они всегда имели место.

Выше уже было сказано, что не все работники госаппарата входили в состав группы совместных владельцев средств производства. Ими являлись лишь ответственные работники. Переход к анализу отношений распределения позволяет точнее определить этот круг. Распределение средств производства в наиболее отчетливой форме проявляется в распределении произведенного продукта. В группу совместных собственников средств производства входили те люди, которые занимали должности с «корытом». Все они являлись получателями прибавочного продукта, созданного чужим трудом, то есть эксплуататорами. У людей, находившихся внизу пирамиды, «корыто» было небольшим дополнением к заработной плате. У тех, кто был на ее вершине, «корыто» во много раз превышало формальную заработную плату. Они имели такое обилие материальных и иных благ, которое в капиталистических странах доступно лишь мультимиллионерам⁴¹³.

Привилегии, особенно те, которыми пользовалась верхушка, всегда держались в тайне от народа, хотя, конечно, полностью скрыть их было невозможно. Они никогда не были законодательно оформлены, хотя

существовала масса секретных инструкций. Были привилегии, оформленные различного рода административными актами, имелись и такие, которые не были никак оформлены, но считались в среде господствующей группы вполне естественными, законными. Наконец, представители господствующей группы не брезговали и такими средствами извлечения дохода, которые представляли собой прямое нарушение существующих законов. И чаще всего это сходило им с рук.

Таким образом, наше общество давно уже было расколото на две большие группы людей, различавшиеся по отношению к средствам производства, и по способам получения и размерам получаемой доли общественного богатства. Отличались они, разумеется, и ролью в организации труда.

В силу различия места в системе производственных отношений одна из этих групп безвозмездно присваивала труд другой. Иными словами, эти две группы людей были ничем иным, как общественными классами, одна — классом эксплуататоров, другая — классом эксплуатируемых. Конечно, как в любом классовом обществе, не все его члены обязательно принадлежали к одному из этих классов. Существовали слои населения, не относившиеся ни к одному из них. Но это не меняет общей картины.

Одним из первых тезисов о том, что общество, возникшее в результате Октябрьской революции, было классовым, выдвинул П. А. Сорокин. «...Октябрьская революция, — писал он в 1922 г., — ставила своей задачей разрушение социальной пирамиды неравенства — и имущественного, и правового, — уничтожения класса эксплуататоров, и тем самым эксплуатируемых. Что же получилось? — Простая перегруппировка. В начале революции из верхних этажей пирамиды были выкинуты старая буржуазия, аристократия и привилегированно-командующие слои. И обратно, снизу наверх, были подняты отдельные "обитатели социальных подвалов". "Кто был ничем, тот стал всем". Но исчезла ли сама пирамида? — Ничуть. Если слепым сначала казалось, что она исчезает, то только в начале революции и только слепым. Через два-три года разрушаемая пирамида оказалась живой и здоровой. На низах снова были массы наверху, командующие властители»⁴¹⁴.

Ненависть к большевикам обострила зрение П. А. Сорокина и помогла ему увидеть то, что другие в это время еще не замечали. Но она же толкнула его к явному преувеличению масштабов классового расслоения в советской России начала 20-х годов. Не понял он и пути дальнейшей эволюции России. По его мнению, в ней гигантскими темпами шел процесс

реставрации частнокапиталистической системы⁴¹⁵.

Н. А. Бердяев в 1937 году писал о том, что В. И. Ленин «не предвидел, что классовое угнетение может принять совершенно иные формы, не похожие на капиталистические. Диктатура пролетариата, усилив государственную власть, развивает колоссальную бюрократию, охватывающую, как паутина, всю страну и все себе подчиняющую. Эта новая советская бюрократия, более сильная, чем бюрократия царская, есть новый привилегированный класс, который может жестоко эксплуатировать народные массы»⁴¹⁶.

В 1939 г. Б. Рицци (Ридзи) в книге «Бюрократизация мира»⁴¹⁷ пришел к выводу, что в СССР возникло классовое общество нового типа, которое он охарактеризовал как «бюрократический коллективизм». Бюрократия в этом обществе владеет средствами и накапливает прибыль, но делает это коллективно, а не индивидуально, как старые имущие классы. «В советском обществе, — писал он, — эксплуататоры не приобретают прибавочную стоимость непосредственно, как делает капиталист, прикармливающий дивиденды своего предприятия. Они делают это косвенно через государство, которое сначала забирает весь национальный прибавочный продукт, а затем распределяет среди своих собственных чиновников»⁴¹⁸.

Вывод о том, что партийные и государственные функционеры в советском и вообще всех обществах, именуемых социалистическими, представляют собой господствующий класс был подробно обоснован М. Джиласом. Этот эксплуататорский класс был назван им просто «новым»⁴¹⁹.

В работе М. С. Восленского «Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза» (1980; М., 1991) было достаточно убедительно показано, что этот господствующий слой, для обозначения которого он применяет термин «номенклатура», полностью подходит под данное В. И. Лениным определение общественного класса. Однако в отличие от Б. Рицци ни М. Джилас, ни М. С. Восленский не сделали вывода о существовании в обществах, именуемых социалистическими, особого антагонистического способа, отличающегося от любого из трех классических: рабовладельческого, феодального и капиталистического.

Все перечисленные выше классические способы производства основаны на частной собственности на средства производства, а первые два также и на собственности на личности производителей, в первом случае полной, во втором — верховной. На частной собственности был основан и описываемый антагонистический способ производства.

Нередко частную собственность отождествляют с собственностью отдельных лиц. Но подобно тому, как не всякая собственность отдельного лица является частной, не всякая частная собственность всегда есть принадлежность отдельного человека. В самом точном экономическом смысле этого термина частная собственность есть собственность на средства производства одной части членов общества, причем такая, которая позволяет ей эксплуатировать другую ее часть.

Сама же эта часть общества, то есть класс эксплуататоров, может владеть средствами производства по-разному. Собственниками могут быть отдельные члены класса эксплуататоров. В таком случае, мы имеем дело с персональной частной собственностью. Средства производства могут принадлежать группам членов этого класса. Перед нами — групповая частная собственность. Наконец, средства производства могут принадлежать всем членам класса, вместе взятым, но не одному из них в отдельности. Это — общеклассовая частная собственность. Она во всех случаях принимает форму государственной.

Описываемый способ производства был основан исключительно лишь на общеклассовой частной собственности, как на средства производства, так и на личности производителей, которая с неизбежностью была собственностью государственной. С этим связано совпадение класса эксплуататоров, если и не со всем государственным аппаратом, то, во всяком случае, с его ядром. Поэтому данный способ производства лучше всего было бы назвать *политарным* (от греч. полития — государство), или просто *политаризмом*. Соответственно представителей господствующего класса можно было бы именовать *политаристами*.

Так как политаристы владеют средствами производства только сообща, то все они, все вместе взятые, образуют не просто класс, а особую корпорацию. Все они входили в иерархически организованную систему распределения прибавочного продукта, которую можно было бы назвать *политосистемой*. Глава этой системы, а тем самым, государственного аппарата был верховным распорядителем общеклассовой частной собственности и, соответственно, прибавочного продукта. Этого человека, роль которого была огромна, можно было бы назвать *политархом*.

Конечно, могут сказать, что термин «частная собственность» я понимаю, с одной стороны, слишком узко, в обязательном порядке связывая ее с эксплуатацией, а с другой, — слишком широко, включая в нее и политарную.

Сейчас о частной собственности говорят чуть ли не все, никак ее не определяя. Единственное, что иногда встречается, это — ее характеристика

как любой другой собственности, кроме государственной. Но если прислушаться к защитникам общества, основанного на частной собственности, то в их рассуждениях можно достаточно отчетливо выделить три фазы.

Первая — обоснование взгляда на это общество как на такое, где все будут частными собственниками. На этой фазе под частной собственностью понимается вообще собственность на вещи, причем такая, которая предполагает право их отчуждать. Но ведь такая собственность всегда существовала и в советском обществе. Человек мог иметь, купить и продать даже дом, не говоря уже о других вещах.

И когда вслед за этим утверждается, что у нас частной собственности не было, что ее нужно ввести, то здесь в данный термин вкладывается уже другой смысл: имеется в виду собственность отдельных лиц на средства производства. Такой собственности у нас, действительно, давно уже не было.

И, наконец, третья фаза: атака на понятие трудовой частной собственности, горячее обоснование права частного собственника использовать наем рабочих. Но сам наем предполагает, что в обществе, наряду с людьми, владеющими средствами производства, имеются и такие, у которых их нет. И здесь в термин «частная собственность» вкладывается уже третий смысл: собственность на средства производства одной части общества, дающая ей возможность эксплуатировать другую ее часть.

Но такое последовательное сужение значения термина «частная собственность» с необходимостью предполагает его расширение. Действительно, почему из понятия частной собственности должен быть исключен случай, когда члены класса эксплуататоров владеют средствами производства не по отдельности, а сообща, совместно

Как следует из всего сказанного выше, никакой общественной собственности на средства производства в нашем обществе не было. Отсутствовал в нем и принцип распределения: от каждого по способностям, каждому по труду. Иными словами, наше общество не являлось социалистическим ни в каком смысле этого слова. Никакого социализма у нас не было и нет, как не было его и нет ни в одной стране мира. Общества, которые мы упорно именовали социалистическими, в действительности или были или еще до сих пор являются политарными.

5.3. Агрополитаризм и индустрополитаризм

Но абсолютно уникальными общества т. н. «реального социализма» не являются. Конечно, способ производства, лежавший в основе советского общества, отличался от рабовладельческого, феодального и капиталистического. Но кроме этих трех классических антагонистических способов производства, К. Маркс в свое время выделил еще один, который назвал «азиатским». Это — первый в историческом развитии человечества антагонистический способ производства. Природа его долгое время оставалась неясной. Две дискуссии об азиатском способе производства, одна из которых имела место в советской науке в конце 20-х - начале 30-х годов, а другая — в конце 60-х - начале 70-х годов, были насильственно прерваны. И это совершенно не случайно. Исследование азиатского способа производства давало ключ к пониманию нашего общества, что было крайне нежелательно для господствующего класса. Не вдаваясь в детали, отметим, что «азиатский» способ производства был политарным⁴²⁰.

Таким образом, существуют две разновидности политаризма, связанные с различными уровнями развития производительных сил. Одна из них зародилась в конце IV тысячелетия до н. э. в долине Нила и междуречье Тигра и Евфрата и кое-где продолжала существовать вплоть до начала XX в. Ее материально-технической базой было доиндустриальное сельское хозяйство. Другая возникла в конце 20-х - начале 30-х годов XX в. и сохраняется в некоторых странах, вплоть до наших дней. Ее материальнотехническая база — крупная промышленность, какой она была до наудотехнической революции. Соответственно эти две формы политарной организации можно было бы соответственно назвать аграрно-политарной (агрополитарной) и индустриально-политарной (индустрополитарной). Можно спорить, имеем ли мы здесь дело с двумя разновидностями одного способа производства или с двумя родственными, но самостоятельными способами производства. Во всяком случае, между агрополитаризмом и индустрополитаризмом существует не только сходство, но и различие, в том числе и в сфере производственных отношений.

В исторической и социологической литературе некоторые агрополитарные общества, прежде всего империя инков, давно уже назывались социалистическими или коммунистическими⁴²¹. Очень часто характеризовалось как коммунистическое государство иезуитов в

Парагвае⁴²².

П. А. Сорокин в уже упоминавшейся работе «Современное состояние России» писал, что то, что возникло в этой стране после революции «представляет собой буквальное повторение хозяйственной системы Ассирио-Вавилонии, древнего Египта, древней Спарты, Римской империи периода упадка (III—IV вв. по Р. Х.), государство инков Перу, иезуитов, системы не раз имевшей место в истории древнего Китая, напр. при Ван-ан-Ши и др., древней Японии, системы близкой к состоянию ряда государств ислама, бывшей не раз в истории Персии, Индии и т. д.»⁴²³.

На большое сходство между советским обществом и восточными указывал К. А. Виттфогель в монографии «Восточный деспотизм. Сравнительное исследование тотальной власти». Он писал об аграрном и индустриальном деспотизме, об аграрной и индустриальной формах «тотального государствизма»⁴²⁴.

Позднее И. Р. Шафаревич объединил агрополитарные и индустрополитарные общества под именем «социалистических»⁴²⁵. Указание на сходство и даже однотипность «восточных» и «социалистических» обществ сейчас все чаще встречается в нашей публицистике⁴²⁶. Однако сколько-нибудь четкого анализа социально-экономической структуры этих социально-исторических организмов нигде не дается.

Агрополитаризм бытовал в трех основных вариантах, которые иногда сосуществовали как сектора одного уклада общественного производства. Чтобы разобраться в их различии, нужно еще раз вернуться к понятию частной собственности. Существуют две ее формы.

При одной из них класс эксплуататоров является полным, тотальным собственником средств производства, а противостоящий класс начисто их лишен. Так, например, обстоит дело при рабстве и капитализме.

При другой форме собственность на средства производства раздвоена на верховную и подчиненную. Класс эксплуататоров и класс эксплуатируемых являются соответственно верховным и подчиненным собственниками одних и тех же средств производства, прежде всего земли. Такая картина наблюдается при феодализме, при котором производители самостоятельно ведут свое хозяйство. Феодализм является, если можно так выразиться, двухэтажным способом производства. Низший его этаж составляет крестьянско-общинный способ производства⁴²⁷.

Класс эксплуататоров может быть также полным (при рабстве) или верховным (при феодализме) собственником личностей непосредственных

производителей. Верховная собственность на средства производства всегда сочетается с верховной же собственностью на личности производителей и не существует без последней.

Первый вариант агрополитаризма является классическим. Он характерен для подавляющего большинства политарных обществ. При нем общеклассовая частная собственность на средства производства и личности была верховной. Основными производителями материальных благ были крестьяне, которые самостоятельно вели хозяйство и были объединены в общины. Государство непосредственно в процесс производства не вмешивалось. Исключение представляло сооружение храмов, дворцов, а также ирригационные работы. С крестьян-общинников собирали налоги, а затем весь полученный прибавочных продукт распределялся между членами господствующего класса в соответствии с местами, которые они занимали в должностной иерархии. Это — политарно-общинный вариант. Политарный способ производства в этом варианте был, как и феодальный, двухэтажным. Низший его этаж также составлял крестьянско-общинный способ производства⁴²⁸.

При втором варианте государство само непосредственно вело хозяйство руками людей, полностью лишенных средств производства. Эти производители работали на полях партиями во главе с надсмотрщиками. Весь урожай поступал в государственные закрома. Работники и их семьи получали довольствие натурой с казенных складов. Некоторые из этих работников могли быть рабами. Но основную их массу составляли местные жители, которые рабами не являлись. Они пользовались определенными правами, имели, как правило, семьи и нередко, если не всегда, владели каким-то имуществом. Собственность господствующего класса на их личности носила не полный, а верховный характер. Это — политарно-доминантный вариант. Он встречался сравнительно редко. Наиболее яркий пример — царство Шумера и Аккада при III династии Ура (XXI в. до н. э.)⁴²⁹.

Третий вариант является промежуточный между первым и вторым. При нем работникам выделялись участки, которые они обрабатывали, в известной мере, самостоятельно, причем степень их самостоятельности была различной. Часть урожая, выращенного на участке, шла государству, другая — производителю. Кроме земли, работник нередко получал в пользование также посевное зерно, рабочий скот, инвентарь. Это — политарно-магнарный вариант. Он встречался значительно реже, чем первый, но чаще, чем второй⁴³⁰.

Иногда работник получал в свое распоряжение весь урожай, выращенный на выделенном ему участке, но в таком случае часть своего времени он работал, нередко в составе партии во главе с надзирателем, на государственном поле, весь урожай с которого шел в казенные хранилища. О таких работниках часто трудно сказать, были ли они магнарно или доминарно зависимыми.

Индустрополитаризм тоже бытовал в нескольких вариантах, которые также могли сосуществовать как различные секторы одного общественноэкономического уклада. Ведущим при нем был тот, при котором работники были полностью лишены средств производства. И это вполне объяснимо.

Производительные силы агрополитарного общества не требовали с необходимостью существования крупных хозяйств. Производственная деятельность в нем вполне могла осуществляться в рамках небольших более или менее самостоятельных хозяйственных ячеек, нередко состоявших из членов одной семьи. Иначе обстоит дело в любом индустриальном обществе. Нормальное функционирование его производительных сил необходимо предполагает бытие крупных предприятий с множеством работников. Конечно, и в индустриальном обществе могут существовать мелкие хозяйственные ячейки, но не они образуют его основу. Поэтому в индустриальном обществе подавляющее большинство тружеников не ведет и не может вести своего самостоятельного хозяйства. В капиталистическом обществе они становятся наемными рабочими, в индустрополитарном — доминарно-зависимыми работниками.

Существует еще одно важное различие между производительными силами агрополитарного и любого индустриального общества. В агрополитарном обществе каждый продукт, как правило, от начала до конца создавался в той или иной хозяйственной ячейке, и общественное разделение труда, хотя и существовало, но было слабо развито, индустриальное же общество немислимо без самого широкого разделения труда. Каждая вещь в таком обществе есть продукт труда не отдельного рабочего, а множества работников, занятых в различных отраслях производства. Поэтому функционирование производительных сил в нем невозможно без непрерывной циркуляции средств производства между хозяйственными ячейками.

При капитализме, при котором хозяйственные ячейки являются одновременно ячейками частной собственности, такая циркуляция происходит в форме обмена товарами. Капиталистическая экономика

является рыночной. Рынок обеспечивает не только циркуляцию средств производства между хозяйственными ячейками, но и координацию их деятельности. Он является регулятором общественного производства.

При политаризме предприятия не являются самостоятельными ячейками собственности. У всех у них один хозяин — класс политаристов. Они — составные части одной единой ячейки собственности, охватывающей всю страну. Поэтому политарное общественное хозяйство не может быть рыночным. Циркуляция средств производства между хозяйственными ячейками и координация их деятельности происходит по указаниям свыше. Место обмена занимает распределение, которое осуществляют центральные инстанции. Они же координируют и направляют деятельность хозяйственных ячеек. Политарная экономика является плановой. Государство ведет хозяйство в масштабах всего общества. Для индустрополитаризма, таким образом, с необходимостью характерен политарно-доминантный вариант.

Однако, наряду с ним, могли существовать и другие. Так, например, в Польше и Югославии на протяжении всего послевоенного периода сохранялось относительно самостоятельное крестьянское хозяйство. Здесь имеется прямая аналогия с политарно-общинным вариантом. Но термин «политарно-общинный» тут не подходит, ибо ни в той, ни в другой стране крестьянских общин не существовало. Этот вариант можно было бы назвать политарно-верховным. Суть его в том, что частная собственность политаристов была в данном случае не полной, а лишь верховной. Крестьяне тоже были собственниками средств производства, но лишь подчиненными.

Они не только платили налоги. Государство было ответственно за снабжение продовольствием многочисленного городского населения. Поэтому оно в определенной степени вмешивалось в хозяйственную жизнь крестьян, включая их хозяйственные ячейки во всеобщую плановую систему.

В принципе и сельскохозяйственные кооперативы должны были относиться к политарно-верховному варианту и, следовательно, образовывать особый сектор хозяйства. В некоторых из политарных стран их положение действительно было близко к этому. Но в СССР колхозы даже в самом лучшем случае могут быть отнесены к политарно-магнарному варианту, а точнее, в их положении наблюдались все стадии перехода от него к политарно-доминантному варианту.

В Югославии была предпринята попытка заменить политарно-доминантную собственность на промышленные предприятия политарно-

верховой, сделать хозяйственные ячейки одновременно ячейками подчиненной собственности. Но трудно сказать, насколько эта цель была достигнута, если иметь в виду не правовые нормы, а реальность.

Основную массу производителей материальных благ в индустриально-политарных странах составляли доминарно-зависимые работники. Они были не только экономически, но и лично зависимыми. Собственность политаристов на их личности носила верховный характер. Особое место занимали заключенные. Их зависимость в течение срока заключения была в сталинские времена почти что полной. Они представляли собой аналог рабов. Наряду с доминарно-зависимыми работниками могли существовать магнарно-зависимые и, наконец, верховно-зависимые. Такова структура класса эксплуатируемых в индустрополитарных обществах.

5.4. К постановке проблемы генезиса индустрополитаризма

Одним из наиболее важных является вопрос о том, почему и как возникло индустрополитарное общество. Чтобы понять ответ, который нередко дается, нужно вспомнить, как у нас изображалась история советского общества. Во всех работах, в обилии появлявшихся вплоть до начала перестройки и даже после, утверждалось, что наше общество было сознательно построено по плану, основы которого были заложены К. Марксом и Ф. Энгельсом, а затем развиты В. И. Лениным. План этот постоянно конкретизировался в решениях руководящих органов КПСС. Съезды партии и пленумы ЦК принимали соответствующие постановления, а затем весь народ с огромным воодушевлением претворял их в жизнь. Так и шло развитие: вначале руководящие указания, а затем их реализация.

Правда, после XX съезда КПСС было официально признано, что стоявший во главе партии и государства И. В. Сталин в силу своего дурного характера допустил немало ошибок, которые сказались на жизни общества. После начала перестройки, когда во все большей и большей степени начало выясняться, что наше общество не совсем таково, каким оно должно было бы быть, столь же официально было заявлено, что все дело в деформации идеи социализма. Деформация идеи, естественно, привела к деформации общества⁴³¹. При этом о причинах искажения идеи социализма, конечно, ничего сказано не было.

Получившие, наконец, право голоса, критики нашего строя в ответ заявили, что никакого искажения концепции социализма у нас не произошло. Общество было построено в строгом соответствии с этой концепцией. И если оно оказалось плохим, то в этом вина самого этого учения и его основоположников. Учение оказалось неверным, ошибочна сама идея социализма и коммунизма. Ложным является марксизм в целом, включая его философию вместе с материалистическим пониманием истории. По их мнению, жизнь доказала, что не экономика определяет идеологию, а, наоборот, идеология экономику. Возник противоестественный экономический и общественный строй, обязанный своим появлением исключительно лишь идеологии. Все наше общество целиком зиждется на идеологии. Последняя всецело определяла внешнюю и внутреннюю политику государства. Марксистская идеология полностью

детерминирует поведение если не всех членов общества, то, по крайней мере, представителей его правящих кругов.

Нельзя не заметить, что официальные идеологи нашего режима и его критики сошлись в одном: и те, и другие в одинаковой степени считают, что идеи правят миром. Если не во всех обществах, то, по крайней мере, в нашем, история есть движение сплоченной колонны людей, выполняющей волю руководителей. Эту колонну можно направить в одну, а можно в другую сторону. Все зависит лишь от того, какими идеями руководствуются вожди.

Все это, разумеется, чистой воды волюнтаризм. В этой картине общественной жизни абсолютно нет места исторической необходимости. Такой взгляд на историю совершенно ошибочен. История есть процесс, подчиненный определенным объективным законам, и в этом смысле естественно-исторический. Это, отнюдь, не значит, что воля людей не играет никакой роли. Люди, бесспорно, творят историю, но всегда в соответствии с объективными условиями, в которых они живут. И творят они историю, как правило, не осознавая сколько-нибудь отчетливо того, к каким именно результатам в конечном итоге приведут их действия.

И уроки нашей истории не только не подтверждают волюнтаризм, а, наоборот, полностью его опровергают.

Люди стремились создать общество, в котором все средства производства принадлежат народу, где не будет ни классов, ни эксплуатации человека человеком, ни государства, а возник социальный порядок, основанный на частной собственности и характеризующийся наличием классов, эксплуатации и необычайно мощного государства. Иначе говоря, результаты действий людей оказались прямо противоположными тому, к чему они стремились. Таким образом, буквально ни одно положение марксистского учения о социализме не было претворено в жизнь. Поэтому утверждение, что советское общество было построено в полном соответствии с марксистскими идеями, не выдерживает никакой критики. Это общество не было сознательно построено. Оно, как и любое другое общество, сложилось стихийно в силу исторической необходимости. Дело, таким образом, вовсе не в идеях.

Это особенно бросается в глаза, если принять во внимание, что общества политарного типа существовали, начиная с IV тысячелетия до н. э. К их возникновению марксизм явно не имел никаких отношений.

Сейчас многими авторами настойчиво повторяется, что все человеческое общество всегда было классовым и иным быть не могло. Все эти утверждения находятся в поразительном противоречии с фактами.

Не будем касаться периода становления человека и общества, который длился 1,9-1,8 млн лет и завершился, примерно, 35—40 тыс. лет тому назад. Ограничимся лишь сформировавшимся человеческим обществом. В течение многих тысяч лет оно было коммунистическим. Все средства производства и предметы потребления были совместной собственностью членов первобытного коллектива. Люди трудились в меру своих способностей и получали в соответствии с их потребностями. Полностью отсутствовали частная собственность, эксплуатация человека человеком, деление на классы и государство. И такой порядок существовал в силу не доброй воли людей, а объективной экономической необходимости.

Уровень развития производительных сил был в ту эпоху таким, что люди создавали продукта не больше или не намного больше, чем его было необходимо для обеспечения их физического, а тем самым и социального существования. Весь или почти весь общественный продукт был жизнеобеспечивающим. Избыточного продукта или совершенно не было, или он был очень невелик. В этих условиях никакие другие социально-экономические связи, кроме отношений распределения по потребностям и, соответственно, коллективной собственности на продукт не могли существовать.

Дальнейшее развитие производительных сил, выразившееся прежде всего в увеличении объема общественного продукта в расчете на душу населения, сделало неизбежным исчезновение такого порядка вещей, ибо он стал тормозом на пути развития человечества. Начиная с определенного уровня, дальнейшее функционирование и развитие производительных сил стало невозможно без возникновения частной собственности, классов и эксплуатации⁴³².

Логичным является предположение, что рано или поздно развитие производительных сил достигнет такого уровня, когда частная собственность и эксплуатация изживут себя, превратятся из двигателя прогресса в преграду на его пути. Но пока этот уровень не достигнут, любые попытки уничтожить частную собственность и классы обречены на неудачу.

В истории человечества были случаи, когда угнетенный класс добивался военной победы над своим антагонистом. Один из наиболее ярких примеров — знаменитое восстание тайпинов в Китае (1850-1864 гг.), которое развертывалось под лозунгами всеобщего равенства и социальной справедливости. Представители старого господствующего класса повстанцами безжалостно уничтожались. В результате общество на территории оказавшейся под властью тайпинов, стало бесклассовым.

Тайпины создали в Центральном Китае свое собственное государство.

В 1853 г. был опубликован «Закон о земле», ставший своеобразной конституцией нового государства. «Земля, — говорилось в нем, — распределяется наделами по количеству едоков в семье вне зависимости от того, сколько в семье мужчин и женщин. У кого едоков больше — тому дается больше земли, у кого едоков меньше — тому дается меньше земли»⁴³³.

Но тайпины не желали останавливаться на этом. Они хотели большего. Как говорилось в «Законе»: «Если есть земля, она обрабатывается сообща; есть пища — она распределяется равно между всеми; есть одежда — всем одинаково раздается для ношения; есть деньги — все они расходуются совместно, нет на земле места неравенству; нет человека, который бы не был сыт и в тепле»⁴³⁴.

Всего лишь 14 лет просуществовало тайпинское государство, но этого времени было достаточно, чтобы в нем не только начался, но и завершился процесс классовообразования. Скорость, с которой шло политарное классовообразование в обществе тайлинов, объясняется тем, что у них с самого начала был создан мощный государственный аппарат, поэтому весь этот процесс свелся к превращению членов этого аппарата в господствующий класс.

Вряд ли кто решится утверждать, что разделение общества тайпинов на эксплуататоров и эксплуатируемых имеет своим истоком их идеологию. Ведь такое общество сложилось в Китае задолго до появления в нем идеи всеобщего равенства и социальной справедливости. И классовое политарное общество существовало и в той части Китая, где эти идеи не только не провозглашались, а, наоборот, яростно преследовались. Классообразование в обществе тайпинов шло не в результате влияния идей всеобщего равенства и социальной справедливости, а вопреки этим идеям.

5.5. Капитализм и индустрополитаризм

Если к возникновению агрополитарного общества марксизм не имел никакого отношения, то причастность его к появлению индустрополитарного общества отрицать невозможно. Однако вовсе не марксистские идеи вызвали его к жизни, а объективный ход исторического развития. Сам капитализм на определенном этапе своего развития создал объективную возможность появления политарного общества нового типа. Во второй трети XIX в. начали возникать монополистические объединения капиталистов, которые имели тенденцию к укрупнению. Возникали все более и более крупные монополии. Несколько позднее стала проявляться еще одна тенденция — сращивание монополий с государством, соединении их в единый организм. Логическим завершением действия этих двух тенденций было бы появление такого монополистического объединения, в состав которого бы входили все представители господствующего класса и которое совпадало бы если не со всем государственным аппаратом, то, по крайней мере, с его верхушкой. Иначе говоря, логическим завершением развития в данном направлении было бы появление индустрополитарного общества. Раньше всего это было осознано не учеными, а художниками. В романе Дж. Лондона «Железная пята», вышедшем в 1908 г., была нарисована впечатляющая картина пришедшего на смену капитализму индустриально-политарного общества⁴³⁵. Созданный гением Дж. Лондона образ «железной пяты» был использован Н. И. Бухариным в работах 1915-1916 годов, в которых указанная выше тенденция была осмыслена теоретически. Как писал Н. И. Бухарин, в результате слияния промышленного и банковского капитала с самой государственной властью народное хозяйство каждой из развитых капиталистических стран превращается «в один гигантский комбинированный трест, пайщиками которого являются финансовые группы и государство»⁴³⁶. Такого рода образование он называет «государственно-капиталистическим трестом», а всю систему в целом «государственным капитализмом».

Государство проникает во все сферы экономической жизни, регулируя и милитаризируя всю экономику. В результате плюралистический капитализм эпохи *laisser-faire*, свободного предпринимательства уступает место форме «коллективного капитализма», где правящая «финансово-капиталистическая олигархия» осуществляет свои хищнические цели непосредственно через государство: «Государственная власть всасывает,

таким образом, почти все отрасли производства; оно не только охраняет общие условия эксплуатационного процесса; государство все более и более становится непосредственным эксплуататором, который организует и руководит производством, как коллективный, собирательный капиталист», *Такого рода государство с неизбежностью является милитаристским*⁴³⁷.

«Так вырастает законченный тип современного империалистической разбойничьего государства, железная организация, которая охватывает своими цепкими загибающимися лапами живое тело общества. Это Новый Левиафан, перед которым фантазия Томаса Гоббса кажется детской игрушкой»⁴³⁸.

Все это Н. И. Бухарин рассматривает то, как совершившийся факт, то, как только тенденцию. Логика дальнейшего развития ведет, по его мнению, *«по пути к универсальной государственно-капиталистической организации с уничтожением товарного рынка, с превращением денег в счетную единицу, с организованным в государственном масштабе производством, с подчинением всего "народнохозяйственного" механизма целям мировой конкуренции, т. е. в первую голову, войны»*⁴³⁹.

Вполне естественно, что перед Н. И. Бухариным встает вопрос, можно ли такой общественный строй называть капитализмом, даже государственным. И на него он дает своеобразный ответ. Он не может не видеть, что такого рода капитализм «собственно представляет собой некоторое отрицание капитализма, ибо внутренний рынок, денежное обращение внутри страны уже исчезло»⁴⁴⁰.

«Если бы был бы уничтожен товарный способ производства, — писал он в 1915 г., — ...то у нас была бы совершенно особая экономическая форма; это был бы уже не капитализм, так как исчезло бы производство товаров; но еще менее это был бы социализм, так как сохранилось бы (и даже бы углубилось) господство одного класса над другим. Подобная экономическая структура напоминала бы больше всего замкнутое рабовладельческое хозяйство, при отсутствии рынка рабов»⁴⁴¹. «Здесь, — продолжает он размышлять в 1928 г., — существует плановое хозяйство, организованное распределение не только в отношении связи и взаимоотношений между различными отраслями производства, но в отношении потребления. Раб в этом обществе получает свою часть продовольствия, предметов, составляющих продукт общего труда. Он может получить очень мало, но кризисов все-таки не будет»⁴⁴².

И в то же время он упорно продолжает именовать это общество государственно-капиталистическим. Основание: продолжает существовать

мировое товарное хозяйство, мировой капиталистический рынок, в который включены все национальные «государственно-капиталистические тресты». По его мнению, об особом общественном строе, качественно отличным от капиталистического, можно было бы говорить только в том случае, если бы все эти национальные «государственно-капиталистические тресты» слились бы в один единый мировой капиталистический трест. Но это, считал Н. И. Бухарин, невозможно⁴⁴³.

Н. И. Бухарин не сопоставлял данный гипотетически способ производства с «азиатским», ибо не признавал существования последнего как особой самостоятельной системы хозяйства. Но немецкий историк экономики Ф. Хейхельхейм в достаточной степени хорошо изучивший социальноэкономический строй Древнего Востока, указывал на появление в капиталистических государствах XX в. черт сходства с древневосточной экономикой. «Современные великие державы, — писал он, — ближе, чем обычно понимают, к великим империям медно-каменного и бронзового веков или подобным же более поздним формам правления, развившимся на древневосточной основе. Когда наше столетие предпринимает попытку достичь не личной свободы, но всестороннего контроля, то возникает близкое его родство с планируемой городской жизнью под господством царей Месопотамии и Малой Азии, фараонов в Египте, ранних китайских императоров и других сходных форм правления. Духовные контакты, соединявшие XIX в. с классическим развитием Израиля, Греции и Рима гораздо более, чем мы это сознаем, сменяются возвратом к древневосточным основам»⁴⁴⁴.

Таким образом, капитализм, каким он стал к XX в., таил в себе возможность возникновения политаризма нового типа — индустрополитарного общества. И эта возможность в ряде капиталистических стран в XX в. превратилась в действительность. Один из путей реализации этой возможности был предугадан Н. И. Бухариным.

Он привел к возникновению фашизма. Наиболее ярко все особенности фашистского государства проявились в нацистской Германии. Это государство действительно было, как это предвидел Н. И. Бухарин, милитаристским, разбойничьим. Движение по этому пути не предполагало насильственного уничтожения капиталистических отношений и ликвидации класса капиталистов. Капиталистические отношения сохранились, но обволоклись возникшими политарными связями, что привело к существенному их изменению. В частности, произошло дополнение, а в дальнейшем и замещение экономического принуждения к

труду внеэкономическим. Государство при фашизме становится по существу собственником личности, а тем самым и рабочей силы непосредственного производителя. «Фашистское государство, — пишет Ж. Желев, — заставляет трудящихся работать в любых условиях, независимо от их собственных интересов. Они превращаются в своего рода трудовую армию государства. Любое неподчинение подвергается строжайшему наказанию, рассматривается как саботаж или предательство»⁴⁴⁵.

Не лучше обстоит дело и с крестьянами. «Каждый крестьянин, — сообщает тот же автор, — получает в зависимости от размеров своего хозяйства план от государства, определяющий: сколько произвести картофеля, зерновых, молока, яиц, мяса, а также и цены, по которым он продаст их государству. Государство диктует, что произвести, за сколько продать и кому. Так оно становится фактическим собственником его хозяйства, а крестьянин — только формальным собственником»⁴⁴⁶. Точнее можно сказать, что крестьянин становится подчиненным собственником средств производства. Верховным же их собственником является класс политаристов.

В какой-то степени это относится и к капиталистам. Они тоже становятся подчиненными собственниками средств производства. Однако между ними и крестьянами существует коренное отличие. Крестьяне являются производителями материальных благ. Поэтому они превращаются в составную часть слоя политарно-эксплуатируемых. Иначе обстоит дело с капиталистами. Они были эксплуататорами и остаются ими. Однако они оказываются теперь под контролем государства, ставшего верховным собственником их предприятий, и вынуждены делиться с ним значительной частью своих прибылей⁴⁴⁷.

Одновременно определенная часть капиталистов входит в состав партийно-государственного аппарата, а тем самым и класса политаристов. Имеет место и встречное движение. Определенная часть людей, которые раньше были политаристами и только политаристами, обзаводятся фабриками и заводами и становятся одновременно и капиталистами. Таким образом, в нацистской Германии существовали чистые политаристы, политаристы, являвшиеся одновременно и капиталистами, и, наконец, чистые капиталисты.

Политарный способ производства в нацистской Германии включал в свой состав в качестве компонентов как капиталистический, так и мелкобуржуазный способы производства. Этот вариант индустрополитарного способа производства был двухэтажным, причем в

первом его этапе главную роль играл пусть преобразованный, но, тем не менее, сохранившийся капитализм. Общество нацистской Германии было не чисто политарным, а политарно-капиталистическим. Чисто политарным оно так и не стало, может быть в силу недолговечности своего существования.

5.6. Россия и революция

Другой путь от капитализма к политаризму связан с уничтожением капиталистических отношений и ликвидацией класса буржуазии. Он стал не просто возможным, но по существу неизбежным в силу крайней неравномерности развития разных социально-исторических организмов. Если не считать Северной Италии, где буржуазный уклад начал формироваться еще в XIV-XV вв., развитие капитализма в Западной Европе в общем и целом началось в XVI в. Капиталистический способ производства, естественным образом зародившийся в западноевропейском обществе, довольно длительное время сосуществовал с феодальным. Нараставший конфликт между новым и старым общественно-экономическими укладами был разрешен в ходе буржуазных революций, самой значительной из которых была Великая французская революция. В результате их феодальные отношения были уничтожены, а капиталистические стали безраздельно господствующими. К XX в. капитализм в странах Запада окончательно утвердился. Эра буржуазных революций для этих обществ ушла в прошлое.

Иначе дело обстояло в остальном мире и, в частности, в России. Там никогда не существовало настоящего феодализма. Все классовые общества Азии к моменту контакта с западным миром были агрополитарными. В России вплоть до середины XIX в. наряду с политарными отношениями существовали такие, которые, хотя и не были феодальными, но имели черты сходства с последними. Их можно было бы назвать квазифеодальными, или феодалоидными. К числу квазифеодальных связей прежде всего должны быть отнесены крепостнические отношения в России. Квазифеодальные отношения существовали и в других странах Восточной Европы, а также в Латинской Америке.

Ни агрополитарные, ни квазифеодальные отношения не могли создать условий для спонтанного развития капитализма. Во все эти страны капитализм был занесен извне. Его зарождение и первоначальное развитие в этих обществах было результатом воздействия сложившейся в Западной Европе мировой системы капитализма и порожденного ею мирового капиталистического рынка. Капитализм в этих странах начал возникать очень поздно. Даже в России, расположенной сравнительно недалеко от Западной Европы и давно поддерживавшей с ней тесные связи, капитализм начал развиваться лишь в последней трети XVIII в. Зарождение его в

странах Азии относится к еще более позднему времени. Развивавшийся в этих обществах капиталистический уклад неизбежно пришел в противоречие с господствовавшими там агрополитарными и квазифеодальными отношениями. И это произошло довольно скоро, ибо политарные и квазифеодальные отношения оставляют значительно меньше простора для развития капитализма, чем настоящие феодальные. Этот конфликт мог быть разрешен либо путем реформ, либо путем революции. Для ряда стран революции стали неизбежными. Их принято называть буржуазными. Но они не были и не могли быть классическими буржуазными. Они были направлены не против феодализма, как на Западе, а против политарных и квазифеодальных отношений⁴⁴⁸.

Многие страны Азии, вступившие на путь капиталистического развития, были колониями западных держав. В результате революции в них приобрели характер национально-освободительных. Они были направлены не только против местных защитников старых отношений, но и против господства тех или иных капиталистических держав Запада, что делало их антиимпериалистическими, а тем самым в какой-то степени и антикапиталистическими.

Если для Запада к началу XX в. эра революций закончилась, то для остального мира она только наступила. Первой в этом столетии была революция 1905-1907 гг. в России. За ней последовали революции в Иране (1908-1911), Турции (1908-1909), Китае (1911-1912), Мексике (1911-1917).

Революция в России назревала давно. Отмена крепостного права в 1861 г. и последовавшие за ней другие реформы, открыв дорогу развитию капитализма, привели в последующем к еще большему обострению конфликта. В России сохранились помещичье землевладение, сословное деление и самодержавие. Правящие круги на дальнейшие уступки не шли. Все это делало революцию неизбежной. То, что она надвигается, что старая Россия обречена на гибель, в разных формах осознавали многие. Предчувствием надвигающегося урагана пронизана поэзия В. С. Соловьева,

В. Я. Брюсова, А. А. Блока. Понимали это и трезвые политики и в самой России, и за рубежом.

Надвигавшаяся революция была буржуазной⁴⁴⁹. Но произойти она должна была совсем в иных условиях, чем на Западе. Отчасти об этом уже было сказано. Но далеко не все. Даже Великая французская революция происходила тогда, когда не было вполне ясно, какое общество утвердится в ее результате. Большинство ее участников свято верило, что ее лозунг —

«Свобода. Равенство. Братство» будет полностью претворен в жизнь. Поэтому после утверждения буржуазного строя наступило всеобщее разочарование.

Одним из результатов индустриальной революции, начавшейся в последней трети XVIII в., было формирование подлинного промышленного пролетариата и резкое обнищание широких народных масс, длившееся в течение всей первой половины XIX в. Многие мыслители, в частности Ш. Фурье, выступили с резким обличением буржуазных порядков. Началось распространение социалистических идей.

В силу этого, когда в России начали назревать перемены, у передовых ее деятелей не было особых иллюзий относительно капитализма. Важнейшим для них стал вопрос о том, каким образом обеспечить движение страны вперед и в то же время не придти к капитализму. В поисках средства, которое обеспечило бы переход страны прямо к социализму, они, в конце концов, обратили свои взоры к русской крестьянской общине. Конечным результатом было создание концепции крестьянской социалистической революции. В крестьянстве они видели единственную силу, способную уничтожить старый общественный строй и создать новый. Но все их надежды оказались тщетными. Крестьяне на революцию не поднялись. С этим связан переход к тактике индивидуального террора, которая столь характерна для «Народной воли».

Но начиная с последних десятилетий XIX в. в России вместе с промышленным капитализмом начал формироваться настоящий рабочий класс. Вместе с ним начало возникать рабочее движение, вначале стихийное, а затем все более и более сознательное и организованное. В начале XX в. образовалась партия рабочего класса, взявшая на вооружение идеи марксизма.

Таким образом, в России к началу революции, которая должна была быть буржуазной, существовал настоящий промышленный пролетариат, который оформился как вполне самостоятельная политическая сила. И этот класс был настроен крайне революционно. Его экономическое положение было примерно таким, в каком находился западноевропейский пролетариат в первой половине XIX в.: тяжелые условия труда, многочасовой рабочий день, нищенская зарплата, почти полное отсутствие социального обеспечения в случае болезни, увечья, старости. Рабочие страдали не только от экономического гнета, но и политического и юридического бесправия. В силу отсутствия в стране политических свобод рабочие были лишены возможности легальной защиты своих интересов. Они не имели права создавать свои организации, даже профессиональные, не говоря уже

о политических. Запрещены были забастовки. То, что для Западной Европы было во многом уже прошлым, для России было настоящим.

Российский рабочий класс к началу XX в. стал самой могущественной социальной и политической силой среди всех тех, кто был недоволен существующим порядком. Второй социальной группой, способной принять активное участие в революции, было крестьянство, которое было кровно заинтересовано в ликвидации помещичьего землевладения. «Оскудение крестьянских масс..., — писал накануне первой русской революции не большевик и даже не эсер, а умеренный буржуазный либерал, будущий министр Временного правительства А. И. Шингарев, — недостаток земли, доходящий во многих местах до острой земельной нужды, тяжелые экономические условия, в связи с непропорциональным обложением, непомерно высокие арендные цены и прочие насущные вопросы потребуют *немедленного разрешения...* Вопрос о земле является тем наболевшим, проклятым вопросом крестьянского существования, вокруг которого вертятся все самые заветные его думы и горячие мечты; этим словом, как общим лозунгом, объединена вся масса земледельческого сельского населения России»⁴⁵⁰. В отличие от Западной Европы эпохи буржуазных революций в России XX в. существовала возможность великой крестьянской войны. Разрозненное и распыленное крестьянство, составлявшее в начале XX в. более 80% населения страны, было способно под влиянием пролетариата превратиться в мощную революционную силу.

Что же касается русской буржуазии, то в отличие от западноевропейской буржуазии XVII-XVIII в. она в политическом отношении была совершенно немощной. Если в XVIII в. значительная часть французской буржуазии представляла собой мощную социальную силу, способную не просто участвовать в революции, но и возглавить ее, то русская буржуазия революционной никогда не была. И, конечно, та метаморфоза, которая произошла с российским рабочим классом к началу XX в., никак не могла пробудить в ней революционного настроения. Русская буржуазия конечно же была заинтересована в перестройке России, но революции она панически боялась. Именно этот смертельный страх вызвал к жизни русскую религиозную философию конца XIX - начала XX вв. Вполне понятно, что русская буржуазия была совершенно неспособна возглавить революцию и привести ее к решительной победе.

Ведь даже в целом революционная французская буржуазия оказалась неспособной довести свою же собственную революцию до конца. И одна из важнейших причин этого состояла в боязни растущей активности и самостоятельности народных масс, прежде всего городского плебейства,

включавшего в свой состав зарождающийся пролетариат, или предпролетариат. Достигнув определенного результата, та или иная фракция буржуазии считала революцию законченной и пыталась помешать ее дальнейшему развитию. Ее сменяла более радикальная фракция, которую в дальнейшем постигала та же участь.

В конце концов, на определенном этапе развития революции возникла необходимость перехода власти в руки представителей иного более революционного класса — мелкобуржуазных демократов. А в решающие моменты революции гегемония в ней на мгновения переходила к городским низам, включавшим предпролетариат. Именно эти силы и довели революцию до конца. С переходом к ним руководства революцией связано осуществление целого ряда мер, которые означали выход за пределы задач, которые призвана была решить буржуазная революция. Это явление нередко характеризуют как «забегание» революции вперед⁴⁵¹.

Оно имело место не только в Великой французской революции. «Для того, чтобы буржуазия могла получить хотя бы только те плоды победы, которые тогда были вполне зрелы для сбора их, — писал Ф. Энгельс об Английской буржуазной революции, — для этого было необходимо довести революцию значительно дальше такой цели; совершенно то же самое было в 1793 г. во Франции, в 1848 г. в Германии. По-видимому, таков на самом деле один из законов развития буржуазного общества»⁴⁵².

Но даже в года Великой французской революции власть никогда не переходила к низам, а гегемония их была временной и преходящей. Социальные низы города не были сколько-нибудь организованной политической силой с четкой определенной программой. Как мы уже видели, совершенно иначе обстояло дело в России в начале XX в. Успешное развитие революции в этой стране с необходимостью предполагало и требовало не только гегемонии рабочего класса, но и прихода его к власти в лице наиболее радикальной его партии. Только переход власти в руки рабочего класса и его партии мог обеспечить полное решение задач буржуазной революции.

Это было осознано В. И. Лениным, создавшим теорию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, и Л. Д. Троцким, выступившим с концепцией перманентной революции. Между их взглядами существует определенное различие, но в одном они были едины: революции в России, начавшись как буржуазная, завершится приходом к власти рабочего класса, который, не ограничиваясь решением задач буржуазной революции, поставит вопрос о социалистическом

переустройстве общества.

Как известно, первая русская революция потерпела поражение. Определенные изменения в ее результате произошли, но основные задачи революции решены не были. Провалились столыпинские реформы. В результате революция в России оставалась столь же неизбежной, как и раньше. И наиболее дальновидные представители господствующего класса понимали, что, начавшись с ниспровержения самодержавия, она приведет к ликвидации помещичьего землевладения, а затем и более глубокому вторжению в отношения собственности.

Вот что, например, писал бывший министр внутренних дел П. Н. Дурново в докладной записке царю в феврале 1914 г. Предостерегая Николая II от вступления в войну с Германией, он предсказывал неизбежные социальные катаклизмы в обеих странах. «Особенно благоприятную почву для социальных потрясений, — подчеркивал он, — представляет, конечно, Россия, где народные массы, несомненно, исповедуют принципы бессознательного социализма. Несмотря на оппозиционность русского общества, столь же бессознательную, как и социализм широких слоев населения, политическая революция в России невозможна, и всякое революционное движение вырождается в социальное. За нашей оппозицией нет никого, у ней нет поддержки в народе, не видящем никакой разницы между правительственным чиновником и интеллигентом. Русский простолюдин, крестьянин и рабочий, одинаково не ищет политических прав, ему не нужных, и не понятных. Крестьянин мечтает о даровом наделении его чужой землей, рабочий — о передаче ему всего капитала и прибыли фабриканта, и дальше этого их вождения не идут. И стоит только кинуть эти лозунги в население, стоит только правительственной власти безвозбранно допустить агитацию в этом направлении, — Россия несомненно будет ввергнута в анархию, пережитую ею в приснопамятный год смуты 1905-1906 годов»⁴⁵³.

Если война окажется для России победоносной, то, по мнению П. Н. Дурново, все будет хорошо. «Но в случае неудачи, возможность которой при борьбе с таким противником, как Германия, нельзя не предвидеть, — социальная революция, в самых крайних ее проявлениях, у нас неизбежна. Как уже было указано, начнется с того, что все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная компания против него, в результате которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги, которые смогут поднять и сгруппировать широкие слои населения. Сначала черный передел, а затем всеобщий

раздел всех ценностей и имущества. Победенная армия, лишившаяся, к тому же, за время войны наиболее надежного кадрового состава, охваченная в большей части общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишенные действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается предвидению»⁴⁵⁴. И события в России действительно пошли в таком направлении. Единственное, чего не предвидел бывший царский министр, это появление партии, способной возглавить и организовать бушующие народные массы.

Получившая в результате Февральского переворота 1917 г. власть буржуазия, как это и предвидели, оказалась совершенно неспособной решить назревшие проблемы революции. Столь же никчемными оказались и мелкобуржуазные демократы. Эсеры не предприняли ни малейшей попытки претворить в жизнь разработанную ими программу социализации земли. Когда крестьяне сами стали захватывать помещичьи земли, что осенью 1917 г. приобрело массовый характер, Временное правительство, в состав которого входили эсеры, направило против них войска. Однако солдаты нередко категорически отказывались стрелять в своих «братьев-крестьян».

Одновременно среди рабочих и не только среди них шло широкое распространение идей социализма. Несколько преувеличивая масштабы этого процесса, П. А. Сорокин писал: «В нашей стране мы были свидетелями, как с 1916 года, когда уже обеднение дало себя знать, особенно в городах, левосоциалистическая идеология начала быстро развиваться. В 1917 г. социализм стал религией большинства масс. Со времени революции приток адептов в социалистические партии совершался сотнями тысяч. Идеология социализма и коммунизма — в рафинированной или примитивной форме — захлестнула все сознание народных слоев. Маркс и другие идеологи стали божествами. Программы социалистов — в их практических лозунгах — символами вера. Вместе с этим количественным ростом, с увеличением голода происходил и качественный рост крайних течений за счет умеренных. Уже в апреле-мае 1917 года умеренный социализм потерял позиции. К октябрю ушла почва из-под ног у "центристов". Торжество коммунизма — с быстрым прогрессом бедности и голода и с наличием в то время "скопов" богатств и имущественной дифференциации — было неизбежным. Оно и

наступило...»[455](#).

В силу неспособности буржуазных и мелкобуржуазных партий удовлетворить чаяния народных масс приход к власти рабочего класса в лице большевистской партии был предопределен. Взяв власть, большевики буквально за несколько дней решили проблемы, к которым их предшественники боялись даже подступиться в течение нескольких месяцев. Задачи буржуазной революции в России были полностью решены.

5.7. Начало становления индустрополитаризма в России

А дальше началось «забегание» революции вперед, причем в таких масштабах, которые были невозможны в буржуазных революциях XVII-XVIII вв. Там, как уже указывалось, власть никогда не попадала в руки социальных низов. Они лишь в некоторые моменты оказывались гегемоном революции, не больше. Здесь же власть перешла в руки сравнительно многочисленного класса, возглавляемого партией, имевшей достаточно четкую программу социальных преобразований.

Ф. Энгельс, допуская возможность перехода в процессе развития буржуазной революции в Германии в силу трусости немецкой буржуазии власти в руки партии рабочего класса, ориентировавшейся на социализм, неоднократно ставил вопрос о том, каковы будут последствия этого и для партии, и для общества. «Самым худшим из всего, что может предстоять вождю крайней партии, — писал он в "Крестьянской войне в Германии", — является вынужденная необходимость обладать властью в то время, когда движение еще недостаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство... Он неизбежно оказывается перед неразрешимой дилеммой: то, что он может сделать, противоречит всем его прежним выступлениям, его принципам и непосредственным интересам его партии; а то, что он должен сделать, невыполнимо»⁴⁵⁶. Все это он иллюстрирует на примере Т. Мюнцера, оказавшегося во главе мятежного Мюльгаузена.

В письме Ф. Энгельса к И. Ведемейеру 12 апреля 1852 г. речь идет уже о современности. «Мне думается, — писал он, — что в одно прекрасное утро наша партия вследствие беспомощности и вялости всех остальных партий вынуждена будет встать у власти, чтобы в конце концов проводить все же такие вещи которые отвечают непосредственно не нашим интересам, а интересам общереволюционным и специфически мелкобуржуазным; в таком случае под давлением пролетарских масс, связанные своими собственными, в известной мере ложно истолкованными и выдвинутыми в порыве партийной борьбы печатными заявлениями и планами, мы вынуждены будем производить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, насколько они несвоевременны. При этом мы потеряем головы, — надо надеяться, только в физическом смысле, — наступит реакция и прежде чем мир будет в

состоянии дать историческую оценку подобным событиям, нас станут считать не только чудовищами, но и дураками, что уже гораздо хуже. Трудно представить себе другую перспективу»⁴⁵⁷.

В середине XIX в. никакой другой перспективы, кроме поражения партии рабочего класса и утверждения капитализма в стране, не существовало. В XX в. открылась еще одна: возникновение индустрополитарного общества.

Прийдя к власти, большевики первоначально ограничились лишь доведением до конца буржуазно-демократической революции. Это отчетливо можно видеть на примере декретов II Всероссийского съезда советов. Большевики вначале не ставили своей задачей национализацию даже крупных промышленных предприятий. Они ограничились лишь созданием рабочего контроля. Декретом СНК от 29 октября (11 ноября) 1917 г. был введен восьмичасовой рабочий день. Но эту меру вряд ли можно считать специфически социалистической.

В дальнейшем началась национализация отдельных предприятий. Но она не носила массового характера. В каждом конкретном случае были свои особые причины: неисполнение декрета СНК о введении рабочего контроля, отказ предпринимателя продолжать производство, оставление предприятия правлением или владельцем, неумелое ведение хозяйства и т. п. И проводились эти меры чаще всего под давлением низов. Центр в большинстве случаев просто санкционировал инициативу мест.

Вот что писали об этом свидетели тех лет: «Под влиянием революции фабриканты выпустили бразды правления из своих рук и первоначально кое-где фабрики просто были без хозяина. Потом начался беспорядочный захват рабочими предприятий: рабочие уже не могли более ждать, и эта национализация на местах началась даже несколько ранее Октябрьской революции. Понятно всякому, что это была, в сущности, не национализация, а простой неорганизованный захват предприятий теми рабочими, которые на этих предприятиях работали, этот захват лишь потом превращался в национализацию. Но и после октябрьского переворота национализация вначале шла очень беспорядочно»⁴⁵⁸. И только в июне 1918 г. уже в разгар гражданской войны были приняты декреты о национализации крупных предприятий почти всех отраслей промышленности.

Можно дискутировать о том, существует ли в принципе уровень производительных сил, по достижении которого отпадет объективная

необходимость в частной собственности, но бесспорно, что Россия такого уровня к 1917 г. не достигла. Взгляда, что производительные силы этой страны не достигли уровня, при котором возможен социализм, придерживались не только противники большевиков из числа марксистов, но и лидеры большевистской партии. В. И. Ленин считал это положение совершенно бесспорным. «"Россия не достигла такой высоты производительных сил, при которой возможен социализм". С этим положением, — с раздражением писал он в январе 1923 г., — все герои II Интернационала, и в том числе, конечно, Суханов, носятся, поистине, как с писаной торбой. Это бесспорное положение они пережевывают на тысячу ладов, и им кажется, что оно является решающим для оценки нашей революции»⁴⁵⁹.

Такому, как выразился В. И. Ленин, «шаблонному доводу» он противопоставил свой подход к проблеме: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков этот определенный "уровень культуры", ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы»⁴⁶⁰.

В. И. Ленин, конечно, сознавал, что низкий уровень развития производительных сил с неизбежностью должен был породить процесс классового образования. Но он видел только одну форму этого процесса — классовое образование капиталистическое. И считал его огромной опасностью. «После первой социалистической революции пролетариата, — писал В. И. Ленин в апреле-мае 1920 г., — после свержения буржуазии в одной стране, пролетариат этой страны надолго остается слабее, чем буржуазия, просто уже в силу ее громадных интернациональных связей, а затем в силу стихийного и постоянного возрождения капитализма и буржуазии мелкими товаропроизводителями свергнувшей буржуазию страны»⁴⁶¹. «Ибо мелкого производства, — разъяснял он, — осталось еще на свете, к сожалению, очень и очень много, а мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе»⁴⁶².

«Свобода оборота и свобода торговли, — говорил В. И. Ленин в докладе на X съезде РКП(б), на котором было принято решение о переходе к новой экономической политике, — это значит товарный обмен между отдельными мелкими хозяевами. Мы все, кто учился хотя бы азбуке

марксизма, знаем, что из этого оборота и свободы торговли неизбежно вытекает деление товаропроизводителя на владельца капитала и владельца рабочих рук, деление на капиталиста и наемного рабочего, т. е. воссоздание снова капиталистического наемного рабства...»⁴⁶³

По его мнению, есть лишь одно средство ликвидировать эту опасность — «перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства»⁴⁶⁴. Но для этого нужны были долгие годы. А меры по предотвращению реставрации капитализма нужно было принимать сейчас.

Особенно трудное положение сложилось в этом отношении с началом НЭПа. Новая экономическая политика с неизбежностью предполагала определенную свободу капиталистического развития. Как подчеркивал В. И. Ленин, известное восстановление капитализма в Советской России имело целый ряд положительных сторон⁴⁶⁵. Но оно могло привести и к полной реставрации капитализма. «Весь вопрос, — писал В. И. Ленин, — кто кого опередит? Успеют капиталисты раньше сорганизоваться, — и тогда они коммунистов прогонят, и уж тут никаких разговоров быть не может. Нужно смотреть на эти вещи трезво: кто кого? Или пролетарская государственная власть окажется способной, опираясь на крестьянство, держать господ капиталистов в надлежащей узде, чтобы направлять капитализм по государственному руслу и создать капитализм, подчиненный государству и служащий ему?»⁴⁶⁶.

Прежде всего необходимо было не дать капиталистам возможности организовать. Это неизбежно требовало ограничения в стране политических свобод. «Нужно ставить этот вопрос трезво, — продолжал В. И. Ленин. — Всякая тут идеология, всякие рассуждения о политических свободах есть рассуждения, которых очень много можно найти, особенно если посмотреть на заграничную Россию, Россию № второй, где имеются десятки ежедневных газет всех политических партий, где все эти свободы воспеваются на все лады и всеми музыкальными нотами, существующими в природе. Все это — болтовня, фразы. От этих фраз нужно уметь отвлечься»⁴⁶⁷.

Более определенно высказался В. И. Ленин в письме к Г. Мясникову, предложившему ввести свободу печати, начиная от монархистов до анархистов включительно. «Свобода печати в РСФСР, окруженной буржуазными врагами, — писал он, — есть свобода *политической организации* буржуазии и ее вернейших слуг, меньшевиков и эсеров. Это факт неопровержимый. Буржуазия (во всем мире) еще сильнее нас и во

много раз. Дать ей *еще* такое оружие, как свобода политической организации (= свободу печати, ибо печать есть центр и основа политической организации), значит облегчить дело врагу, помогать классовому врагу. Мы самоубийством кончать не желаем и поэтому этого не сделаем»⁴⁶⁸.

Меры, которые предприняло советское государство, действительно помогли вначале ограничивать и держать под контролем процесс капиталистического классового образования, а в последующем и вообще покончить с ним. Но эти же меры в огромной степени способствовали успешному развитию другой формы классового образования — политарному классовому образованию. К. А. Виттфогель утверждает, что В. И. Ленин допускал возможность «азиатской реставрации» и опасался ее⁴⁶⁹. Вряд ли с этим можно согласиться. Детальный анализ работ В. И. Ленина показывает, что возможности политарного классового образования в Советской России он совершенно не учитывал.

А между тем ее в свое время допускал Г. В. Плеханов. Полемизируя в конце XIX в. с русскими народниками, мечтавшими о социалистической революции в России, он писал, что «совершившаяся революция может привести к политическому уродству, вроде древней китайской или перуванской империи, т. е. к обновленному царскому деспотизму на коммунистической подкладке»⁴⁷⁰. Правда, сам он считал такой вариант развития мало вероятным, даже невозможным⁴⁷¹.

В отличие от капиталистического, политарное классовое образование поставить под контроль государства было невозможно, ибо в его успешном исходе были заинтересованы по существу все члены государственного аппарата. И шло оно скрытно, незаметно. Все связанное с ним всегда можно было истолковать как извращения, допускаемые отдельными лицами. Именно так оно и было понято В. И. Лениным, наблюдавшим самые его начальные стадии. Политарное классовое образование было понято им как просто бюрократизация государственного аппарата, с которой можно и должно бороться.

«Всякий знает, — писал В. И. Ленин в августе 1921 г., — что Октябрьская революция на деле выдвинула новые силы, новый класс, — что лучшие представители пролетариата теперь управляют Россией, создали армию, вели ее, создали местное управление и т. д., руководят промышленностью и пр. Если в этом управлении и есть бюрократические извращения, то мы этого зла не скрываем, а разоблачаем его, боремся с ним»⁴⁷². Спустя полтора года, в марте 1923 г. он был настроен несколько

более пессимистически. То, что В. И. Ленин принимал за бюрократизм, оказалось более живучим, чем он полагал раньше. Но корни этого явления он по-прежнему продолжал искать в прошлом. Это было, по его мнению, наследие старого мира. «Дела с госаппаратом, — писал он, — у нас до такой степени печальны, чтобы не сказать отвратительны, что мы должны сначала подумать вплотную, каким образом бороться с недостатками его, памятуя, что эти недостатки коренятся в прошлом, которое хотя перевернуто, но не изжито, не отошло в стадию ушедшей уже в далекое прошлое культуры»⁴⁷³.

В. И. Ленин с горечью признает, что все попытки улучшения госаппарата ни к каким зримым результатам не привели. «Мы уже пять лет суедемся над улучшением нашего госаппарата, но это именно только суетня, которая за пять лет доказала лишь свою непригодность или даже свою бесполезность, или даже свою вредность. Как суетня, она давала нам видимость работы, на самом деле засоряя наши учреждения и наши мозги»⁴⁷⁴. Но он не теряет надежды, что успех в этом деле все же возможен. И в своих последних работах намечает целую серию мер, которые, по его мнению, могли бы привести к желаемым результатам. «Я знаю, — писал он, — что сопротивление нужно будет оказать гигантское, что настойчивость нужно будет проявить дьявольскую, что работа здесь первые годы, по крайней мере, будет чертовски неблагоприятной; и, тем не менее, я убежден, что только такой работой мы сможем добиться своей цели и, только добившись этой цели, мы создадим республику, действительно достойную названия советской, социалистической и пр., и пр., и т. п.»⁴⁷⁵. Но это были не более, как иллюзии.

В этом отношении более проникательным, чем В. И. Ленин, оказался Н. И. Бухарин. В работе «Теория исторического материализма», которая увидела свет в 1921 г., в главе о классах он ставит вопрос по-другому. Н. И. Бухарин серьезное внимание уделяет доводам социолога Р. Михельса, который считал, что с приходом социал-демократов к власти произойдет не ликвидация классов, а лишь смена элиты. Средства производства окажутся в таком случае в руках государства. Но «управление громадным капиталом... передает администраторам такую же меру власти, как и владение собственным капиталом, частной собственностью»⁴⁷⁶.

Возражая ему, Н. И. Бухарин утверждает, что при социализме о выделении особого слоя управляющих не может быть и речи. Иное дело — переходный период. Сразу же после революции происходит падение производительных сил и возрастает материальная необеспеченность

широких масс. Не все рабочие в силу отсутствия образования способны принять участие в управлении производством и обществом. Этим занимается более или менее узкий круг людей. «Поэтому тенденция к вырождению», т. е. выделению руководящего слоя, как классового зародыша, неизбежно будет налицо»⁴⁷⁷. По мнению Н. И. Бухарина эта тенденция будет парализоваться двумя противоположными: ростом производительных сил и уничтожением монополии образования. Но он не решается утверждать, что ход событий уже предрешен в пользу социализма. «От того, — пишет он, — какие тенденции окажутся сильнее, зависит и конечный исход борьбы»⁴⁷⁸.

Октябрьская революция была не заговором кучки людей, а великим народным движением. Именно опора на основную часть народа обеспечила большевикам победу в гражданской войне. Большинство людей, возглавивших революцию, а также широчайшие массы ее участников были воодушевлены великими идеями свободы, равенства, социальной справедливости. Однако для создания нового строя идей даже самых благородных недостаточно. Нужна была прочная материальная основа, а она отсутствовала.

Самый выдающийся поэт нашей эпохи Н. Коржавин⁴⁷⁹ в поэме «Танька», написанной в 1957 г., обращаясь к старой коммунистке-идеалистке, прошедшей ужасы сталинских лагерей, писал:

Все как раньше:

идея

и жизнь — матерьял для идеи...

Дочкой правящей партии я вспоминаю тебя.

Дочкой правящей партии,

не на словах, а на деле

Побеждавшей врагов, хоть и было врагов без числа.

Ученицей людей, озаренных сиянием цели, —

Средь других,

погруженных всецело в мирские дела.

Как они тормозили движенье, все эти другие,

Не забывшие домик и садик —

не общий, а свой.

Миллионы людей, широчайшие массы России,

Силой бури взметенной на гребень судьбы мировой.

Миллионы на гребне, что поднят осеннею ночью

К тем высотам, где светит манящая страны звезда.

*Только гребень волны —
не скала и не твердая почва.
На такой высоте удержаться нельзя навсегда.
Только партия знала, как можно в тягучести буден
Удержать высоту в первозданной и чистой красе.
Но она забывала, что люди — и в партии люди.
И что жизнь — это жизнь.
И что жизни подвержены — все [480](#).*

В результате революции возник достаточно мощный партийно-государственный аппарат, в задачу которого помимо всего прочего входило руководство производством и распределением материальных благ. В условиях всеобщей нищеты и дефицита неизбежными были попытки отдельных членов партгосаппарата использовать свое служебное положение для обеспечения себя и своей семьи необходимыми жизненными благами, а также для оказания услуг, причем не обязательно безвозмездных различного рода людям, не входившим в аппарат.

О том, что такого рода практика уже в первые годы после революции получила широкое распространение свидетельствует, в частности, закрытое письмо ЦК РКП(б), датированное сентябрем 1920 г. «Центральный Комитет не мог не отметить того, что часть товарищей, претендующих на звание ответственных работников, далеко не выполняют указанные выше задачи и тем приносят непоправимый ущерб нашей партии. Эти товарищи, занимающие иногда высокие государственные посты, на деле совершенно отрываются от партийной работы, не встречаются с широкими кругами рабочих, замыкаются в себе, отрываются от масс. Большой частью случается так, что, оторвавшись от партийной работы, эти товарищи перестают хорошо исполнять и советскую работу. Постепенно они начинают относиться к своим обязанностям бюрократически и формально, вызывая тем самым справедливые нарекания со стороны рядовых рабочих. Громадное значение имеет также то материальное неравенство в среде самих коммунистов, которое создается сознательным или бессознательным злоупотреблением своей властью со стороны этой части ответственных работников, не брезгующих тем, чтобы установить для себя и для своих близких большие личные привилегии» [481](#).

Так постепенно складывалась система привилегий для руководящих работников партии и государства. И помешать этому не могли никакие самые благие пожелания и намерения. Вполне понятно, что все это более или менее скрывалось. Что же касается самих привилегированных, то

наиболее совестливые из них пытались найти этому моральное оправдание. Они должны быть обеспечены лучше, чем остальные, потому, что все свои силы отдают служению народу. Они более других нужны народу. Как с горечью писал поэт:

Кто понужней — у тех венец.

Кто без венца — те, значит, хуже.

*И верно, вышло б наконец, Что сам народ себе не нужен*⁴⁸².

К этому нужно добавить, что люди 20-х годов, вступая на этот путь, не сознавали, к чему это приведет. Будущее для них было скрыто. Насколько непреодолимыми были силы, толкавшие их к этому, свидетельствует современность.

Сколько у нас, начиная с 1985 г., писали о привилегиях нашего господствующего слоя, сколько их осуждали. Под лозунгами борьбы с привилегиями, полного уничтожения привилегий шли к власти люди, которые именовали себя демократами. И что же произошло, когда они, наконец, достигли цели? Предоставим слово очевидцам.

Еще 8 августа 1991 г. Н. И. Травкин говорил: «Ликвидировали организованную первым Съездом комиссию по привилегиям... И началось — повышение окладов членам президиума. Потом машины персональные за ними закрепили. Потом в дачи старой номенклатуры въезжает новая. Вместо Воротникова, Власова, Ивановой — Хасбулатов, Исаев, Абдулатипов, Шахрай. Что это — заслуги одного Хасбулатова и его сотрудников? Нет все закономерно, так и должно быть. Пришли новые люди. Быт формирует сознание, у каждого семья, жены. Это нельзя скидывать со счетов. Какова логика? Они — старые аппаратчики — изначально плохие. У них надо отнять. Но мы-то изначально хорошие, поэтому если мы пользуемся тем же — все нормально. Противно это»⁴⁸³.

Все эти явления приобрели обвальный характер после августовских событий 1991 г. «Вот и наступило долгожданное время демократии, — писал сатирик М. Задорнов. — Наконец-то демократы отобрали у коммунистов все их привилегии. И взяли себе власть, дачи, машины, гаражи, поликлиники... А в некоторых районах даже охотничьи домики вместе с охотничьими угольями и заранее убитыми кабанами. Ничего не поделаешь — демократия!»⁴⁸⁴

Приведем еще несколько свидетельств людей, занимающих самое различное положение и придерживающихся самых различных убеждений. «Демократическая элита, — пишет доктор философских наук, профессор Г. К. Ашин, — шла к власти на гребне справедливой критики привилегий

коррупцированной номенклатуры. Но, придя, к власти, часть победителей стала усиленно заботиться о собственных привилегиях — от покупки автомобилей без очереди до получения на льготных условиях квартир и дач»⁴⁸⁵.

«Борьба с привилегиями, — говорит журналистка И. Овчинникова, — значившаяся едва ли не первым пунктом предвыборной программы сработала наверняка — во всяком случае, именно этот пункт оказался наиболее понятным и поэтому сильнодействующим. — Что же от всего этого осталось? Звонит знакомая из Хабаровска — рассказывает о переполохе, учиненном по отвергнутым, казалось бы, образцам по случаю прибытия Хасбулатова. Журналисты не случайно, конечно, допытывались у Бурбулиса, не испытывает ли он неловкости, усаживаясь в машину, которую народ презрительно обозвал членовозом... Вот и приходит в голову пугающая мысль: неужели все великие потрясения затеяны лишь затем, чтобы пересест в "их кабинеты, вселится в "их" дачи, отдохнуть в "их" санаториях? Начиная перестройку, Горбачев не мог не осознавать, что кладет на кон всю эту благодать. А те, кто ныне изощряется в попытках уколоть его побольнее, значит, подхватывают, расталкивая друг друга, что с возу упало? Говорить о моральных критериях в таком случае бессмысленно»⁴⁸⁶.

«Те, кто еще недавно считались лидером демократии, — говорит народный депутат РФ Л. Пономарев, — на наших глазах превратились в типичных номенклатурщиков. Они ведут себя и действуют точно так же, как в прежние времена действовала партийная элита. Даже ее кабинеты и квартиры поспешили занять»⁴⁸⁷.

Слово члену Президиума ВС РФ Н. Медведеву: «Для меня борьба со всякого рода несправедливостью, незаконными льготами никогда не была популистским лозунгом... А сейчас, когда мы пришли ко власти, я вижу, что некоторые друзья-товарищи, которые требовали отмены привилегий, явно сменили пластинку. Теперь иногда начинаю сомневаться, действительно ли они были искренни или просто было такое время, когда по тем или иным причинам нужно было так поступать»⁴⁸⁸.

Размышляет кинорежиссер Э. Рязанов: «На мой взгляд, демократы совершили одну непоправимую ошибку морального плана. Они шли к власти и получили ее в значительной степени на отрицании всякого рода привилегий. А затем сами уселись в "членовозы" своих предшественников, в их кабинеты и кресла, заняли их дачи и квартиры, мне даже не хочется продолжать это перечисление. Моральный ущерб от всех этих действий

просто невероятен — люди немедленно отождествили их с прежними "хозяевами жизни"»⁴⁸⁹. «Вчерашние демократы, — вторит ему известный артист В. Винокур, — взяв власть, очень резко прибрали к рукам дачи, фирмы, дома, спецпайки, спецполиклиники и больницы — то есть все, что сумели отнять у предыдущих чиновников, партаппаратчиков, номенклатуры»⁴⁹⁰.

И продолжать можно было бы без конца. Но нужно где-то остановиться. Закончим обобщающим высказыванием известного публициста, одного из виднейших идеологов демократического движения Ю. Г. Буртина, приостановившего в феврале 1992 г. свое членство в руководстве «Демократической России»: «Конфликт в руководстве "Демроссии" и способ его освещения некоторыми средствами массовой информации я рассматриваю как своего рода знамение времени. И в том и в другом случае обнаруживает себя, на мой взгляд, фундаментальный и весьма тревожный факт нашего послеавгустовского общественного развития: ныне, как и после Октября, полным ходом идет процесс формирования нового бюрократического слоя, слоя "демократических" активистов при хороших должностях и окладах, ласково льнущих к нынешнему начальству. Когда-то югославский "ревизионист" М. Джилас ввел в обиход понятие "нового класса", определив таким образом коммунистическую элиту. Сейчас на наших глазах складывается еще один "новый класс", отчасти конкурирующий, отчасти срастающийся с перекрасившимся прежним»⁴⁹¹.

От современности вернемся к 20-м годам XX в. В отличие от нынешних «демократических» деятелей тогдашние руководители тянулись к привилегиям, не сознавая того, к чему все это ведет. Для того, чтобы подобного рода действия стали постоянными и систематическими, необходимо было уничтожение всякого контроля со стороны масс, т. е. ликвидация демократии. Этому способствовали условия гражданской войны, которые делали необходимыми использование авторитарных методов управления. Но дело не в самой по себе гражданской войне, ибо пик классовообразования приходится не на нее, а на мирное время.

Уничтожение демократии предполагало фактический отказ от выборности в партии и государстве, а тем самым к системе назначений сверху до низу. О практической замене выборности назначенством в партии говорилось в «Заявлении 46-ти», подписанном рядом крупных деятелей партии и направленном 15 октября 1923 г. в политбюро ЦК РКП(б). «...Под внешней формой официального единства, — указывалось в нем, — мы на

деле имеем односторонний, приспособляемый к взглядам и симпатиям узкого кружка, подбор людей и направление действий. В результате... партия в значительной степени перестает быть тем живым самостоятельным коллективом, который чутко улавливает живую действительность, будучи тысячами нитей связанным с этой действительностью. Вместо этого мы наблюдаем все более прогрессирующее, уже почти ничем не прикрытое разделение на секретарскую иерархию и "мирян", на профессиональных партийных функционеров, подбираемых сверху и прочую партийную массу, не участвующую в партийной жизни. Это факт, который известен каждому члену партии... В наше время не партия, не широкие ее массы выдвигают и выбирают губернские конференции и партийные съезды, которые в свою очередь выбирают губкомы и ЦК РКП(б). Наоборот, секретарская иерархия, иерархия партии все в большей степени подбирает состав конференций и съездов, которые все в большей степени становятся распорядительными совещаниями этой иерархии»⁴⁹².

Самых нижестоящих чиновников назначали те, что были рангом выше, тех в свою очередь — еще более высокостоящие и т. д. Но где-то существовал конец. Должен был существовать верховный назначающий выше которого не стоял никто.

Верховный вождь не мог быть назначен. Он должен был выдвинуться сам. Формирование иерархической политарной системы с необходимостью предполагало появление политарха. За это положение шла борьба. Одержать в ней победу мог только тот человек, который обеспечил себе поддержку большинства формирующегося класса политаристов. Но для этого он должен был понимать интересы этого класса и служить им. Таким человеком оказался И. В. Сталин. Однако главой политосистемы, политархом вполне могло стать и другое лицо. Это не могло сказаться на сущности происходившего процесса, хотя некоторые ее проявления могли быть другими. Иногда говорят о бухаринской альтернативе. Возможность такого варианта развития в принципе существовала, хотя вероятность его реализации в тех условиях была крайне малой. Практически по этому пути пошла Польша после возвращения к власти В. Гомулки в 1956 г. В ней реализовался более умеренный, чем сталинский, но, тем не менее, вариант политаризма.

5.8. Завершение становления индустрополитаризма в СССР

Любой вариант политарного классовообразования предполагает репрессии. Без них невозможно уничтожить контроль над деятельностью госаппарата со стороны масс. Политаризм во всех его разновидностях предполагает верховную собственность политаристов на личности всех остальных членов общества. А это означает существование права класса политаристов на жизнь и смерть всех своих подданных. Право это могло проявляться в разных формах, но оно всегда существовало. Поэтому правовое государство при политаризме исключено. Особенно зверское обличье политарная собственность на личности подданных приобретает на стадии становления этого строя.

Примером может послужить Буганда начала XIX в., которая была формирующимся агрополитарным обществом. Верховный правитель страны — кабака не только имел абсолютное право на жизнь и смерть своих подданных но и систематически им пользовался. Важную роль в Буганде играл институт человеческих жертвоприношений. Существовало 13 специальных мест, каждое со своим верховным жрецом, где они совершались. Число людей, приносимых в жертву одновременно, могло достигать до нескольких сот и даже тысяч. Право и одновременно обязанность поставлять людей для жертвоприношений принадлежало кабаке. В жертву могли быть принесены не только люди, совершившие какие-либо проступки, но и совершенно ни в чем не повинные. Время от времени кабака посылал отряды, которые хватили всех, кто попадался им по дороге. Всех схваченных вели во двор кабаки. И затем только от его воли зависело, будет тот или иной человек отпущен на волю или принесен в жертву⁴⁹³. Практика постоянного, систематического террора характерная для всех вообще агрополитарных обществ⁴⁹⁴.

Систематические репрессии против ни в чем не повинных людей начались в СССР в 1927—1928 гг. Такое утверждение может сразу вызвать возражение. Тотчас же на память приходит красный террор времен гражданской войны. Но этот террор был явлением иного порядка. Конечно, его жертвами могли стать и становились ни в чем не повинные люди. Но суть красного террора состояла вовсе не в этом. Это было средство подавления действительных противников. В этом отношении красный

террор не отличался от белого, о котором у нас сейчас предпочитают молчать. Ни одна гражданская война не обходилась без безжалостного взаимного истребления. И оно никогда не ограничивалось лишь полями сражений.

Сейчас много говорят о расстрелах участников заговоров против советской власти. Но ведь эти заговоры в большинстве своем не были сфабрикованы следователями ВЧК. Они действительно имели место и представляли реальную опасность для советской власти.

Еще больше пишут о подавлении крестьянских восстаний. Но эти восстания действительно происходили. При этом крестьяне нередко самым бесчеловечным образом расправлялись с представителями советской власти и всеми коммунистами. И вообще ни одна власть, какой бы она ни была, не может не отражать вооруженных выступлений, имеющих целью ее ниспровержение. Наши публицисты, как будто набрав воды в рот, молчат о том, с какой жестокостью подавлялись колчаковцами восстания сибирских крестьян. А ведь при этом совершались такие зверства, которые не идут ни в какое сравнение с действиями карательных частей Красной армии. Конечно, могут сказать, что белые сражались за правое дело, а красные — за неправое. Поэтому жестокость одних оправданна, а других нет. Но как же в таком случае обстоит дело со знаменитым подходом с позиции общечеловеческих ценностей, в верности которому клянутся сейчас чуть ли не все? Ведь это же проявление почти всеми проклинаемого классового, партийного подхода. Но несмотря на все проклятия классовый, партийный подход всецело торжествует. Просто люди, отрицающие его, выступают с позиций иного или иных классов.

Слабо верится в общечеловеческий гуманизм А. И. Солженицына, когда знакомишься с тем, как он осуждает Николая II и его окружение за то, что они, по его мнению, недостаточно решительно расправлялись с противниками режима. «Он, — с горечью пишет А. И. Солженицын о Николае II, — не имел мужества для действий. У него и всех правящих уже не было решительности бороться за свою власть. Они уже не давили, а только слегка придавливали и отпускали»⁴⁹⁵. Великому гуманисту мало «Кровавого воскресенья», карательных экспедиций 1905-1907 гг., во время которых тысячи людей уничтожались без суда и следствия, Ленского расстрела и т. п. А. И. Солженицын ставит слова «стольпинский террор» в кавычки и всю вину за него возлагает на революционеров⁴⁹⁶. Столыпин здесь совершенно не при чем: не нужно было бороться против самодержавия. Раз выступили против него, то и получили по заслугам.

Если за что-то и можно упрекнуть царскую власть, то разве лишь за излишнюю мягкость.

И А. И. Солженицын не одинок. Постоянный автор «Курантов» — газеты, объявляющей себя сверхдемократической, — А. Иванов из года в год славит генерала Пиночета, уничтожившего демократический режим в Чили. А. Иванов, конечно, не отрицает, что Пиночетом были замучены, убиты без суда десятки тысяч людей. Но считает все это совершенно оправданным: ведь Пиночет действовал во имя великой цели — защиты частной собственности. А для этого все средства хороши. Цель, таким образом, оправдывает средства. А. Иванов объявляет Пиночета национальным героем Чили и упрекает его лишь в излишней доброте и мягкосердечии. При этом он, конечно, молчит о том, что сами чилийцы, как только они получили хотя и ограниченную, но все же возможность выразить собственное мнение о своем национальном герое, то немедленно прокатали его на выборах.

А дальше — больше. «Демократ» А. Иванов горячо выступает в защиту крепостного права. Он всячески поносит А. И. Радищева и славит Екатерину, покаравшую дерзкого вольнодумца. А дальше уже ничего не может удивить: ни реверансы в сторону фашизма и лично Гитлера, который был настолько мудр, что не посягнул на частную собственность, ни комплименты гестапо⁴⁹⁷.

Единомышленников у него много. Один «демократ» оправдывает рабство в Северной Америке и осуждает северян, которые его уничтожили, другой — воспекает кровавую расправу генерала Кавеньяка с восставшими рабочими Парижа и призывает брать с него пример, третий — восхваляет карательные экспедиции против крестьян, захватывавших помещичьи земли, четвертый — славит «стольпинские галстуки»⁴⁹⁸.

Цель оправдывает средства. И вот вся «демократическая» печать, начиная с умеренных «Известий» и кончая радикальными «Курантами», усиленно распространяет миф о немецких деньгах, на которые была «сделана» Октябрьская революция. Ссылаются на неопровержимые доказательства, но их никогда не приводят. Исключением является газета «Megalopolis-Express», которая опубликовала телеграмму немецкого посла Мирбаха из Москвы германскому императору, в которой сообщалось о наличии больших сумм для поддержки большевиков, и ответную телеграмму статс-секретаря Кюльмана, в которой говорится о необходимости использования всех средств для того, чтобы большевики оказались у власти. Первая телеграмма датирована 16 мая 1917 г., вторая —

18 мая. Все бы хорошо. Но вот мелкая неувязка: в мае 1917 г. немецкого посольства в России заведомо быть не могло, да еще к тому же в Москве. И не сошлешься на типографскую ошибку: нужно де читать не 1917 г., а 1918 г. В мае 1918 г. большевики давно уже были у власти⁴⁹⁹.

Как утверждают другие столь же компетентные «специалисты», в 1918 г. большевики не только ничего не получали от немцев, а наоборот, расплачивались с ними за былые услуги. «Куранты», чтобы показать, как большевики грабили собственный народ в угоду своим бывшим покровителям, в номере от 29 августа 1991 г. опубликовали впечатляющий список продуктов, которые были вывезены с территории Украины в Германию в период с весны до ноября 1918 г. Список может быть и верен. Но причем тут большевики? Ведь Украина в это время была оккупирована немцами и правителем ее являлся немецкий ставленник гетман Скоропадский. Как видно, «демократическим» публицистам не до истины: великая цель оправдывает любые средства.

Но вернемся к вопросу о репрессиях. Конечно, и террор эпохи гражданской войны способствовал процессу политарного классового образования. Но это был его побочный результат. Основная цель красного террора состояла в подавлении и уничтожении реальных противников. В отличие от него репрессии, начавшиеся в 1927-1928 годах, не имели своей целью подавление реальных врагов. Суть их состояла в создании атмосферы всеобщего страха, сознания того, что ни покорность, ни лояльность, ни даже преданность существующему строю — не избавляют человека от возможности стать жертвой репрессий.

Принципиальное отличие репрессий конца 20-х и начала 30-х годов от тех, что имели место во время гражданской войны, отметил Н. И. Бухарин. В частном разговоре один из виднейших лидеров большевиков сказал, что во время революции он видел «вещи, иметь дело с которыми не пожелал бы и врагу. Но 1919 год никак нельзя сравнить с 1930-1933 гг. В 1919 году мы сражались за нашу жизнь. Мы убивали, но убивали и нас. Мы каждый день рисковали своими головами и головами близких... А в годы коллективизации шло хладнокровное уничтожение абсолютно совершенно беззащитных людей вместе с их женами и детьми»⁵⁰⁰.

Начало репрессиям нового рода положило печально знаменитое сфабрикованное Шахтинское дело (1928 г.), за ним последовал столь же сфальсифицированные процессы «Промпартии» (1930 г.) и «Союзного бюро ЦК РСДРП (меньшевиков)» (1931 г.). Не состоялся процесс «Трудовой крестьянской партии», но по ее делу было репрессировано

много людей. В эти годы было проведено немало открытых и закрытых судов и бессудных расстрелов. Этот цикл включает в себя и репрессии в деревне в годы коллективизации, жертвами которых стали миллионы крестьян. По разным оценкам в 1930-1931 годах были высланы из мест проживания от 250 тысяч до 1 млн семей (1,25-5 млн человек), а их имущество конфисковано⁵⁰¹.

Искусственно вызванный страшный голод 1932-1933 годов унес от 4 до 5 млн жизней.

Параллельно с нарастанием репрессий шел процесс узаконения системы «корыт». В начале 30-х годов процесс становления в СССР политарного строя в основном завершился. В стране произошел окончательный возврат к классовому обществу, правда, иного типа, чем то, что существовало до революции. В новом обличье вернулся «старый мир». Как писал Н. Коржавин в уже упоминавшейся выше поэме, обращаясь к ее героине:

Помнишь, Танька, была ты в деревне в голодное лето?

Раскулаченных помнишь, кто не был вовек кулаком?

Ты в газету свою написать не решилась про это,

Чтоб подхвачено не было это коварным врагом.

Создаются колхозы, и их возвеличивать нужно.

Новый мир все вернет расцветающим жителям сел.

А ошибки — простят...

эти фразы сгодились для службы

Людям старого мира —

он быстро сменять тебя шел.

Старый мир подступал, изменяя немного личину.

Как к нему подошло все, что с болью создали умы:

Высший смысл.

Высший центр.

И предательский культ дисциплины,

И названья идей...

*Танька, помнишь снега Колымы?*⁵⁰²

Но хотя к началу 30-х годов формирование политарного строя в основном завершилось, для того, чтобы он окончательно утвердился и приобрел наиболее адекватную форму, нужны были новые репрессии. Следующий их цикл охватывает период с 1934 г. по 1939 г., а их пик приходится на 1937 г. Репрессии этого цикла сейчас иногда рассматривают как менее значительные, чем репрессии предшествующих лет.

Складывается мнение, что в это время в основном были репрессированы лишь интеллигенты и партийно-государственные работники. Но это совсем не так. Репрессии этого цикла по своему размаху намного превосходили репрессии предшествующих лет.

В письме на имя Н. С. Хрущева, датированном 1 февраля 1954 г. и подписанным генеральным прокурором СССР Р. А. Руденко, министром внутренних дел СССР С. Н. Кругловым и министром юстиции СССР К. П. Горшениным, сообщалось, что в период с 1921 г. по настоящее время (т. е. до начала 1954 г.) за контрреволюционные преступления всего было осуждено 3 777 380 человек. 765 180 человек были приговорены к ссылке и высылке, 2 369 229 — к содержанию в тюрьмах и лагерях, 642 980 — к высшей мере наказания⁵⁰³. В другой справке, составленной в МВД СССР в 1953 г., к 3 777 318 человекам, осужденным за контрреволюционные преступления, были добавлены 282 926 человек, осужденных за особо опасные государственные преступления (военный шпионаж и особо опасный бандитизм), что дало цифру в 4 060 306 человек. Эта справка содержала разбивку осужденных за контрреволюционные и особо опасные государственные преступления по годам. Из нее следовало, что из общего числа осужденных за 33 года (1921-1953) на 1937-1938 гг. (т. е. на 2 года) приходится 1 344 923 человека (33,12%), а из общего числа приговоренных к смертной казни (799 455 человек) — 681 692 человека (85,27%)⁵⁰⁴.

Недаром 1937 год надолго вошел в память народа как пора страшного бедствия.

Те годы многое несли...

Они в истории народа

Все вместе — имя обрели:

«Пора тридцать седьмого года»⁵⁰⁵.

И совершенно не случайно в единственной обстоятельной работе об этом периоде жизни страны репрессии 1934-1939 годов характеризуются как «большой террор»⁵⁰⁶.

Но в набирающем силу представлении о событиях тех лет безусловно есть и доля истины. В 1934-1939 годах впервые был нанесен удар по самой правящей партии. Ранее ее члены в определенной степени были исключены из атмосферы всеобщего страха. Конечно, отдельные члены партии подвергались репрессиям и раньше. Но, как правило, жертвами их становились лишь оппозиционеры, т. е. люди, которые были реальными противниками генеральной линии ЦК. Да и наказания носили сравнительно мягкий характер. Их обычно ссылали и лишь в крайнем случае

приговаривали к тюремному заключению. Попытки И. В. Сталина в 1932-1933 годах добиться расстрела таких своих явных противников, как М. Н. Рютин, А. П. Смирнов, Н. Б. Эйсмонт, В. Н. Толмачев, натолкнулись на упорное сопротивление значительной части членов политбюро, прежде всего

С. М. Кирова, Г. К. Орджоникидзе и В. В. Куйбышева⁵⁰⁷.

В 1934 и последующих годах члены партии оказались в таком же положении, что и остальное население страны. Ничто: ни безусловное следование линии ЦК, ни личная преданность Сталину не могли гарантировать человеку личной безопасности. Более того, в 1934-1939 годы сама по себе принадлежность к партии была достаточным основанием для того, чтобы стать очередной жертвой. Недаром поэт, характеризуя эту пору, писал:

Скоро дни забурили в таинственном приступе гнева.

И пошли коммунисты на плаху, на ложь и позор.

Без различья оттенков: центральных, и правых, и левых Всех их ждало одно впереди —

*клевета и топор*⁵⁰⁸.

В результате старая партия была по существу уничтожена. Место ее заняла новая партия, лишь сохранившая старое название. Впервые об этом открыто было сказано Ф. Ф. Раскольниковым в его «Открытом письме к Сталину». Обращаясь к Сталину, он писал: «Вы уничтожили партию Ленина, а на ее костях построили новую "партию Ленина—Сталина“, которая служит удобным прикрытием вашего единодержавия. Вы создали ее не на базе общей программы и тактики, как строится любая партия, а на безыдейной основе личной любви и преданности... Вы — ренегат, порвавший со своим вчерашним днем, предавший дело Ленина»⁵⁰⁹.

Важная особенность репрессий 1934-1939 годов состояла в том, что их жертвами впервые стали не только рядовые члены общества, но и партийно-государственные работники, т. е. представители класса политаристов. И это требует объяснения.

Ни один господствующий класс, по крайней мере, до тех пор, пока не приходит время его заката, не был слоем чистых паразитов. Его представители были не менее необходимыми агентами производства, чем непосредственные созидатели материальных благ.

Не представляет собой исключения и класс политаристов. При индустрополитаризме он должен был организовывать производство в масштабе всей страны. И важнейшим является вопрос о стимулах, которые

побуждают представителей господствующего класса способствовать развитию производства. Когда речь идет о персональной или даже групповой частной собственности, то ответ ясен: стремление извлечь для себя максимальный доход. Но ни один политарист, взятый в отдельности, не был частным собственником. Собственником был лишь класс в целом. В результате, хотя весь класс в целом был объективно заинтересован в прогрессе производства, все его члены, взятые по отдельности, прямой заинтересованности в этом не имели.

Размеры «корыт», которыми располагали те или иные политаристы, были фиксированы. Они непосредственно зависели не от его личного вклада в производство, а от места в иерархии. Пока политарист занимал данную должность, он получал один и тот же доход, независимо от итогов его деятельности на этом посту. Он был непосредственно заинтересован лишь в делании карьеры, т. е. в продвижении по служебной лестнице. Чем более высокой была занимаемая им должность, тем большим было «корыто». Но в этом была заложена возможность появления опосредствованной заинтересованности политариста в успехе экономической деятельности.

Объективная заинтересованность класса политаристов в целом в развитии производства, выражалась в планах, которые составляли руководящие органы. Планы на каждую новую пятилетку, на каждый новый год были большими, чем планы на предшествующие такие же отрезки времени. Нужны были стимулы, которые побуждали бы политаристов выполнять хозяйственные директивы центра. Один из них состоял в том, что люди, которые скрупулезно им следовали, переводились на более высокие должности. Стремление занять более высокое место в политосистеме толкало человека к тому, чтобы делать возможно больший вклад в развитие производства.

Однако возможность такого позитивного стимулирования была ограниченной. Наряду с данным способом делания карьеры существовали и другие: наличие мощных покровителей, умение втирать очки и т. п. Но главное: с подъемом по иерархической лестнице число мест непрерывно сокращалось. Большую карьеру могло сделать лишь ограниченное число лиц. Поэтому наряду с позитивным стимулированием должно было возникнуть и негативное: лишение должности.

Но во всех политарных обществах, как древних, так и новых, существовало негласное правило: политарист не мог быть низведен до положения рядового члена общества. Пока он был на свободе, он был обречен возвращаться в круг политаристов. Чаще всего его братья по классу

подыскивали ему должность не меньше той, что он занимал раньше. Лишь в редких случаях ему доставалась должность с меньшим «корытом».

В этих условиях единственным реальным негативным стимулом могла быть только угроза лишения свободы и жизни. Чтобы политарный аппарат более или менее надежно работал, его глава — политарх должен был получить право распоряжаться судьбами всех членов класса политаристов: не только перемещать их по одной своей воле с должности на должность, но — главное — лишать их свободы и жизни. Во главе политосистемы может стоять и олигархия, но идеальной формой политарного режима является деспотия. Политарный аппарат не может хорошо работать, если его время от времени не смазывать кровью его членов.

Таким образом, и второй цикл репрессий, не говоря уже о первом, диктовался потребностями развития политарной системы. Об этом говорит хотя бы тот факт, что те же самые два цикла мы наблюдаем в истории КНР. Один из них имел место в 50-х - начале 60-х годов, второй («пролетарская культурная революция») в 1966-1969 годах. Однако второй цикл не является столь же необходимым, как и первый. В принципе политаризм может существовать и без деспотизма. Здесь многое зависит от человека, который возглавляет политосистему, т. е. политарха. Чтобы реальная возможность такого рода изменений в политосистеме превратилась в действительность, нужно действие не только объективных, но и субъективных факторов. Не рассматривая Китая, остановимся лишь на СССР.

К началу 30-х годов И. В. Сталин стал признанным единственным вождем партии и страны. Но он все еще был стеснен в своих действиях. Он представлял собой не деспота, а главу олигархии. Ограниченным было его право назначать на руководящие должности. Существовало множество людей — членов старой партийной гвардии, которые занимали свои посты не в силу благоволения И. В. Сталина, а своих былых заслуг.

И. В. Сталина с его беспримерным властолюбием это не могло не раздражать. Он жаждал неограниченной власти. И. В. Сталин стремился предстать в глазах народа как второй после В. И. Ленина основатель партии и советского государства, как величайший мыслитель и политик, как истинное божество. Но это было невозможно, пока жили и находились на свободе люди, которые знали подлинную историю. Из сложившегося положения для него был только один выход: истребление части членов правящего класса, особенно его верхушки. Окончательно И. В. Сталин решился на это после XVII съезда ВКП(б), на котором обнаружилось существование среди партийной элиты оппозиции, направленной лично

против него. Организованное И. В. Сталиным убийство С. М. Кирова дало желанный повод для начала нового цикла репрессий⁵¹⁰.

В ходе их были уничтожены или оказались в заключении большинство членов всех законно сформированных органов партийной и государственной власти. Достаточно сказать, что из 139 членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде, было погублено 98 человек. Помимо всего прочего, И. В. Сталин в эти годы совершил государственный переворот, в результате которого вся полнота власти в стране перешла в его руки.

Уничтожена или брошена в лагерь была значительная часть класса политаристов, но сам класс, разумеется, не только сохранился, но и окреп. Изменения произошли в его личном составе: он был во многом обновлен. В него извне хлынуло много людей, которые давно уже завидовали правящей элите и с готовностью приложили руки к ее истреблению. Изменилась структура политосистемы. Во главе ее и государства в целом встал деспот. В его власти оказалась жизнь и смерть не только рядовых членов общества, но и политаристов, что, конечно, радости последним не доставляло. Они, как и все подданные, теперь начали жить под постоянным страхом репрессий.

Поэтому и политаристы с нескрываемым облегчением встретили XX съезд КПСС. С этих времен репрессии, правда, в значительной степени смягченные, продолжали осуществляться лишь против рядовых граждан. Глава политосистемы потерял право на жизнь и смерть ее членов. На смену деспотии пришла олигархия. Контроля снизу политаристы давно уже не знали. Теперь во многом был ликвидирован и контроль сверху. Политаристы среднего звена приобрели огромную долю самостоятельности. В этих условиях политосистема стала разлагаться. Обычным явлением стали поборы, взятки, злоупотребление властью, сращивание с уголовным миром и т. п.

5.9. Марксизм и псевдомарксизм

Но вернемся еще раз к истокам. Любой класс эксплуататоров должен держать в повиновении эксплуатируемых. Одно из важнейших средств — организованное физическое насилие, осуществляемое государством. Однако мало угнетенных запугать. Их нужно еще и убедить, что существующий строй, если и не самый лучший, то единственно возможный. Ни один господствующий класс не обходился без идеологии, без учений, оправдывающих существующие порядки.

Идеология господствующего класса отражает существующие социально-экономические отношения, но всегда в превратной, иллюзорной форме. В идеологических иллюзиях существующий порядок изображается иным, чем он является в действительности. Поэтому они всегда — средства маскировки существующих отношений.

В феодальную эпоху существовала иллюзия, что люди неравны от природы. Социальное неравенство выдавалось за естественное, природное. В эпоху капитализма навязывается иллюзия полного равенства людей. Буржуазное общество выдается за такое, в котором все имеет равные возможности, в котором царит социальная справедливость.

В идеологии, причем, разумеется, иллюзорной, нуждался и класс политаристов. Он нашел ее в марксизме. Но сам последний при этом резко изменил свою природу.

Марксизм возник как одна из идеологий рабочего класса. Это была первая в истории человечества не иллюзорная, а адекватная, научная идеология. Конечно, сами К. Маркс и Ф. Энгельс были не лишены иллюзий. К числу их относится убеждение, что капитализм уже изжил себя, что он стоит на краю гибели. Эта иллюзия сказалась и на в целом научном экономическом учении К. Маркса. Но особенно она проявила себя во взглядах основоположников марксизма на социалистическую революцию и социализм. Свободной от иллюзий оказалась лишь философия марксизма, включая материалистическое понимание истории. Это связано с тем, что философия марксизма не стремилось нарисовать сколько-нибудь полную картину действительности. Она представляла собой, прежде всего, метод ее познания, осмысления.

Положение изменилось с возникновением после революции, совершенной под знаменем марксизма, политарного способа производства. Нужно было замаскировать сущность новых общественных отношений,

выдать их за справедливые, самые лучшие из возможных. И ничего не было более естественным, чем объявить, что в России создано то самое справедливое общество, о котором веками мечтали угнетенные, стал реальностью тот самый социализм, путь к которому был намечен К. Марксом и Ф. Энгельсом. И это не был прямой преднамеренный обман. Особенность всех вообще идеологических иллюзий состоит в том, что в них верят, по крайней мере, частично и их создатели. Обман в них всегда сочетается с самообманом.

Когда марксизм стал средством маскировки существующих отношений, средством оправдания несправедливых порядков, когда он перестал говорить правду о действительности, он резко изменял свой внутренний характер. Из стройной системы научных взглядов, в целом адекватно отражавших реальность, он превратился в набор штампованных фраз, используемых в качестве заклинаний и лозунгов. Покончено было с марксизмом как методом научного познания. Иначе говоря, марксизм перестал быть самим собой.

Термин «марксизм» с тех пор начал обозначать два разных явления: во-первых, созданную в XIX в. К. Марксом и Ф. Энгельсом научную идеологию, во-вторых, возникшую в 20-х годах и окончательно оформившуюся в 30-х годах иллюзорную идеологию. Было бы вполне справедливым, оставив термин «марксизм» для обозначения только первой, называть вторую «псевдомарксизмом».

Псевдомарксизм в отличие от марксизма никогда не был методом научного познания. Он был создан не для того, чтобы способствовать познанию мира, а для того, чтобы этому всеми силами препятствовать. Псевдомарксизм в отличие от марксизма был официальной государственной идеологией, которой все под страхом наказания были обязаны придерживаться.

Известный русский философ, историк и публицист Г. П. Федотов в своих статьях, относящихся к 30-м годам, отмечает парадоксальное явление. С одной стороны, марксизм в СССР возводится в ранг официальной идеологии, а с другой, подвергается полному разгрому во всех областях⁵¹¹. Но ничего необычайного здесь не было: возвеличивался псевдомарксизм, подвергался разгрому марксизм. Яркую картину уничтожения марксизма и утверждения псевдомарксизма в области философии нарисовал И. Яхот в работе «Подавление философии в СССР (20-30 годы)»⁵¹². Подлинный марксизм, и прежде всего марксистская философия всегда преследовались в эпоху существования политаризма в

СССР. К сожалению, и сейчас им приходится несладко.

Будучи внимательным наблюдателем, Г. П. Федотов связывал разгром марксизма с изменениями в общественном строе России и в большевистской партии. Вот, что он писал в 1936 г.: «Еще большинство эмиграции повторяет: в России царствуют коммунисты, или большевики, еще мечтают об избавлении России от этих большевиков, не замечая того, что большевиков уже нет, что не "они" правят Россией. Не они, а он. А если "они", возглавляемые "им", то совершенно не коммунисты, а новые люди, к которым нужно приглядеться. Это утверждение, вероятно, покажется спорным. Происходящая в России ликвидация коммунизма окутана защитным покровом лжи. Марксистская символика революции еще не упразднена, и это мешает правильно видеть факты. А факты вот они. Начиная с убийства Кирова (1 декабря 1934 г.) в России не прекращаются аресты, ссылки, а то и расстрелы членов коммунистической партии. Правда, происходит это под флагом борьбы с остатками троцкистов и других групп левой оппозиции. Но вряд ли кого обманут эти официально пришиваемые ярлыки... Казалось бы, в обществе "старых большевиков" нет места троцкистам по самому определению. Троцкий — старый меньшевик, лишь в Октябрьскую революцию вошедший в партию Ленина: роспуск этой безвластной, но влиятельной организации показывает, что удар наносит Сталин именно традиции Ленина — тем косным революционерам, которые не хотят понять знамений нового времени. Борьба с марксизмом ведется не только по организационно-политической линии. Она сказывается во всей культурной политике... Те, кто хотят видеть в сталинских отступлениях от марксизма тактический маневр и признают, вопреки очевидности, неистребимость марксистской веры в большевистской партии, постулируют некое чудо... На самом деле сохранение большевистской партии и ее доктрины хотя бы в течение пятнадцати лет после победы — и то представляет явление, небывалое в истории: якобинцы разложились в три-четыре года. Но, отдавая должное организаторским способностям Ленина, следует признать, что пятнадцать-семнадцать лет для ее разложения срок более чем достаточный. Сталин с 1925 года работает над размалыванием ленинского гранита. К 1933 году он может считать свою задачу оконченной... Можно было бы спросить себя, почему, если марксизм в России приказал долго жить, не уберут со сцены его полинявших декораций. Почему на каждом шагу, изменяя ему и даже издеваясь над ним, ханжески бормочут старые формулы? Но всякая власть нуждается в известной идеологии. Власть деспотическая, тоталитарная больше всякой иной. Но создать заново идеологию, соответствующую

новому строю, задача, очевидно, непосильная для нынешних правителей России. Марксизм для них вещь слишком мудреная, в сущности совсем неизвестная. Но открытая критика его представляется вредной, ибо она подрывала бы авторитет Ленина и партии, с именем которого неразрывно связана Октябрьская революция. Отрекаться от своей собственной революционной генеалогии — было бы безрассудно. Французская республика 150 лет пишет на стенах: "Свобода, равенство, братство", несмотря на очевидное противоречие двух последних лозунгов самым основам ее существования»⁵¹³.

К той теме Г. П. Федотов возвращался снова и снова. «Если Гитлер марширует под красным знаменем социализма, — писал он в том же 1936 г., — то почему и сталинским дельцам не совершать, время от времени, обязательные поклоны в сторону марксизма. Лишь бы из марксизма было выпущено все революционное содержание»⁵¹⁴. «Но коммунизма в России нет, — писал он в 1939 г., — а партия сохранила от коммунистической лишь имя. Все настоящие коммунисты или в тюрьме или на том свете... У нас здесь думают — и иной раз даже умные люди — что сущность сталинского режима в его неистребимой, нераскаянной идеологии: марксистско-ленинской... Какая слепота!»⁵¹⁵

Заметить разгром марксизма в России помогла Г. П. Федотову его ненависть к нему. В целом он оценивал это явление как положительное. Но заметили это и люди, стоявшие на прямо противоположной позиции, люди, для которых марксизм и социализм был альфой и омегой их существования. К ним, прежде всего, принадлежал М. Н. Рютин. Последний не был свободен от иллюзий. Причину, происходивших в СССР перемен, он видел в личных особенностях И. В. Сталина. Если бы во главе партии оказался другой человек, то события, по его мнению, пошли бы по иному. «В наших условиях, — писал он, — такая случайность, как характер человека, стоящего во главе движения, во главе партии и рабочего класса, — характер Сталина, играет поистине роковую роль»⁵¹⁶.

М. Н. Рютин видит перерождение партии, но понять сущность этого процесса не может. «Руководящую верхушку партии, — писал он в 1932 г., — уже нельзя в настоящее время рассматривать как людей просто ошибающихся, но субъективно искренне верящих в свою правоту... Вся верхушка руководящих партийных работников, начиная со Сталина и кончая секретарями областных комитетов, в основном прекрасно отдают себе отчет, что они рвут с ленинизмом, что они насилуют партийные и беспартийные массы, что они губят дело социализма, но они так

запутались, создали такую обстановку, попали в такой тупик, в такой заколдованный круг, что сами не в состоянии из него уже выбраться. Ошибки Сталина и его клики из ошибок переросли в преступления. Политбюро и Президиум ЦКК, секретари областных комитетов превратились в банду беспринципных интриганов и политических мошенников. Они на деле рассматривают партию как свою вотчину. Не они для партии, а партия для них. Наркомы, зам. наркомов, члены коллегий, руководители трестов, видные работники партаппарата, редакторы крупных газет, председатели ЦК профсоюзов, руководители областных отделов советского и профсоюзного аппарата также захвачены в значительной степени процессом перерождения. Все они, даже бывшие рабочие, никакой связи с массами, кроме официальных докладов на собраниях, давно уже не имеют. Они обеспечены высокими ставками, курортами, пособиями, дачами, великолепными квартирами, прекрасным явным и тайным снабжением, бесплатными театрами, первоклассной медицинской помощью и т. д. и т. д. И это при невероятном обнищании и полуголодном существовании всей страны. Они, таким образом, в известной степени подкуплены Сталиным. Сталин вообще систематически применяет подкуп как по отношению к отдельным прослойкам партии, так и рабочим»⁵¹⁷.

С этими переменами теснейшим образом связан разгром марксизма. «Кризис партии, — писал М. Н. Рютин, — охватил все стороны партийной жизни. Он находит свое выражение прежде всего в теоретическом кризисе. Ленинизм извращен и фальсифицирован в настоящее время до неузнаваемости. Материалистическая диалектика заменена софистикой, схоластикой и плоской лживой апологетикой политики Сталина и его руководства... Убита всякая живая марксистско-ленинская мысль... В настоящее время на теоретическом фронте подвизается все, что есть в партии самого недобросовестного, бесчестного. Здесь работает настоящая шайка карьеристов и блюдолизов (Митин, Юдин, Ральцевич, Кольман и пр.), которые в теоретическом услужении Сталину показали себя подлинными проститутками... Сталинская теоретическая ограниченность, тупость и защита его обанкротившейся генеральной линии являются пограничными столбами, за черту которых отныне не смеет переступить ленинизм и марксистская диалектика. На практике это означает полное удушение ленинизма. На практике это означает, что партия отныне лишена возможности открыто пользоваться несравненным теоретическим оружием марксизма-ленинизма для разрешения стоящих перед нею задач. Подлинный ленинизм отныне перешел на нелегальное положение, является

запрещенным учением»⁵¹⁸.

Мы уже приводили слова Г. П. Федотова, что для современных ему правителей России марксизм есть «вещь слишком мудреная, в сущности почти неизвестная». Таким он оставался и для всех последующих поколений руководителей партии. Это наглядно можно видеть на примере А. Н. Яковлева, далеко не самого невежественного в вопросах теории из числа горбачевского руководства КПСС. Он, как известно, специализировался на теоретической работе, несколько лет был главным идеологом партии, получил звание вначале члена-корреспондента, а затем и действительного члена АН СССР. Долгие годы он клялся в верности марксизму и прославлял его. Затем уже после августовских событий 1991 г. он не просто отрекся от марксизма, а занялся его обличением⁵¹⁹.

Само по себе это событие не заслуживало бы особого внимания. А. Н. Яковлев просто повторил путь героя «Баллады о прибавочной стоимости» А. Галича. Тот тоже начинал с прославления марксизма:

Я научность марксистскую пестовал, Даже точками в строчках не брезговал. Запятым по пятам, а не дуриком, Изучал «Капитал» с «Анти-Дюрингом»... И повсюду, где устно, где письменно, Утверждал я, что все это — истинно⁵²⁰.

И кончил тем же, что и А. И. Яковлев: проклятиями в адрес марксизма: *Негодяи, кричу, лоботрясы вы! Это все, я кричу, штучки марксовы!*⁵²¹

Поражает другое. Упомянутая выше книга А. Н. Яковлева обнаруживает, что человек, считавшийся и, вероятно, даже считавший себя знатоком марксизма, абсолютно в нем не разбирается. Он не понимает даже азов этого учения. Книга выявляет такую вопиющую безграмотность автора в вопросах не только марксизма, но и вообще теории общественных наук, что оторопь берет. И, повторяю, это не самый невежественный человек из членов нашего партийного руководства. Чего же в таком случае можно ожидать от других, которые с теорией вообще никак не соприкасались.

Есть, однако, основания полагать, что А. Н. Яковлев, ничего не понимая в марксизме, все же когда-то слепо верил в него. Когда же эта вера пошатнулась, то он вместо того, чтобы стать свободомыслящим, просто перешел в другую веру. Теперь он с таким же рвением повторяет догмы антикоммунизма, как когда-то повторял, ничего не понимая в них, постулаты марксизма.

Этого, однако, не скажешь об авторе предисловия к его книге — А. С. Ципко. Как поведал последний в одной из заметок в «Московских

новостях», он еще в 1965 г. понял всю ложность марксизма и гнусность идеи социализма. Но это ни в малейшей степени не помешало ему в течение последующих 20 лет написать и опубликовать ни много ни мало, а 65 работ воспевавших марксизм и социализм, и получить вначале степень кандидата, а затем доктора наук по специальности «научный коммунизм»⁵²².

В этих работах буквально рябит в глазах от бесконечного количества ссылок на труды К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Конечно, не забыты и такие гиганты теоретической мысли, как Л. И. Брежнев и М. А. Суслов. Зачем он все это делал, понять можно. Он добился и докторской степени, а затем и квартиры в цековском доме. К тому времени, когда квартира уже была получена, положение изменилось. Следует сказать, что из всех наших специалистов в области общественных наук никто не был так чуток к переменам, никто не держал так чутко нос по ветру, как профессиональные научные коммунисты. Наш герой мгновенно перестроился и выступил с ожесточенной критикой марксизма и социализма⁵²³. Трудно сказать, выражал ли он свои собственные взгляды или просто приспособлялся к новым обстоятельствам. Будущее покажет. Но для его характеристики как нельзя лучше подходит то слово, которое использовал М. Н. Рютин для обозначения Митина и всей его компании.

И дело не просто в личных качествах А. С. Ципко. Наш политарный строй с неизбежностью породил два основных типа идеологических работников: догматиков, которые, ничего не понимая, веровали в марксизм, и прямых идеологических проституток, которые ради материальной выгоды готовы были обосновать все, что сочтет необходимым начальство. Впрочем, грань между этими двумя категориями была весьма условной.

В качестве еще одного примера идеологической проституции можно привести писания А. И. Ракитова. Еще в 1986 г. он пел гимны марксизму, социализму и КПСС. Одновременно он сурово осуждал капитализм, который «в действительности не стабилен, раздирается внутренними противоречиями и с объективной необходимостью созревает для глубоких перемен. В конечном счете эти перемены должны привести к созданию качественно новых общественных отношений в соответствии с законами исторического развития, открытыми и сформулированными марксизмом-ленинизмом»⁵²⁴. Конечно, доставалось и капиталистам, эксплуатирующим трудящихся⁵²⁵.

А спустя пять лет он с жаром призывает россиян «молиться на собственных миллионеров». «Обогащаясь сами, — поясняет недавний

обличитель капитализма, — миллионеры-капиталисты делают богатым общество в целом»⁵²⁶.

А. И. Ракилов, по-видимому, убежден, что он проникся новым духом. И нельзя при этом не вспомнить строк из стихотворения А. К. Толстого «Поток-богатырь». Его герой, уснувший в эпоху Киевской Руси, просыпается дважды: один раз во время Ивана Грозного, второй — в 60-х годах XIX в. И во время второго пробуждения к нему обращаются с требованием преклониться перед русским мужиком.

И подумал Поток: «Уж господь борони,

Не проснулся ли слишком я рано?

Ведь вчера еще, лежа на брюхе, они Обожали московского хана,

А сегодня велят мужика обожать!

Мне сдается, такая потребность лежать

*То пред тем, то пред этим на брюхе На вчерашнем основана духе!»*⁵²⁷

В свете всего сказанного выше наглядно выступает вся нелепость утверждения о том, что весь наш прошлый строй своим возникновением обязан марксистской идеологии и целиком покоился на ней, что вся политика нашего прошлого государства полностью определялась идеологией, была предельно идеологизирована. В действительности как внутренняя, так и внешняя политика политарного государства диктовалась прежде всего интересами господствующего класса. В определенной степени выражались в ней и интересы общества в целом. По мере утверждения деспотического режима все более сказывались на ней взгляды и настроения верховного правителя, которые могли расходиться с реалиями. Но она всегда обосновывалась ссылками на марксизм, что создает иллюзию ее полной производности от идеологии. Конечно, на политике не могло не сказываться влияние идеологических штампов, но в целом, если она и зависела от идеологии, то не на много больше, чем политика любого другого государства. Во всяком случае, никто из политаристов никогда не руководствовался марксизмом ни в политике, ни тем более в обыденной жизни.

Последнее давно уже было понято подлинными художниками. Вот, например, что писал В. В. Маяковский в 1928 г стихотворении «Служака»:

Коммунизм

по книжке сдав,

перевызубривши «измы»,

он

покончил навсегда

с мыслями
о коммунизме.
Что заглядывать далече?!
Циркуляр
сиди
и жди.
— Нам, мол,
с вами
думать неча,
если
думают вожди. — <...>
Блещут
знаки золотые
Гордо
выпячены
груди,
ходят
тихо
молодые
приспособленные люди.
О коряги
якорятся
там,
где тихая вода...
А на стенке
декорацией
Карлы-марлы борода⁵²⁸.

А спустя много лет, в 1973-1974 гг., В. Н. Войнович, ставя вопрос о том, чем руководствуются наши чиновники, принимая свои решения, нередко поражающие нелепостью, пишет: «Западные советологи, да и наши некоторые мыслители объясняют все догматическим следованием марксизму. Сидит вроде в своем служебном кресле этакий правоверный догматик и ортодокс, и, вцепившись одной рукой в бороду Маркса, другой листает Капитал, сверяя по нему каждый свой шаг. Так ли это? Насчет Маркса ничего определенного сказать не могу, я его не читал. Но живя в этой стране вот уже пятый десяток, присматриваясь к нашей жизни, что-то я потерял из виду этого ортодокса. Видать, тихо скончался и похоронен без почестей. Но из розового миража возникает передо мной не догматик, не ортодокс, а деятель нового типа, которого я и спешу вам представить,

любезный читатель»⁵²⁹.

Не пересказывая содержание повести В. Н. Войновича, приведем лишь резюме: «Мы завершаем наш портрет... Паразит из паразитов, громким голосом, заглушая других, распевает он "но паразиты никогда". Он борется с проявлениями мещанской психологии, но кто мещанин больше его? Он критикует буржуазный образ жизни, делая все для того, чтобы жить именно буржуазно. Он разоблачает низкопоклонство перед заграницей, но сам вцепляется в каждую вещь, на которой наклеена иностранная этикетка. Говорят, что идеология мешает ему быть другим. Если бы так! Это он-то сверяет каждый свой шаг по Марксу? Не слишком ли розовым выйдет портрет? Нет, пожалуй, совсем иным представляется нам образ нашего героя. Маркса он выкинул из головы с тех пор, как сдал последний зачет по марксизму, а это было давно. Марксизм ему нужен как ширма, которой можно прикрыться. Дайте ему ширму другую, он прикроется ею. Единственная идеология, которой он поклоняется, — это максимальное удовлетворение личных потребностей, а они у него безграничны и входят в противоречие с возможностями, которые, как бы ни были велики, всегда ограничены. Его практическая деятельность всегда направлена к постоянному расширению этих возможностей. И тут он вовсе никакой не догматик и не ортодокс. Он идет в ногу с временем, мимикрирует и приспосабливается к новым условиям»⁵³⁰.

Но все это вовсе не означает, что в СССР, начиная с 30-х годов, не было людей, искренне веривших в идеалы коммунизма. Их было немало, особенно среди молодежи, и в первые послевоенные годы, и в начале 50-х годов. Осознание разрыва между идеалами и действительностью порождало у них недовольство существующими порядками, а самых смелых и решительных толкало к созданию организаций, имевших своей целью борьбу за подлинный социализм. Таких организаций в конце 40-х и начале 50-х годов появилось довольно много. Одной из самых известных является «Коммунистическая партия молодежи» (КПМ), созданная в 1947 г. в Воронеже учащимися старших классов. КПМ ставила своей задачей изучение и распространение *подлинного* марксистско-ленинского учения и борьбу против «обожествления» Сталина. Эта организация просуществовала до августа 1949 г., когда примерно половине ее членов была арестована органами МТБ. Всего по делу КПМ было осуждено 23 человека. В других городах существовали организации, называвшиеся «Кружок марксистской мысли», «Ленинский союз студентов» и т. п.⁵³¹. В целом социалистические идеи господствовали в оппозиционном движении

в СССР начиная с первых проблесков инакомыслия вплоть до конца 60-х годов⁵³².

В 1986-1991 годах модным было говорить о необходимости «деидеологизации». С чисто формальной точки зрения этот призыв совершенно несостоятелен. Идеология есть система представлений об обществе в целом, включающая в себя определенную оценку общественных явлений, а тем самым и определенную программу поведения. Поэтому речь может идти лишь об отказе от той или иной конкретной идеологии, но не от идеологии в целом. С тех пор как общество стало классовым, оно не может существовать без идеологии. И сами люди, требовавшие «деидеологизации», сами придерживались определенной идеологии, правда, не всегда давая себе отчет в этом.

Но формально несостоятельное требование деидеологизации имело определенное реальное содержание. В нем нашел свое выражение протест против господства псевдомарксизма. И шире: это было требование отказа от принудительного навязывания какой бы то ни было идеологии. Конечно, его можно было бы попытаться истолковать как призыв к отказу не от идеологии вообще, а от идеологических иллюзий, идеологических мифов. Однако все выступавшие за деидеологизацию сами, как правило, занимались усиленным распространением самых различных идеологических иллюзий. Еще не было завершено разоблачение «социалистических» мифов, как потоком хлынули самые обычные буржуазные мифы, а также множество иных.

Усиленно стали навязываться мифы о извечности частной собственности и эксплуатации человека человеком и одновременно мифы о том, что современный капитализм является обществом без эксплуатации, что капиталисты своим богатством обязаны исключительно лишь собственному труду, что в современном капиталистическом обществе все без исключения являются собственниками, мифы о капитализме как обществе, в котором всем обеспечены равные стартовые возможности, мифы о капитализме как обществе бесклассовом и одновременно мифы о том, что классовое деление нем есть результат наличия у разных людей неодинаковых способностей, о том, что если человек не стал миллионером, то причина только в отсутствии у него достаточного ума, способностей, талантов и т. п.

Особенно бурный характер этот процесс принял после августа 1991 г. Теперь еще ко всему этому добавилось не только одобряемое, но по существу диктуемое сверху навязывание православия, а вместе с ним и мифов о великой и благотворной роли религии и церкви в истории России,

о необычайном почтении, с которым русский народ всегда относился к духовенству и т. п. и т. п. Начался процесс клерикализации страны.

Пока люди, именовавшие себя демократами, шли к власти, они без конца говорили о плюрализме. Как только их представители оказались у власти, мотив начал меняться. В этом отношении особенно характерны статьи уже упоминавшегося выше демократа и одновременно защитника крепостного права и горячего поклонника Пиночета — А. Иванова. Он призывает к суду над идеями марксизма, над коммунистической идеологией. По его твердому убеждению, «главным критерием для государственного служащего должен быть АНТИКОММУНИЗМ (выделено А. Ивановым.— Ю. С.). Человек, уличенный в симпатиях к коммунистической идее, должен немедленно изгоняться»⁵³³.

Много гневных слов было произнесено «демократическими» публицистами в адрес большевиков, которые лишили права преподавать в высших учебных заведениях, а затем выслали за границу Н. А. Бердяева и ряд других философов только за то, что те придерживались иных, чем большевики, взглядов. Но вот А. Иванов категорически настаивает на том, чтобы из институтов были уволены и отправлены на уборку туалетов все философы, придерживающиеся марксистских взглядов⁵³⁴. Первое было, конечно, очень плохо, второе же — бесспорно хорошо. Никакой классовости, никакой партийности здесь, конечно же, нет. Торжествует подход с позиции общечеловеческих ценностей.

Наши современные публицисты, и не только публицисты, независимо от направления, к которому они принадлежат, не видят и не желают видеть принципиального различия между марксизмом и псевдомарксизмом. А оно существует. И эти два явления духовной жизни ожидает различная судьба. Псевдомарксизм, лишившись корней в действительности, рано или поздно с неизбежностью исчезнет. Что же касается марксизма, то он выстоит, ибо он является великим достоянием человеческой мысли, во многом объективно отразившим действительность. Но, конечно, чтобы сохраниться, он должен во многом измениться.

Как известно, марксизм включает в себя три части: философию, теорию капиталистической экономики и концепцию социализма. Марксистская политэкономия капитализма была создана в основном в середине XIX в. С тех пор в экономике капитализма произошли существенные изменения. Жизнь ушла вперед, а теория продолжала оставаться в основном такой, какой она вышла из-под пера К. Маркса. Результатом явилось определенное расхождение между ней и реальным

положением вещей. Экономическая теория марксизма в том виде, в котором она продолжала излагаться, явно устарела. Но это вовсе не значит, что она должна быть полностью отброшена. Многие основные положения, сформулированные К. Марксом, продолжают сохранять свое значение. Это важно подчеркнуть, ибо многие из пишущей братии сейчас категорически заявляют, что К. Маркс вообще не был экономистом, что таковым он считался только в нашей стране в результате указаний сверху, что в экономике он ничего не смыслил и все его груды в этой области не имеют никакого отношения к экономической науке и вообще науке. На этой ниве особенно усердно потрудился некий Е. М. Майбурд — автор трех статей в «Независимой газете», которые поражают гармоничным сочетанием глупости, невероятного невежества и какой-то просто патологической ненависти к Марксу⁵³⁵.

«Чтобы сделать привлекательным "призрак коммунизма“, — заканчивает он последнюю статью, — потребовалось сотворить ужасающий призрак капитализма. Маркс выдумал его — описанный там "капиталистический способ производства“. Поэтому "Капитал“ — не научная монография, это чудовищно гипертрофированная поджигательская листовка».

Все нормальные современные экономисты, в том числе и те, что придерживаются взглядов далеких от марксизма, смотрят на Маркса совсем по-иному. «Маркс, — пишет, например, один из крупнейших экономистов современности В. Леонтьев, — был великим знатоком природы капиталистической системы... Если, перед тем как попытаться дать какое-либо объяснение экономического развития, некто захочет узнать, что в действительности представляют собой прибыль, заработная плата, капиталистическое предприятие, он может получить в трех томах "Капитала“ более реалистическую и качественную информацию из первоисточника, чем та, которую он мог бы найти в десяти последовательных выпусках "Цензов США", в дюжине учебников по современной экономике и даже, осмелюсь сказать, в собрании сочинений Торстена Веблена»⁵³⁶.

Основное ядро экономических построений Маркса остается в силе. Необходимостью является дальнейшее развитие марксистской политэкономии капитализма на основе обобщения данных, накопленных экономической наукой за более чем сотню лет и творческого усвоения достижений этой науки в области теории.

Значительно больше, чем экономическая теория, устарела созданная К.

Марксом и Ф. Энгельсом концепция социализма. Она во многом лишилась теоретического обоснования. Многие противоречия капитализма были преодолены иными способами, чем те, на которые указывали основоположники марксизма. В целом во многом ошибочным оказались их представления о путях социального переустройства капиталистического общества.

Лучше всего обстоит дело с марксистской философией вообще, материалистическим пониманием истории в частности. Все ключевые положения философии марксизма остаются в силе и сейчас. Но это, разумеется, отнюдь не означает, что она не нуждается в дальнейшей разработке на основе обобщения новейших данных науки. Материалистическое понимание истории и сейчас продолжает оставаться наилучшим из ныне существующих подходов к осмыслению фактического материала, имеющегося в распоряжении общественных наук. С этим связан непрерывно растущий интерес к нему среди зарубежных исследователей, особенно среди этнологов и археологов.

И в целом разнузданная кампания против марксизма, которая ведется у нас многими органами печати, вызывает в остальном мире вовсе не ту реакцию, на которую рассчитывали ее вдохновители. Это вынужден был с горечью и раздражением признать и один из самых ярых ненавистников марксизма — А. Иванов. «Встречаясь в разных странах с представителями интеллектуальных кругов, — пишет он, — больше всего поражаешься одному: подавляющее большинство западных интеллектуалов инфицировано различного рода коммунистическими и особенно социалистическими завихрениями. Карл Маркс у них, видите ли, в почете! Все попытки сообщить собеседникам, что Ульянов-Ленин — государственный изменник, путчист, маньяк, вор и убийца, заканчивались одним: лица собеседников каменели и разговор прекращался сам собой»¹. Все нынешние попытки наших доморощенных антимарксистов похоронить марксизм не увенчались успехом, как не привели к желаемому результату все прошлые, предпринятые, кстати, людьми значительно более сведущими в области общественных наук. Обречен на исчезновение отнюдь не марксизм, а лишь псевдомарксизм. И последнее не может не представлять собой явления крайне положительного.

Однако, будучи неминуемым, отмирание псевдомарксизма является довольно длительным процессом, не исключающим возможность его временного возрождения и даже процветания. Псевдомарксизм был системой идеологических мифов, которая навязывалась сверху. Но привиться он смог лишь постольку, поскольку имел почву в самой

действительности. Всякая идеологическая иллюзия является хотя и превратным, но тем не менее отражением социальной реальности. Чтобы идеологическая иллюзия укоренилась, нужны факты, которые могут быть истолкованы как доказательства ее истинности.

Основой иллюзии существования в нашем обществе общенародной собственности было отсутствие персональной и групповой частной собственности на средства производства. Почвой, питавшей иллюзии народовластия и социализма, были такие бесспорные завоевания рабочего класса, как впервые в мире законодательно установленный вначале восьмичасовой, а затем и семичасовой рабочий день, отсутствие безработицы, развитая система социального обеспечения, бесплатное здравоохранение, бесплатное всеобщее образование. Необходимо учитывать также высокую социальную мобильность, включавшую достаточно легкое (особенно в первые годы после революции) социальное возвышение.

В годы НЭПа рабочие России жили значительно лучше, чем в дореволюционное время. Если в 1921 г. заработная плата составляла 33% довоенной, то в последующие годы она начала быстро подниматься и, в конце концов, достигла прежнего уровня. Но нельзя ограничиваться рассмотрением одной лишь зарплаты. Как писал Н. Валентинов (Н. В. Вольский) — давний оппонент В. И. Ленина, который в это время жил в СССР, а затем стал эмигрантом: «Существовал значительный привесок к плате — бесплатные и льготные квартиры, бесплатные коммунальные услуги, льготное топливо и т. д. Существовало нечто более важное — прекрасное социальное законодательство, какого не было ни в довоенной России, ни во многих странах Западной Европы, не знавших, например, двухнедельных отпусков для отдыха. Зарботная плата, измеряемая ценностью одежды и обуви, очень дорогих, была значительно ниже довоенной, но совсем иное положение с продуктами питания. Я утверждаю, что в 1924 и 1925 гг. в годы НЭПа (как и в 1926—1927 гг.) рабочие питались так хорошо, как никогда до этого времени»⁵³⁷. И далее он приводит массу цифр, подтверждающих его утверждение⁵³⁸.

Значительно лучше, чем до революции, жили в годы НЭПа и крестьяне. В 1913 г. валовой урожай в России составил 4670 млн пудов. По расчетам земских статистиков для обеспечения нормального питания крестьян и других внутридеревенских нужд потребно было 4100-4200 млн пудов. Поэтому на внедеревенский рынок село могло поставить лишь 500, самое большое 700 млн пудов. А поставило — 1300 млн пудов, т. е. на 600-

800 млн пудов больше. И сделано это было за счет недоедания деревни, сокращения корма скоту и страховых фондов. Высокая товарность дореволюционного русского сельского хозяйства имела в своей основе хроническое голодание села. Об этом, в частности, достаточно убедительно свидетельствует уже упоминавшаяся книга А. И. Шингарева «Вымирающая деревня» (СПб, 1907).

В 1926/1927 гг. валовой урожай в СССР составлял 4755,9 млн пудов. Но на внедеревенский рынок поступило лишь 590-600 млн пудов. Все остальное осталось в деревне. Русские крестьяне никогда так хорошо не питались, как в годы НЭПа. Если до революции на едока в крестьянской семье приходилось в год не более 16 кг мяса, то в 1926 г. — 32 кг⁵³⁹.

После утверждения политарного строя положение рабочих, не говоря уже о крестьянах, значительно ухудшилось. В ходе и после первого цикла репрессий, знаменовавшего завершение формирования нового строя, началось наступление политаристов на права рабочих. В октябре 1930 г. было принято постановление ЦК ВКП(б), фактически запрещавшее свободное передвижение рабочей силы. Через два месяца последовало еще одно, запрещавшее предприятиям нанимать людей, оставивших свои прежние места без особого разрешения. В январе 1931 г. был принят первый закон, предусматривавший тюремное заключение за нарушение трудовой дисциплины— в то время только для железнодорожников. В марте были введены меры наказания за халатность, после чего вышло постановление об ответственности рабочих за ущерб, нанесенный ими инструментам и материалам.

В 1932 г. все основное продовольственное снабжение было поставлено под прямой контроль директоров предприятий — начала действовать система, похожая на натуральную оплату по результатам труда. В июле 1932 г. утратила силу статья 37 Кодекса о труде 1922 г., согласно которой перевод рабочего с одного предприятия на другое мог быть осуществлен лишь с его согласия. В сентябре были введены паспорта, подлежащие предъявлению рабочими на предприятиях. В целях уменьшения текучести рабочей силы была введена система прописки. Что же касается колхозников, которые паспортов не получили, то они фактически оказались прикрепленными к колхозам. По закону от 15 ноября за невыход на работу полагалось немедленное увольнение, лишение продовольственных карточек и выселение с занимаемой жилплощади. Были резко сокращены различного рода льготы, в частности отпуска по беременности и родам. Была полностью уничтожена сохранявшаяся в течение 20-х годов относительная самостоятельность профсоюзов. Они превратились в

придасток к партийно-государственной машине.

В ходе и после второго цикла репрессий началось новое наступление на права трудящихся. 17 марта 1937 г. был принят закон, запрещавший крестьянам покидать колхозы без подписанного администрацией трудового соглашения. 20 декабря 1938 г. было принято решение о введении трудовых книжек, выдаваемых рабочим и служащим и необходимых для предъявления при переходе на другую работу. Эти книжки были сродни тем, что ввели нацисты в Германии в 1935 г. Постановлением от 8 января 1939 г. любое опоздание на работу более чем на 20 минут приравнивалось к прогулу, а повторное опоздание вело к увольнению.

26 июня 1940 г. был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», предусматривавший значительное увеличение рабочего времени. По этому указу любой случай неоправданного отсутствия на работе подлежал рассмотрению в суде, а нарушителя приговаривали к исправительным работам на рабочем месте сроком до шести месяцев с удержанием при этом до 25% заработка. 19 октября был принят указ «О порядке обязательного перевода инженеров, техников и квалифицированных рабочих с одних учреждений и предприятий в другие».

Все эти меры были отменены лишь после XX съезда КПСС. К началу 80-х годов уровень социального обеспечения не только сравнялся с 20-ми годами, но и превзошел их. Возрос и общий жизненный уровень. К 1985 г. он значительно превышал дореволюционный. И резкое снижение его в 1992-1993 годах не могло не привести к появлению у значительной части населения тоски по прошлому, желанию возврата к нему и его идеализации, а тем самым и к оживлению в массах прежних идеологических иллюзий. Те, кого презрительно именуют красными или чаще красно-коричневыми, совершенно не обязательно выражают интересы бывшей партгосноменклатуры. В этом движении все чаще и чаще находит свое проявление протест против прогрессирующего обнищания широких народных масс.

Возвращаясь к прошлому, нельзя не отметить, что среди задач, которые ставились классом политаристов, были и такие, которые отвечали интересам общества в целом, а тем самым и интересам всех его членов, а не только правящей верхушки. К числу их прежде всего относится индустриализация. Поэтому она и была воспринята многими с энтузиазмом, тем более что массы связывали с ее завершением надежды на

лучшую жизнь. В целом идеи социализма и коммунизма не могли не быть привлекательными для людей, ибо обещали им социальную справедливость и материальное благосостояние. В ожидании светлого будущего люди мирились с трудностями и тяготами жизни. В этом отношении обещание коммунизма играло в жизни масс такую же роль, что и обещание загробного блаженства в христианстве. Поэтому во многом справедливо утверждение, что идеология, которая была названа выше псевдомарксизмом, выполняла в нашем обществе ту же самую функцию, которую в других классовых обществах выполняет религия.

Нынешние руководители России, разумеется, не могут принять псевдомарксизм, тем более способствовать его распространению. Под его знаменем выступает определенная часть их политических противников. Однако они сами нуждаются в идеологии подобного же рода. И в поисках ее они обращаются к старому, привычному способу духовной обработки народных масс — религии. Именно с этим связано их стремление к повсеместному внедрению православия. Однако вряд ли их усилия, направленные на клерикализацию страны, увенчаются успехом. Русский народ перестал быть православным и никогда им снова не станет. Нельзя дважды войти в одну и ту же реку.

5.10. Историческая роль и судьба индустрополитаризма

Сейчас чуть ли не аксиоматическим стало утверждение, что за годы, прошедшие после Октябрьской революции, была разорена богатейшая процветающая страна. Наиболее яркое выражение такой взгляд нашел в работах А. И. Солженицына. «Приходится признать, — пишет он, — весь XX век жестоко проигран нашей страной; достижения, о которых трубили, все — мнимые. Из цветущего состояния мы отброшены в полудикарство. Мы сидим на разорище»⁵⁴⁰. Можно, конечно, понять его ненависть к политаризму, но все же при подходе к любому явлению нужно исходить не из эмоций, а, прежде всего, из фактов.

Конечно, у нас о многом лгали. Если исходить из официальных данных, то с 1929 г. по 1985 г. национальный доход СССР вырос в 50 раз, валовая продукция промышленности в 177 раз, производительность труда в промышленности в 33 раза. В действительности рост был более скромным, но при всем при этом все же немалым. По расчетам одних критически мыслящих экономистов национальный доход страны вырос за указанные годы в 6-7 раз, по подсчетам других — в 17 раз. Промышленная продукция за это время выросла в 38 раз, производительность общественного труда в 11 раз⁵⁴¹.

Больше всего у нас сейчас пишут о сельском хозяйстве, подчеркивая, что Россия до революции вывозила хлеб, а СССР — ввозил. Цифры при этом никогда не приводятся. Лишь из статьи в статью кочует утверждение, что Россия перед войной производила больше зерна, чем США, Канада и Аргентина вместе взятые. Это утверждение содержится и в одном из официальных документов первого «демократического» правительства России. «В период с 1909 по 1913 год, — заявил его глава — И. С. Силаев в докладе на втором (внеочередном) съезде народных депутатов РСФСР, — русское производство главнейших видов зерновых превышало на 28% продукцию Аргентины, Канады и Америки, ведущих производителей зерна, вместе взятых»⁵⁴².

Все это чистейшей воды неправда. Достаточно обратиться к справочникам, причем изданным до революции, чтобы убедиться, что в 1908-1912 гг. Россия производила 1 331 665 тыс. пудов пшеницы, а США — 1 195 978 тыс. пудов, Канада — 341 472, Аргентина — 329 4964⁵⁴³. Если же

взять все зерновые культуры, то в эти годы Россия производила 4 732 218 тыс. пудов, США — 7 713 776. Таким образом, одни лишь США производили зерна на 2 981 544 тыс. пудов больше, чем Россия⁵⁴⁴. Но широкой публике все это остается неизвестным.

В целом в результате такой массированной обработки у читающих, и не только у них, а также слушающих радио и смотрящих телевизор, неизбежно создается впечатление, что в СССР даже в последние годы его существования производилось продовольствия вообще, хлеба в первую очередь, меньше, чем в дореволюционной России, если не в общем объеме, то, по крайней мере, в расчете на душу населения. В действительности, в России в 1913 г. было собрано 86,0 млн тонн зерна, в СССР в 1985 г. — 210,1 млн тонн, мяса произведено в 1913 г. 5,0 млн тонн, в 1985 г. — 19,3 млн тонн, в 1988 г. — 19,3 млн тонн. Если принять продукцию сельского хозяйства в расчете на одного жителя в 1913 г. за 100%, то в 1985 г. она равнялась 221%, т. е. выросла за эти годы в 2,2 раза, а в 1988 г. — 226%⁵⁴⁵.

Можно спорить о том, не мог бы рост производства за эти годы быть большим, если бы в России восторжествовал бы капитализм, но несомненно, что политарные отношения, по крайней мере на первых порах обеспечили достаточно быстрое развитие производительных сил. Сейчас много говорят о необычайно быстрых темпах промышленного развития России в предреволюционные годы. Но обратимся к статистике.

За 13 лет (1900-1913 гг.) ежегодное производство чугуна и стали выросло меньше чем в 2 раза, угля — больше чем в 2 раза, нефти — практически не изменилось. За 12 лет (1928-1940 гг.) годовое производство чугуна и стали увеличилось в 4 раза, угля — почти в 5 раз, нефти — почти в 3 раза⁵⁴⁶.

За считанные годы Россия из отсталой, в основном аграрной страны превратилась в одну из самых мощных индустриальных держав мира. Это обеспечило СССР в последующем положение одной из двух сверхдержав.

Огромные сдвиги произошли в культуре. Сейчас некоторые люди пытаются изобразить дореволюционную Россию как страну чуть ли не сплошной грамотности⁵⁴⁷. Но если обратиться к дореволюционным справочникам, то можно легко убедиться в том, что грамотные в Российской империи даже к концу первого десятилетия XX в. составляли всего лишь 21,1% населения⁵⁴⁸.

Однако возможности политарной системы были крайне ограничены. Она не могла обеспечить интенсификацию производства, внедрение результатов НТР. Примерно с 50-х годов темпы экономического развития

страны стали непрерывно уменьшаться, пока к 1985 г. не упали почти до нуля. Это свидетельствовало о том, что политарные производственные отношения превратились в тормоз на пути развития производительных сил. Непрерывно нарастал кризис экономики и всего общества. Объективной необходимостью стала ликвидация ставшей совершенно неэффективной политарной системы. И она с неизбежностью началась. Именно в этом заключается сущность процесса, начальный этап которого получил название перестройки.

Первоначально индустрополитаризм утвердился лишь в СССР. Но эта страна занимало одну шестую всей земной суши. Поэтому утверждение индустрополитаризма в ней было равносильно началу формирования новой мировой системы, противостоящей капиталистической. Начался раскол мира.

Революция в России не была изолированным явлением. Как уже указывалось, с переходом к XX в. началась эпоха революций в странах отстававших в своем развитии от Запада и в большинстве своем либо бывших колониями западных держав, либо находившихся в зависимости от них. На это обратил в свое время особое внимание В. И. Ленин. «...Целый ряд стран, — писал он в своей последней статье, — Восток, Индия, Китай и т. п., в силу именно последней империалистической войны, оказались окончательно выбитыми из своей колеи. Их развитие направилось окончательно по общеевропейскому капиталистическому пути. В них началось общеевропейское брожение. И для всего мира ясно теперь, что они втянулись в такое развитие, которое не может ни привести к кризису всего всемирного капитализма»⁵⁴⁹. «А Восток, — продолжал он, — ...пришел окончательно в революционное движение именно в силу этой первой империалистической войны, окончательно втянулся в общий круговорот всемирного революционного движения»⁵⁵⁰.

И В. И. Ленин был убежден, что конечным результатом этого движения будет установление того же самого общественного строя, который, по его мнению, создается в России, т. е. социализма. «Исход борьбы, — указывал он, — зависит, в конечном счете, от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть и тени сомнения в том, что каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена»⁵⁵¹.

Но в России, как мы уже видели, возник вовсе не социализм, а индустрополитаризм. И такого рода строй действительно утвердился в ряде стран Востока: Китае, Вьетнаме, Северной Корее, Лаосе, Камбодже. Этому в немалой степени способствовало то обстоятельство, что некоторые из этих обществ к моменту революции во многом продолжали оставаться агрополитарными. Да и порядки в ряде их после победы революции были не столько индустрополитарными, сколько агрополитарными. Но произошло все это не в 20-30-х годах, а в более позднее время, не после Первой, а после Второй мировой войны.

Параллельно с этим шло утверждение индустрополитаризма в странах Восточной Европы. Теперь принято считать, что «социалистические» порядки в этих странах были насильственно насаждены Советским Союзом. Доля истины в этом, несомненно, имеется. В таких странах, как, например, Венгрия, индустрополитаризм не утвердился бы без мощного воздействия извне. Но в Югославии этот строй был обязан своим возникновением почти целиком действию внутренних сил. И в Чехословакии в феврале 1948 года совсем не было советских войск, что нисколько не помешало коммунистам прийти к власти. Да и в Венгрии были значительные силы, выступавшие, конечно же, не за политаризм, а за социализм. И присутствие советских войск помогло им нанести поражение своим противникам и захватить власть.

После второй мировой войны окончательно сложилась политарная мировая система. Завершился раскол мира. В нем впервые в истории человечества стали существовать две мировые системы, каждая из которых претендовала на ведущую роль. Это противостояние в условиях, когда противоборствующие стороны обладали ядерным оружием, поставило человечество на край гибели.

Но существование противостоящей мировой капиталистической системе вначале одной, но достаточно могущественной страны, а затем целой системы таких стран оказало и огромное позитивное воздействие на ход мировой истории. Оно в числе других причин сделало необходимым коренную перестройку капиталистического общества, причем в определенном направлении. Уже в 1919 г. представители капиталистических стран заключили в Вашингтоне международное соглашение о введении восьмичасового рабочего дня. Правда, оно не было ратифицировано многими буржуазными странами, но первый шаг был сделан. Существование политарного лагеря обеспечило быструю и сравнительно безболезненную ликвидацию колониальной системы капитализма. Одни освободившиеся страны встали на путь

капиталистического развития, другие — на путь некапиталистического развития, который неизбежно вел их к политаризму. Для утверждения политаризма вовсе не требовалось, чтобы руководящие силы этих стран приняли марксистскую, точнее псевдомарксистскую, идеологию. Политаризм воцарился, например, в Мьянме (Бирме), руководство которой всегда отвергало марксизм.

Советский Союз и политарный лагерь в целом всемерно поддерживал все возникающие в мире революционные движения. Но отнюдь не создавал, не инспирировал их, как сейчас нередко, причем очень гневно, утверждает в нашей печати. Вот образец такой филиппики: «Сальвадор стал последней политической провокацией бывшего Союза в Латинской Америке, последним из советских экспериментов в области "экспорта революции", которыми СССР буквально истерзал латиноамериканский континент»⁵⁵². Автор не очень силен в географии, о чем свидетельствует введение им понятия «латиноамериканский континент». Как известно, страны, относящиеся к Латинской Америке, расположены на двух континентах. Но это не существенно. Важно то, что в приведенном выше заявлении автора правды нисколько не больше, чем в бесконечном числе статей и книг, в которых на все лады утверждалось, что и события 1956 г. в Венгрии, и «пражская весна» 1968 г., и массовое движение в Польше в 1980-1981 гг. были результатами происков американского империализма вообще, ЦРУ в частности⁵⁵³.

Индустрополитаризм в СССР в короткие исторические сроки обеспечил индустриализацию страны, ликвидацию неграмотности, развитие образования и науки. Были времена, когда советская наука и техника вырывались вперед, оттесняя признанного лидера в этих областях — США. СССР был главной силой в коалиции держав, сокрушившей фашизм. Существование вначале одного лишь СССР, а затем и политарного лагеря способствовало значительному улучшению положения народных масс в государствах развитого капитализма и победе национально-освободительных движений народов колоний и зависимых стран.

Если при этом принять во внимание, что индустрополитаризм выдавал себя за социализм, что он провозглашал лозунги свободы, всеобщего равенства и социальной справедливости, то станет понятным, почему этот общественный строй в глазах огромного числа людей выступал как цель, к которой нужно стремиться.

И даже многие из тех, кто был критически настроен по отношению к советскому общественному строю, выдвигали и обосновывали идею

конвергенции этой общественной системы и капиталистической, идею создания общества нового типа, в котором были бы соединены все достоинства этих двух систем и устранены присущие им недостатки.

Теперь все это позади. Но это, тем не менее, действительно было. «И в самом деле, сегодня, в конце XX века, — писал З. Бжезинский в книге "Большой провал. Агония коммунизма", — кажется невероятным, что советскую модель когда-то считали привлекательной и достойной подражания. Это недоумение — мера того, как низко пало значение советского опыта в глазах общественности всего мира. И однако же были времена, когда советская модель вызывала восторг, восхищение и даже желание подражать ей. Следовательно, уместно задаться вопросом: как это случилось и почему?»⁵⁵⁴

Ответ довольно прост: к настоящему времени индустриализма в том его виде, в котором он существовал в СССР, исчерпал свои возможности. Что же касается вопроса о том, что должно прийти ему на смену, то это — тема уже другой работы.

Май 1991 г., март 1993 г.

Очерк 6

**Проблема исторического пути Руси-России
(Размышления над трудом В. И.
Сергеевича «Древности русского права»)**

6.1. В. И. Сергеевич и его труд «Древности русского права»

Василий Иванович Сергеевич (1832-1910), бесспорно, самый крупный и яркий представитель влиятельного в свое время направления в русской исторической науке, которое принято называть историко-юридическим.

Им было написано множество научных работ, посвященных различным темам. Но главное, чем он всегда занимался, — история социального строя Руси-России до начала реформ Петра Великого. В 1883 г. он свел результаты своих научных изысканий в знаменитых «Лекциях и исследованиях по истории русского права». В 1894 г. появились новый его учебный курс «Лекции и исследования по древней истории русского права», выдержавший три переиздания (1898; 1903; 1910).

Но на этих трудах В. И. Сергеевич не остановился. В 1890 г. вышел первый том его «Русских юридических древностей» — «Территория и население» (517 с.), в 1893 г. первый выпуск второго тома — «Власти. Князь и вече» (С. 1-336), в 1896 г. второй выпуск этого же тома — «Власти. Советники князя» (С. 337-618). В 1900 г. было опубликовано второе, дополненное и доработанное, издание второго тома «Русских юридических древностей» — «Князь и вече; Советники князя» (618 с.), в 1902 г. — дополненное и переработанное второе издание первого тома «Русских юридических древностей» — «Территория и население» (555 с.).

С сентября 1900 г. по декабрь 1902 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» печатались статьи В. И. Сергеевича, которые вместе взятые составили вышедший в 1903 г. третий том рассматриваемого обширного труда, который получил новое общее название — с третьего тома он стал называться не «Русские юридические древности», а «Древности русского права». Сам же третий том труда носил название «Землевладение. Тягло. Порядок обложения» (496 с.).

В 1908 г. вышло третье доработанное и дополненное издание второго тома, на этот раз уже не «Русских юридических древностей», а «Древностей русского права», в следующем, 1909 г., третье тоже доработанное и дополненное издание первого тома труда. Уже после смерти В. И. Сергеевича в 1911 г. появилось второе издание третьего тома «Древностей русского права» — «Землевладение. Тягло. Порядок обложения» (496 с.), которое было точным воспроизведением первого издания (1903).

Для последних десяти-двадцати лет характерен настоящий бум переизданий трудов историков, живших и работавших в дореволюционной России. Издаются работы не только С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, которых не обходили вниманием и в советское время, но и Н. М. Карамзина, Н. И. Костомарова, Б. И. Чичерина, Д. И. Иловайского. Н. П. Павлова-Сильванского, С. Ф. Платонова, М. К. Любавского, А. Е. Преснякова и многих других исследователей. Переиздаются даже и такие работы, которые к нашему времени почти полностью утратили научную ценность.

Но труды основных представителей историко-правового направления долгое время не привлек издателей: вышли лишь работа В. Ф. Владимирского-Буданова «Обзор истории русского права» (Ростов-на-Дону, 1995) и два тома «Адатов Кавказских горцев», опубликованных в 1882-1883 гг. под редакцией Ф. И. Леонтовича (Нальчик, 2002). Сдвиги наметились только в самые последние годы: в Москве были переизданы «Лекции и исследования по древней истории русского права» (2004) и дважды «Древности русского права» (2006; 2007) В. И. Сергеевича, а также «Обзор истории русского права» (2005) В. Ф. Владимирского-Буданова. И все же несмотря на вышедшую в 1998 г. книгу Н. В. Иллерицкой «Историко-юридическое направление в русской историографии второй половины XIX века» труды И. Е. Андреевского, Ф. И. Леонтовича, М. Ф. Владимирского-Буданова, А. Д. Градовского и В. И. Сергеевича не только мало известны широкой научной общественности, но и явно недооцениваются и специалистами по отечественной истории.

Что касается широкой общественности, то работы указанных авторов вряд ли могут рассчитывать на ее внимание, ибо в них нет описания событий русской истории, что лишает их занимательности. Если же говорить о специалистах, то многие из них рассматривали, да и сейчас продолжают рассматривать труды представителей историко-правового направления как такие, которые посвящены не истории Руси-России в целом, а лишь одной, причем далеко не самой главной, составляющей этого процесса.

А между тем такой взгляд совершенно ошибочен, что особенно наглядно можно видеть на примере главной работы В. И. Сергеевича «Древности русского права» («Русские юридические древности»). В ней дается целостная история Руси-России, начиная с возникновения классового общества и государства и кончая XVII в. Как хорошо подметил еще Н. Л. Рубинштейн: «История права у Сергеевича превратилась в своеобразную историю России и стала для него источником разрешения

всех вопросов общей истории»⁵⁵⁵. Но только это история не событий, а эволюции социальных структур, история социального строя Руси-России, т. е. стержня русской истории. В работе исследуется возникновение и развитие политической структуры русского общества, его государственного строя. Конечно, в ней дается картина развития русских правовых, юридических отношений. Но самое, на мой взгляд, главное, в ней рисуется картина эволюции социально-экономических отношений, а тем дается и ключ к пониманию всей русской истории.

Это положение может вызвать недоумение. Ведь в советской историографии В. И. Сергеевича неоднократно упрекали в формально-юридической трактовке истории, в сведении ее к истории государства и права⁵⁵⁶. Основание: в его трудах речь идет только о власти и праве. В них нет даже упоминания об экономике, вообще полностью отсутствует понятие социально-экономических отношений. А между тем уже в то время значительная часть русских историков, включая и ряд специалистов по отечественной истории, примкнула к т. н. историко-экономическому направлению (И. В. Луцицкий, П. Г. Виноградов, Д. М. Петрушевский, В. К. Пискорский, М. В. Довнар-Запольский, Н. А. Рожков, А. Н. Савин и др.)⁵⁵⁷. Интерес к изучению экономики отчетливо прослеживается в трудах Н. Я. Аристова, А. И. Никитского, В. О. Ключевского. На этом фоне В. И. Сергеевич предстает чуть ли не ретроградом. Этим объясняется и почти полное отсутствие интереса к его трудам у историков, придерживавшихся материалистического понимания истории. Для них он был почти чистым идеалистом.

Внешне все это обстоит действительно так. И, тем не менее, В. И. Сергеевич, причем сам того сколько-нибудь четко не осознавая, нарисовал достаточно детальную картину статики и динамики социально-экономического строя Руси-России IX-XVII вв. Чтобы понять, как это могло произойти, нужно обратиться к анализу понятия «собственность» и соответственно «отношений собственности».

6.2. Качественное отличие докапиталистических социально-экономических отношений от капиталистических

Никто не будет спорить с тем, что отношения собственности понимаются, прежде всего, как отношения правовые, юридические. Но при этом часто забывают, что, кроме волевых, правовых отношений собственности, имеется еще один вид этих отношений — материальные, экономические отношения собственности, которые существуют как отношения распределения и обмена материальных благ. Правовые и экономические отношения собственности находятся в неразрывном единстве. Волевые отношения собственности, которые принято именовать также еще и имущественными отношениями, всегда производны от материальных отношений собственности. Материальные отношения всегда проявляются и закрепляются в волевых отношениях собственности. Единство волевых и материальных отношений собственности наглядно проявляется в бытии ячеек собственности, которые являются узлами в сети одновременно и волевых, и материальных отношений собственности⁵⁵⁸.

Экономические отношения существовали всегда, на всех этапах развития человеческого общества. Но долгое время их не замечали и не изучали. Их стали исследовать лишь начиная с XVI в. Только в это время начала зарождаться особая наука об экономических отношениях — политическая экономия. Связано это было со становлением капиталистических социально-экономических отношений. Капиталистические экономические отношения были первыми, которые были замечены и стали объектом специального исследования. И это неслучайно.

Суть дела в том, что система капиталистических экономических связей — единственная экономическая система, которая прямо, непосредственно определяет волю отдельных конкретных людей, а тем самым их действия, их поведение, по меньшей мере, в той сфере общественной жизни, которую принято именовать экономической.

Капиталистическое общество было первым в истории человечества индустриальным обществом. В нем ведущая роль принадлежит не сельскохозяйственному производству, а обрабатывающей промышленности. Как следствие, для него характерно существование

необычайного широкого общественного разделения труда. Каждая вещь в таком обществе есть продукт труда не отдельного работника, а множества производителей, занятых в разных отраслях производства.

Но производство каждого конкретного продукта всегда происходит в одной из множества хозяйственных ячеек, каждая из которых является при капитализме ячейкой частной собственности. Поэтому необходимым условием функционирования общественного производства в таком обществе является непрерывная циркуляция средств производства между хозяйственными ячейками и соответственно постоянная координация их производственной деятельности.

При капитализме это осуществляется посредством рынка. Все продукты, покидающие хозяйственную ячейку, в которой они были созданы, принимают форму товаров. Соответственно непрерывная циркуляция продуктов труда между хозяйственными ячейками облекается в форму обмена товарами, приобретает форму товарного обращения.

Каждый товар имеет не только потребительную ценность, но и стоимость, которая выражается в цене. Цена товара зависит не только от его стоимости, но и от спроса и предложения. Когда данного продукта произведено больше, чем нужно, цена на него падает, производить его становится невыгодным и производство его сокращается или даже совсем прекращается. Если данного продукта производится меньше, чем необходимо, цена на него поднимается и производить его становится выгодным. Соответственно производство его растет. Так рынок осуществляет координацию производственной деятельности хозяйственных ячеек.

Цель капиталистического производства — получение максимально возможной прибыли. Продукт создается для продажи и только для продажи. Каждый капиталист выходит на рынок со своим товаром. Цена на него устанавливается рынком. Цены на рынке все время колеблются, причем независимо от воли и сознания продавцов и покупателей. Капиталист с неизбежностью сталкивается на рынке с конкурентами, предлагающими такой же товар. Чтобы победить соперников, капиталист должен либо продавать по той же цене, что и они, товар более высокого качества, либо предлагать товар того же самого качества, но по более низкой цене. Не существует объективный предел снижения цены — издержки производства. Продавать товар по цене, равной издержкам производства, тем более не окупающей издержек производства, капиталист не может. Он в таком случае с неизбежностью разорится.

Чтобы продавать товар по более низкой цене, чем конкуренты, и в то

же время получить прибыль, капиталист должен снизить издержки производства. Один из важнейших способов достижения такой цели — внедрение более совершенной техники и технологии. Но когда он подобным образом добивается снижения издержек производства и наносит поражение конкурентам, у последних не остается никакого другого выхода, кроме как заняться тем же самым. В противном случае они с неизбежностью разорятся. Так рынок диктует капиталистам стратегию и тактику действия.

Капиталист, чтобы выжить, должен непрерывно вести самый точный расчет. Прежде чем заняться производством того или того продукта, он должен прикинуть, во сколько обойдется ему производство этого товара, найдет ли этот товар сбыт, много ли у него будет конкурентов, как будет складываться рыночная конъюнктура к тому времени, когда его товар поступит в продажу. Каждый капиталист есть не только продавец, но и покупатель. Как продавец он стремится продать по возможно большей цене, как покупатель — купить товар дешевле, но при том по возможности лучшего качества. Необходимостью для него является самое точное калькулирование издержек производства, соотношение цены и качества и т. п. и т. д.

Каждый капиталист стремится к наиболее экономному расходованию имеющихся у него средств, к наиболее эффективному хозяйствованию, к извлечению максимально возможной прибыли при минимально возможных расходах. Все это вместе с целым рядом других моментов дало крупному немецкому социологу М. Веберу основание охарактеризовать капиталистическое общество как общество рационалистическое и противопоставить ему докапиталистические общества как общества традиционные.

Капиталистическое общество возникло одновременно как общество индустриальное и общество рыночное. Рынок возник задолго до капитализма. Рынки встречаются даже в предклассовом обществе, не говоря уже о докапиталистических классовых обществах. Рынки были на Древнем Востоке и в античном мире. Но даже в античном обществе в пору его расцвета, когда товарно-денежные отношения достигли небывалой для древности степени развития, рынок играл в экономике периферийную роль. До капитализма существовали экономики с рынком, но никогда и нигде не было рыночной экономики.

Капиталистическая экономика — первая в истории человечества рыночная экономика. При капитализме рынок не просто существует и действует. Он является регулятором общественного производства. Рынок

при капитализме есть общественная форма, в которой осуществляется процесс производства.

При капитализме все экономические отношения в обществе выступили в форме рыночных, товарно-денежных. И люди в большей степени начали осознавать, что эти отношения существуют независимо от воли и сознания людей, являются отношениями объективными. Рынок представляет собой объективную систему отношений, функционирующую по объективным законам. И когда рынок возник, людям ничего другого не оставалось, по крайней мере в экономической сфере, как приспособливаться к этой объективной реальности. Рынок не просто существует и действует независимо от сознания людей. Он выступает как объективная сила, заставляющая людей действовать именно так, а не иначе. Он определяет сознание и волю людей, формирует у них определенные мотивы, стимулирует их деятельность, заставляет людей поступать именно так, а не иначе. И это относится не только к капиталистам.

Человек, чтобы жить, должен удовлетворять, по меньшей мере, хотя бы такие свои нужды, как, например, потребности в пище и одежде. В капиталистическом обществе единственный способ получить пищу и одежду — купить их на рынке за деньги. Чтобы иметь деньги, нужно что-то продать. Капиталист продает товары, созданные на его предприятии с помощью принадлежащих ему средств производства. Человек, не имеющий средств производства, может продать только одно — свою рабочую силу. Поэтому ему не остается ничего другого, кроме как искать покупателя этой силы, т. е. стать наемным работником на предприятии капиталиста.

Разумеется, он стремится продать свою рабочую силу по возможности дороже. Капиталист же старается купить ее по возможности дешевле. И когда работник получил заработную плату, он должен рассчитать, как максимально эффективно ее потратить. И перед ним встает проблема наиболее экономного расходования имеющихся средств, но только в отличие от капиталиста в форме вопроса о том, как протянуть от получки до получки.

Система рыночных отношений всегда выступает перед людьми, живущими в капиталистическом обществе, как объективная сила. Но особенно наглядно это проявляется во время экономических и финансовых кризисов. Перед этими катастрофами люди столь же беспомощны, как и перед природными бедствиями. Они не могут их отвратить и становятся их жертвами.

Конечно, и при капитализме существует право, существуют волевые отношения собственности. И при капитализме экономические отношения

собственности проявляются в правовых отношениях собственности. Каждое действие по обмену, каждая купля-продажа является правовым актом — сделкой, которая регулируется законами государства. Однако не право заставляет людей продавать и покупать, не право вынуждает человека наниматься на работу к капиталисту. Действовать так заставляет рынок.

При капитализме в идеале в экономической сфере не существует внеэкономического принуждения. Капиталистическая экономика для своего функционирования в нем не нуждается. И роль права как внеэкономической силы заключается в том, чтобы не допустить в этой области действия внеэкономического принуждения. Не право определяет, каким должен быть рынок. Наоборот, рынок определяет, каким является право.

Общепризнанно, что для капитализма характерно экономическое принуждение. Но далеко не все делают из этого соответствующие выводы. Ведь бытие экономического принуждения означает, что система экономических отношений выступает как явление, существующее независимо от сознания и воли людей, живущих в этой системе, и прямо, непосредственно заставляющее, принуждающее этих людей действовать именно так, а не иначе, т. е. определяющее их сознание и их волю. И люди, живущие под диктатом экономических отношений, рано или поздно с неизбежностью должны осознать вначале практически, а затем и теоретически существование этих отношений и их объективность, т. е. их независимость от человеческого сознания и человеческой воли.

То обстоятельство, что теория экономики возникла первоначально как теория исключительно капиталистической экономической системы, во многом препятствовало пониманию всех прочих экономических систем. Слишком велик был соблазн строить их концептуальную картину, исходя из всего того, что было известно о капиталистической экономике. Обращаясь к изучению докапиталистических социально-экономических отношений, исследователи заранее исходили из того, что, хотя эти отношения по типу и отличаются от капиталистических, принадлежат к нескольким типам, иным, чем капиталистический, но определяют они волю и действия людей точно таким же образом, как и капиталистические, что механизм их действия таков же, что и механизм действия капиталистических отношений.

В действительности все обстояло иначе. Докапиталистические социально-экономические отношения отличались от капиталистических экономических связей не только тем, что были отношениями иных типов.

Они, и это крайне важно учитывать, определяли волю и поведение людей иным способом, чем капиталистические. Если капиталистические экономические связи определяли волю и поведение отдельных конкретных людей прямо, непосредственно, то докапиталистические отношения — через массу посредствующих, промежуточных звеньев.

На стадии раннепервобытного (первобытно-коммунистического) общества таким звеном была, например, мораль. На этом этапе действовал принцип: от каждого — по способностям, каждому — соответственно его потребностям. Все члены первобытного коллектива делили весь полученный продукт (прежде всего, пищу) между собой и делились им друг с другом. И если спросить, почему они так делали, то ответ будет самым простым: так диктует мораль. Важнейшей нормой первобытной морали было обращенное к каждому члену первобытного коллектива требование делиться добытым продуктом (прежде всего пищей) со всеми другими его членами. Это требование было столь само собой разумеющимся, что ни одному человеку даже не могло прийти в голову не посчитаться с ним. Таким образом, поведение людей в сфере распределения продукта определялось моралью, т. е. силой совсем не экономической. Здесь действовало не экономическое, а моральное, т. е. явно внеэкономическое, принуждение.

В XX в. в пределах этнологии (на Западе ее принято именовать социальной, или социокультурной, антропологией) выделилась особая научная дисциплина, которая специализировалась на изучении социально-экономических отношений первобытного общества. На Западе, где она в 60-70-е годы XX в. достигла высокого уровня развития, ее стали называть экономической антропологией, у нас — экономической этнологией. Приступив к детальному исследованию первобытных социально-экономических отношений, специалисты сразу же столкнулись с описанной выше ситуацией и попытались ее как-то теоретически осмыслить.

В результате они пришли к выводу, что лишь при капитализме существуют специфические экономические отношения, образующие в обществе особую систему со своими особыми законами, лишь при капитализме существует общественная сфера, которую можно охарактеризовать как экономическую. В первобытном обществе никаких особых экономических отношений нет. Их роль выполняют, прежде всего, моральные отношения. А если учесть, что требование делиться продуктом действует лишь в пределах определенного круга родственников, что побуждать людей к дележу и обмену продукта способны также и определенные религиозные представления, то в роли экономических

отношений могут выступать также родственные, религиозные и прочие заведомо неэкономические отношения.

Если обратиться к некапиталистическим цивилизованным обществам, то там в качестве сил, которые заставляют людей именно так, а не иначе распределять продукт и обмениваться им, выступают право, государство, религиозные институты и т. п. Таким образом, в цивилизованных докапиталистических обществах тоже нет особых экономических отношений, нет особой экономической сферы. В них в роли экономических отношений тоже выступают неэкономические связи: правовые, политические, религиозные. Такой взгляд отстаивали, в частности, все последователи того направления в экономической антропологии, которое получило название субстантивизма (К. Поланьи, Дж. Дальтон, М. Салинз и др.), хотя они и не всегда проводили его до конца последовательно⁵⁵⁹.

Бесспорно, что в раннем первобытном обществе мораль была той силой, которая заставляла людей делиться продуктом. Но у внимательного наблюдателя сразу же возникает вопрос, почему раннепервобытная мораль была именно такой, а не иной, почему она требовала дележа продукта. И ответ может быть только один: потому, что в раннепервобытном обществе все средства производства и соответственно весь продукт находился в общей собственности коллектива. И эти отношения общей собственности на продукт могли проявляться только в его распределении между всеми членами коллектива в соответствии с их потребностям. Иначе говоря, основой коллективистской морали были коллективистские, коммуналистические экономические отношения собственности, проявлявшиеся в коллективистских, коммуналистических отношениях распределения. Первобытная мораль уходила своими корнями в первобытную экономику.

В свою очередь существование именно таких, а не иных социальноэкономических отношений было обусловлено объемом создаваемого обществом продукта, т. е. уровнем развития производительных сил общества. В условиях, когда весь или почти весь общественный продукт был жизнеобеспечивающим, а избыточного продукта либо совсем не было, либо он был минимальным, никакой другой формы распределения продукта, кроме как распределения по потребностям, коммуналистического, существовать не могло⁵⁶⁰.

Существование в ту эпоху именно таких, а не иных экономических отношений ни в малейшей степени не зависело от сознания и воли людей. Наоборот, сознание и воля людей определялись характером этих

отношений. В этом смысле коммуналистические социально-экономические отношения (и не только коммуналистические, а все вообще социально-экономические отношения) были связями материальными. И эти материальные экономические отношения собственности проявлялись и закреплялись в волевых отношениях собственности, которые в данном случае были моральными отношениями.

Таким образом, и в раннепервобытном обществе, как и в капиталистическом, существовали, вопреки мнению субстантивистов, особые экономические отношения, которые образовывали базис общества. Но эти социально-экономические отношения, в отличие от капиталистических, определяли волю и действия людей в сфере распределения материальных благ не прямо, не непосредственно, а через одну из форм социальной воли — мораль, что и создавало иллюзию отсутствия экономических связей. В раннепервобытном обществе в сфере распределения материальных благ действовало только внеэкономическое принуждение. Экономического принуждения не было. И если понимать под сферой экономической жизни область, где действует экономическое принуждение, то таковой в раннепервобытном обществе действительно не было. Но если понимать под областью экономической жизни сферу распределения (а затем и обмена) материальных благ, то в таком смысле она, несомненно, существовала. Но она не была сколько-нибудь резко обособлена от других областей общественной жизни, как это имеет место при капитализме.

В принципе так же обстояло дело и в докапиталистических классовых обществах. Нельзя сказать, что в них полностью отсутствовало экономическое принуждение. Но оно никогда не было главным фактором. Во всех докапиталистических обществах (как в первобытном, так и в классовых) ведущую роль играло внеэкономическое принуждение. Экономические отношения детерминировали волю и поведение людей в сфере распределения и обмена общественного продукта через внеэкономические силы: мораль, обычное (выражавшееся и закрепленное в обычаях) право, легитимное (закрепленное в государственных законах) право, политику, государство и т. п. Поэтому в отношении докапиталистических обществ следует говорить не только и не просто о проявлении экономических отношений собственности в волевых отношениях собственности, а о воплощении экономических отношений собственности в волевых отношениях собственности. В этих обществах экономические отношения собственности могут воплощаться и воплощаются в самых различных волевых отношениях, причем не только в

моральных и правовых, но и в политических и религиозных связях.

Докапиталистические экономические отношения собственности густо оплетены плотным покровом различного рода волевых отношений собственности. Именно поэтому экономические отношения как особая форма социальных связей долгое время не могли быть открыты. Обращаясь к докапиталистическим обществам, не только рядовые люди, но и исследователи видели лишь волевые отношения собственности, не замечая скрытых за ними экономических отношений собственности. Капиталистические экономические отношения было первыми, которые прорвали покров волевых отношений собственности, выступили как нечто самостоятельное, качественно отличное от волевых отношений собственности. Это и обусловило их открытие, а тем самым проложило путь к обнаружению всех вообще экономических отношений.

В капиталистических обществах изучение правовых отношений собственности мало что дает для понимания природы экономических отношений собственности. Капиталистические экономические связи можно и нужно исследовать как таковые, отвлекаясь от юридических отношений. Иное дело — докапиталистические экономические отношения собственности. Путь к их познанию с неизбежностью пролегает через исследование волевых отношений собственности. Чтобы познать докапиталистические экономические отношения собственности, нужно детально исследовать волевые отношения собственности, в которых они воплощены. А с другой стороны, когда ученые исследуют волевые, прежде всего правовые, отношения собственности докапиталистических классовых обществ, то они тем самым, даже когда они не ставят перед собой такой цели и не осознают этого, добывают знание и о скрытых в этих связях экономических отношениях. Все этой в полной мере относится к трудам В. И. Сергеевича.

6.3. В. И. Сергеевич о переломе в историческом развитии Руси-России во второй половине XV в. - XVI в.

Базируясь на огромном материале, В. И. Сергеевич убедительно показал, что в истории Руси-России от Олега до Петра Великого имел место крутой перелом, приходящийся на вторую половину XV в. — XVI в. В эти годы произошло преобразование всего социального строя. Изменились и социально-экономические отношения, и организация государственной власти.

О резком переломе в социальном строе Руси-России, окончательно завершившемся к концу XVI в., писали и другие историки. По мнению С. М. Соловьева, в Древней Руси между членами княжеской семьи господствовали «родовые отношения». Затем начался «переход родовых отношений между князьями в государственные», который закончился в царствование Ивана IV Грозного⁵⁶¹.

Эти положения С. М. Соловьева нередко истолковываются неверно. Ему приписывают взгляд, согласно которому в Древней Руси господствовал родовой строй и не было государства⁵⁶². И в результате упрекают в том, что его схема противоречит исторической действительности. «В рассматриваемый Соловьевым период, — писал, например, Н. Л. Рубинштейн, — родовые отношения уже сменились территориально-племенной организацией, русские земли переходили к системе государственных отношений феодального общества. Схема заслоняла от него эти явления»⁵⁶³. В действительности же С. М. Соловьев говорил о господстве родовых отношений не в древнерусском обществе, а между членами княжеской семьи, что далеко не одно и то же. И он отнюдь не считал, что государство в России утвердилось лишь с Иваном IV. С. М. Соловьев, выделяя названные этапы, имел в виду нечто совсем иное, для адекватного выражения чего в исторической науке не только того, но и нашего времени нет понятий.

В. И. Сергеевич дал значительно более глубокую картину перемен, завершившихся к концу XVI в., но и он не нашел адекватных терминов для обозначения социального строя Руси-России ни до этого переворота, ни после него. Единственно, на чем он категорически настаивал, что в Руси-России никогда не было феодализма, ни до указанного перелома, ни после

него. И в этом он был прав.

Как мне неоднократно пришлось отмечать, одна из бед большинства историков, причем не только дореволюционных российских и советских, но и западных, состояла в том, что они исходили из допущения существования в истории человечества только трех форм эксплуатации человека человеком: рабовладельческой, феодальной и капиталистической. А между тем это положение неверно. Существовали и иные способы эксплуатации человека человеком. И все они совершенно отчетливо обнаружили себя еще на стадии общества, переходного от первобытного к цивилизованному, классовому, которое сейчас принято называть предклассовым обществом. Именно к рассмотрению этого общества я и обращаюсь. Это тем более необходимо, что общество Древней Руси непосредственно возникло из предшествующего ему *предклассового* общества. И понять социальный, прежде всего, социально-экономический строй Руси невозможно, если не знать, что ему исторически предшествовало.

6.4. Основные значения слова «общество».

Два вида социоисторических организмов

Прежде чем перейти к анализу предклассового общества, остановлюсь на основных значениях, которые вкладываются в слово «общество» в исторической, социологической и философской литературе. Их пять. Первое значение — конкретное отдельное общество, представляющее собой относительно самостоятельную единицу исторического развития. Общество в таком понимании я называю *социально-историческим (социоисторическим) организмом*, или, сокращенно, *социором*. Второе значение — пространственно ограниченная *система социально-исторических организмов*, или *социорная система*. Третье значение — все когда-либо существовавшие и ныне существующие социоисторические организмы вместе взятые — *человеческое общество в целом*. Четвертое значение — *общество вообще*, безотносительно к каким-либо конкретным формам его реального существования. Пятое значение — *общество вообще определенного типа (особенное общество или тип общества)*, например, феодальное общество или индустриальное общество.

Для историка особое значение имеют три первых значения термина общества. Социоисторические организмы суть исходные, элементарные, первичные субъекты исторического процесса, из которых складываются все остальные, более сложные его субъекты. Высший, предельный субъект исторического процесса — *человеческое общество в целом*. Но вхождение социоисторических организмов в человеческое общество в целом обычно опосредствовано их включением в те или иные социорные системы, нередко построенные в иерархическом порядке (система, суперсистема и т. п.).

Существуют разные классификации социоисторических организмов (по форме правления, господствующей конфессии, социально-экономическому строю, доминирующей сфере экономики и т. п.). Но самая общая классификация — подразделение социоров по способу их внутренней организации на два основных типа.

Первый тип — социоисторические организмы, представляющие собой союзы людей, которые организованы по принципу личного членства, чаще всего родства (разумеется, не биологического, а социального)⁵⁶⁴. Каждый такой социор неотделим от своего личного состава и способен, не теряя своей идентичности, перемещаться с одной территории на другую. Такие

общества я назвал *демосоциальными организмами (демосоциорами)*. Они характерны для доклассовой эпохи истории человечества. Примерами могут служить первобытные общины и многообщинные организмы, именуемые *племенами и вождествами*.

Границы организмов второго типа — это границы территории, которую они занимают. Такие образования организованы по территориальному принципу и неотделимы от занимаемых ими участков земной поверхности. В результате личный состав каждого такого организма выступает по отношению к этому организму как особое самостоятельное явление — его население. Такого рода общества я называю *геосоциальными организмами (геосоциорами)*. Они характерны для классовой эпохи истории человечества. Обычно их называют государствами или странами⁵⁶⁵.

6.5. Основные ранние способы эксплуатации

Не имея возможности сколько-нибудь подробно рассмотреть предклассовое общество, ограничусь предельно краткой его характеристикой⁵⁶⁶.

В предклассовом обществе шел процесс становления частной собственности, эксплуатации человека человеком и общественных классов. *Частная собственность* как экономическое отношение есть такая собственность одной части членов общества, которая позволяет ей присваивать труд другой (и обязательно большей) части его членов. Эти две группы членов общества, отличающиеся друг от друга местом, занимаемым ими в определенном общественно-экономическом укладе (конкретно: отношением к средствам производства и способом получения и размерами получаемой доли общественного продукта), а нередко также ролью в организации труда, представляют собой не что иное, как *общественные классы*.

Частная собственность является *полной*, когда члены господствующего класса безраздельно владеют средствами производства, а члены другого класса целиком отчуждены от них. Такова рабовладельческая и капиталистическая частная собственность. Но частная собственность может быть расщеплена на *верховную частную собственность* членов господствующего класса и *подчиненную обособленную собственность* членов эксплуатируемого класса. Такова, например, феодальная частная собственность. В подобном случае антагонистический способ производства является двухэтажным. Феодальный общественно-экономический уклад включал в себя в качестве своей основы крестьянско-общинный уклад. Верховная частная собственность — всегда собственность не только на средства производства, но и на личности непосредственных производителей. Последние — подчиненные собственники не только средств производства, но и своей личности.

Частная собственность может различаться и по тому, как конкретно члены господствующего класса владеют средствами производства (а иногда и работниками). Частными собственниками могут быть члены этого класса, взятые по отдельности. Это — *персональная частная собственность*. Частная собственность может быть *групповой*. Такова акционерная собственность при капитализме.

И, наконец, средствами производства (и работниками) могут владеть

все члены господствующего класса, только вместе взятые, но ни один из них в отдельности. Это — *общеклассовая частная собственность*. Общеклассовая частная собственность всегда приобретает форму *государственной*. Это с неизбежностью обуславливает совпадение класса эксплуататоров если не со всем составом государственного аппарата, то, во всяком случае, с его ядром.

Описанный способ производства был впервые выделен под названием «азиатского». Лучше его назвать *политарным* (от греч. полита — государство), или просто *политаризмом*. Но если говорить точнее, существует не один единый политарный способ производства, а несколько разных политарных способов производства. Один из них, который был первым в истории человечества антагонистическим способом производства и существовал в эпоху Древнего Востока, а затем и в последующие периоды истории Востока вплоть до XIX в., я буду называть *палеополитарным*, или *древнеполитарным*. Все политарные способы производства имеют между собой много общего.

Так как *политаристы* владели средствами производства и производителями материальных благ только сообща, то все они вместе взятые образовывали особого рода корпорацию. Общеклассовая собственность всегда есть собственность *корпоративная*. В данном случае эта корпорация представляла собой особую, иерархически организованную систему распределения прибавочного продукта — *политосистему*. Глава этой системы, а тем самым и государственного аппарата, был верховным распорядителем общеклассовой частной собственности и соответственно прибавочного продукта. Этого человека, роль которого была огромна, я называю *политархом*. Соответственно возглавляемая им ячейка общеклассовой частной собственности может быть названа *политархией*. Она же одновременно была и *социоисторическим организмом*, и *государством*.

Любой политарный способ производства предполагал собственность политаристов не только на средства производства, прежде всего землю, но и на личности непосредственных производителей. И эта верховная собственность класса политаристов дополнялась полной собственностью главы этого класса — политарха на личность и имущество всех его подданных. Полная собственность политарха на личность всех его подданных выражалась в его праве лишать их жизни без какой-либо вины с их стороны. На самых ранних этапах политарх имел право на жизнь лишь рядовых подданных, затем по мере укрепления данного способа производства оно распространилось и на всех политаристов, исключая,

разумеется, самого политарха. Полное право политарха на имущество подданных выражалось в праве политарха по своему произволу безвозмездно отбирать его. Право политарха на жизнь и имущество подданных реализовывалось через посредство государственного аппарата. Для политарных обществ характерно существование практики систематического террора государства против всех своих подданных. Этот террор мог проявляться в разных формах, но он всегда существовал. Особенно жестким и массовым был террор в эпохи становления любой формы политаризма⁵⁶⁷.

В политарных обществах, причем не только в тех, что существовали в эпоху Древнего Востока, но и во многих более поздних (вплоть до XX в.), господствующим был древнеполитарный способ производства. Этот способ существовал в трех вариантах. Один из них был основным, самым распространенным, и когда говорят об азиатском способе производства, то обычно только его и имеют в виду.

При этом варианте древнеполитарного способа производства эксплуатируемым классом являются крестьяне, живущие общинами. Крестьяне или платят налоги, которые одновременно представляют собой земельную ренту, или, что реже, наряду с ведением собственного хозяйства обрабатывают землю, урожай с которой поступает государству. Этим крестьян нередко в порядке трудовой повинности используют на работах различного рода (строительство и ремонт каналов, храмов, дворцов и т. п.).

Крестьянские дворы, таким образом, входят одновременно в состав двух разных хозяйственных организмов: крестьянской общины и политархии⁵⁶⁸. Как составные части крестьянской общины они представляют собой ячейки по производству необходимого продукта; они же в составе политархии и сама политархия в целом суть ячейки по производству прибавочного продукта, идущего классу политаристов. Как явствует из сказанного, древнеполитаризм в данном варианте — двухэтажный способ производства. Политарный общественно-экономический уклад включает в себя в качестве своего основания крестьянско-общинный уклад.

Таким образом, при данном варианте политаризма, который можно назвать политарно-общинным, или политообщинным, собственность на средства производства вообще, на землю прежде всего, раздвоена. Общеклассовая политарная частная собственность является при этом не полной, а верховной, и, разумеется, как всякая верховная частная собственность, представляет собой собственность не только на землю, но и

на личности непосредственных производителей. Крестьянские общины или отдельные крестьянские дворы при этом — подчиненные собственники земли, а входящие в них крестьяне — подчиненные собственники своей личности, а тем самым и своей рабочей силы.

Существовавшие в недрах крупных политарных социоисторических организмов крестьянские общины не были простыми их подразделениями. В основе этих общин лежали иные социально-экономические отношения, чем те, что образовывали базис классового социоисторического организма, в который они входили, — крестьянско-общинный уклад. Поэтому крестьянские общины обладали некоторыми особенностями социоисторических организмов, выступали в ряде отношений как подлинные социоры. В частности, они имели свою особую культуру, отличную от культуры классового социоисторического организма, в состав которого входили. Они были субсоциорами.

Крестьянские общины являлись глубинной подосновой политообщинных обществ. Древнеполитарные социоисторические организмы возникали, исчезали, сливались и раскалывались. Но общины при этом сохранялись.

Политархии обычно имели не менее трех уровней управления. Политарху подчинялись правители подразделений политархии (дистриктов, округов) — субполитархи, которым в свою очередь были подчинены старосты общин. В очень крупных политархиях могла существовать четырехзвенная система управления: политарх — субполитарх первого разряда — субполитарх второго разряда (субсубполитарх) — староста крестьянской общины.

В идеале весь прибавочный продукт должен был поступать в распоряжение политарха, который, оставив себе определенную его часть, все остальное должен был распределить между членами политосистемы. В некоторых политархиях действительно предпринимались попытки сконцентрировать весь этот продукт в одном месте с последующей его раздачей членам господствующего класса.

Но чаще всего правители территориальных подразделений политархии — субполитархи, собрав налоги, оставляли себе определенную их долю, а все остальное передавали вышестоящему правителю. Если этот правитель тоже был субполитархом, то он, получив налоги от всех нижестоящих субполитархов, опять-таки оставлял себе часть, а остальное передавал выше. В конце концов, часть продукта, причем обычно значительная, оказывалась в руках политарха.

Правители всех рангов использовали полученный ими в распоряжение

продукт не только и даже не столько для собственных нужд, сколько для содержания подчиненного им аппарата управления, состоявшего из различного рода должностных лиц. Политарх за счет полученного им продукта содержал центральный аппарат управления. Чаще всего чиновники, которые не являлись субполитархами, получали причитающуюся им долю продукта в виде своеобразного жалованья натурой. Жалованье получали и люди, обслуживающие политарха и его семью.

Однако в некоторых политархиях ряд должностных лиц получал от политарха не жалованье натурой, а право на сбор части или даже всего налога с определенного числа крестьян, иногда даже с целой крестьянской общины. Такого рода вариант можно было бы назвать *алиментарным* (от лат. *alimentum* — содержание). Алиментарист не приобретал никаких особых прав ни на землю алиментариума, ни на личности крестьян-алиментариев, кроме тех, что он имел как член господствующего класса. Он получал лишь особое право на часть созданного в алиментариуме продукта до тех пор, пока занимал должность. С лишением должности это право терялось.

Кроме чисто общеклассовой корпоративной собственности, характерной для политаризма, могли существовать формы частной собственности, в которых классовая корпоративная собственность сочеталась либо с подлинной персональной собственностью, либо с более или менее выраженными моментами персонализации этой собственности. Наиболее яркий пример персонально-корпоративной частной собственности — феодальная собственность. Существовали и иные формы корпоративно-персонализированной частной собственности, значительно менее известные и не получившие никакого обозначения.

К числу их относится *нобиларный* (от лат. *nobilis* — знатный) способ производства. В ряде отношений он близок к политарному способу производства. И для него была характерна корпоративная (как правило, верховная) собственность правящего слоя на землю, на которой трудились непосредственные производители, и на личности последних.

Нобиларисты, как и политаристы, составляли корпорацию, главу которой можно назвать *нобилархом*. Последний был одновременно и правителем социального образования, базировавшегося на отношениях nobиларной собственности — *нобилархией*. В отличие от политарха nobиларх не был верховным распорядителем прибавочного продукта, создаваемого в единице корпоративной собственности. Вся территория nobилархии с живущими на ней людьми была распределена между

нобиларистами, и каждый из них получил доход с выделенного ему *нобилариума*, не делясь с остальными членами элиты, включая и *нобиларха*. Последний получил прибавочный продукт не со всей *нобилархии*, а только со своего *нобилариума*. Таким образом, *нобиларная частная собственность* была *корпоративно-долевой*, *корпоративно-персонализированной*.

Связь между *нобиларистами* выражалась в их перемещении из одного *нобилариума* в другой. В раннем *нобиларном обществе* все *нобиларисты* были связаны родством, были родственниками. Когда умирал рядовой *нобиларист*, его *нобилариум* переходил к следующему за ним по старшинству родственнику, *нобилариум* последнего доставался самому старшему из остальных и т. д. Со смертью *нобиларха* его статус и его *нобилариум* переходил к следующему за ним по родственному старшинству *нобиларисту* и вслед за этим происходило всеобщее перемещение всех остальных членов элиты.

Если территории, находящиеся под властью тех или иных *нобиларистов* (включая и *нобиларха*), — *нобилариумы* были велики, то они отдавали отдельные части своих владений в кормление и управление тем или иным лицам. *Нобиларизм*, таким образом, мог сочетаться и обычно сочетался с *алиментаризмом*, но особого рода, отличным от алиментаризма политарного.

Рядовые *нобиларисты* в чисто экономическом отношении были практически совершенно независимы от *нобиларха*, что с неизбежностью ослабляло и его политическую власть над ними. В результате, в конце концов, чаще всего происходил полный раздел *корпоративной собственности* между *нобиларистами*. Их *нобилариумы* превращались в *нобилархии*, а сами они становились *нобилархами*. С трансформацией прежних *нобилариумов* в *нобилархии* старая *нобилархия* превращалась в систему родственных по происхождению *нобилархий*. В этой системе в известной степени продолжали сохраняться остатки старых связей. Процесс распада *нобилархий* в разных условиях мог идти по-разному, то медленнее, то быстрее. В первом случае грань между *нобилариумами* и *нобилархиями*, а тем самым и между *нобилархиями* и системами *нобилархий* была крайне относительной. Иногда очень трудно определить, что перед нами: еще *нобилариум* или уже *нобилархия*, *нобилархия* или же система родственных *нобилархий*. В новых *нобилархиях* возникали свои системы отношений *нобиларной корпоративно-персонализированной частной собственности*. Они тоже подразделялись на *нобилариумы*, которые в процессе дальнейшего развития могли превратиться и

превращались в нобилархии.

Генезис частной собственности и социальное расслоение вообще, становление общественных классов прежде всего, шло в нескольких формах. Становление персонально-корпоративной частной собственности, которая, как правило, была верховной, предполагало разделение людей на знать (аристократию) и простонародье (коммонеров). Это — *аристарное* (от греч. аристос — наилучший) расслоение. Становление персональной частной собственности, которая обычно была и полной, предполагало разделение людей на богачей и бедняков. Это — *плутарное* (от греч. плутос — богатство) расслоение. Становление политарной, т. е. общеклассовой корпоративной, собственности обычно начиналось как аристарное, но затем могло приобрести и иные формы.

На стадии предклассового общества шло формирование политарного способа производства. Становящийся политаризм можно было бы назвать *протополитаризмом*. Довольно редко, но существовал на этой стадии и формирующийся нобиларный, или, короче, *протонобиларный* способ производства. Протонобиларное расслоение было аристарным.

Кроме протополитарного и протонобиларного способов производства, на стадии предклассового общества существовали еще две основные формы эксплуатации. Одна из них — *доминарный* (от лат. dominare — господствовать) способ производства. Суть его заключается в том, что эксплуатируемый полностью работает в хозяйстве эксплуататора. Этот способ выступает в пяти вариантах, которые часто являются и его составными частями. В одном случае человек работает только за содержание (кров, пищу, одежду). Это — *домино-приживальческий*, или просто *приживальческий* подспособ эксплуатации (1). Нередко вступление женщины в такого рода зависимость оформляется как заключение брака. Это — *бракоприживальчество* (2). Человек может работать за определенную плату. Этот вариант можно назвать *доминонаймитским*, или просто *наймитским* (3). Человек может оказаться в чужом хозяйстве в качестве заложника или несостоятельного должника. Это — *доминокабальный* подспособ (4). И, наконец, еще одним является *доминорабовладельческий* подспособ эксплуатации (5). Рабство как вариант и составной элемент доминарного способа эксплуатации качественно отличается от рабства как самостоятельного способа производства. В литературе его обычно именуют домашним, или патриархальным рабством.

Другим ранним основным способом производства был *магнатный*, или *магнарный* (от лат. magna — великий, ср.-лат. magnat — владыка). Он выступал в четырех вариантах, которые нередко являлись одновременно и

его составными элементами. При этом способе основное средство производства — земля, находившаяся в полной собственности эксплуататора, передавалась в обособленное пользование работника, который более или менее самостоятельно вел на ней хозяйство. Случалось, что непосредственный производитель получал от эксплуататора не только землю, но и все средства труда. Работник обычно отдавал собственнику земли часть урожая, а нередко также и трудился в собственном хозяйстве эксплуататора.

Таким работником мог стать раб, посаженный на землю. Это *магнорабовладельческий* вариант магнарного способа производства (1). Им мог стать приживал. Это — *магноприживальческий* вариант магнарного способа производства (2). Им мог стать человек, оказавшийся в зависимости от владельца земли в результате задолженности. Это *магнокабальный* подспособ эксплуатации (3). И, наконец, им мог стать человек, взявший участок земли в аренду и оказавшийся в результате этого не только в экономической, но и в личной зависимости от владельца земли. Это — *магноарендный* подспособ эксплуатации (4). В литературе последнюю форму эксплуатацию обычно называют *издольщиной*, а когда работник отдает половину урожая — *испольщиной*.

И доминарное, и магнарное расслоение были вариантами плутарной стратификации. Очень часто доминарный и магнарный способы производства срастались друг с другом, образуя по существу один единый гибридный способ производства — *доминомагнарный*. Доминаристы при этом одновременно были и магнарристами.

Различные предклассовые общества существенно отличались друг от друга и по общей, и по социально-экономической структуре. Общей тенденцией развития предклассового общества было укрупнение социоисторических организмов, которое приобретало различные формы. На предшествующих стадиях развития первобытного общества единственными социоисторическими организмами были первобытные (раннепервобытные и позднепервобытные) общины. С переходом к предклассовому обществу многие позднепервобытные общины превратились в формирующиеся крестьянские (*пракрестьянские*). Одни пракрестьянские общины были самостоятельными социоисторическими организмами (*общиносоциорами*), другие входили в состав многообщинных социоров.

Возникновение последних было одним из путей укрупнения социоисторических организмов. Существует несколько видов многообщинных организмов. Одни из них этнографы чаще всего называют

племенами. Таковы описанные Л. Г. Морганом племена ирокезов: сенека, онейда, онондага и др. Но так как слово «племя» в этнографической науке имеет несколько разных смыслов, то во избежание недоразумений я буду именовать такого рода многообщинные предклассовые организмы *трибосоциорами* (от лат. *triba* — племя).

Другой путь — увеличение размеров общин и превращение их в великообщины, каждая из которых состояла из нескольких субобщин. Характерным для предклассовой эпохи было возникновение союзов и сверхсоюзов социоисторических организмов. Возникали союзы и сверхсоюзы общиносоциоров, трибосоциоров, великообщин.

Были социоисторические организмы, в которых господствовал формирующийся крестьянско-общинный (пракрестьянско-общинный) уклад. В них отношения эксплуатации если и существовали, то лишь в качестве придатков к этому господствующему укладу. Такие общества можно было бы назвать *пракрестьянскими* (1). Одни из них были общиносоциорами, другие — великообщинами.

В значительном числе предклассовых обществ господствующим был протополитарный уклад. Это — *протополитарные* общества (2). Их можно подразделить на два подтипа. Один — общества, в которых протополитарный уклад господствовал почти безраздельно — *собственно протополитарные* общества (2.1). Эти социоисторические организмы представляли собой протополитархий, включавшие в свой состав несколько пракрестьянских общин. Другой подтип — общества, в которых наряду с протополитарным укладом важную роль играл доминомагнарный — *протополитомагнарные* общества (2.2). Эти социоисторические организмы обычно сочетали особенности политархии и великообщины. Общества первого подтипа в литературе иногда называют «деревенскими», общества второго — «городскими». Я ввел для обозначения первых термин «орбополитархия» (от лат. *orbo* — мир, страна, область), вторых — урбополитархии (от лат. *urb* — город).

Существовали общества с доминированием протонобиларных отношений — *протонобиларные* общества (3). Были социоисторические организмы, в которых господствовал доминомагнарный способ производства, — *протодоминомагнарные* общества (4). И, наконец, были общества, в которых сосуществовали и играли примерно одинаковую роль протонобиларная и доминомагнарная формы эксплуатации, — *протонобиломагнарные* (5). Чаще всего названные выше общества были великообщинами.

Еще один тип — общества, в которых доминомагнарные отношения

сочетались с эксплуатацией рядовых его членов со стороны особой военной корпорации, которую на Руси называли дружиной. Научным термином для обозначения такой корпорации могло бы стать слово «*милития*» (лат. *militia* — войско), а ее предводителя — слово «милитарх». Лучший термин для обозначения таких социоисторических организмов — *протомилитомагнарные* общества (6).

Ни один из этих шести основных типов предклассового общества не может быть охарактеризован как общественно-экономическая формация, ибо не был стадией всемирно-исторического развития. Такой стадией было предклассовое общество, но оно тоже не может быть названо общественноэкономической формацией, ибо не представляло собой единого социальноэкономического типа. Так как все эти социально-экономические типы предклассового общества вместе взятые заменяли общественно-экономическую формацию, то их можно назвать *общественно-экономическими проформациями* (от греч. про — вместо). Проформации не выступали по отношению друг к другу как стадии развития. Они были альтернативными вариантами предклассового общества. Их альтернативность наглядно проявлялась в том, что они могли превращаться и превращались друг в друга.

Во всех проформациях, исключая пракрестьянскую, шли процессы становления частной собственности и общественных классов. Но из пяти оставшихся предклассовых обществ только одно было способно превратиться в классовое без воздействия извне более развитых (а именно классовых) социоисторических организмов — протополитарное (в обоих его вариантах: собственно протополитарном и протополитомагнарном). Таким образом, оно представляло собой магистральную проформацию. Трансформация остальных проформаций в классовые общества была возможна лишь при условии воздействия со стороны уже существующих цивилизованных социоисторических организмов. Поэтому первые классовые общества могли быть только древнеполитарными или древнеполитомагнарными.

6.6. Два основных взгляда на историю человечества: унитарно-стадиальный и плюрально-циклический

Чтобы понять процесс становления того или иного конкретного классового общества совершенно недостаточно знать, какой была исходная проформация. Необходимо еще знание той исторической среды, в которой протекал этот процесс.

Существуют два основных подхода к истории человечества. Первый из них заключается во взгляде на всемирную историю как на один единый процесс поступательного, восходящего развития человечества. Такое понимание истории предполагает существование стадий развития человечества в целом. Поэтому его можно назвать *унитаристским*, или, точнее, *унитарно-стадиальным* (от лат. *unitas* — единство). Возник такой подход давно. Он нашел свое воплощение, например, в делении истории человечества на такие стадии, как дикость, варварство и цивилизация (А. Фергюсон и др.), а также в подразделении этой истории на охотничье-собирательский, пастушеский (скотоводческий), земледельческий и торгово-промышленный *периоды* (Ж. Тюрго, А. Смит и др.). Тот же подход проявился и в выделении вначале трех, а затем четырех *всемирно-исторических эпох* в развитии цивилизованного человечества: древневосточной, античной, средневековой и новой (Л. Бруни, Ф. Бьондо, К. Келлер и др.).

К числу унитарно-стадиальных концепций истории относится и марксистская теория общественно-экономических формаций. В ней в качестве стадий развития человечества выступают согласно одним представлениям пять, согласно другим — шесть общественно-экономических формаций (первобытная, азиатская, античная, феодальная, капиталистическая и будущая коммунистическая).

По господствовавшему в среде марксистов мнению, схема развития и смены общественно-экономических формаций, предложенная К. Марксом, представляет собой модель развития каждого социоисторического организма, т. е. *каждого* конкретного отдельного общества. Всемирная история в их представлениях выступала как простая совокупность историй множества от века существующих социоисторических организмов, каждый из которых в норме должен был «пройти» все общественно-экономические

формации.

Таким образом, смена общественно-экономических формаций мыслилась ими как происходящая *лишь* внутри социоисторических организмов. Соответственно, общественно-экономические формации выступали, прежде всего, как стадии развития не человеческого общества в целом, а отдельных социоисторических организмов. Основание считать эти формации стадиями всемирно-исторического развития давало только то, что их «проходили» все или, по крайней мере, большинство социоисторических организмов. Такой взгляд, несомненно, находится в противоречии с исторической реальностью, что и дало основание противникам материалистического понимания истории объявить эту концепцию несостоятельной.

Основной порок привычной версии смены общественно-экономических формаций состоял в том, что в ней, по сути, единство мировой истории сводилось к общности законов, действующих в каждом социоисторическом организме. При этом все внимание концентрировалось только на связях внутрисоциорных, «вертикальных», связях во времени, диахронных, да и то понимаемых крайне односторонне — лишь как связи между различными стадиями развития внутри одних и тех же социоисторических организмов.

Что же касается связей «горизонтальных», т. е. связей между сосуществующими в пространстве социоисторическими организмами, связей межсоциорных, синхронных, то в привычном варианте теории общественно-экономических формаций им не уделялось внимания. Такой подход делал невозможным подлинное понимание единства мировой истории, закрывал дорогу к подлинному историческому унитаризму.

Данный порок был присущ не только привычной версии теории общественно-экономических формаций, но практически и всем названным выше конкретным унитарно-стадиальным концепциям. Такого рода вариант унитарно-стадиального подхода к истории вообще я буду называть *линейно-стадиальным*, а в применении к теории формаций — *линейноформационным*. Именно линейно-стадиальное понимание общественного развития практически чаще всего имеют в виду, когда говорят об эволюционизме в исторической и этнологической науках.

Как своеобразная реакция на линейно-стадиальное понимание истории возник совершенно иной общий подход к истории. Суть его состоит в том, что человечество подразделяется на несколько совершенно автономных образований, каждое из которых имеет свою собственную, абсолютно самостоятельную историю. Каждое из этих исторических образований

возникает, развивается и рано или поздно с неизбежностью гибнет. На смену погибшим историческим единицам приходят новые, которых постигает та же участь

В силу того, что каждое такое историческое образование все начинает с начала, ничего принципиально нового внести в историю оно не может. Отсюда следует, что все такого рода образования совершенно равноценны. Ни одно из них по уровню развития не стоит ни ниже, ни выше всех остальных. Каждое из этих образований развивается, причем до поры до времени даже поступательно, но человечество в целом не эволюционирует и уж тем более не прогрессирует.

Таким образом, история человечества раздроблена не только в пространстве, но и во времени. Вся история человечества есть бесконечное повторение множества одних и тех же происходящих как параллельно, так и друг за другом историй множества обществ, совокупность множества циклов.

Согласно такой точке зрения, не существует ни человеческого общества в целом, ни всемирной истории как единого процесса. Соответственно, не может быть и речи о *стадиях* развития человеческого общества в целом и тем самым об *эпохах* мировой истории. Поэтому такой подход к истории с полным основанием можно назвать *плюралистским* (от лат. *pluralis* — множественный), или, точнее, *плюрально-циклическим*. Исторический плюрализм всегда включает в себя циклизм.

У истоков плюрально-циклического понимания истории стоят Ж. А. де Гобино и Г. Рюккерт. Основные его положения были достаточно четко сформулированы Н. Я. Данилевским, доведены до крайнего предела О. Шпенглером, в значительной степени смягчены А. Дж. Тойнби и наконец приобрели карикатурные формы в сочинениях Л. Н. Гумилева. Названные мыслители именовали выделенные ими исторические образования по-разному: цивилизации (Ж. А. де Гобино, А. Дж. Тойнби), культурно-исторические индивиды (Г. Рюккерт), культурно-исторические типы (Н. Я. Данилевский), культуры, или великие культуры (О. Шпенглер), этносы и суперэтносы (Л. Н. Гумилев). Но это не меняло самой сути такого понимания истории.

Плюрально-циклическое понимание истории находится в противоречии с исторической реальностью. С этим связаны и бесконечные неувязки в построениях исторических плюралистов. Именно мощным давлением множества неопровержимых фактов объясняется, в частности, эволюция взглядов последнего классика «цивилизационного» подхода А. Дж. Тойнби от исторического плюрализма в сторону унитаризма.

Хотя собственные построения исторических плюралистов не имеют особой научной ценности, их труды, тем не менее, сыграли определенную позитивную роль в развитии философско-исторической мысли. В них были вскрыты слабости господствующей трактовки унитарно-стадиального подхода к всемирной истории, не исключая и ортодоксальной версии смены общественно-экономических формаций.

6.7. Глобально-стадиальное понимание истории

Для многих мыслителей понятие унитарно-стадиального понимания истории было равнозначно понятию линейно-стадиального подхода к ней. Поэтому в их глазах выявление несостоятельности линейно-стадиального понимания истории выступало как крах унитарно-стадиального подхода к ней.

В действительности же, кроме линейно-стадиальной интерпретации унитарно-стадиального подхода к истории, возможна и иная. Выше уже было сказано, что большинство марксистов понимало марксову схему развития и смены общественно-экономических формаций как модель эволюции *каждого* социоисторического организма, взятого в отдельности. Возможно, однако, и иное истолкование этой схемы — ее понимание как воспроизведения внутренней необходимости развития всех существовавших и существующих социоисторических организмов *только вместе взятых*, т. е. человеческого общества в целом.

В таком случае общественно-экономические формации предстают, прежде всего, как стадии развития человеческого общества в целом. Они могут быть и стадиями развития отдельных социоисторических организмов. Но это совершенно не обязательно. Смена формаций в масштабах человечества в целом может происходить и без их смены в качестве стадий внутреннего развития социоисторических организмов. Одни формации могут быть воплощены в одних социоисторических организмах и их системах, а другие — в других. Такая интерпретация унитарно-формационного подхода может быть названа *глобально-формационным ее пониманием*. В применении же к унитарно-стадиальному подходу в целом она может быть названа *глобально-стадиальным пониманием истории*.

И такое понимание смены стадий всемирной истории не является абсолютно новым. Первую глобально-стадиальную концепцию мировой истории мы находим в книге французского правоведа Ж. Бодена «Метод легкого познания истории» (1566). В XVII-XVIII вв. глобально-стадиальный подход развивался англичанами Дж. Хейквиллом и У. Темплом, немцем И. Гердером и получил свое достаточно полное воплощение в схеме всемирной истории, созданной великим немецким философом Г. В. Ф. Гегелем в 1820-1831 гг. и изложенной в его «Лекциях по философии истории» (1837,1840).

Во всех этих работах важнейшей была идея исторической эстафеты — перехода ведущей роли от одних «народов», т. е. социоисторических организмов или их систем, к другим, а тем самым и перемещение центра всемирно-исторического развития. Все эти концепции носили довольно абстрактный характер и поэтому, видимо, не привлекли к себе внимания историков.

Сейчас возникла настоятельная необходимость создания новой, основанной на материале, накопленном к нашему времени исторической наукой, глобально-стадиальной теории всемирной истории. Для этого прежде всего необходимо ввести в нее «горизонтальные» связи, т. е. связи между одновременно существующими социоисторическими организмами.

Такие попытки уже предпринимались исследователями. Если ограничиться лишь самыми последними концепциями, то исследование межсоциорных связей легло в основу теорий зависимости, или зависимого развития. Начало им было положено трудами выдающегося аргентинского экономиста Р. Пребиша. В последующем они разрабатывались бразильцами Т. Дус-Сантусом и Э. Кардозу, мексиканцем А. Агиляром, африканцем С. Амином, шведом Г. Мюрдалем, американцем П. Бараном и др.⁵⁶⁹ Но все эти теории были обращены в основном лишь к нашему времени. Однако это не помешало Р. Пребишу ввести такие понятия, как «центр» и «периферия», которые важны для понимания всей истории классового общества.

Чтобы новая концепция мировой истории адекватно отражала историческую реальность, необходимо, чтобы выявление «горизонтальных», синхронных, межсоциорных связей ни в коей мере не умаляло бы значение связей «вертикальных», диахронных, межстадиальных. В этой концепции именно последние, а не первые связи должны быть на первом плане. В основе такой концепции должна находиться определенная стадиальная типология социоисторических организмов. А из всех существующих к настоящему времени стадиальных типологий общества серьезного внимания заслуживает только марксистская теория общественно-экономических формаций. Современная глобально-стадиальная теория всемирной истории может быть только глобально-формационной.

В этой теории «горизонтальные», межсоциорные связи должны не заслонять связи «вертикальные», диахронные, межстадиальные, а, наоборот, способствовать более глубокому пониманию последних. Это предполагает отказ от трактовки «вертикальных», диахронных, межстадиальных связей как связей только внутрисоциорных, понимание

того, что, кроме внутрисоциорных «вертикальных», межстадиальных связей, существуют «вертикальные», межстадиальные связи в масштабах человеческого общества в целом. Линейно-формационная концепция знала лишь одну форму смены общественно-экономических формаций — внутрисоциорную, переход от одной стадии развития социоисторического организма к другой в результате действия внутренних сил. Глобально-формационная теория предполагает существование и внесоциорной формы смены общественноэкономических формаций.

6.8. Категориальный аппарат глобально-формационного понимания истории

«Горизонтальные» связи — это связи между одновременно существующими социоисторическими организмами. Такие связи всегда существовали и существуют, если не между всеми, то, по крайней мере, между соседними социорами. Всегда существовали и существуют региональные системы социоисторических организмов, а к настоящему времени возникла всемирная их система.

Связи между социорами и их системами проявляются в их взаимном воздействии друга на друга. Это взаимодействие выражается в самых различных формах: набеги, войны, торговля, заимствование достижений культуры и т. п. Все это можно назвать *межсоциорным взаимодействием*.

Важнейшая форма социорного взаимодействия — такое влияние одних социоисторических организмов (или систем социоисторических организмов) на другие, при котором последние сохраняются как особые единицы исторического развития, но при этом под воздействием первых либо претерпевают существенные, надолго сохраняющиеся изменения, либо, наоборот, теряют способность к дальнейшему развитию. Это *социорная индукция* (от лат. *inductio* — возбуждение, наведение), которая может принимать различные формы.

Начиная с определенного времени, важнейшей особенностью всемирной истории стала неравномерность развития социоисторических организмов и, соответственно, их систем. Результат — бытие в одно и то же время социоисторических организмов, относящихся к разным типам, к разным общественно-экономическим формациям, сосуществование и взаимовлияние разных исторических миров. *Исторический мир* — это совокупность социоисторических организмов одного типа, независимо от того, составляют ли они одну систему или не составляют.

В случае сосуществования нескольких исторических миров один из них представлен социоисторическими организмами самого нового, самого высокого для той или иной эпохи типа. Такие, самые передовые, социоры я буду называть *супериорными* (от лат. *super* — сверх, над), а все остальные — *инфериорными* (от лат. *infra* — под). Разумеется, что различие между теми и другими относительно. Социоры, которые были супериторными в одну эпоху, могут стать инфериорными в другую.

В супериторных социоисторических организмах воплощена наивысшая

достигнутая к данному конкретному времени человечеством ступень эволюции. Они находятся на магистрали исторического развития, являются магистральными. Многие (но не все) инфериорные социоисторические организмы принадлежат к типам, которые ранее находились на магистрали всемирно-исторического развития. С появлением социально-исторических организмов более высокого типа они сошли с исторической магистрали, из магистральных социоров превратились в бывшие магистральные (*эксмагистральные*).

Такое подразделение социоисторических организмов подмечено уже давно. Историки и вообще обществоведы всегда говорили о передовых и отставших (или отсталых) странах и народах. В XX в. последние термины стали рассматриваться как обидные и заменяться другими — «слаборазвитые» и, наконец, «развивающиеся» страны.

Как супериорные социоисторические организмы могли влиять на инфериорные, так и последние на первые. Наибольший интерес для понимания мирового исторического процесса представляет воздействие супериорных социоисторических организмов на инфериорные, которое я буду называть *супериндукцией*. Я сознательно употребляю здесь слово «организм» во множественном числе, ибо на инфериорные организмы обычно воздействовал не единичный супериорный социор, а целая их система.

С переходом к классовому обществу на всех этапах его развития если не все, то, во всяком случае, значительная часть супериорных социоисторических организмов того или иного типа сразу же после возникновения или спустя некоторое время начинала составлять единую систему, которая становилась *центром всемирно-исторического развития*, или *историческим центром*. Эту систему супериорных социоисторических организмов можно назвать *центрально-исторической*, или *мировой*. Мировой она была в том смысле, что ее существование сказалось на всем ходе мировой истории. Все социоисторические организмы, не входившие в состав мировой системы, состав исторического центра, образовывали *историческую периферию*.

Влияние супериорных организмов и их систем, прежде всего мировой их системы, на инфериорные организмы могло вести к разным результатам: прогрессу последних, регрессу, стагнации, частичному или полному разрушению. Нередко все три первые момента совмещались обычно с преобладанием одного из них.

Результатом супериндукции может быть изменение типа инфериорного организма. В некоторых случаях он превращается в

социоисторический организм того же типа, что и воздействующие на него, т. е. поднимается на самую высокую для данной эпохи стадию развития. Подобного рода трансформацию инфериорных социоров в супериорные можно назвать *формационным подтягиванием*, *формационным возвышением*, или *супериоризацией*. Если инфериорный социор принадлежал к стадильному типу, непосредственно предшествующему супериорному, то влияние супериорных организмов чаще всего лишь *ускоряло* процесс его стадильной трансформации. Если же тип инфериорного организма был на несколько ступеней ниже супериорного социора, влияние супериорных организмов *вызывало*, *инициировало* процесс его превращения в супериорный.

Однако супериоризация — лишь один из вариантов изменения типа инфериорного социора в результате супериндукции. Под воздействием супериорных социоров инфериорные социоры могут превратиться в социоисторические организмы более высокого, чем исходный, типа, но такого, который находится не на магистрали, а на одном из боковых путей исторического развития. Этот тип является не магистральным, а латеральным (от лат. *lateralis* боковой). Этот процесс я буду называть *латерализацией*. Литерализация — шаг одновременно и вперед, и в сторону.

Таким образом, кроме основных социально-экономических типов общества — общественно-экономических формаций, существуют и неосновные его социально-экономические типы. Последние я буду называть *общественно-экономическими параформациями* (от греч. пара — около, возле, рядом). Если общественно-экономические формации являются не только типами общества, но и стадиями всемирной истории, поочередно сменяющимися на магистрали всемирно-исторического развития, то параформации — стадии развития лишь отдельных обществ или социорных систем.

Все сказанное выше приближает к пониманию форм смены общественно-экономических формаций в истории человеческого общества, однако, пока еще не полностью. Одна из этих форм известна давно. Это превращение социоисторических организмов одного типа в результате собственного независимого внутреннего развития в социоры другого, более высокого типа. Назовем эту форму *внутрисоциорной эндогенной* (от греч. эндон — внутренний, генез — происхождение) *социальной революцией*. При одном варианте развития смена стадий происходит внутри продолжающих свое существование социоисторических организмов. Эта смена формаций является внутрисоциорной в буквальном смысле слова.

Так во многих случаях происходила смена феодализма капитализмом. Именно ее прежде всего и имели в виду сторонники линейно-формационной концепции. От этого варианта они практически не отличали несколько иной, при котором при смене стадий происходило слияние нескольких социоисторических организмов в один более крупный или другие реорганизации единиц исторического развития. Именно так нередко происходила смена первобытного общества классовым.

Выше была выявлена еще одна форма смены формаций — супериоризация: подтягивание в результате воздействия супериорных организмов инфериорных социоров до их уровня. Она явно дополнительная. При этом происходит не возникновение новых формаций, а всего лишь увеличение числа социоров, относящихся к уже существующей супериорной формации. При латерализации происходит возникновение новых социальноэкономических типов общества, но они не основные типы, не формации, а лишь параформации. Все эти понятия важны, но дают ключ лишь к объяснению части (только части) явлений, которые обычно характеризуются как «пропуски» или «минование» теми или иными «народами» тех или иных формаций. К пониманию смены формаций на магистрали мирового развития они ничего нового не добавляют. Внутрисоциорная эндогенная социальная революция может иметь место лишь тогда, когда внутри общества, относящегося к той или иной формации, действуют силы, способные превратить его в общество другого, более высокого типа. Но существуют общественно-экономические формации, которые в принципе неспособны превратиться в более высокие. К таким тупиковым стадиям относятся политарная и античная (рабовладельческая, серварная) общественно-экономические формации. В таком случае часть инфериорных социоисторических организмов выступает в качестве своеобразного исторического резерва, в качестве материала, из которого могут возникнуть более высокие, чем существующие в данное время, супериорные социоисторические организмы.

Этот процесс возникновения новой формации, как и супериоризация, предполагает воздействие системы супериорных социоисторических организмов на инфериорные социоры. Но эти последние в результате такого воздействия претерпевают более чем своеобразную трансформацию. Они не превращаются в организмы того же типа, что воздействующие на них. Супериоризация не происходит. Но тип инфериорных организмов меняется. Инфериорные организмы превращаются в социоры такого типа, который, если подходить чисто внешне, должен быть причислен к числу

латеральных. Этот тип общества действительно представляет собой не формацию, а параформацию.

Но это возникшее в результате супериндукции общество оказывается способным к дальнейшему самостоятельному прогрессу, причем особого рода. В результате действия теперь чисто внутренних сил оно превращается в общество принципиально нового типа. И этот тип общества находится уже на магистрали исторического развития. Он представляет собой более высокую стадию общественного развития, более высокую общественно-экономическую формацию, чем та, к которой относились супериорные социоисторические организмы, чье воздействие послужило импульсом к такому развитию. Это явление можно назвать *формационным сверхвозвышением*, или *ультрасупериоризацией*.

Если в результате супериоризации инфериорные социоисторические организмы «подтягиваются» до уровня супериорных социоров, то в результате ультрасупериоризации они «перепрыгивают» через этот уровень и выходят на еще более высокий. Появляется группа социоисторических организмов, относящихся к общественно-экономической формации более высокой, чем та, к которой принадлежали бывшие до этого супериорными социоры. Теперь первые становятся супериорными, магистральными, а последние либо превращаются в инфериорные, эксмагистральные, либо вообще исчезают.

В результате происходит смена общественно-экономических формаций, причем не внутри тех или иных социоисторических организмов, а в масштабах человеческого общества в целом. Разумеется, в процессе этого перехода имели место две последовательные смены социально-экономических типов внутри вовлеченных в этот процесс инфериорных социоисторических организмов, а именно: (1) смена исходного инфериорного типа общества особой общественно-экономической параформацией, а затем (2) смена этой параформации новой, никогда ранее не существовавшей общественно-экономической формацией. Но ни один из сменившихся внутри этих социоров социально-экономических типов не был той формацией, которая ранее господствовала, которая ранее была высшей. Таким образом, смена этой ранее господствовавшей формации более высокой, к которой теперь перешла ведущая роль, не имела места внутри ни одного социоисторического организма. Она произошла исключительно лишь в масштабах человеческого общества в целом.

При такой смене общественно-экономических формаций происходит подлинная передача исторической эстафеты от одной совокупности социоисторических организмов к другой. Социоры второй группы не

проходят той стадии, на которой находились социоры первой, не повторяют их развития. Выходя на магистраль человеческой истории, они сразу начинают движение с того места, на котором остановились ранее бывшие супериорными социоисторические организмы.

Такова вторая основная форма смены общественно-экономических формаций, которую можно назвать *внесоциорной эстафетной социальной революцией*. Она обычно всегда сопровождалась пространственным перемещением центра всемирно-исторического развития. В истории человечества она имела место дважды. Такой характер носила смена политарной формации античной и античной формации феодальной.

6.9. Всемирная история от возникновения первых цивилизованных обществ до начала Средних веков

Прежде чем перейти к возникновению классового общества на Руси, необходимо хотя бы бегло коснуться предшествующей истории цивилизованного общества, ибо без этого нельзя понять и русскую историю.

Первое в истории человечества классовое общество было древнеполитарным. Оно появилось впервые в конце IV тысячелетия до н. э. в виде двух исторических гнезд: крупного политарного социоисторического организма в долине Нила (Египет) и системы небольших политарных социоров в южной Месопотамии (Шумер). Так человеческое общество раскололось на два исторических мира: доклассовый, который превратился в инфериорный, и политарный, ставший супериорным. Дальнейшее развитие пошло по пути, с одной стороны, возникновения новых изолированных исторических гнезд (цивилизации Хараппы в бассейне Инда и Шанской (Иньской) цивилизации в долине Хуанхэ), с другой, появления все новых и новых исторических гнезд по соседству с Двуречьем и Египтом и образования огромной системы древнеполитарных социоисторических организмов, охватывавшей весь Ближний Восток. Такого рода совокупность социоисторических организмов можно назвать *исторической ареной*. Ближневосточная историческая арена была в то время единственной. Она являлась центром мирового исторического развития и в этом смысле мировой системой. Мир разделился на политарный центр и периферию, которая была частично первобытной (включая предклассовую), частично классовой, политарной.

Древнеполитарное общество было тупиковым. Оно было неспособно превратиться в общество более высокого типа. Новая, более прогрессивная общественно-экономическая формация — античная, рабовладельческая (серварная) возникла в результате процесса, который был выше назван ультрасупериоризацией. Возникновение античного общества было следствием всестороннего воздействия ближневосточной мировой системы на бывшие до этого предклассовыми греческие социоисторические организмы. Это влияние давно уже подмечено историками, назвавшими этот процесс ориентализацией. В результате предклассовые греческие

социоры, которые принадлежали к проформации, отличной от протополитарной, а именно протонобиломагнарной, вначале (в VIII в. до н. э.) стали доминомагнарными обществами (Архаическая Греция), а затем превратились в собственно античные, серварные. Так наряду с двумя прежними историческими мирами (первобытным и политарным) возник новый, третий — античный, который и стал супериорным.

Вслед за греческим историческим гнездом возникли новые исторические гнезда, в которых шло становление серварного (античного) способа производства: этрусское, карфагенское, латинское. Античные социоисторические организмы вместе взятые образовали новую историческую арену — средиземноморскую, к которой и перешла роль центра мирового исторического развития. С возникновением новой мировой системы человечество в целом поднялось на новую стадию исторического развития. Произошла смена мировых эпох: эпоха Древнего Востока сменилась античной.

В последующем развитии, в IV в. до н. э., ближневосточная и средиземноморская исторические арены вместе взятые образовали социорную суперсистему — *центральное историческое пространство (центропространство)* и, как следствие, стали его двумя историческими зонами.

Средиземноморская зона была историческим центром, ближневосточная — внутренней периферией.

За пределами центрального исторического пространства находилась внешняя периферия, которая подразделялась на первобытную (включая предклассовую) и политарную. Но в отличие от эпохи Древнего Востока политарная периферия существовала в античное время в виде не изолированных исторических гнезд, а значительного числа исторических арен, между которыми возникали различного рода связи. В Старом Свете образовались восточноазиатская, индонезийская, индийская, центральноазиатская арены и, наконец, великостепная, на просторах которой то возникали, то исчезали кочевые империи. В Новом Свете в I тысячелетии до н. э. возникли андская и мезоамериканская исторические арены.

Античное общество, как и древнеполитарное, тоже было тупиковым. Оно, так же как и древнеполитарное, было неспособно превратиться в общество более высокого типа. Но если политарный исторический мир продолжал существовать чуть ли не до наших дней и после схода с исторической магистрали в качестве инфериорного, то античный исторический мир исчез навсегда. Но, погибая, античное общество

передало эстафету иным обществам. Переход человечества на более высокую стадию общественного развития снова произошел путем, который выше был назван формационным сверхвозвышением, или ультрасупериоризацией.

Подточенная внутренними противоречиями Западная Римская империя рухнула под натиском германцев. Произошло наложение германских предклассовых демосоциальных организмов, которые принадлежали к проформации, отличной от протополитарной, а именно протомилитомагнарной, на обломки западноримского геосоциального организма. В результате на одной и той же территории часть людей жила в составе демосоциальных предклассовых организмов, а другая — в составе наполовину разрушенного классового геосоциального организма. Такое сосуществование двух качественно отличных социально-экономических и других общественных структур не могло продолжаться слишком долго. Должно было произойти либо разрушение демосоциальных структур и победа геосоциальных, либо распад геосоциальных и торжество демосоциальных, либо, наконец, синтез тех и других. На территории бывшей Западной Римской империи произошло то, что историки называют *романо-германским синтезом*.

Социоисторические организмы германцев, включавшие в свой состав много общин, представляли собой трибосоциоры. Трибосоциоры могли объединяться в союзы, а последние — в союзы союзов — сверхсоюзы.

Древнегерманское общество эпохи Цезаря и Тацита (I в. до н. э. - I в. н. э.) подразделялось на несколько социальных групп. Первая — аристократы, которые были полностью освобождены от физического труда. Вторая — рядовые свободные. Они составляли большинство общества. Первым и вторым, как людям свободным, противостояли люди несвободные, т. е. рабы. Хозяева имели полное право на их жизнь и смерть. Несвободные в свою очередь подразделялись на две группы. Одни из них непосредственно работали в хозяйстве своих господ. Другие получали в пользование землю и в какой-то степени самостоятельно вели хозяйство.

Между свободными и несвободными существовали промежуточные группы. Одну из них у франков, фризов, саксов называли литами, а у лангобардов и баваров — альдионами. Литы (альдионы) были прикреплены к земле, на которой поселил их господин, и несли в его пользу различные службы и повинности. Но, в отличие от рабов, они обладали определенными семейными и имущественными правами. Литы могли жить как во дворах своих господ, так и за их пределами. В последнем случае их самостоятельность была большей. Разбогатевшие

литы сами могли иметь рабов. Второй промежуточной группой были вольноотпущенники, статус которых мало отличался от положения литов.

У древних германцев бытовал, таким образом, доминагнарный способ производства. Он был у них единственным способом эксплуатации человека человеком, но не единственной формой присвоения прибавочного продукта. Наряду с ним существовало несколько образов и методов эксплуатации, среди которых выделялся милитарный метод эксплуатации — систематический военный грабёж. Последний существовал практически во всех поздних предклассовых обществах, но не во всех он был в одинаковой степени развит.

Особого развития систематический военный грабёж достигал в предклассовых обществах в обстановке постоянных перемещений и столкновений с иными обществами и особенно соседства с классовыми обществами, которые, с одной стороны, представляли собой большую угрозу, а с другой — манили возможностью огромной и богатой добычи. Тогда в предклассовых обществах возникали специальные постоянные организации по ограблению соседей. Этими организациями были военные дружины — *милитии* во главе с предводителями — *милитархами*.

Милитархи сами по себе не были должностными лицами. Они могли не занимать никаких постов в обществе. Дружины были их частным делом. Эти хорошо организованные отряды вооруженных людей состояли на службе не общества, а частных лиц, представляли собой не публичные, общественные, а частные организации. Институт военных дружин получил у германцев необычайное развитие. В каждом трибосоциоре имелось несколько милитархов, которых называли князьями, или вождями.

В каждом трибосоциоре было народное собрание, избиравшее из среды знати должностных лиц, которые творили суд по округам и селам.

Избирало оно также и короля, который был главным военачальником, верховным судьей и руководителем народного собрания. Им обычно становило один из милитархов. В трибосоциорах, не имевших королей, лидерстве принадлежало нескольким равноправным могущественным лицам, каждый из которых был милитархом.

В целом у германцев шел процесс становления и утверждения королевской власти, которая возникала из власти особо могущественного милитарха, избранного военным вождем трибосоциора или союза трибосоциоров и стремившегося сохранить свое положение и в мирное время. Налогов внутри трибосоциора не существовало. Однако в некоторых из них бытовал обычай поголовно и добровольно приносить в дар князьям какое-то количество крупного рогатого скота и зерна. Это —

милитарный метод эксплуатации.

Таким образом, в германских социоисторических организмах сосуществовали доминагнарные и милитарные отношения. Они относились к тому типу предклассового общества, который был выше назван протомилитомагнарным. Этот тип общества, скорее всего, возник в результате взаимодействия предклассовых обществ с их цивилизованными соседями. Иначе говоря, он был продуктом социорной индукции.

В результате синтеза частично разрушенной западноримской социально-экономической структуры и германской протомилитомагнарной системы производственных отношений возник совершенно новый общественно-экономический уклад и соответственно способ производства, который принято называть феодальным.

Процесс синтеза позднеримских и германских структур носил сложный и противоречивый характер и занял несколько веков. Существовали тенденции к возникновению на основе милитарных отношений как политарных, так и нобиларных связей. Но, в конечном счете, произошло слияние милитарных отношений с магнарными, бытовавшими в двух вариантах: позднеримском и германском. Результатом было возникновение феодального уклада. Завершился процесс его формирования, скорее всего, на грани X-XI вв. На смену протофеодальному обществу пришло феодальное. В западной исторической науке этот переход в последние десятилетия начали называть *феодальной революцией*, или *феодальной мутацией*, причем некоторые историки трактуют его даже как смену античного строя феодальным⁵⁷⁰. Первые века после этого переворота были ознаменованы общим экономическим подъемом, в частности освоением новых земельных массивов.

Таким образом, на территории Западной Европы возникла феодальная система, которая и стала с тех пор центром всемирно-исторического развития. На смену античной эпохе пришла новая — эпоха Средних веков. Западноевропейская мировая система существовала как одна из зон сохранившегося, но при этом значительно перестроившегося центрального исторического пространства. В это пространство в качестве внутренней периферии входили византийская и ближневосточная зоны. Последняя в результате арабских завоеваний VII-VIII вв. значительно увеличилась, включив часть византийской зоны, и превратилась в исламскую зону. Затем началось расширение центрального исторического пространства за счет территории Северной, Центральной и Восточной Европы⁵⁷¹, заполненной предклассовыми социоисторическими организмами, которые тоже

относились к той же проформации, что и германские предклассовые общества, — протомилитомагнарной. Становление новых классовых обществ в Северной, Центральной и Восточной Европе происходило под мощным воздействием уже существовавших классовых социоисторических организмов. Все общества Северной Европы и часть обществ Центральной Европы испытали огромное влияние западноевропейской мировой системы. В частности, это выразилось в принятии ими католичества и латиницы. На остальных обществах Центральной и всех обществах Восточной Европы существенно сказалось влияние Византии. Ими были приняты православие и кириллица.

Но все территории, на которых возникли рассмотренные выше новые классовые общества, либо были всегда предклассовыми, либо стали таковыми в результате варварских завоеваний. Поэтому там синтеза классовых и предклассовых социально-экономических структур не произошло и произойти не могло. Они не могли стать и не стали феодальными, как это произошло в Западной Европе. Но так как в большинстве своем эти общества, во-первых, как и древнегерманские, были не протополитарными, а принадлежали к иным проформациям, во-вторых, долгое время находились под огромным влиянием вначале мировой античной, а затем мировой феодальной систем, то они не стали и классическими древнеполитарными, как общества Востока и доколумбовой Америки. Результатом мощной социорной индукции была не ультрасупериоризация и даже не супериоризация, а латерализация.

В обществах северных германцев шло утверждение королевской власти. Королями становились самые могущественные милитархи. Милитарные отношения порождали тенденции к становлению как политарных, так и нобиларных отношений. В ходе развития победили первые. Милитарх, став правителем, превращался в политарха. Возник политарный способ производства. Одновременно не только сохранился, но и получил развитие доминомагнарный способ эксплуатации. Общество стало базироваться на симбиозе двух общественно-экономических укладов: политарного и доминомагнарного. В классовых социоисторических организмах северных германцев утвердилась дуалистическая, симбиотическая, химерная параформация — *медиполитомагнарная* (от лат. *medi* — средний). Все они вместе взятые образовали североевропейскую зону центрального исторического пространства

6.10. Возникновение классового общества у восточных славян

Несколько по-иному, чем в Северной Европе, пошло развитие предклассового общества в Центральной и Восточной Европе. Там тоже возникла классовая общественно-экономическая параформация, но иная, чем в Северной Европе. Поэтому принадлежащие к ней классовые социоисторические организмы вошли в центральное историческое пространство в качестве особой зоны — центрально-восточноевропейской. Не касаясь Центральной Европы, остановимся лишь на возникшем на территории Восточной Европы обществе Древней Руси.

Прямые данные о строе предклассового общества восточных славян крайне скудны. Составить более или менее конкретное представление о нем можно, лишь используя материалы, относящиеся к возникшему из этого предклассового общества обществу Древней Руси. Определенную ценность представляют описания общественного строя прибалтийских славян, которые задержались на стадии предклассового общества вплоть до XI-XII вв. Все эти материалы вместе взятые дают основание полагать, что предклассовое общество восточных славян, как и предклассовое общество древних германцев было милитомагнарным. Но если древнегерманские социоисторические организмы были трибосоциорами, то, если не у всех, то у большинства восточных славян основными единицами исторического развития на поздней стадии эволюции предклассового общества были великообщины.

Одно из основных различий между трибосоциорами и великообщинами состояло в том, что первые состояли из сельских поселений, а вторые были если и не городами в точном смысле слова то зародышами городов. В процессе перехода от предклассового общества и классовому великообщины обычно давали начало городам. В данном случае мы снова сталкиваемся с существованием двух вариантов развития предклассового, а затем и классового общества: «деревенским» и «городским». Первый раз мы с ним встретились при рассмотрении типов протополитарного общества. Один тип — протополитархии, состоящая из пракрестьянских общин, — орбополитархии, другой — протополитархии, совмещающая особенности политархии с особенностями великообщины, — урбополитархия. Самый яркий пример предклассовых урбополитархий — социоисторические организмы йорубов Западной Африки XVII-XIX вв.,

которые в этнографической литературе принято называть городами-государствами⁵⁷². Из подобного рода предклассовых социоров возникли классовые социоисторические организмы Шумера, Финикии, в доколумбовой Америке — майя и ацтеков. Все они тоже именуется в литературе городами-государствами. Из великообщин гомеровской Греции возникли города-государства, или полисы, Архаической, а затем и поздней, классической Греции.

Великообщины — широко распространенная форма предклассовых социоров. Но результаты их развития были далеко не одинаковы в различных исторических условиях. На Руси развитие великообщин тоже привело к возникновению классовых социоисторических организмов, в чем-то сходных с урбополитархиями и полисами. Поэтому некоторые исследователи также называют их городами-государствами⁵⁷³. Однако это название, подчеркивая сходство этих древнерусских исторических образований с урбополитархиями и полисами, в то же время не выражает их специфики, их отличия как от первых, так и от вторых. Нужен особый термин. Некоторые историки, в частности В. О. Ключевский, называли эти образования и городскими волостями или областями, и волостными общинами⁵⁷⁴. Я буду именовать их *градообщинами*.

В подчинении собственно градообщины находилось определенное число крестьянских общин. Могущественная градообщина могла объединить под своей властью несколько более слабых градообщин. Такого рода объединения градообщин можно назвать *градоволостями*⁵⁷⁵. Одна из градообщин была метрополией, остальные — подчиненными ей социальными единицами. В летописях градоволости чаще всего именуют землями (Киевская земля, Полоцкая земля, Новгородская земля и т. д.). В письменных источниках главная градообщина обычно именовалась просто городом, подчиненные градообщины — пригородами. Много внимания отношению между городом и его пригородами уделяет В. И. Сергеевич в первом томе «Древностей русского права» — «Территория и население».

Забегая вперед, скажу, что переход от предклассового общества к классовому у восточных славян был процессом не только превращения великообщин в градообщины, но одновременно и трансформации последних в княжества или в части княжеств. Но многие особенности великообщин градообщины сохраняли долгое время.

Органами власти в каждой великообщине было общее собрание, в котором могли принимать участие все ее члены, формальный или неформальный совет старейшин (самых богатых и влиятельных людей),

глава великообщины и другие должностные лица. Мог существовать и особый суд. Вооруженной силой великообщины было народное ополчение во главе с назначенным народным собранием или советом старейшин командующим.

Градообщины на Руси (как главные, так и подчиненные) тоже имели и народные собрания, которые именовались вечами, и советы старейшин, и должностных лиц (посадников, тысяцких и др.), и народные ополчения. Во втором томе «Древностей русского права» — «Вече и князь. Советники князя» В. И. Сергеевич рассматривает роль, функции и деятельность древнерусского веча. Его работа — самое полное и детальное исследование этого института в отечественной исторической литературе.

Как и великообщины, градообщины состояли из субобщин. Так, Новгородская градообщина подразделялась на концы, а последние — на улицы. Эти субобщины и субсубобщины имели свои органы власти. Существовали кончанские и уличанские веча. Кстати сказать, точно такую же структуру имели и возникшие из великообщин урбополитархии. Городагосударства йорубов подразделялись на кварталы (адугбо), а последние на еще меньшие социальные единицы — агболе. Урбополитархия ацтеков Теночтитлан состояла из нескольких больших кварталов, а последние из нескольких меньших, которые назывались калпулли. Сходным было внутреннее устройство и полисов. Афины до реформ Клисфена делились на филы, а те — на фратрии, после реформ: — на филы и демы. Ранний Рим состоял из триб, а те — из курий.

6.11. Древняя Русь — нобиломагнарное общество

Во всех томах «Древностей русского права» В. И. Сергеевич рисует подробную картину социально-экономических отношений в Руси-России, прежде всего способы эксплуатации человека человеком. И подавляющее большинство описываемых им форм эксплуатации из тех, что существовали в эпоху от начала Руси до середины XV в., полностью подходят под данные выше определения доминарных и магнарных отношении. Мы находим здесь и приживалов, и кабальников, и наймитов, и рабов. Из доминарных отношений отсутствует лишь брако-приживальчество. Среди магнарных отношений преобладали магноарендные, нередко перераставшие в магнокабальные.

Много внимания уделяет В. И. Сергеевич характеристике класса доминомагнаристов. Представителей высшего их слоя именовали на Руси боярами. За низшим слоем доминомагнаристов в последующем закрепилось название детей боярских. Все они были полными собственниками земли, которой могли свободно распоряжаться: продавать и покупать, дарить, передавать по наследству, отдавать в аренду. Их владения были вотчинами, сами они — вотчинниками и своеземцами. Доминомагнарист руками рабов, приживалов, наймитов вел обычно собственное, как правило, небольшое хозяйство. Большую часть земли он сдавал, как это называет В. И. Сергеевич, в наем. Между магнаристом и арендатором заключалась порядная, в которой фиксировалась плата за наем. Нередко магнарист представлял магнарию-арендатору не только землю, но и скот, зерно и т. п. Крупные магнаристы имели на службе множество людей, часть которых могла составлять его собственную дружину.

Картину существования доминарных и магнарных отношений на Руси до середины XV в., собственно, дают все без исключения работы, посвященные социально-экономическим отношениям этой эпохи. Эти отношения столь существенно отличались от феодальных, что подавляющее большинство дореволюционных историков категорически выступали, как это делал и В. И. Сергеевич, против признания существования в Древней Руси феодализма. Но, совершенно справедливо отказываясь считать эти отношения феодальными, они в то же время не смогли их выделить в качестве особых антагонистических способов производства и соответственно дать им названия. Они ограничивались

лишь их описанием.

Все советские историки исходили из того, что существуют только три типа антагонистического общества, которые последовательно сменяли друг друга: рабовладельческое, феодальное и капиталистическое общество. Хотя имелись сторонники взгляда на общество Древней Руси как на рабовладельческое, но их было очень немного⁵⁷⁶. Уж слишком разительно отличалось древнерусское общество от античного. О капитализме в Древней Руси не могло быть и речи⁵⁷⁷. Оставалось, таким образом, лишь феодальное общество⁵⁷⁸. Доминантные отношения истолковать как феодальные было труд, но, хотя находились и такие историки. В результате за феодальные отношения пришлось выдавать магнарные. Но такая интерпретация по мере накопления данных становилась все более трудной, особенно в отношении первых веков существования классового общества на Руси. Становилось также ясным, что в этот период было множество производителей материальных благ, которые не находились ни в доминарной, ни в магнарной зависимости. Как следствие, появлялись более чем своеобразные трактовки природы общественного строя ранней Руси.

Например, И. Я. Фроянов на основе исследования обширного материала пришел к выводу, что общество Руси X - начала XII вв. феодальным не было. Но не являлось оно и рабовладельческим. В результате ему не оставалось ничего другого, как объявить, что общество Руси X - начала XIII вв., в котором, бесспорно, уже существовали важнейшие признаки цивилизации — государство, монументальной каменное зодчество и письменность, вообще не было классовым. Оно, по мнению И. Я. Фроянова, было переходным от первобытного общества к феодальному⁵⁷⁹.

Историки по-разному решают вопрос об институте военной дружины у восточных славян. Одни считают, что он был внутренне присущ восточнославянскому предклассовому обществу. Другие полагают, что этот институт был привнесен варягами (норманнами). Согласно их точке зрения, первые дружины на территории будущей Руси были варяжскими. Пришли они на эту землю извне — из Скандинавии. И лишь затем их состав стал славянским.

Единственное, что не подлежит сомнению: на землях восточных славян существовали и милитархи, и милитии. Бесспорно и другое — стремление милитархов стать во главе вначале великообщин и их союзов, а затем — градообщин и градоволостей. Когда милитарх становился правителем того или иного социоисторического организма, то внутри его

начинали сосуществовать две структуры власти: прежние институты (глава великообщины или уже градообщины, командующий народным ополчением, совет старейшин, народное собрание) и милитарх со своими дружинниками (милитантами).

Милитарх стремился подчинить себе старые органы власти, назначить на все должности своих людей, получить всю полноту власти. Прежняя правящая верхушка пыталась сохранить положение, низведя роль милитарха до положения только военного предводителя. Борьба шла с переменным успехом, и исход ее был далеко не одинаков. В большинстве социоров она закончилась победой милитархов. Эти градоволости стали одновременно и княжествами, а милитархи — князьями. Но как показывает В. И. Сергеевич, даже там двоевластие долго еще давало себя знать.

Процесс окняжения градоволостей шел повсеместно, включая и Великий Новгород. И там посадники стали назначаться князем. Но затем наступил поворот: победили градоволостные институты власти, и в Новгородской земле после событий 1136 г. окончательно утвердился строй, который принято называть республиканским.

Но превращение милитарха в правителя градоволости и тем самым ее трансформация в княжество было только внешним выражением происходящих в Древней Руси процессов. Вместе с политическими изменениями происходили и значительно более глубокие: шел процесс возникновения новых социально-экономических отношений.

Когда милитарх становился подлинным властителем, дальнейшее развитие могло пойти по-разному. Как уже отмечалось, милитарные отношения порождали тенденции движения в сторону как политаризма, так и нобиларизма. Если в северогерманском обществе победила первая тенденция, то в восточнославянском — вторая.

В принципе на Руси могло возникнуть несколько княжеств, которые с самого начала были бы совершенно независимы друг от друга и развивались параллельно и совершенно самостоятельно. Однако в силу ряда причин, на которых нет возможности здесь останавливаться, все восточные славяне оказались в составе одного государства, возглавляемого одним князем. Результатом было сближение всех восточнославянских градоволостей. Вначале градоволостями, тем более градообщинами, продолжали управлять прежние власти. Затем постепенно появился институт представителей центральной власти. Когда князь, опираясь на дружину, приходил к власти, то он становился верховным собственником всей земли княжества, а его дружинники — очень своеобразными подчиненными ему совладельцами. Это совладение выражалось в том, что

часть податей, которые получал князь с подданных, шла на содержание его дружины.

Затем князь стал отдавать в кормление и одновременно в управление отдельным влиятельным дружинникам те или иные градообщины или даже градоволости. Используя свое положение, кормленщики могли обзавестись вотчинами и стать магнаристами. Князь с тем, чтобы его власть упрочилась, стремился привлекать к себе на службу местных бояр. Последние входили в состав его дружины, но занимали в ней иное положение, чем рядовые дружинники. Дружина князя и раньше была неоднородна, но теперь она окончательно разделилась на младшую и старшую. Младшие Дружинники были воинами, жившими вместе с князем и находившимися на его содержании. Старшие дружинники были боярами, несшими службу князю. Одни из приближенных князя стали вотчинниками потому, что были его служилыми людьми, другие были приглашены на службу князю потому, что были вотчинниками. И привлеченные местные бояре тоже могли получать от князя в кормление и управление те или иные подразделения княжества.

В результате раздачи земель в кормление дружинникам военные отношения дополнились отношениями кормления — алиментарными, но иного типа, чем те, что упоминались ранее при описании политаризма. Таким образом, существует два вида алиментарных отношений, один из которых является своеобразным проявлением политарных отношений, а другой дополняет военные отношения.

Если князь имел сыновей, то, когда они входили в возраст, он давал им в кормление и управление те или иные градообщины или градоволости. Святослав, например, дал старшему сыну Ярополку Киевскую землю, Олегу — Древлянскую, Владимиру — Новгородскую. После смерти отца Ярополк убил Олега, а Владимир — Ярополка.

Придя к власти, Владимир посадил старшего сына Вышеслава в Новгороде, Изяслава — в Полоцке, Святополка — в Турове, Ярослав вначале правил в Ростове, а после смерти Вышеслава получил Новгород, Святослав стал править в Древлянской земле, Мстислав — в Тмутаракани, Станислав — в Смоленске, Судислав — в Пскове, Борис — вначале в Муроме, затем в Ростове, Глеб — вначале в Суздале, затем — в Муроме. После смерти Владимира Святополк убил Бориса, Глеба и Святослава. Ярослав, опираясь на новгородцев, в конце концов, победил Святополка и тот погиб. Судислав был заключен Ярославом в тюрьму. Мстислав, одержавший победу над Ярославом, стал князем в Чернигове, оставив старшему брату Киев. После смерти Мстислава Черниговская земля

оказалась под властью Ярослава. В результате Ярослав стал правителем всей Руси, исключая в определенной степени Полоцка, где княжил сын его умершего брата Изяслава—Брячислав.

Ярослав, как до него Святослав и Владимир, также назначал сыновей правителями отдельных частей своих владений. После его смерти (1054) осталось пятеро сыновей и внук. Они мирно разделили между собой доставшееся им наследство. В результате на Руси, кроме Полоцкого княжества, появилось еще шесть. Во всех правили потомки Владимира — Рюриковичи, как их принято называть. Сыновья и внуки Ярослава продолжали практику отца и деда. В результате княжества, в которых они правили, после их смерти в свою очередь тоже дробились. Как следствие, Русь становилась конгломератом все большего и большего числа княжеств. К середине XII в. их было 15, к началу XIII в. — около 50-ти.

И самый важный вопрос заключается в том, продолжала ли Русь оставаться одним социоисторическим организмом, и тем самым одним государством, или она превратилась в систему вполне самостоятельных социоисторических организмов, вполне независимых государств.

Одни исследователи считали, что и после смерти Ярослава Мудрого Русь продолжала представлять собой достаточно прочную социальную и политическую общность. С. М. Соловьев полагал, что в основе единства Руси лежало единство всех правящих в ней в князей: все они принадлежали к одному единому роду Рюриковичей, всех их связывали родовые отношения. Эти родовые связи были одновременно и связями собственности. «Князья, — писал С. М. Соловьев, — считают всю Русскую землю в общем, нераздельном владении рода своего...»⁵⁸⁰. Далее С. М. Соловьев рисует такую картину порядка, существовавшего на Руси: «...Старший в роде, великий князь, сидит на старшем столе, другие родичи смотря по степени своего старшинства занимают другие столы, другие волости, более или менее значительные; связь между старшими и младшими членами рода чисто родовая, а не государственная; единство рода сохраняется тем, что когда умрет старший или великий князь, то достоинство его вместе с главным столом переходит не к старшему сыну его, но к старшему в целом роде княжеском; этот старший перемещается на главный стол, причем перемещаются и другие родичи на те столы, которые теперь соответствуют их степени старшинства»⁵⁸¹. И другие историки считали и сейчас считают, что князь, занимавший старший стол, т. е. правивший в княжестве, столицей которого была столица исходного княжества, являлся, в отличие от прочих князей, великим князем. Великому

князю подчинялись все прочие князья, которых иногда называют удельными, и в этом смысле исходное княжество не исчезало совсем, а продолжало существовать, но только в ином виде.

В. И. Сергеевич в своих работах выступал с резкой критикой подобного взгляда. Специально положение князей и отношения между ними он рассматривал в работе «Князь и вече», которая затем в доработанном виде вошла во второй том «Древностей русского права» — «Князь и вече. Советники князя». По его мнению, главным принципом на Руси всегда была отдельность владений. Если на Руси от Олега до Ярослава в каждый конкретный отрезок времени был лишь один князь (да и то не всегда — достаточно вспомнить Мстислава Черниговского), то причина заключалась не в принципе, а в определенных исторических обстоятельствах: в одних случаях (Игорь, Святослав) у князя совсем не было братьев, в других (Владимир, Ярослав) его братья были убиты, умерли или заключены в тюрьмы.

С самого начала дробления Руси все правившие в ней князья были в правовом отношении совершенно равны по своему положению. Они не делились на великих и удельных. Все они владели уделами и соответственно были в одинаковой степени удельными. Все они были совершенно независимыми друг от друга правителями. Никакой князь не имел, согласно существующим нормам, никакой власти ни над каким другим князем. Все отношения между князьями определялись только договорами между ними, в которых они выступали, как правило, в качестве совершенно равных сторон.

Несомненно, что между князьями не было реального равенства. Но дело было совсем не в том, что одни были по родству младшими, а другие — старшими. Главное — князья отличались по силе. Одни располагали крупными владениями, большой дружиной, поддержкой других князей и градообщин, другие всего этого не имели. Не было никаких общих правил занятия князьями столов. Все, в конечном счете, зависело от ситуации и соотношения сил. Стол мог перейти и к старшему брату умершего князя, и к его сыну. Князь мог захватить власть, опираясь на поддержку других князей, мог быть приглашен вечем градообщины. Соответственно князь мог быть смещен со стола и другими князьями, и вечем градообщины.

И С. М. Соловьев, и В. И. Сергеевич абсолютизировали определенные, причем разные, аспекты социального порядка Руси, игнорируя другие. Русские князья действительно образовывали своеобразную корпорацию, которая обладала верховным правом на почти всю территорию Руси. В этом отношении был прав С. М. Соловьев и другие сторонники данной точки

зрения. Но они были не правы, когда утверждали, что эта корпоративная собственность Рюриковичей на Русь была нераздельной. Она была раздельной. И в этом отношении был прав В. И. Сергеевич. Но если С. М. Соловьев абсолютизировал корпоративный характер описанной формы собственности, отрицая ее раздельность, то В. И. Сергеевич, наоборот, — ее раздельность, отрицая единство, корпоративность.

Но само существование сети договорных отношений между князьями, на которое обратил особое внимание и детально описал В. И. Сергеевич, было свидетельством не только самостоятельности князей, но и зависимости их друг от друга, связанности их друг с другом. На Руси действительно существовала собственность корпорации князей на основную часть ее территории, но эта собственность была разделенной — корпоративно-долевой, корпоративно-персональной.

И такие отношения собственности не были совершенно уникальными, не были достоянием только Руси. Перед нами тот способ производства, который выше был назван нобиларным. Одни существовавшие на Руси княжества были нобилариумами, другие переходными формами от нобилариумов к нобилархиям, третьи — вполне сформировавшимися нобилархиями. Соответственно не были равным по положению и князья: одни были еще рядовыми нобиларистами, другие же нобилархами. Таким образом, на Руси на основе милитарных отношений возникли не политарные отношения, как у северных германцев, а нобиларные. Нобилархии и нобиларисты, как прежде милитархи, давали отдельные части своих владений в кормление к управлению тем или иным лицам. Нобиларизм органически сочетался с определенным видом алиментаризма. Поэтому данный способ производства в том его варианте, который существовал в классовом обществе, точнее всего можно назвать нобиларно-алиментарным, или нобилоалиментарным.

Таким образом, в конечном счете, на Руси возникло классовое общество, которое базировалось на симбиозе двух общественно-экономических укладов: нобилоалиментарного и доминомагнарного. Сходным был результат классовообразования и в Центральной Европе. В центрально-восточноевропейской зоне центрального исторического пространства утвердилась дуалистическая, симбиотическая, химерная параформация — *нобиломагнарная*.

Своеобразное положение на Руси занял Новгород. Он отличался от остальной Руси не только политическим, но и социально-экономическим строем. Утверждение в нем республики было одновременно и ликвидацией в нем нобилоалиментарных отношений. Новгородская земля не стала

нобилархией. Князю, который в Новгороде был не правителем, а только полководцем, выделялись на время, когда он занимал это положение, земли, доход с которых шел ему. Не был нобилархией и отделившийся от Новгорода Псков. Это, в частности, выразилось в том, что долгое время князем в нем был не представитель рода Рюриковичей, а выходец из Литвы Довмонт. Что же касается созданной выходцами из Новгорода Хлыновской (Вятской) республики, то она вообще обходилась без князей.

Сторонники существования на Руси феодализма, не сумев доказать, что отношения землевладельцев и людей, работавших на них, были такими же, что и на средневековом Западе, пытались привести в качестве доказательства правильности своей точки зрения существование в древнерусском и западноевропейском обществе сходных и даже одинаковых социальных институтов. По мнению Н. П. Павлова-Сильванского, такими институтами были, например, патронат-закладничество и иммунитеты, т. е. предоставление судебных и налоговых льгот.

Возражая ему, В. И. Сергеевич указывает, что на Западе эти институты существовали примерно в том же виде, что и на Руси, в эпоху вовсе не феодализма, а предшествовавшую ему. Это был не феодализм, а его предвестники. «На Западе, — пишет В. И. Сергеевич, — все предвестники феодализма, с появлением его на свет божий, были им переработаны и в древней своей форме не удержались. Это совершенно естественно и понятно и иначе и быть не могло. А у нас? Совершенно наоборот, никакого перерождения не совершилось. Иммунитеты существуют в XV, XVI и XVII веках, закладничество тоже проходит через всю древнюю историю, до самого Петра. Как же это? Явления, признанные западной наукой предшествующими, у нас оказываются и предшествующими, и сопутствующими, и последующими!»⁵⁸² Как указывает В. И. Сергеевич, в раннюю эпоху на Западе и на Руси было немало общего, а затем их пути разошлись. И выше мною уже было показано, почему так случилось. Если на Западе произошел синтез предклассовых отношений германцев и отношений, сохранившихся от римского общества, то на Руси, как и в Центральной Европе, такого синтеза не было.

Русь от захвата Олегом Киева (882) до смерти Ярослава Мудрого (1054) была одной милитархией — одним социоисторическим организмом и государством. После смерти Ярослава она разделилась на несколько нобилархий, стала системой нобилархий. В свою очередь эти, состоявшие из нобилариумов нобилархии, распались на меньшие нобилархии и тем самым становились системами нобилархий, но уже не первого, а второго

порядка. В процессе дальнейшего дробления могли возникнуть системы нобилархий третьего и даже следующих порядков. Но рано или поздно данный процесс прекращался. Возникали княжества столь небольших размеров, что они были совершенно неспособны к более или менее самостоятельному существованию. Их князья обычно поступали на службу к более могущественным князьям, их княжества входили в состав нобилархий последних, а сами они превращались в служебных, или служилых, князей. Это явление было достаточно подробно описано В. И. Сергеевичем во втором томе «Древностей русского права».

Русь в целом после дробления на множество нобилархий перестала быть социоисторическим организмом и государством. Но и нобилархии не стали подлинными социоисторическими организмами, государствами в точно смысле слова. Возникла ситуация, в одном из аспектов сходная с той, что наблюдалась в Западной Европе в эпоху феодальной раздробленности.

Как в нобиларной Руси, так и на феодальном Западе не было полноценных, настоящих социоисторических организмов. В Западной Европе существовала сложная иерархическая структура. Низшим ее звеном были маноры, они же минисеньории и минифеоды. Далее шла лестница медисеньорий (виконтств, баронств, графств, герцогств), которые одновременно (исключая высшую медисеньорию, являющуюся максифеодом) были медифеодами. Наивысшим звеном была максисеньория, которая уже не была феодом. Она обычно именовалась королевством.

Манор (минисеньория, минифеод), обладая некоторыми признаками и социоисторического организма, и государства, был ни тем и не другим. Он был *субсоциором* и *субполитией*. Не были подлинными социоисторическими организмами и государствами и все высшие звенья иерархической лестницы, включая максисеньорию (королевство). Все они обладали лишь некоторыми признаками социоисторических организмов и государств, выполняли лишь некоторые их функции. Они все были парасоциорами и парapolитиями (от греч. пара — около, возле)⁵⁸³.

И на Руси имелись субсоциоры и субполитии. Но ими были не маноры, которые в отличие от Западной Европы в древнерусском обществе не существовали, а нобилариумы. Не существовали на Руси также и медисеньории и максисеньории. Но там были нобилархии и их системы, которые так же как и медисеньории и максисеньории феодальной Западной Европы, были *парасоциорами* и *парapolитиями*. Это обуславливало определенное внешнее сходство между западноевропейскими феодальными и древнерусскими нобиларными порядками. Из всей

иерархии систем нобилархий первоначально парасоциором и парapolитией был лишь система первого порядка, т. е. Русь в целом. В последующем развитии парасоциорами и парapolитиями становятся системы все более низших порядков, а Русь в целом превращается в местную гнездовую систему парасоциоров. Разногласия между историками в вопросе о времени прекращения существования Руси как единого государства связано с тем, что одни принимают за начало ее распада появление первых нобилархий, другие — утрату Русью в целом качества парасоциора и парapolитии⁵⁸⁴.

6.12. Татаро-монгольское иго на Руси и зарождение политаризма

В XIII в. Русь была покорена монголами. В конечном счете, Северная Русь, т. е. Северо-Западная и Северо-Восточная вместе взятые, почти на 250 лет оказалась под властью вначале Монгольской империи, затем отделившейся от нее Орды и ее преемников. Остальные части Руси вошли в состав Великого Княжества Литовского и Польши. В результате Северная Русь была вырвана из центрального исторического пространства. Центрально-восточноевропейская зона сузилась, она стала в основном центральноевропейской. Оставляя в стороне историю тех частей Руси, что оказались в составе Литвы и Польши, ограничимся рассмотрением развития социального строя лишь Северной Руси.

О воздействии Орды на политический и социальный строй Северной Руси писали многие авторы. Они по-разному оценивали его силу и его результаты. Н. С. Трубецкой, например, подчеркивал, что Северная Русь стала одной из провинций монгольского государства и, как следствие, усвоила всю «технику монгольской государственности», прежде всего монгольскую «систему управления»⁵⁸⁵. Другие авторы сводили это воздействие к минимуму, что мешало им понять эволюцию общественного строя Руси.

В действительности воздействие Орды на социальный строй Северной Руси было огромным. Монгольская империя, а тем самым и отделившаяся от нее Орда, были древнеполитарными государствами. И в результате влияния Орды в Северной Руси начал формироваться особого рода политаризм, включавший в себя в качестве важнейшего компонента крепостничество. На это обстоятельство обратил внимание Г. В. Вернадский. «Прямо или косвенно, — писал он, — монгольское нашествие способствовало падению политических институтов Киевского периода и росту абсолютизма и крепостничества»⁵⁸⁶.

К. А. Виттфогель в своей работе «Россия и Восток: Сравнение и противопоставление», впервые опубликованной в 1963 году в журнале «Славик ревью», прямо связывал возникновение в России своеобразной разновидности «восточного деспотизма», или «агродиктаторского (agromanageiral) общества» (так он называл, политаризм), с монгольским завоеванием⁵⁸⁷. Американский историк Д. Островски настаивает на том,

что начиная с XIV в. в Московском княжестве шла «ассимиляция, модификация и адаптация» монгольских политических, административных и военных институтов⁵⁸⁸.

Предпосылки такой политаризации, которая включала в себя и становление крепостничества, стали намечаться еще в XIV в., начало же ее относится к XV в. В. И. Сергеевич во всех трех томах «Древностей русского права» детально прослеживает разные составляющие этого сложного процесса.

В домонгольской Руси доминоагнарлисты (крупные и мелкие бояре) могли быть на службе у князю, а могли и не быть. Более того, боярин мог бросить служить князю, в княжестве которого находилась его вотчина, и перейти на службу к любому другому князю. Во второй половине XIII в., XIV в. и первой половине XV в. право отъезда продолжало сохраняться. Далее начались изменения. Не только постепенно был запрещен отъезд, но и служба князю из добровольной превратилась в обязательную.

И в более раннюю эпоху и князья, и крупные бояре могли давать части своих земельных владений тем или иным лицам с обязательством несения службы. Эти условные держания со временем получили название поместий, а их держатели стали называться помещиками, или дворянами. В отличие от вотчин поместьями можно было только пользоваться, но не распоряжаться: продавать, дарить, передавать по наследству. С отказом от службы человек лишался поместья.

Первоначально условные держания были сравнительно редким явлением. С середины XV в., по мере превращения великого князя Московского в государя всея Руси, раздача поместий получила самое широкое распространение. Когда Иван III, например, подчинил Новгород, он конфисковал вотчины большей части местных бояр. Отобранные земли частично остались в распоряжении великого князя, частично были розданы в качестве поместий людям из других областей страны. Лишенные же своих владений бояре получили вотчины или поместья за пределами Новгородской земли.

Шаг за шагом была прекращена практика раздачи поместий частными лицами. Право это сохранилось только за князем. Все свободные служилые люди стали только государевыми. Постепенно стала стираться грань между вотчинами и поместьями. Она стала особенно относительной тогда, когда вотчинникам вменили в обязанность служить князю под угрозой лишения их владений.

Рисуя картину массовой конфискации боярских вотчин во второй половине XV в., В. И. Сергеевич подчеркивает, что далеко не все

конфискованные земли раздавались в качестве поместий. Значительная их часть оказалась в непосредственном владении великого князя. И, по мнению В. И. Сергеевича, именно на этих княжеских землях впервые в истории Руси-России возникла крестьянская община. Раньше ее на Руси не было.

Это утверждение во многом связано с тем, что, согласно взгляду В. И. Сергеевича, все или почти все непосредственные производители, которые вели земледельческое хозяйство, были на Руси до этого времени съемщиками земли, т. е. магнариями-арендаторами. Этот взгляд он обосновывает в основном на материалах новгородских писцовых книг, относящихся к концу XV в.

Но несомненен факт, что на Руси и раньше, кроме земель, принадлежавших частным лицам, которые сдавали их в аренду, были земли, находившиеся в непосредственном владении князей. Как утверждает В. И. Сергеевич, все эти земли были вотчинами князя, которые ничем существенным не отличались от вотчин частных лиц. Не существовало их подразделения на земли, которыми князь владел как обычными вотчинами, и земли, на которые он имел право в качестве правителя, государя. Все они были в равной степени государевыми, но не государственными в точном значении этого слова. Отсюда следовало, что положение непосредственных производителей на всех землях, которыми непосредственно распоряжался князь, ничем не отличалось от их положения в боярских вотчинах.

Однако приводимые самим же В. И. Сергеевичем данные находятся в разительном противоречии с этими его положениями. Ведь в боярских вотчинах непосредственные производители, которые вели хозяйство, были полностью лишены каких бы то ни было прав на землю. Единственным и причем полным собственником земли вотчины был вотчинник. А на землях, принадлежавших князю, как показывает В. И. Сергеевич, земледельцы пользовались известными правами на участки, которыми они пользовались: могли их продавать, дарить, передавать по наследству.

В. И. Сергеевич нигде четко не определяет их владельческий статус. Но все приводимые им материалы свидетельствуют о том, что в данном случае мы имеем дело с явлением разделенной собственности, в одинаковой степени характерным и для политобщинного варианта палеополитаризма, и для нобиларизма, и для феодализма. Князь был верховным собственником земли, а земледелец — подчиненным. Первый был не магнарисом, а нобилархом, а последний не магнарием, а нобиларно-зависимым крестьянином (нобиларием). Наряду с землями, находившимися в верховной собственности князя, были и такие, где он был

полным собственником. Такое явление наблюдалось во многих древнеполитарных обществах.

Во всяком случае, рассматривая завещание Ивана Калиты, В. И. Сергеевич пишет: «Иван Данилович распоряжается в своем завещании не только частной своей собственностью, но правами владетельного князя. В качестве частного собственника он отказывает свои движимости (рабов, скот, драгоценности и пр.) и недвижимости (села); в качестве владетельного князя — города и волости, в которых ему принадлежат право суда и управления. Границы частной земельной собственности князя и удела его не совпадают; с одной стороны, не все московские села в собственности князя, а с другой, он владел селами не только в Московском княжестве, но и в Великом княжестве Владимирском, Новгороде, Ростове и других местах»⁵⁸⁹.

Возникает и еще один вопрос. Ведь, кроме княжеств, на Руси были и республики. И сам же В. И. Сергеевич признает, что на новгородских землях до их конфискации Иваном III, кроме бояр и их арендаторов, сидели также и люди, которые обрабатывали свою же землю. Он их именует и вотчинниками, и своеземцами, и крестьянами. Объединение В. И. Сергеевичем под названием вотчинников и своеземцев, с одной стороны, новгородских бояр, с другой, новгородских крестьян на том лишь основании, что и те, и другие были полными собственниками земли, результат формально-правового подхода, который в данном случае привел к игнорированию социально-экономических реалий.

Работы многих исследователей показывают, что на ранних этапах истории Руси значительная, если не большая, часть непосредственных производителей, ведущих хозяйство, была не магнарно-зависимыми работниками, а крестьянами. А там, где существует крестьянство, там везде существует и крестьянская община⁵⁹⁰. И недаром значительная часть историков сразу выступила с резкой и достаточно убедительной критикой вывода В. И. Сергеевича об отсутствии крестьянской общины на Руси до второй половины XV в.⁵⁹¹ Действительно, в этом В. И. Сергеевич был не прав.

Но определенная доля истины в его рассуждениях вполне могла содержаться. Как показывает история древнеполитарного общества, развитие в его недрах магнарных отношений могло привести и приводило к раскрестьяниванию непосредственных производителей и распаду крестьянской общины⁵⁹². Поэтому совершенно не исключено, что в тех областях Руси, в которых магнарные отношения стали почти безраздельно

господствующими, крестьянская община могла исчезнуть.

И после утверждения монгольского господства на Руси продолжали сохраняться нобиларные отношения. После смерти князя его сыновья получали нобилархии и тем самым становились князьями. Однако и здесь наметились существенные перемены. Раньше исходная нобилархия распадалась на несколько новых и превращалась в систему по существу равноправных социальных единиц. Теперь на смену *разделу* пришел *выдел* из состава исходной нобилархии, правителем которой становился старший сын умершего князя, нескольких сравнительно небольших нобилархий, которые отдавались младшим сыновьям. Уже здесь явно наметилось различие между великим князем и удельными князьями. Затем постепенно уделы младших сыновей из во многом все еще самостоятельных княжеств стали превращаться в автономные части великого княжества.

В более позднее время удельные княжества представляли собой уже не сплошные территориальные массивы, соседствующие с собственными владениями великого князя, а состояли из нескольких пространственно разделенных кусков, вкрапленных в территорию великого княжества. В. И. Сергеевич, который в некоторых местах второго тома «Древностей русского права» продолжал настаивать, что и в монгольский период все князья оставались равноправными правителями, рисует картину превращения удельных княжеств в части великого княжества, а затем и полной ликвидации их.

Удельные князья имели своих служилых людей, свои собственные вооруженные силы. Все доходы с их княжества шли только им. В казну великого князя от них не поступало ничего. Но если внутри своих княжеств они по-прежнему пользовались всей полнотой власти, то по договорам с великим князем они шаг за шагом лишались права вступать в отношения с иными княжествами Северной Руси, тем более с иными государствами, т. е. права вести внешнюю политику. Отношения великого князя с удельными по-прежнему регулировались договорами, но в них все в большей и большей степени подчеркивалось подчиненное положение удельных князей по отношению к великому князю. Но кардинальным решением вопроса было, конечно, ликвидация уже существовавших удельных княжеств и прекращение выделения новых. И это в конце концов произошло. Во время правления Ивана IV уничтожение нобиларных отношений было в основном завершено. Утвердились качественно иные связи — политарные. Во время последовавшего за правлением Ивана IV царствования Федора Ивановича было в основном завершено уничтожение и магнарных отношений.

Пока преобладающей формой были вотчины, и вотчинники не были

обязаны служить своему князю, власть не вмешивалась в отношения между владельцами земли, с одной стороны, его арендаторами-магнариями, с другой. Когда же ведущей формой стали поместья, а вотчинники в обязательном порядке стали служилыми людьми князя, положение резко изменилось. Для того, чтобы и помещик, и вотчинник мог исправно отбывать службу, прежде всего военную, было совершенно недостаточно, чтобы они имели в своем пользовании или в своей собственности землю. На земле поместья или вотчины должно было сидеть достаточное количество работников.

Но арендаторы-магнарии могли снимать землю у одного землевладельца, могли у другого, имели право свободно переходить от одного хозяина к другому. Более или менее гарантированным было положение крупных вотчинников, которые могли создать для своих арендаторов более или менее благоприятные условия и тем самым переманить их от других хозяев. Положение помещиков и мелких вотчинников было более рискованным. Они вполне могли остаться без нужного числа работников и тем самым оказаться неспособными нести службу. В таких условиях единственным для государства выходом было прикрепление непосредственных производителей к земле, т. е. введение крепостного права. И оно, в конце концов, было введено. Магнарии-арендаторы превратились в крепостных крестьян.

Критикуя точку зрения многих историков, прежде всего В. О. Ключевского, согласно которой крепостничество возникло стихийно, без вмешательства государственной власти, В. И. Сергеевич доказывает, что крепостное право было сознательно введено государством. За это его в советское время упрекали в преувеличении значения государства, в приписывании ему роли основного творческого начала в истории⁵⁹³. В данном случае упрек совершенно неоснователен. Он основан на игнорировании специфика классовых докапиталистических социально-экономических отношений, которые не просто проявлялись в правовых отношениях, а воплощались в них. Крепостное право было введено государством не по произволу, а в силу объективной экономической необходимости. Именно она диктовала законы, закрепощавшие крестьян.

В. И. Сергеевич показывает, как шел процесс закрепощения: запреты работникам-арендаторам покидать те или иные конкретные земельные владения, ограничение времени перехода арендаторов от одного хозяина к другому. Логическим завершением этого процесса должен был бы быть закон о полном запрете переходов. Такой царский указ до сих пор историками не найден. Это дало одно из оснований утверждать, что его

никогда не было. В. И. Сергеевич приводит веские доводы в пользу того, что указ о запрете переходов был, он появился в 1594 или 1595 гг.

Так в России были ликвидированы и нобиларные, и магнарные отношения. Вместо них в стране утвердился политаризм. Но этот политарный способ производства был отличен от древнеполитарного. Как уже отмечалось выше, с политаризмом вполне мог сочетаться алиментаризм. При древнеполитарном способе некоторым служащим государственного аппарата платили не жалованье из казны политарха, а предоставляли право получения части дохода с определенной совокупности крестьян. При древнеполитарном способе производства алиментаризм не был широко распространенным явлением.

Характерной особенностью той разновидности политаризма, которая утвердилась в России, было широкое развитие алиментарных отношений. Людям, которые несли ту или иную службу государству, главным образом военную, выделялись в качестве алиментариумов земли вместе с жившими на них земледельцами. В результате часть общеклассовой политарной корпоративной собственности на землю и личность производителей в какой-то степени стала приобретать персонализированный характер. Первоначально персонализация государственной, корпоративной собственности была минимальной. Алиментарист получал право лишь на определенную часть прибавочного продукта, который создавался земледельцами его алиментариума, и не больше. И это право могло быть у него легко отнято.

Помещики были алиментаристами с самого начала. В дальнейшем ими стали и вотчинники. Это окончательно произошло, когда глава государства превратился в политарха и получил право лишать и жизни, и собственности всех своих под данных. Этот процесс, начавшийся еще при Иване III, достаточно четко проявившийся при Василии III, окончательно завершился в царствование Ивана IV, еще при жизни прозванного Грозным. Опричный террор был вовсе не результатом плохого характера или психического заболевания этого монарха. Утверждение политаризма в любом его варианте с неизбежностью предполагает массовый террор и создание атмосферы всеобщего страха. Все политархи, так или иначе, осознавали свое главное право, обладание которым отличало их не только от рядовых подданных, но и от всех других членов класса политаристов. Но из всех политархов один лишь Иван IV сумел его лаконично и в то же время совершенно точно выразить: «А жаловати есмя своих холопов вольны, а и казнити вольны же...»⁵⁹⁴.

Дальнейшее развитие российского политаризма состояло в

нарастающей персонализации государственной, корпоративной собственности. Важнейшим шагом на этом пути было прикрепление работников к земле алиментариума, т. е. утверждение крепостного права. Алиментариумы постепенно становились пожизненными, а затем и наследственными владениями.

Когда верховная политарная собственность на землю была в значительной персонализирована, а бывшие магнаторы-арендаторы окончательно прикреплены к поместью, земля последнего разделилась на две части: одна из них была выделена под хозяйства работников, на другой помещик руками этих же работников вел собственное хозяйство. В результате работники стали подчиненными собственниками земли, т. е. крестьянами в точном смысле этого слова, что с необходимостью предполагало существование крестьянской общины. Там, где она ранее исчезла, произошло ее возрождение, что и было принято В. И. Сергеевичем за ее первое появление в России.

Как следствие, поместья в России стали имениями, в ряде отношений сходными с западноевропейскими манорами (деление на доменальную и крестьянскую землю, сосуществование с крестьянской общиной и т. п.). Российский помещик имел определенную власть над крестьянами. Но государем, в отличие от владельца западноевропейского манора эпохи феодальной раздробленности, он никогда не был. Никогда не были российские имения ни сеньориями, ни феодами, а тем самым ни суборганизмами, ни субполитиями. Над российским помещиком всегда стояло самодержавное централизованное государство.

Если вплоть до середины XVIII в. еще сохранялась, по крайней мере, формально, связь владения помещьем с несением службы государству, то после «Манифеста о даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» (1762) последнее перестало и официально быть обязательным. В конечном счете, поместья практически стали полной персональной частной собственностью помещиков, хотя определенные черты корпоративной собственности сохранялись вплоть до отмены крепостного права (1861).

6.13. От Руси к России: державополитарная социальная революция второй половины XV-XVI веков

Таким образом, во второй половине XV в. - XVI в. в России утвердился новый способ производства. Так как становление этого вида политаризма было неразрывно связано с утверждением в России самодержавия, то его можно назвать самодержавным политаризмом, или, короче, *державополитаризмом*. Этот общественно-экономический уклад был подразделен на две подсистемы. Первая из них подсистема эксплуатации государственных крестьян. Она практически ничем не отличалась от политообщинного варианта древнеполитарного способа производства и вполне может быть названа *политообщинной*. Вторая — система поместий, в которых трудились крепостные крестьяне, — *политопоместная (политокрепостническая)*. Эти две подсистемы образовывали одну единую систему — *державополитарную*.

Вторая половина XV в. - XVI в. были временем смены старой нобиломагнарной общественно-экономической параформации новой, но тоже не формацией, а параформацией — державополитарной (державополитопоместной). Изменился не только социально-экономический, но и политический строй. В. И. Сергеевич в первом и втором томах «Древностей русского права» детально показывает трансформацию государственной машины, которая в частности выразилась в появлении Расправной палаты, приказов, возрастании роли дьяков и т. п.

Смену общественно-экономических формаций принято называть социальной революцией. Вероятно, социальной революцией можно называть и смену формации параформацией, проформации и параформации — формацией, а также и переход от одной параформации к другой. Таким образом, в России во второй половине XV-XVI вв. произошла социальная революция, причем не внесоциорная (экзосоциорная), а внутрисоциорная (эндосоциорная). Социальные революции могут происходить разным образом. Существуют три основные формы внутрисоциорной смены формаций, параформацией и проформаций. Первая форма — *стихийная социальная трансформация*. Так происходил переход от предклассового общества к классовому. Вторая форма — *социально-политическая реформация*. Ее иногда называют «революцией сверху». Третья форма —

социально-политическая революция, включающая в себя в качестве необходимого момента захват власти — государственный переворот. Рассмотренная выше социальная революция в России происходила в форме социально-политической реформации. Реформаторами были Иван III Великий, Василий III и Иван IV Грозный.

Во второй половине XV в. - XVI в. произошла не только и не просто смена социально-экономического строя. Возник совершенно новый ранее не существовавший социоисторический организм. Северная Русь, представлявшая собой конгломерат нобилархий, — парасоциор, сам состоявший из парасоциоров, объединилась вокруг Великого княжества Московского и превратилась в огромный подлинный социоисторический организм, получивший со временем название России. Кончилась история Руси — началась история России — нового геосоциального организма, который почти сразу освободился от чужеземного владычества и обрел полную политическую независимость.

После избавления от татаро-монгольского ига Северная Русь, ставшая Россией, вернулась в центральное историческое пространство, но уже в качестве особой ее периферийной зоны — восточноевропейской, или российской. Возникновение державополитаризма в России обеспечило целостность и единство страны и избавило ее от той участи, которая постигла все общества, образовывавшие центральноевропейскую зону, в которых в той или иной степени продолжали господствовать нобиломагнарные отношения. Все они рано или поздно лишились политической независимости. Болгария, Молдавия, Валахия и Сербия оказались в составе Османской империи, Хорватия, Словакия и Чехия — Австрийской. Венгрия была разделена между Турцией и Австрией. Последней с политической карты мира исчезла образовавшаяся в результате объединения Польши и Великого княжества Литовского Речь Посполитая.

Из всех обществ, составивших на рубеже первого и второго тысячелетий центральное-восточноевропейскую зону центрального исторического пространства, лишь Северная Русь, в XIII в. вырванная из этого пространства, а затем спустя два с половиной века вернувшаяся в него, но теперь уже как Россия и в качестве особой его зоны, не только обрела, а затем и сохранила самостоятельность, но и расширила свою территорию на западе, юге и на востоке (где ее границы дошли до Тихого океана, а затем под ее властью оказалась и часть Америки). В результате российская зона центрального исторического пространства из восточноевропейской превратилась в евразийскую.

6.14. Россия в XVIII-XX веках

Вследствие реформ Петра Великого Россия приобщилась к многим достижениям Западной Европы: получили распространение мануфактуры, стала вначале усваиваться, а затем и развиваться наука и философия и т. п. В течение XVIII в. Россия превратилась в одну из великих европейских держав. С конца этого столетия в стране в результате влияния Запада начал формироваться капитализм. Следствием была неудавшаяся попытка совершить буржуазную революцию (1825 г.). Развитие капитализма сделало неизбежной новую социальную революцию. Она, как и социальная революция второй половины XV в. - XVI в., произошла в виде социальнополитической реформации в 60-х годах XIX в. В результате в России утвердился капитализм, но особого типа.

Как уже указывалось, человеческое общество с возникновением цивилизации всегда подразделялось на мировой центр (мировую систему супериорных социоисторических организмов) и мировую периферию, состоящую из инфериорных обществ. Последней мировой системой, которая упоминалась в данной работе, была западноевропейская феодальная. На смену ей пришла мировая капиталистическая система, которая первоначально тоже была западноевропейской. Затем она расширилась, включив в свой состав США, Канаду и некоторые другие страны, и стала называться просто западной. Западная мировая капиталистическая система была первой, которая втянула в орбиту своего влияния весь мир. Почти все страны периферии либо стали колониями государств центра, либо оказались в той или иной форме зависимости от них. Зависимость эта прежде всего выражалась в том, что периферийные страны стали объектами эксплуатации государств Запада.

Когда в эти страны в результате влияния Запада начал проникать и развиваться капитализм, то он там приобрел иной характер, чем он имел в странах центра. Результатом супериндукции мирового капиталистического центра, как правило, стала не супериоризация, а латерализация стран периферии. Возникший в них капитализм был зависимым, был тупиковым вариантом этой формы эксплуатации человека человеком. Так стали существовать два отличных друг от друга капиталистических способа производства: капитализм центра — *ортокапитализм* и периферийный капитализм — *паракапитализм*. В социоисторических организмах центра продолжала существовать ортокапиталистическая общественно-

экономическая формация, в периферийном мире сформировалась паракапиталистическая общественно-экономическая параформация.

Капитализм, возникший в России, был периферийным. В ней на смену державополитарной параформации пришла паракапиталистическая параформация. В странах периферийного капитализма (Россия, Иран, Турция, Китай, Мексика) в первых двух десятилетиях XX в. одна за другой прокатились социально-политические революции, направленные против паракапитализма, а тем самым и ортокапитализма, революции антикапиталистические. Только одна из них одержала полную победу. Этот происшедший в России в 1917 г. грандиозный переворот принято называть Великой Октябрьской социалистической революцией. В результате ее Россия вырвалась из цепей зависимости от ортокапиталистического центра, что обеспечило ее быстрое развитие и превращение вначале во вторую индустриальную страну, а затем в одну из Двух сверхдержав мира. В России, которая приняла название СССР, утвердился новый социально-экономический строй. Но это был не социализм, а новая форма политаризма — индустрополитаризм, или неополитаризм. Именно с этим связана волна массового террора, которая пришлась на конец 20-х - 30-е годы. К 80-м годам неополитаризм исчерпал свои прогрессивные возможности. Нужна была социальная революция, но произошла контрреволюция, в результате которой в России был реставрирован периферийный капитализм и произошел возврат к паракапиталистической параформации⁵⁹⁵.

Очерк 7

Политарный («азиатский») способ производства: теория и история

7.1. Возникновение первых научных унитарно-стадиальных концепций истории

Историческая наука начала возрождаться в эпоху Ренессанса. Первоначально она, как и античная историология, была не столько наукой в точном смысле слова, сколько пранаукой, но с течением времени стала обретать характер подлинного объективного исследования прошлого.

Важнейшим моментом в ее развитии было становление идеи исторического прогресса. Она присутствует уже в труде Жана Бодена (1530-1596) «Метод легкого познания истории» (1566) и сочинении Джордано Бруно (1548-1600) «Пир на пепле» (1584). К концу XVIII в. идея прогресса окончательно победила.

Прочную основу для этого создали те периодизации всемирной истории, которые к тому времени утвердились в науке. Их возникновение и разработка была во многом связана с Великими географическими открытиями, расширившими кругозор европейцев, ознакомивших их с различными народами, жившими совершенно иначе, чем они сами. Главным материалом для этого дала тогда Америка.

Одна из этих периодизаций заключалась в подразделении всей истории человечества на периоды дикости, варварства и цивилизации. Три последних понятия формировались постепенно и стихийно. Люди долгое время пользовались ими, не пытаясь их теоретически осмыслить, провести четкие грани между обозначаемыми ими периодами. Первую теоретическую разработку эта периодизация нашла в труде шотландского мыслителя Адама Фергюсона (1723-1816) «Опыт истории гражданского общества», впервые увидевшего свет в 1767 г.

А. Фергюсон применяет для обозначения конкретных отдельных обществ (социоисторических организмов, сокращенно — социоров) слово «нация». Он прежде всего различает «нации» развитые, воспитанные, цивилизованные и «нации» неразвитые, грубые, примитивные. Было время, когда все человечество находилось в грубом, примитивном состоянии. В последующем часть его в результате медленного и постепенного прогресса достигла более высокого состояния.

В свою очередь, среди грубых «наций» можно выделить дикарские и варварские. Дикарские «нации» жили охотой, рыболовством, собирательством, а в некоторых случаях и земледелием. У них не было частной собственности. Весь продукт шёл общине и делился между ее

членами соответственно их нуждам. Все люди были равны. Не было ни бедных, ни богатых, ни правителей, ни управляемых.

Таким образом, у А. Фергюсона мы сталкиваемся не просто с идеей первобытного коммунизма, которая присутствовала уже в «Опытах» (1580) Мишеля Эйкема де Монтеня (1533-1592), «О праве войны и мира» (1625) Гуго Гроция (Хейга де Гроота) (1583-1645) и «Кодексе природы» (1755) Морелли, а с достаточно разработанной его концепцией. Варварское состояние А. Фергюсон связывает, прежде всего, со скотоводством. Но он не настаивает на том, что все варвары были кочевниками-скотоводами. В Западной Европе, например, они были земледельцами. С переходом от дикого состояния к варварскому зародились частная собственность, различного рода отношения зависимости, деление на ранги, власть одних людей над другими. Когда же возникло широкое разделение труда, появились общественные классы и государство, на смену варварскому состоянию пришло цивилизованное.

Утверждение представления о дикости, варварстве и цивилизации как трех этапах развития человеческого общества было одновременно возникновением определенной классификации социоисторических организмов. Все они были подразделены на дикарские, варварские и цивилизованные. Это была первая достаточно четкая типология социоисторических организмов, а тем самым и их систем, причем типология стадильная. В результате теоретической разработки, предпринятой, прежде всего, А. Фергюсоном, трехчленная периодизация истории человечества превратилась в более или менее стройную концепцию мировой истории. Суть этой концепции заключалась в том, что история человечества понималась как один единый процесс поступательного развития, в ходе которого одни стадии эволюции человеческого общества в целом сменялись другими, более высокими. Согласно этой концепции, в истории человечества происходила смена всемирных эпох, в основе которой лежала смена стадий развития человеческого общества в целом. Она с полным правом может быть названа унитарно-стадильной концепцией всемирной истории.

Другая периодизация — выделение в истории человечества периодов, отличающихся друг от друга способами обеспечения существования человека. Вначале были выделены охотничье-собирательская, скотоводческая, или пастушеская, и земледельческая стадии. Вскоре к ним добавилась в качестве высшей торговая (коммерческая), или торгово-промышленная, стадия. Тем самым возникла и определенная стадильная типология социоисторических организмов. Таким образом, данная

периодизация истории человечества стала одновременно и определенной, причем тоже унитарно-стадиальной, концепцией всемирной истории.

Впервые в достаточно четкой форме эта концепция была изложена в работе французского экономиста Анн Робера Жака Тюрго (1727-1781) «Рассуждения о всеобщей истории» (ок. 1750) и в лекциях, которые читал в начале 50-х годов XVIII в. в университете Глазго выдающийся британский экономист Адам Смит (1723-1790). Впоследствии А. Смит изложил свои взгляды в труде «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776).

Из двух рассмотренных выше периодизаций историков (в отличие от экономистов и философов) всё же больше привлекало деление человеческой истории на стадии дикости, варварства и цивилизации. Но эта периодизация была для них явно недостаточной. Ведь историки вплоть до середины XIX в. занимались исследованием исключительно лишь писаной истории, т. е. историей только цивилизованных обществ. Историческая наука действительно нуждалась в периодизации писаной истории человечества.

И такая периодизация начала возникать, причем довольно рано — еще в эпоху Возрождения. Начало свое она берет в трудах выдающихся итальянских историков Леонардо Бруни (1370/74—1444), Флавио Бьондо (1392-1463) и Никколо ди Бернардо Макьявелли (1469-1527). Она состояла в подразделении писаной, цивилизованной всемирной истории на античную, средневековую и новую.

Эта периодизация складывалась постепенно и впервые нашла свое совершенно четкое выражение в трудах немецкого историка Кристофа Келлера (1637-1707), именовавшего себя на латинский лад Христофором Целлариусом (Целларием). В 1675 г. он опубликовал работу, носившую название «Ядро истории средней между античной и новой» (*Nucleus historiae inter antiquam et novam mediae*). За этим последовала его «Трехчастная история» (*Historia tripartita*). Первая книга вышла в 1685 г. и называлась «Античная история» (*Historia antiqua*). В ней изложение доводилось до правления императора Константина Великого. Вторая книга, увидевшая свет в 1688 г., носила название «История Средних веков от времени Константина Великого до взятия турками Константинополя» (*Historia medii aevi a temporibus Constantini Magni ad Constantinopolim a Turcis captam deducta*). В 1696 г. появилась третья и последняя книга — «Новая история» (*Historia nova*).

Конечно, историки с самого начала знали, что до Греции и Рима на Востоке существовали государства — Египет, Ассирия, Персия и ряд

других. Некоторые мыслители, в частности Жан Боден и Луи Леруа (1510-1577), еще в XVI-XVII вв. создавали схемы, в которых Древний Восток и античность выступали как качественно отличные стадии исторического развития. Но такие представления не получили широкого признания. Древний Восток рассматривался как некое преддверие, начальный этап античности.

С самого начала в делении истории на античность, средневековье и Новое время в неявной форме присутствовала известная классификация социоисторических организмов. В качестве типов в ней выступали античные и средневековые социоисторические организмы, а также общества Нового времени. Однако эта типология была на первых порах крайне неопределенной. Да и стадильной назвать ее трудно. Ведь первоначально античная, средневековая и новая эпохи не понимались как связанные с разными стадиями поступательного развития человеческого общества. Унитарно-стадильной концепцией истории человечества после его перехода к цивилизации она первоначально не была.

Однако постепенно, по мере накопления и осмысления материала, как современного этапа истории человечества, так и его прошлой истории на основе рассмотренной выше трехчленной (Античность — Средние века — Новое время), периодизации истории цивилизованного общества шел процесс формирования подлинной унитарно-стадильной концепции этой истории.

Первоначально историки мало что могли сказать о существенных признаках, отличающих античные, средневековые и современные им социоисторические организмы. Но постепенно по мере накопления фактических данных и их осмысления крайне неопределенная вначале классификация начала обретать черты подлинной типологии, причем типологии стадильной.

Публикация античных источников и работы исследователей обществ Древней Греции и Древнего Рима, дали основание для вывода, что античный мир базировался на рабстве. Для характеристики средневекового общества все чаще начали использоваться термины «феодальное право» «феодальные порядки», «феодальный строй», «феодальное общество», а к концу XVIII в. появился и термин «феодализм». Принято связывать начало изучения феодального строя с работой Шарля Луи де Секонда, барона де ля Бред и де Монтескье (1689-1755) «О духе законов» (1748). Однако в действительности вопрос о происхождении феодалов (*de origine feodorum*) феодальных институтов и феодального права был поставлен еще гуманистами, в частности Франческо Петраркой (1304-1374) и был

объектом дискуссий историков и юристов в XVI в. Одни считали, что корни этих институтов уходят в античность, другие выводили их из порядков галлов или германцев, третьи склонялись к признанию их результатом германороманского или, шире, варварско-романского синтеза⁵⁹⁶.

Если первоначально под «феодальным порядком» понималась в основном лишь столь характерная для начальных этапов позднего средневековья иерархическая система, связывавшая сюзеренов и вассалов, то в последующем все больше внимания стало уделяться отношениям между господствующим классом и крестьянством, прежде всего крепостничеству. В этом отношении большую роль сыграла работа британского историка Уильяма Робертсона (1771-1793) «История царствования императора Карла V» (1769). Средневековое общество все в большей степени стало рассматриваться как основанное на крепостничестве.

При попытке понять сущность социоисторических организмов Нового времени все чаще стали обращаться к понятиям, разработанным сторонниками той периодизации истории человечества, в основу которой была положена смена «способов жизнеобеспечения», прежде всего к понятию торгово-промышленного общества. Как наука об этом, и первоначально только об этом обществе возникла политическая экономия. Понятие «капитал», появившееся впервые в XII-XIII вв. в связи с бурным развитием в Западной Европе товарно-денежных отношений, получило к XVIII в. статус научной категории. К нему добавились понятия товара, стоимости, земельной ренты, заработной платы. В XVII в. возникло, а в XVIII в. получило права гражданства и слово «капиталист». В результате общество Нового времени, в конечном счете, получило название капиталистического.

В определённой степени многие из этих достижений исторической, экономической и философской науки того времени нашли свое концентрированное выражение в философско-исторической концепции, созданной выдающимся французским мыслителем Клодом Анри де Ревруа, графом де Сен-Симоном (1760-1825).

А. Сен-Симон не сомневался в существовании первобытной эпохи в истории человечества, но на ней специально не задерживался. Почти совсем не было учтено им все то, что связано с историей Востока вообще, Древнего Востока в частности. В его концепции присутствуют лишь античная, средневековая и новая эпохи мировой истории. Но здесь им сказано новое слово. Каждую из этих эпох он совершенно четко связал с определенной общественной системой, определенной организацией

общества.

С античной эпохой он связывает общественную систему, основанную на рабстве, причем, в отличие от многих мыслителей XVIII в., он считал появление рабства огромным прогрессом в развитии человечества. Для средневековой эпохи была характерна феодально-богословская, или просто феодальная, система, базирующаяся на крепостничестве. Ее возникновение было новым большим шагом вперед в человеческой истории. Эпохе Нового времени соответствует индустриальная (промышленная) система.

Каждая новая общественная система является более прогрессивной, чем предшествующая. Возникновение каждой из них означает подъем человечества на новую, более высокую ступень развития. Именно переход от одной такой общественной системы к другой лежит в основе смены эпох мировой истории.

Каждую из двух первых выделенных им стадий всемирно-исторического развития А. Сен-Симон связывает с определённой формой эксплуатации человека человеком: античную — с рабством, феодальную — с крепостничеством. Но хотя ему было прекрасно известно, что для индустриальной системы характерным был наемный труд, он это оставлял в тени.

Данная непоследовательность была преодолена в трудах его учеников и почитателей. В книге «Изложение учения Сен-Симона. 1828-1829», представляющей собой запись лекций Сен-Амана Базара (1791-1832), которые были прочитаны по поручению сенсимонистской школы, история цивилизованного человечества предстает, прежде всего, как последовательная смена форм эксплуатации человека человеком. Первая из них — рабство, следующая — более мягкая — крепостничество, а последняя — еще более ослабленная — наемный труд. Следующий шаг в истории человечества должен состоять в полном уничтожении всякой эксплуатации и возникновении общества, в котором ее не будет совсем.

Таким образом, результатом развития философско-исторической, исторической и вообще обществоведческой мысли XVI-XVIII вв. было утверждение к началу XIX в. в исторической — и не только исторической — науке унитарно-стадиального понимания развития человечества. Были достаточно отчетливо выделены три стадиальных типа цивилизованного общества: рабовладельческое (античное), феодальное (средневековое) и капиталистическое (современное).

7.2. Проблема общественного строя стран Востока

О социальных порядках обществ Древнего Востока в то время практически ничего не было известно. До начала XVII в. мало что знали европейцы и об общественном строе и современных стран Востока. Но затем положение начало меняться. Стали накапливаться материалы, которые свидетельствовали о том, что эти общества, будучи несомненно цивилизованными, не могут быть отнесены ни к одному из выявленных наукой типов цивилизованного общества, не являются ни рабовладельческими, ни феодальными, ни тем более капиталистическими.

Первый шаг в этом направлении был сделан, по-видимому, Томасом Ро, бывшим в 1615-1619 гг. послом Англии при дворе Великого Могола Джахангира (отца Шах-Джахана). В своих заметках он писал, что в Индии нет частной собственности на землю, ибо всей землей владеет король. «Он наследует каждому подданному после его смерти»⁵⁹⁷. Но хотя индийский историк Соумйендра Нас Мухерджи считает Т. Ро основоположником «теории восточного деспотизма»⁵⁹⁸, с этим вряд ли можно согласиться. Высказывания английского дипломата оставались долгое время незамеченными.

Широкую известность особенности социально-экономического строя стран Востока получили только после появления книги французского философа, врача и путешественника Франсуа Бернье (1620-1688) «История последней революции в государствах Великого Могола» (1670-1671). Она написана на основе наблюдений автора во время его путешествий в страны Востока и жизни в Индии, где он несколько лет был врачом при дворе тогдашнего Великого Могола — Аурангзеба (сына Шах-Джахана). Именно в этой книге, прежде всего, во включенной в нее записке генеральному интенданту (министру) финансов Франции Жану Батисту Кольберу (1619-1683), впервые было достаточно убедительно показано качественное отличие отношений собственности и вообще всех общественных порядков стран Востока (Индии, Персии, Турции) от социального строя государств Западной Европы, причем как от того, что существовал там в Средние века, т. е. феодального, так и от того, который шел ему на смену — капиталистического. Главную особенность стран Востока Ф. Бернье видел в том, что там вся земля была собственностью государства, точнее, правителя государства. Это он истолковывал как отсутствие частной собственности на землю.

«...Обратите внимание на то, — писал он в записке Ж. Кольберу, — что Великий Могол является наследником всех эмиров, или вельмож, и мансабдаров, или маленьких эмиров которые состоят у него на жалованьи, а также на то, что все земли государства, — а это имеет важнейшие последствия, — составляют его собственность, за исключением кое-каких домов или садов, которые он позволяет своим подданным продавать, делить или покупать друг у друга по их усмотрению»⁵⁹⁹. «Все земли империи, — пояснял он в другом месте, — составляют собственность государя и раздаются как бенефиции, носящие название джагир (в Турции их называют тимар), воинам армии вместо жалованья или пенсии, смотря по тому, что имеет в виду слово джагир, которое означает место, которое можно взять, или место с пенсией»⁶⁰⁰. И такие порядки существуют не только в Индии. «Эти три государства — Турция, Персия и Индостан, — заключает Ф. Бернье, — уничтожив понятия "моё" и "твое" по отношению к земельным владениям, что является основой всего, что есть в мире ценного и прекрасного, поневоле очень похожи друг на друга и имеют один и тот же недостаток: рано или поздно их неизбежно постигнут те же бедствия, та же тирания, то же разорение, то же опустошение»⁶⁰¹.

Книга Ф. Бернье имела поистине колоссальный успех. В течение первых семи лет (1670-1676) она была издана девять раз (кроме двух изданий в Париже, она вышла также в Лондоне, Амстердаме, Франкфурте, Милане). Продолжала она издаваться и после смерти автора. Достаточно сказать, что к 1833 г. она выдержала 29 изданий на всех важнейших языках Европы. К ней обращались и продолжают обращаться многие исследователи, причём отнюдь не только специалисты по истории Индии.

В последующем к точно таким же взглядами на общественный строй Индии, что и Ф. Бернье, уже в следующем веке пришли многие английские исследователи этой страны, значительная часть которой оказалась к тому времени под властью Великобритании: Прежде всего следует назвать книги подполковника на службе Ост-Индской компании Александра Доу «История Индостана» (Т. 1-2. 1768; 1770; Т. 3. 1772) и Джеймса Гранта «Исследование природы земиндарского землевладения, в земельной собственности Бенгалии» (1790). Подобного рода воззрения развивались в обобщающих работах Чарлза Паттона «Влияние собственности на общество и государство» (1797) и его брата Роберта Паттона «Принципы азиатских монархий, политически и экономически исследованные и противопоставленные тем, что действовали в монархиях Европы...» (1801).

Особенно интересна работа Р. Паттона, который до своей отставки

вначале служил офицером в армии Ост-Индской компании, а затем был губернатором острова Святая Елена. «Все, что мы знаем, — писал он, — это то, что на всём пространстве земель, называемом Азией, включая сюда также часть Африки, — простирающемся от Средиземного, Чёрного и Каспийского морей на севере и до Индийского океана на юге; от Африки на западе и до отдалённейших границ Китая на востоке, — здесь всюду преобладает монархическое правление; и всякий раз, как устанавливалось земледелие, собственность на землю принадлежала правителю, и земельная рента составляла главный его доход, исключая, таким образом, возможность существования крупных землевладельцев; вследствие этого во всех этих правительствах на власть государя не накладывалось никаких ограничений или стеснений, что постоянно и неизменно увековечивало её произвольный и абсолютный характер»⁶⁰². Но в одном важном отношении Р. Паттон пошёл дальше Ф. Бернье. Кроме собственности на землю монарха, которую он называет абсолютной (*absolute property*), он отмечает существование на Востоке еще и другого вида собственности на ту же самую землю, которую он называет владельческой (*possessory property*). «Здесь, — пишет автор, — я высказываюсь за двоякое существование земельной собственности в Индостане, которое я различаю и по терминам: абсолютная собственность (*absolute property*), дающая право на ренту и существующая у государя, который может её передавать или предназначать кому-либо, и владельческая собственность (*possessory property*), связанная с обязанностью платить ренту, наличествующая у земледельца (райата, или лица, занимающего землю) под условием обработки земли и доставлении ренты или дохода государству или его заместителю; которая, будучи фактически фундаментально наследственной, а также передаваемой, по существу представляет собой подлинную собственность, но при этом всегда подчиненную и зависящую от человека, который является абсолютным собственником того же самого объекта»⁶⁰³.

У взгляда, отстаиваемого Ф. Бернье и другими упомянутыми выше авторами, нашлись противники. С резкой его критикой выступил, например, Вольтер (наст. имя и фам.— Франсуа Мари Аруэ) (1694-1778), который был автором немалою числа исторических работ, в «Фрагментах истории Индии, о генерале Лалли и многих других...». В своём другом труде «Опыте о нравах и духе народов» (1756; 1769), в котором была нарисована картина всемирной истории, он утверждал, что в Оттоманской империи, Персии, Индии, Монголии, а также в Перу и России существовали феодальные порядки.

Те исследователи XVII-XVIII вв., которые рассматривали восточные общества как особый социальный тип, отличный от рабовладельческого, феодального и капиталистического общества, в большинстве своём не характеризовали его как стадийный. Они писали в основном о современном им Востоке. Исключение составляла названная выше работа Р. Паттона, в которой к числу обществ с государственной собственностью на землю отнесены не только все современные государства Востока, но и древняя Персия и Древний Египет.

Положение изменилось в XIX в., в котором мир Древнего Востока впервые предстал перед европейцами во всем своем величии. С этого времени исследователи все чаще стали выделять историю Древнего Востока в качестве особой самостоятельной эпохи, отличной от классической античности. Во второй половине XIX в. деление цивилизованной истории человечества на четыре мировых эпохи: древневосточную, античную, средневековую и новую — в основном утвердилось в исторической науке.

Начало этому положили не историки, а философы. Великий немецкий мыслитель Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770-1831) в своих «Лекциях по философии истории» попытался дать законченную картину всемирной истории. Она предстает в его труде как единый закономерный процесс движения от низших форм к высшим, более совершенным. В основе его, по Гегелю, лежит развитие абсолютного духа. Конкретизируя это понятие, Г. Гегель говорит о народном духе, который воплощает в себе единство законов, государственных учреждений, религии, философии, искусства у того или иного конкретного народа.

Прогресс во всемирной истории каждый раз осуществляется одним определенным народом, дух которого является на данном этапе носителем мирового духа. Другие народы к этому времени либо исчерпали себя, либо еще не дошли до необходимой ступени развития. Имеются и такие народы, дух которых никогда не был и не станет воплощением мирового духа. Это — неисторические народы.

Подъем человечества как целого на новую, более высокую ступень развития предполагает смену народа — носителя абсолютного духа. Мировой дух, развиваясь, перемещается. Движение всемирной истории происходит не только во времени, но и в пространстве. «Всемирная история, — говорит Г. Гегель, — направляется с Востока на Запад, так как Европа есть безусловный конец всемирной истории, а Азия ее начало»⁶⁰⁴. Именно поэтому последовательно сменяющиеся стадии в истории человечества выступают у него не столько как временные эпохи, сколько

как «миры», которые имеют либо территориальное обозначение («восточный мир»), либо называются по имени народа — носителя мирового духа («греческий мир», «римский мир», «германский мир»).

Критерием поступательного развития является степень осознания свободы «Всемирная история, — провозглашал Г. Гегель, — есть прогресс в сознании свободы, который мы должны познать в его необходимости»⁶⁰⁵.

Всемирную историю Г. Гегель начинал с возникновения государства. Первобытное состояние человечества, «распространение языка и формирование племен лежат за пределами истории»⁶⁰⁶. Впервые государство возникло на Востоке. Поэтому началом истории является «восточный мир». Тремя его основными отделениями являются истории Китая, Индии и Персии

Важную особенность восточного мира Г. Гегель видел в наличии там государственной собственности на землю. С этим он связывал царивший там деспотизм. В «восточном мире» люди еще не осознали, что свобода составляет их сущность. Поэтому все они здесь — рабы, исключая верховного правителя — деспота. Но его свобода есть произвол.

С Востока мировой дух переместился в «греческий мир», а затем в «римский мир». Но хотя каждому из этих двух миров посвящен отдельный раздел, Г. Гегель иногда говорит не о «греческом мире» и «римском мире», а о «греческом и римском мире» (не мирах!). В этих двух крайне близких друг к другу мирах часть людей осознала, что свобода представляет их сущность. Они стали свободными в отличие от тех, которые этого не осознали и потому остались рабами.

Под «германским миром» Г. Гегель понимает не только Германию, но также все те области Европы, которые входили в состав Западной Римской империи и были в эпоху Великого переселения народов завоеваны германцами: Испанию, Португалию, Францию, Италию, Британию. Германские народы, приняв христианство, осознали, что человек свободен как таковой. Но для того, чтобы этот принцип был воплощен в жизнь, нужно было время.

Г. Гегель не отказывается от выделения периодов Средних веков и Нового времени. Но ту эпоху, которую в исторической науке принято именовать средневековьем, он подразделяет на два периода: один — от Великого переселения народов до падения империи Каролингов, другой — от крушения этой державы до начала Реформации. Название «Средние века» он употребляет только по отношению ко второму. С Реформации, по Гегелю, начинается новая история. В результате в истории «германского

мира» он выделяет три отдела: элементы христианско-германского мира, Средние века и Новое время.

Разработанная Г. Гегелем глобально-стадиальная концепция истории была усвоена целым рядом французских философов и историков: Виктором Кузеном (1792-1867), Жюлем Мишле (1798-1874) и Пьером Симоном Балланшем (1776-1847). В работе последнего «Опыты социальной полигенезии» (1827) важной категорией является впервые введенное им ещё в труде «Старик и юноша» (1820) понятие отдельной, конкретной цивилизации. Эти локальные цивилизации выступают у него как стадии некоего идеального, общего для всех народов исторического развития. Смена цивилизаций происходит болезненно. Отжившие цивилизации погибают. Но из огня социальных катастроф, из пепла старых форм человечество подобно птице Феникс возрождается к новой жизни. Впрочем, старые цивилизации не обязательно гибнут. Одни народы идут дальше, другие остаются на ранних стадиях. Цивилизации, уже пройденные европейскими народами, все ещё сохраняются в Азии.

Но философы и историки ограничивались самыми общими положениями об общественном строе стран Востока. Более конкретно подошли к этому некоторые из экономистов. Политическая экономия возникла как наука о капиталистических социально-экономических отношениях. Исследованиями иных социально-экономических отношений подавляющее большинство экономистов никогда не занималось, а многие из них и до наших дней отрицают существование таковых или, по меньшей мере, объявляют капиталистические отношения естественными, а все прочие — неестественными.

Одним из редчайших исключений был замечательный английский экономист Ричард Джонс (1790-1853). Он первым по-настоящему занялся изучением докапиталистических антагонистических экономических систем. Ему принадлежит несколько работ, из которых прежде всего следует отметить «Опыт о распределении богатства и об источниках налогов» (1831), «Вводная лекция по политической экономии» (1833), «Лекции о труде и капитале» (ок. 1833), «Политическая экономия народов» (1852).

Р. Джонс исходит из того, что политическая экономия есть наука, изучающая законы производства и распределения общественного богатства. Установив, что в разные эпохи и в разных странах общественное богатство (т. е. общественный продукт) создается и распределяется по-разному, он вводит понятие об особых, специфических формах производства и распределения общественного богатства. Для обозначения

этих особых форм общественного производства Р. Джонс использует словосочетания «способ производства и распределения», «способ распределения» и «способ производства».

Способ производства и распределения, понимаемый как система экономических отношений, образует экономический строй, экономическую структуру, экономическую организацию, скелет общества, который определяет все прочие существующие в нем социальные отношения и различные проявления его духовной жизни. Поэтому существуют различные формы общества.

У Р. Джонса много говорится о развитии производства. Способы производства и распределения выступают у него как ступени экономического развития. В историческом развитии человечества происходит смена способов производства и распределения богатства. Он говорит также о стадиях развития производительных сил. Но сколько-нибудь четкое представление об отношении между системой экономических связей и производительными силами общества у него отсутствует. Он лишь в самом общем виде говорит о влиянии способов распределения общественного богатства на производительные силы, а также на политический и моральный характер народов. Ничего определенного не может он сказать об источниках развития производства.

Но для него несомненно, что развитие производства и преобразования в экономической структуре общества приводят к изменениям во всем обществе. То, что экономическая структура общества определяет все его основные особенности, у Р. Джонса не вызывает никакого сомнения. Отсюда он делает очень важный вывод: «Только точное познание этой структуры может дать нам ключ к пониманию минувших судеб различных народов мира, вскрывая их экономическую анатомию и показывая таким образом наиболее глубокие источники их силы, элементы их учреждений и причины их обычаев и характера... Нет ни одного периода древней или новой истории, на который обстоятельное знание различий и изменений в экономической структуре наций не проливалось бы ясного и постоянного света. Именно такого рода знание должно научить нас понимать тайные чудеса древнего Египта, могущество его монархов, великолепие его памятников; военную силу, с которой Греция отбивала легко возобновляемые мириады войск великого царя; юную мощь и длительную слабость Рима; преходящую силу феодальных государств; более постоянную мощь современных наций Европы...»⁶⁰⁷.

В своих работах он главное внимание уделяет обществам, в которых господствовало земледелие. По существу им было введено понятие

аграрного общества, отличного от промышленного, индустриального. Хотя он признает существование первобытного общества, но оно находится за пределами его исследования. Согласно его точке зрения, там, где люди занимаются земледелием, земля всегда находится в собственности немногих и, соответственно, там уже существует земельная рента.

В центре его внимания — земельная рента, которую он называет просто рентой. Люди, составляющие любое земледельческое общество, прежде всего подразделяются на тех, кто платит ренту, и тех, кто получает ее. Ренту получают владельцы земли от людей, которые обрабатывают принадлежащую им землю. Система отношений между владельцами земли и теми, кто на ней работает, — главные связи внутри земледельческого общества.

Таким образом, и здесь перед нами предстает система экономических отношений, причем столь же естественная, как и капиталистическая, но только качественно иная. И здесь в основе отношений по распределению общественного продукта лежат не производ, не насилие, а отношения по распределению средств производства, но только в данном случае прежде всего земли. Эта система также с неизбежностью порождает общественные классы, но иные, чем при капитализме. Рентные отношения образуют скелет земледельческого общества и определяют его социальные, политические и моральные черты. Поэтому изучение ренты дает ключ к пониманию такого общества. Ренту, которую платят люди, обрабатывающие землю, ее владельцам, Р. Джонс называет первичной, или крестьянской. Существуют разные формы крестьянской ренты, которые Р. Джонс подвергает исследованию.

Самая древняя форма ренты с незапамятных времен существовала и продолжает существовать в Азии. Ее Р. Джонс именуется рентой райятов. Единственным собственником земли является монарх. Поэтому все земледельцы страны обязаны платить ему ренту. Полученные доходы монарх использует на содержание своего двора, чиновничьего аппарата и армии. Люди, занимающиеся ремеслом, обслуживают монарха и его двор. Как следствие, никакой социальной силой они не являются. Когда монарх переносит столицу, все ремесленники и торговцы переселяются вслед за ним, и старый город исчезает. Так как не существует никакой общественной силы, которая могла бы ограничить власть монарха, в подобном государстве господствует деспотизм.

Для такого общества характерно стремление к непрерывному росту земельной ренты. Рост ренты при неизменном характере производства ведет к разрушению производительной способности райятов. Это, в конце

концов, приводит государство к краху. На месте могущественной империи остаются руины.

Таким образом, Р. Джонс впервые дал экономический анализ того способа производства, который в последующее время получил название азиатского способа производства. В Европе в прошлом, по его мнению, также преобладали такие же порядки, а затем они приняли смягченные формы и, наконец, исчезли.

В земледельческом обществе более позднего типа существует класс крупных землевладельцев. Они сами ведут хозяйство при помощи чужих рабочих рук. Чтобы избавиться от заботы по прокормлению работников, хозяева земли выделяют им участки, чтобы те могли сами содержать себя. А за это землевладельцы требуют от них работы на остальной земле. Это— рента трудом. При такой форме ренты крестьянин находится в личной зависимости от землевладельца. Земельная аристократия, имея собственный источник дохода, не зависящий от воли монарха, ограничивает власть последнего. Р. Джонс неоднократно употребляет слово «феодализм», но понимает под ним систему иерархических отношений внутри класса землевладельцев. Поэтому с его точки зрения феодализм существовал только в Западной Европе и лишь в Средние века.

Неэффективность барщинного хозяйства делает неизбежным замену его издольной арендой. При такой форме землевладелец предоставляет работнику землю и снабжает его капиталом. Крестьянин-арендатор самостоятельно ведет хозяйство и платит землевладельцу ренту продуктами. Он является лично свободным человеком.

В стройную картину эволюции форм земельной ренты диссонансом врываются античная Греция и Рим. Там земля вначале обрабатывалась рабами, а затем им на смену пришли издольные арендаторы. И это произошло задолго до того, как во Франции и Англии вначале утвердилась рента трудом, а затем сменилась издольщиной.

В земледельческом обществе с издольной арендой проявляются ремесленники и мастеровые. Некоторые из них, разбогатев, начинают нанимать работников. Так возникает класс капиталистов, отличный от классов наемных рабочих, землевладельцев и земледельцев. Этот класс иногда появляется и в сельском хозяйстве и берет в свои руки земледелие. Таких капиталистов обычно называют фермерами. Ренту, которую они платят земледельцам, можно назвать вторичной, или фермерской.

В целом же при капитализме центр тяжести перемещается с земледелия на промышленность. Основная масса населения капиталистического общества не занимается земледельческим трудом.

Капитал выступает как мощный двигатель производительных сил. Рост капитализма приводит к появлению и широкому использованию машин. Но и капитализм является преходящей формой общественного производства и общественного устройства. На смену ему рано или поздно придет новый строй, при котором рабочие станут собственниками средств производства.

Важно отметить, что в трудах Р. Джонса общество, основанное на ренте райятов, является стадийным типом общества, причем самым древним из цивилизованных обществ. У Р. Джонса нет сомнений, что общество такого типа характерно не только для современных восточных стран, оно существовало и на Древнем Востоке.

Р. Джонсом был сделан большой шаг вперед в понимании развития общества. Он увидел и источник общественных идей, и основу общества в системе социально-экономических отношений. Однако дать ответ на вопрос, чем определяются характер социально-экономических отношений, а тем самым и на вопросы, почему в одну эпоху существуют одни социально-экономические отношения, а в другую — качественно иные и почему одна социально-экономическая система сменяется в истории человечества другой, он оказался не в состоянии. Эту задачу решили только К. Маркс и Ф. Энгельс.

7.3. К. Маркс и Ф. Энгельс и проблема «азиатского» способа производства

Следующим шагом в развитии унитарно-стадиального понимания истории было появление марксистской материалистической концепции истории. Она была создана Карлом Генрихом Марксом (1818-1883) и Фридрихом Энгельсом (1820-1895). Согласно этой теории истории фундаментом, базисом любого конкретного общества, т. е. социоисторического организма, является определенная система социально-экономических (производственных) отношений. Существует несколько типов социально-экономических отношений и, соответственно, несколько качественно отличных друг от друга их систем, или общественно-экономических укладов (рабовладельческий, феодальный и т. п.). Каждая такая система социально-экономических отношений является общественной формой, в которой происходит процесс производства. Производство, взятое в определенной общественной форме, есть не что иное, как определенный способ производства (рабовладельческий, феодальный и т. п.).

Естественным поэтому для марксизма является положить в основу классификации социоисторических организмов господствующие в них общественно-экономические уклады или, что в данном отношении то же самое, способы производства. Социоисторические организмы, в которых господствует один и тот же общественно-экономический уклад, относятся к одному и тому же типу. Социоисторические организмы, в которых доминируют разные способы производства, относятся к разным типам.

Типы социоисторических организмов, выделенные по такому признаку, получили название общественно-экономических формаций. Последних существует столько, сколько существует основных способов производства. Общественно-экономические формации не просто типы общества. Они суть такие типы общества, которые одновременно представляют собой стадии развития человеческого общества. Всемирная история с такой точки зрения есть прежде всего процесс развития и смены общественно-экономических формаций.

Теория развития и смены общественно-экономических формаций возникла как своеобразная квинтэссенция достижений всех общественных наук своего времени, прежде всего историологии и политической экономии. В основе созданной основоположниками марксизма схемы

развития и смены общественно-экономических формаций лежала утвердившаяся к тому времени в исторической науке периодизация писаной всемирной истории, в которой в качестве мировых эпох выступали древневосточная, античная, средневековая и новая.

К тому времени, когда жили и творили основоположники марксизма, стало ясным, что эпоха Нового времени есть период становления и утверждения капиталистического общества. Ранее же капитализма не существовало. Для эпохи Средних веков были характерны социоисторические организмы качественно иного типа — феодальные, основанные на ином — не на капиталистическом, а на феодальном способе производства. Но феодальный способ производства появился во всяком случае не раньше VI-VII вв. В античном мире его не было. Античные социоисторические организмы базировались на рабовладельческом способе производства. Но и они существовали не всегда. Об античном обществе можно говорить, лишь начиная с VIII в. до н. э.

Ему предшествовала более чем двухтысячелетняя история стран Древнего Востока. К. Марксу не был вполне ясен характер социально-экономических отношений, господствовавших в древневосточных социоисторических организмах. Но их однотипность и в то же время качественное отличие не только от буржуазных и феодальных, но и от античных, рабовладельческих не вызывала у него сомнения. Поэтому им был сделан вывод, что на Древнем Востоке существовал особый антагонистический способ производства, который он назвал «азиатским». «Азиатскую» общественно-экономическую формацию он рассматривал как первую историческую форму классового общества.

Классовому обществу, как свидетельствовали факты, положенные в основу представлений о дикости как первой стадии развития человечества, предшествовало общество первобытно-коммунистическое. Так в трудах К. Маркса схема развития цивилизованного общества была впервые дополнена первобытностью и тем самым превращена в схему эволюции всего человеческого общества в целом: В ней в качестве поступательных стадий развития человечества выступали первобытно-коммунистическая, азиатская, античная (рабовладельческая), феодальная и капиталистическая общественно-экономические формации. Капитализм К. Маркс рассматривал как последнюю антагонистическую общественно-экономическую формацию, за которой должна последовать новая, коммунистическая.

Эту созданную К. Марксом схему смены общественно-экономических формаций в основном принимало большинство сторонников марксизма.

Единственным спорным моментом в ней был азиатский способ производи, соответственно, азиатская общественно-экономическая формация. Идеологическим руководством всех «социалистических» стран, а тем самым и их официальной общественной наукой, эти понятия категорически отвергались. Некоторые представители официальной этой науки даже пытались утверждать, что у К. Маркса и Ф. Энгельса не существовало понятия особого «азиатского» способа производства, отличного от рабовладельческого, феодального и капиталистического. По мнению одних, под «азиатским» способом производства классики марксизма в действительности понимали специфически восточный вариант рабовладения, по мнению других — восточный вариант феодализма⁶⁰⁸.

Нет смысла заниматься опровержением подобного рода взглядов. Это было в своё время сделано советским китаеведом Владимиром Николаевичем Никифоровым (1920-1990) в книге «Восток и всемирная история» (М., 1975; 2-е изд., 1977). Будучи в то время убеждённым противником концепции «азиатского» способа производства, он в то же время честно признавал, что К. Маркс Ф. Энгельс были её и создателями и приверженцами. Правда, по его мнению, позднее оба они отказались от этой концепции, признав древневосточное общество рабовладельческим.

Выдвигая понятие «азиатского» способа производства, К. Маркс и Ф. Энгельс опирались на указанные выше и иные работы исследователей XVII-XIX вв, прежде всего на книгу Ф. Бернье. К. Маркс тщательно её изучил: им было сделано двадцать больших выписок, причем настолько полных, что все они вместе взятые составляют подробный её конспект⁶⁰⁹.

«По вопросу об образовании восточных городов нет ничего более блестящего, наглядного и яркого, чем книга старого Франсуа Бернье (он девять лет был врачом у Аурангзеба): "Путешествия, содержащие описание государства Великого Могола и т. д.", — читаем мы в его письме Ф. Энгельсу, написанному 2 июня 1853 г. — Он также хорошо описывает состояние военного дела, организацию снабжения продовольствием громадных армий и т. д. Бернье совершенно правильно видит, что в основе всех явлений на Востоке (он имеет в виду Турцию, Персию, Индостан) лежит *отсутствие частной собственности на землю*. Вот настоящий ключ к восточному небу»⁶¹⁰.

«Отсутствие частной собственности на землю, — откликнулся 6 июня 1853 г. Ф. Энгельс, — действительно является ключом к пониманию всего Востока. В этом основа всей его политической и религиозной истории. Но почему восточные народы не пришли к частной собственности на землю,

даже феодальной? Мне кажется, всё это объясняется главным образом климатом и характером почвы: в особенности же великой полосой пустынь, которая тянется от Сахары через Аравию, Персию, Индию и Татарию вплоть до самой возвышенной части азиатского плоскогорья. Первое условие земледелия здесь — это искусственное орошение, оно является делом либо общин, либо провинций, либо центрального правительства. Правительства на Востоке всегда имели только три ведомства: финансов (ограбления своей страны), войны (ограбления своей страны и чужих стран) и общественных работ (забота о воспроизводстве)... Отрывки из старого Бернье действительно прекрасны. Как приятно снова прочесть что-нибудь, написанное старым, трезвым, здравомыслящим французом, который всегда попадает в самую точку, не подавая и вида, что он это замечает»⁶¹¹.

Кроме книги Ф. Бернье, К. Маркс изучил работы британского губернатора Явы Томаса Стамфорда Раффлса (1781-1826) «История Явы» (1817), английского колониального чиновника в Индии Джорджа Кэмпбелла (1824-1892) «Современная Индия: Очерк системы гражданского управления, которой предпосланы некоторые данные о коренных жителях и их учреждениях» (1852) и Роберта Паттона «Принципы азиатских монархий, политически и экономически исследованные и противопоставленные тем, что действовали в монархиях Европы...» (1801), в которых излагался и обосновывался тот же самый взгляд на восточное общество. Две последние книги были К. Марксом тщательно законспектированы⁶¹².

Позднее им были составлены также конспекты трудов Максима Максимовича Ковалевского (1851-1916) «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» (Ч. 1. М., 1879)⁶¹³ и Джона Бадда Фира (1825-1905) «Арийская деревня в Индии и на Цейлоне» (1880)⁶¹⁴. Для понимания природы индийской общины К. Марксу первоначально больше всего дала работа подполковника Марка Уилкса (ок. 1760-1831) «Исторические очерки Южной Индии, с попыткой проследить историю Майсура» (1810), автор которой, кстати сказать, придерживался иных взглядов, чем Ф. Бернье и большинство названных выше исследователей: в противовес им он отстаивал положение о существовании в Индии частной собственности на землю.

К. Маркс и Ф. Энгельс не только в переписке, но и в своих работах неоднократно обращались к проблемам «азиатского» способа производства. Не разбирая всех их высказываний по этому вопросу, ибо это потребовало

бы слишком много места, обращаю внимание лишь на один момент. Как явствует из приведенных выше цитат, К. Маркс и Ф. Энгельс не просто знали работу Ф. Бернье, но были полностью согласны с его тезисом об отсутствии на Востоке частной собственности на землю. И это ставило их перед необычайно сложным и трудным вопросом.

Ведь во всех своих работах, посвященных классовому обществу, они исходили из того, что основой эксплуатации человека является частная собственность на средства производства вообще, в странах с господством земледелия — частная собственность на основное средство производства — землю. Отсюда с неизбежностью следовало, что там, где не было частной собственности на средства производства, не могло быть ни эксплуатации человека человеком, ни общественных классов. Такое общество в принципе должно быть коммунистическим. Но несомненным фактом было существование на Востоке эксплуатации человека человеком и тем самым подразделение человеческого состава общества на эксплуататоров и эксплуатируемых.

Преодолеть это вопиющее противоречие К. Маркс и Ф. Энгельс так и не смогли, что широко использовалось их противниками. Ими делался вывод, что ликвидация частной собственности, к которой призывали К. Маркс и Ф. Энгельс, не приведёт к социальному равенству, эксплуатация при этом не исчезнет, а просто обретет другую форму. Так, например, немецкий социолог Роберт Михельс (1876-1936), утверждал, что с приходом социал-демократов к власти произойдет не ликвидация классов, а лишь смена элиты. Средства производства окажутся в таком случае в руках государства. Но «управление громадным капиталом... передает администраторам такую же меру власти, как и владение собственным капиталом, частной собственностью»⁶¹⁵. Еще раньше сходные взгляды развивал Михаил Александрович Бакунин (1814-1876) в работе «Государственность и анархия» (1873)⁶¹⁶.

Исходя из определения коммунистического общества как общества без частной собственности, ряд историков и социологов давно уже именовали, если не все, то по крайней мере некоторые общества восточного типа как социалистические или коммунистические. Такой эпитет чаще всего прилагался к империи инков⁶¹⁷. Очень часто характеризовалось как коммунистическое государство иезуитов в Парагвае⁶¹⁸. Кстати сказать, о перуанском коммунизме мимоходом обмолвился и К. Маркс⁶¹⁹.

Вполне возможно, что осознание существования названного противоречия, вкупе с неспособностью преодолеть его, побудило Ф.

Энгельса в его поздней работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884) ограничиться при рассмотрении вопроса о становлении частной собственности и государства картиной перехода от первобытного общества лишь к античному, рабовладельческому. О происхождении цивилизованных обществ Востока там не было сказано ни слова.

7.4. Две дискуссии о социально-экономическом строе стран Востока в советской исторической и философской науке

При рассмотрении истории проблемы «азиатского» способа производства в марксистской литературе, ограничусь лишь советским временем. В первой половине 20-х годов распространенным среди советских ученых был взгляд на общества Древнего Востока как на феодальные. При этом если и возникал вопрос о «азиатском» способе производства, то последний трактовался как восточная разновидность феодализма. О феодализме на Древнем Востоке, как о чем-то само собой разумеющемся, писали, например, известные марксистские теоретики Николай Иванович Бухарин (1888-1938) в книге «Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии» (М., 1921 и др. изд.) и Август Тальгеймер (1884-1948) в работе «Введение в диалектический материализм» (М.; Л., 1928)⁶²⁰. А это предполагало признание феодализма первой формой классового общества. И такого взгляда придерживались в то время многие советские ученые. «Феодализм, — писал, например, социолог и этнолог Павел Иванович Кушнер (Кнышев) (1889-1968), — это именно та общественная формация, которая возникает при разложении родового общества»⁶²¹. «Эту позднейшую стадию, возникшую непосредственно из тех отношений, которую мы условились называть "первобытными", — читаем мы в книге тогдашнего фактического главы советской исторической науки Михаила Николаевича Покровского (1868-1932), — западноевропейские историки и социологи давно окрестили именем "феодализма"»⁶²². В такой схеме места рабовладельческой общественно-экономической формации не было.

В середине 20-х годов одной из самых актуальных проблем стал вопрос о природе развернувшейся в то время в Китае революции. Одни авторы, исходя из того, что Китай является страной феодальной, характеризовали ее как буржуазную. Другие, указывая на отсутствие в Китае зримых признаков феодализма, утверждали, что эта страна является уже капиталистической. Отсюда логически следовал вывод о социалистических перспективах китайской революции. В попытке решить эту проблему представитель компартии США в Коминтерне Джон Пеппер (наст. имя и фам. — Йозеф Поганы) обратился к идее К. Маркса об

азиатском способе производства. В опубликованной 1 мая 1927 г. в газете «Правда» статье «Европейско-американский империализм и китайская революция» он утверждал, что феодализма в Китае нет не потому, что он вытеснен капитализмом, а потому, что он там никогда не существовал. «Основой китайского хозяйства, — говорилось в статье, — все еще является, по терминологии Маркса, "азиатский способ производства"»⁶²³.

Довольно скоро вопрос о природе китайской революции перерос в проблему социально-экономического строя не только Китая, но и других стран Востока, причем не только в начале XX в., но и в предшествующие эпохи — в Средние века и древнее время. В результате в советской исторической науке возродилась точка зрения, согласно которой все общества Востока, начиная со времени возникновения там классов и государства, базировались на отличном от феодального и рабовладельческого особом способе производства — том самом, который классики марксизма именовали «азиатским». Такой взгляд был более или менее детально разработан в целом ряде трудов, среди которых особо выделяется книга Людвиг Игнатьевича Мадьяра (наст. имя и фам. — Лайош Мильхофер) (1891-1940) «Экономика сельского хозяйства в Китае» (М.; Л., 1928).

Разгорелась дискуссия, ход которой довольно полно, хотя и очень тенденциозно (в духе официальной точки зрения), был освещен в уже упоминавшейся работе В. Н. Никифорова «Восток и всемирная история» (М., 1975; 1977) и более объективно в 3-ем томе (Ч. 2. Вып. 3) коллективного труда зарубежных ученых «Истории марксизма» (русск. пер.: М., 1985) в разделе «Проблема социалистической революции в отсталых странах», написанном Джанни Соффри.

(Суть взгляда «азиатчиков» лучше всего была изложена в предисловии Л. И. Мадьяра к книге Михаила Давидовича Кокина (1907-1937) и Гайка Кегамовича Папаяна (1901-1937) «„Цзин-тянь“. Аграрный строй Древнего Китая» (Л., 1930). «Итак, основное классовое деление восточного общества, — писал он, — происходит между основными крестьянскими массами, объединенными в общинах, и между выделившимися бывшими слугами общины, конституировавшими себя, как господствующий класс. (Жрецы в Египте, литераты в древнем Китае и т. д.). Форма государства — деспотия. Частная собственность на землю отсутствует. Верховным собственником земли и воды — этих основных условий производства — является государство. Основной экономической формой эксплуатации является налог, который совпадает с рентой. Господствующий класс эксплуатирует общины, взимая прибавочный продукт в форме налога-

ренты. Экономическая форма высасывания прибавочного продукта в виде налога, который совпадает с рентой, несомненно, сближает этот способ эксплуатации с феодальным. Отсутствие феодальной собственности и класса феодалов всё же создаёт принципиальное различие между восточным и феодальным обществом»⁶²⁴.

Суть взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на восточное общество изложена здесь с предельной точностью. И более чем наглядно выступает здесь то противоречие, о котором уже шла речь, — общество без частной собственности, но с эксплуатацией человека человеком и общественными классами. Это дало основание для резкой критике и обвинения в отходе от материалистического понимания истории. При этом критики делали вид, что они опровергают лишь взгляды Л. И. Мадьяра и других «азиатчиков», но ни в коем случае ни К. Маркса, ни Ф. Энгельса⁶²⁵.

В процессе дальнейшего развития дискуссии к изложенным выше двум точкам зрения добавились еще две. Согласно одной из них, азиатская эпоха (или «восточное общество») «не знала своего особого способа эксплуатации, а как бы предвосхищала в самых примитивных и грубых формах два исторически последующих докапиталистических способа эксплуатации — в одних случаях рабство, в других — крепостничество (феодальную зависимость)»⁶²⁶. Этот взгляд мимоходом высказал в одной из статей востоковед Евгений Сигизмундович Иолк (1900-1942). Он не встретил поддержки.

Согласно другой точке зрения, древневосточное общество было рабовладельческим. Последний взгляд в наиболее четкой форме был изложен известным востоковедом Василием Васильевичем Струве (1889-1965) в 1933 г. в докладе «Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ Древнего Востока». Вскоре после этого дискуссия была прекращена по указаниям сверху. Многие из её участников были репрессированы: расстреляны или заключены в лагеря. Точка зрения на общество Древнего Востока как на рабовладельческое стала официально признанной и обязательной в советской исторической науке. После появления работы И. В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме» (1938) выступление с критикой такого взгляда стало абсолютно невозможным.

Схема, согласно которой в истории человечества сменилось пять общественно-экономических формаций: первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая, безраздельно господствовал в советской и вообще марксистской

общественной науки вплоть до XX съезда КПСС (1956). Первым в послевоенные годы в СССР выступил с её критикой автор настоящих строк в опубликованной в 1957 г. статье «К вопросу о первой форме классового общества»⁶²⁷. В ней отстаивался взгляд, что на Древнем Востоке существовала особая общественно-экономическая формация, отличная от рабовладельческой. В том же году в ГДР вышла из печати книга Элизабеты Шарлотты Вельскопф «Производственные отношения на Древнем Востоке и в греко-римской античности»⁶²⁸ и несколько её статей, в которых доказывалось, что древневосточное и античное общества относились к двум разным общественно-экономическим формациям.

А начиная с 1964 г. развернулась вторая дискуссия об социально-экономическом строе древневосточных обществ, которая в отличие от первой приобрела международный характер. В ней помимо советских ученых приняли активное участие марксисты как «социалистических», так и капиталистических стран. Эта дискуссия также была достаточно полно и тоже довольно предвзято обрисована в уже упоминавшейся выше книге В. Н. Никифорова. Отстаивалось три взгляда на природу обществ Древнего Востока: (1) рабовладельческие, (2) феодальные, (3) основанные на особом «азиатском» способе производства. И эта дискуссия, как и первая, была, в конце концов, насильственно прервана властью. Это произошло в начале 70-х годов. В адрес противников ортодоксальной точки зрения начали звучать угрозы.

Так, например, заведующий отделом общих проблем Института востоковедения АН СССР Георгий Федорович Ким (1924-1989) в рецензии на книгу В. Н. Никифорова «Восток и всемирная история» (М., 1975) писал: «Большое место в книге занимают размышления автора о рабовладельческом обществе на Востоке. И это надо приветствовать, ибо особенно усиленным нападкам со стороны наших идеологических противников подвергается марксистское понятие рабовладельческой формации. Поскольку из всех классовых формаций она наиболее отдалена от нас, а изучение ее хуже обеспечено источниками, понятие рабовладельческого общества представляется буржуазным ученым слабым звеном в цепи учения о формациях. Отрицая существование рабовладельческого строя, они надеются опрокинуть все стройное здание материалистического толкования истории. Тем более отрицается ими рабовладельческий строй в странах Востока, где он имел свои особенности по сравнению с Европой. В то же время буржуазными социологами ставится под сомнение и факт существования феодализма в Азии и Африке.

В этой связи перед марксистами, в первую очередь советскими историками, стоит важная задача обобщения накопленного материала по докапиталистической истории внеевропейских стран, объективного установления общего и особенного в развитии этих стран»⁶²⁹.

Формально вся эта инвектива направлена против буржуазных ученых. Но в действительности имелись в виду прежде всего советские ученые, выступавшие с критикой утвердившихся в нашей науке догм. Ведь именно они отрицали принадлежность обществ Древнего Востока к рабовладельческой формации, а некоторые из них шли дальше и ставили под сомнение или даже отрицали существование феодализма в Азии и Африке. Именно их фактически и обвиняли в стремлении «опрокинуть все стройное здание материалистического толкования истории», именно их выступления приравнивались к «усиленным нападкам наших идеологических противников».

И чтобы создать впечатление, что речь идет вовсе не об отстаивании догм, а о защите научной истины против людей, не знающих истории и повторяющих буржуазные мифы, Г. Ф. Ким ссылается на целый ряд крупных ученых, выступивших в защиту официальной точки зрения. Из числа востоковедов к ним принадлежали академики Николай Иосифович Конрад (1891-1970), Михаил Александрович Коростовцев (1900-1980), доктора исторических наук Игорь Михайлович Дьяконов (1915-1999), Григорий Федорович Ильин (1914-1985), Илья Яковлевич Златкин (1898-1990), Афанасий Гаврилович Крымов (1905-1988).

Особенно усердно, и во время дискуссии и после её прекращения, отстаивал официальную точку зрения И. М. Дьяконов. Вышедший в 1983 г. под его редакцией первый том «Истории Древнего Востока» был демонстративно, в пику всем противникам ортодоксального взгляда, назван: «Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Часть первая. Месопотамия» (М., 1983). «В странах древневосточных и странах греко-римского мира, — утверждалось во введении к нему, — существовала одна и та же формация, а также одни и те же фазы развития общества. Но эти фазы развития рабовладельческой формации те и другие страны проходили в разное время. Древневосточные классовые общества и цивилизации возникли из недр доклассового общества много раньше античных, на значительно более низком уровне развития производительных сил, и развивались они по сравнению с античными обществами и цивилизациями гораздо более медленными темпами. Именно в различии исходных уровней и темпах развития заключается объяснение того, что Греция и Рим дали образцы

завершенности социальных процессов в эпоху древности. Но это вовсе не свидетельство того, что античный мир и древневосточный мир относились к разным формациям, а Восток и Запад качественно противостоят друг другу»⁶³⁰.

Правда, это нисколько не помешало И. М. Дьяконову уже в постсоветское время, в книге «Пути истории. От древнейшего человека до наших дней» (М., 1994) объявить, что «марксистская теория исторического процесса, отражавшая реалии XIX в., безнадежно устарела — и не только из-за теоретической слабости коммунистической посылки, но и вследствие других как теоретических, так и чисто прагматических неточностей и ошибок»⁶³¹. Один из главных доводов: марксизм, например, категорически настаивал на том, что древневосточное общество было рабовладельческим. Но, как пишет И. М. Дьяконов, советским историкам Древнего мира уже со времен второй дискуссии об азиатском способе производства 60-х годов было ясно, что древнее общество рабовладельческим не являлось⁶³².

7.5. Загадка и разгадка «азиатского» (политарного) способа производства

Хотя я еще в середине 50-х годов прошлого века пришел к выводу, что на древнем Востоке существовала не рабовладельческая, а качественно иная общественно-экономическая формация, понимание сути бытовавшего там способа производства далось мне с огромным трудом. Первоначально я пришел к выводу, что базисом древневосточного общества было неразрывное единство неразвитых рабовладельческих и неразвитых же феодальных отношений. В последующем, увлекшись материалами об одном относительно редком варианте «азиатского» способа производства, я снова не нашел верного решения⁶³³.

Как выяснилось впоследствии, почти во всех вполне сформировавшихся классовых обществах «азиатский» способ производства чаще всего сосуществовал и переплетался с другими антагонистическими способами производства, причем качественно иными, чем рабовладение, феодализм и тем более капитализм. Различные проявления этих способов производства описывались историками, но сами они ими не замечались, не осмысливались и не получали особых названий. К этому следует добавить, что данные о социально-экономических отношениях в обществах Древнего Востока были крайне скудны, отрывочны и поэтому допускали самую различную интерпретацию.

Нужно было найти более полные и надежные материалы. И они нашлись. В XIX и даже XX веках существовало немало предклассовых, т. е. переходных от первобытных к цивилизованным, обществ, в которых шел процесс становления «азиатских» социально-экономических отношений, причем эти формирующиеся отношения были практически единственными классовыми в них. И некоторые из этих обществ были детально изучены этнографами. Исследователям при этом не нужно было по отдельным фрагментам восстанавливать картину «азиатских» социально-экономических отношений, они непосредственно наблюдали целостную систему их в действии.

Знакомство с трудами этих исследователей неизбежно вело к выводу, что представление об обществах Востока, которое сложилось у К. Маркса и Ф. Энгельса на основе знакомства с трудами Ф. Бернье, А. Доу, Дж. Гранта, братьев Паттонов, Р. Джонса и др., и получило достаточно четкое выражение в упоминавшейся выше работе Л. И. Мадьяра, в чисто

фактологическом плане является, в общем и целом, верным. Но оно нуждается в существенной теоретической разработке. Прежде всего, необходимо новое теоретическое осмысление понятия частной собственности, а тем самым и собственности вообще.

Бытующие в английском и французском языках слова «property» и «propriété», которые сейчас переводятся на русский язык как собственность, в действительности еще три века тому назад обозначали не собственность вообще, а лишь частную собственность. Поэтому А. Фергюсон, когда он столкнулся с отсутствием у индейцев Америки частной собственности на землю, вынужден был писать об отсутствии у них собственности на землю вообще. И, кстати сказать, когда Пьер Жозеф Прудон (1809-1865) в книге «Что такое собственность?» утверждал, что «собственность есть кража!», то по существу имел в виду не собственность вообще, а только частную собственность⁶³⁴. А суть этой собственности действительно заключается в безвозмездном присвоении продукта, созданного чужим трудом.

Обращаясь к отношениям собственности, прежде всего следует подчеркнуть, что существует два вида таких отношений. Первый их вид, который бросается в глаза и широко известен, — это волевые отношения собственности. В классовом обществе, где существует государство, они приобретают облик правовых, юридических отношений. Эти связи чаще всего именуется имущественными отношениями. Второй вид отношений собственности — экономические отношения собственности. Эти отношения — не волевые, а объективно-реальные. Они существуют только в отношениях распределения и обмена.

Собственность — не вещь и не отношение человека к вещи, взятое само по себе. Собственность есть отношение между людьми, но такое, которое проявляется в их отношении к вещам. Или — иначе — собственность есть отношение людей к вещам, но такое, в котором проявляются их отношения друг к другу.

Собственность — такое отношение людей по поводу вещей, которое наделяет и людей, и вещи особыми социальными качествами: делает людей собственниками, а вещи — их собственностью. Каждая вещь в человеческом обществе всегда обладает таким социальным качеством. Она всегда не только потребительная ценность, но обязательно одновременно и чья-то собственность (индивида, группы индивидов или даже общества в целом).

С чисто юридической точки зрения, частная собственность — такое отношение индивида (собственника) к вещам (собственности), которое в

идеале предполагает его безраздельное, никем и ничем не ограниченное господство над ними, такое право собственника на вещи, на которое никто, включая государство, не может посягать. Как принято говорить, частная собственность священна и неприкосновенна. Все остальное не имеет значения. Частная же собственность как экономическое отношение есть нечто совсем иное.

Хотя К. Маркс и Ф. Энгельс прекрасно понимали, что кроме собственности как волевого (в классовом обществе — юридического) отношения, существует собственность как отношение экономическое, полностью отказаться от привычной трактовки частной собственности они не смогли. Это нашло выражение в том, что частную собственность они понимали преимущественно как собственность отдельных индивидов. Именно это легло в основу трактовки ими восточного общества как такого, в котором частной собственности на землю не существовало. Она была ошибочной.

Частная собственность как экономическое отношение есть такая собственность одной части членов общества на вещи, прежде всего, на средства производства, которая позволяет ей безвозмездно присваивать труд другой (и обязательно большей) части его членов. Эти две части общества представляют собой не что иное, как общественные классы.

Общественные классы — всегда группы людей, занимающие разные места в системе социально-экономических отношений. Но этого определения недостаточно. Купцы и ростовщики — тоже группы людей, отличающиеся местами в системе производственных отношений. Однако они не классы, ибо занимают места, прежде всего, в подсистеме отношений обмена и тем самым в подсистеме отношений по перераспределению созданного продукта. Особых мест в подсистеме отношений по распределению средств производства они не имеют. Для обозначения такого рода групп лучше всего подошел бы термин «квазиклассы» (от лат. *quasi* — как будто, будто бы).

Настоящие же общественные классы — такие группы людей, которые отличаются, прежде всего, своим отношением к средствам производства, или, иными словами, местами, занимаемыми ими в подсистеме отношении по распределению средств производства. Из этого вытекает различие способов получения и размеров получаемой доли общественного продукта, или, что то же самое, различие их мест в подсистеме отношений распределения. Классы отличаются обычно также и ролью в организации труда. Каждый антагонистический способ производства представляет собой особый способ эксплуатации человека человеком.

В узком, строго научном смысле слова эксплуатация есть безвозмездное присвоение (получение в собственность) одной частью общества доли общественного продукта, созданного другой частью общества. В широком смысле под эксплуатацией понимается также и безвозмездное присвоение одними людьми услуг со стороны других людей. В дальнейшем изложении будет рассматриваться эксплуатация только в узком смысле слова. Объектом такой эксплуатации могут быть только производители материальных благ.

Важнейшее понятие, характеризующее эксплуатацию, — категория прибавочного продукта. Прибавочный продукт есть та доля общественного продукта, созданного одной частью общества, которая безвозмездно присваивается (переходит в собственность) другой ее части. Эксплуатация есть присвоение прибавочного продукта. Она может происходить по-разному. Существуют две ее основные формы.

При первой форме эксплуатации человека человеком такое присвоение происходит непосредственно в процессе собственно производства — процесс производства есть одновременно и процесс эксплуатации. При этом весь продукт или, по крайней мере, его часть (прибавочный продукт) создается производителем не как его собственность, а как собственность иных людей, которые тем самым выступают в роли эксплуататоров. В данном случае отношения эксплуатации выступают как отношения собственно производства.

Вторая основная форма эксплуатации характеризуется тем, что безвозмездное присвоение продукта происходит не в процессе собственно производства, а уже после того, как этот процесс завершился. Здесь процесс эксплуатации не совпадает с процессом производства и представляет собой явление отличное от него. Он представляет собой одну из форм перераспределения общественного продукта. Форму эксплуатации, не представляющую способа производства, можно назвать *методом эксплуатации*. Так как метод эксплуатации есть форма лишь присвоения, но не создания прибавочного продукта, он всегда существует только в связи с тем или иным способом (или теми или иными способами) производства — антагонистическим или неантагонистическим.

В основе деления на общественные классы лежит различие отношения этих групп людей к средствам производства. Но оно совершенно не обязательно выражается в том, что один класс полностью владеет средствами производства, а другой полностью лишен их. Это справедливо в отношении рабовладельческого и капиталистического способов производства, но не феодального. Оба класса, порождаемые феодальным

способом производства, владеют средствами производства. Но их отношение к этим средствам производства различно. Один класс — верховный собственник средств производства, прежде всего земли, другой класс — подчиненный собственник этих же средств производства, главное среди которых — земля.

Таким образом, частная собственность может быть полной, когда члены господствующего класса безраздельно владеют средствами производства, а члены другого класса целиком отчуждены от них. Такова рабовладельческая и капиталистическая частная собственность. Однако собственность на средства производства может быть расщеплена на верховную частную собственность членов господствующего класса и подчиненную обособленную собственность членов эксплуатируемого класса. Верховной, а не полной является феодальная частная собственность. Верховная частная собственность — всегда собственность не только на средства производства, но и на личности непосредственных производителей, а эти производители — подчиненные собственники не только средств производства, но и своей личности.

Кроме верховной частной собственности на личность производителя, может существовать и полная собственность на нее, как это было при рабовладельческом способе производства. Рабовладельческая экономическая ячейка была единицей полной собственности как на все средства производства, так и на личности работников, входивших в нее.

Частная собственность может различаться и по тому, как конкретно члены господствующего класса владеют средствами производства (а иногда и работниками). Частными собственниками могут быть члены этого класса, взятые каждый в отдельности. Это — *персональная частная собственность*. Частными собственниками могут быть те или иные группы людей, принадлежащие к господствующему классу. Это — *групповая частная собственность*. Такова, например, акционерная собственность при капитализме.

Таким образом, частная собственность совершенно не обязательно является персональной. С другой стороны, персональная собственность совершенно не обязательно частная. Персональной может быть собственность на средства потребления, которая никак частной не является. Частная собственность всегда есть собственность на средства производства и нередко также на работников. Собственность на средства потребления нередко называют личной собственностью, что не очень точно, ибо она может быть не только персональной, но групповой. Лучшее название для нее — *отдельная собственность*

Если всякая частная собственность есть собственность на средства производства, то не любая собственность на средства производства является частной. Частная собственность не просто собственность на средства производства, а такая собственность на них, которая позволяет безвозмездно присваивать прибавочный продукт. Если собственность на средства производства не является основой эксплуатации человека человеком, то она — не частная. Ее можно было бы назвать *обособленной* собственностью. Эта собственность может быть как персональной, так и групповой. Персональной является, например, собственность на средства производства и предметы потребления односемейного крестьянского двора. Собственность многосемейного крестьянского двора нередко является групповой обособленной собственностью.

Возвращаясь к частной собственности, необходимо отметить еще одну её особенность при феодализме. Каждый верховный частный собственник был включен в иерархически организованную корпорацию верховных собственников, состоящую из слоя низших верховных собственников (рядовых дворян, шевалье), нескольких категорий все более высоких верховных собственников (виконтов, баронов, графов, герцогов), и, наконец, наивысшего верховного собственника — короля. Такая частная собственность по всей справедливости должна быть названа *персонально-корпоративной*.

Группой, владеющей средствами производства (работниками) и использующей их для безвозмездного присвоения продукта, созданного трудом производителей, может быть класс эксплуататоров в целом. В таком случае средствами производства (и работниками) владеют все члены господствующего класса только вместе взятые, но ни один из них взятый в отдельности. Это — *общеклассовая частная собственность*. Она всегда приобретает форму государственной собственности, является государственной собственностью. Именно такая форма частной собственности и лежала в основе «азиатского» способа производства.

Таким образом, и в основе этого способа производства лежала частная собственность, но в особой, непривычной для европейских исследователей форме. В своеобразном, непривычном виде выступал при данном способе производства и господствующий класс. Совпадение общеклассовой частной собственности с государственной собственностью с неизбежностью обуславливало совпадение класса эксплуататоров, если не со всем личностным составом государственного аппарата, то, во всяком случае, с его ядром, с его основной частью.

Этот особый антагонистический способ производства, качественно

отличный от рабовладельческого, феодального и капиталистического способов производства, существовал не только в Азии, но и в древней Европе, Африке и доколумбовой Америке и Океании. Уже поэтому именованная его «азиатским» способом производства вряд ли можно считать верным, не говоря уже о том, что это название не содержит даже намека на его сущность. Так как для этого способа производства характерны общеклассовая частная собственность, выступающая в форме государственной, и совпадение господствующего класса с ядром государственного аппарата, то лучше всего называть его *политарным* (от греч. полития, политея — государство) способом производства, или просто *политаризмом*.

Политаристы владели средствами производства и производителями материальных благ только сообща. Поэтому они с неизбежностью образовывали особую корпорацию. Общеклассовая частная собственность всегда была корпоративной. Все политаристы входили в особую иерархически организованную систему распределения прибавочного продукта — *политосистему*. Они образовывали несколько ступеней служебной пирамиды, которые сужались по мере приближения к её вершине. На самой же вершине этой пирамиды находился один-единственный человек, к которому, в конечном счете, сходились все линии политосистемы. Этого верховного политариста, который был главой политосистемы и одновременно государственного аппарата, т. е. правителем государства, можно назвать *политархом*⁶³⁵. Соответственно с этим возглавляемую политархом ячейку общеклассовой частной собственности, которая одновременно была и государством и социоисторическим организмом, следует называть *политархией*.

Именно политарха европейские наблюдатели восточных порядков и принимали за единственного собственника земли. Но наиболее проницательные из них не могли не заметить, что эта собственность носила крайне своеобразный характер. Земля, если и принадлежала ему, то не как определённой конкретной личности, а как носителю должности. Стоило ему только лишиться положения главы государства, как он лишался и собственности. Все его права переходили к человеку, занявшему его место. Как отмечали исследователи, его собственность была не персональной, а должностной, титульной.

В действительности же политарх был не собственником, а лишь верховным распорядителем общеклассовой частной собственности и, соответственно, прибавочного продукта. Весь прибавочный продукт, который обеспечивала политарная частная собственность, составлял

особый фонд, за счет которого жили политаристы, — *политофонд*. Он находился в распоряжении политарха, который в идеале выделял каждому нижестоящему политаристу определённую долю прибавочного продукта в соответствии с занимаемым им в политосистеме местом.

Любой политарный способ производства предполагал собственность политаристов не только на средства производства, прежде всего землю, но и на личность непосредственных производителей. И эта верховная собственность класса политаристов дополнялась полной собственностью главы этого класса — политарха на личность и имущество всех его подданных.

Полная собственность политарха на личность всех его подданных выражалась в его праве лишать их жизни без какой-либо вины с их стороны. На самых ранних стадиях становления политаризма политарх имел право на жизнь лишь рядовых подданных, затем по мере созревания данного способа производства оно распространилось и на всех политаристов. Полное право политарха на имущество подданных выражалось в праве по произволу безвозмездно отбирать его. Право политарха на жизнь и имущество подданных реализовывалось через посредство государственного аппарата. Для политарных обществ характерно существование практики систематического террора государства против всех своих подданных. Этот террор мог проявляться в разных формах, но он всегда существовал. Особенно жестким и массовым был террор в эпохи становления любой формы политаризма⁶³⁶. Примером может послужить Буганда начала XIX в., которая была формирующимся политарным (*протополитарным*) обществом⁶³⁷. Практика постоянного, систематического террора характерна для начального этапа развития всех вообще политарных обществ⁶³⁸.

Суть политарного террора заключалась не в наказании виновных или подозреваемых во враждебных замыслах, а в создании и постоянном поддержании атмосферы всеобщего страха. Ни одному подданному политарха не было гарантировано исключение из числа возможных жертв. Каждый мог в любое время быть схвачен и уничтожен без какого бы то ни было следствия и суда. Для этого вполне достаточно было приказа политарха или специально уполномоченных им лиц.

Нижестоящие политаристы даже самого высокого ранга права на такого рода репрессии не имели. Даже когда они, выступая в роли судей, приговаривали действительно виновного человека к смерти, приговор мог быть приведен в исполнение только после санкции политарха или опять-

таки особо уполномоченных им лиц. Попытки нарушить монополию политарха на жизнь и смерть его подданных жестоко пресекались.

Таким образом, по отношению к политарху все его подданные выступали в качестве рабов. Это было подмечено Г. Гегелем, а затем и К. Марксом, писавшем о существовавшем на Востоке «поголовном рабстве»⁶³⁹. Приведенные слова К. Маркса пытаются иногда истолковать как признание им господства на Востоке рабовладельческого способа производства. Ничего подобного. Рабство и рабовладельческий способ производства далеко не одно и то же. Рабство — такое отношение между людьми, при котором одни люди являются полной собственностью других. Рабовладельческий способ производства имеет место только тогда, когда рабов в широких масштабах используют для производства материальных благ.

К изложенным выше основным выводам я пришел к началу 70-х годов. Но сделать их достоянием научной общественности в создавшихся к тому времени условиях было очень не просто. Работа, в которой они излагались и обосновывались, постоянно в той или иной форме отвергалась и напечатана была, наконец, лишь спустя семь лет под довольно камуфляжным названием «Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии: прагосударство и аграрные отношения» в сборнике «Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки» (М., 1980)⁶⁴⁰.

Как впоследствии выяснилось, в истории существовал не один, а несколько разных политарных способов производства. Основой особой общественно-экономической формации был только один из них — тот самый, что возник впервые в эпоху Древнего Востока и продолжал существовать в Азии вплоть до конца XIX века. Его можно назвать *древнеполитарным*.

Древнеполитарный способ производства существовал в разных видах и имел несколько вариантов. Он никогда не оставался неизменным. Но чтобы понять и его различные разновидности и варианты, и закономерности его развития, нужно рассмотреть и другие ранние антагонистические способы производства, сосуществовавшие с ним.

7.6. Иные, кроме политаризма, ранние антагонистические способы производства

На стадии предклассового общества, кроме формирующихся политарных (протополитарных) социально-экономических отношений, существовали антагонистические отношения еще нескольких типов. Для нас в данном случае из их числа важны три способа эксплуатации человека человеком.

Первый из них *нобиларный* (от лат. *nobilis* — знатный) способ производства. Он очень близок к древнеполитарному способу производства и в тоже время отличается от него целым рядом особенностей. Для него характерно существование довольно узкого слоя эксплуататорской элиты — *нобиларистов*. Каждому из nobиларистов выделялась определенная доля общей корпоративной собственности, которой он мог по своей воле распоряжаться. Нобиларная частная собственность, в отличие от политарной, была корпоративно-долевой, корпоративно-персонализированной. В результате глава корпорации nobиларистов и тем самым глава государства — *нобиларх* был распорядителем не всей корпоративной собственности, а только ее части, что была ему выделена. Это ограничивало его власть над рядовыми *нобиларистами*. По отношению к последним он выступал не столько как их повелитель, сколько как первый среди равных. Нобиларх, в отличие от политарха, не имел права на жизнь и смерть не только других членов господствующей элиты, но и рядовых своих подданных. Если территории, находящиеся под властью тех или иных nobиларистов (включая и nobиларха), — *нобилариумы* — были велики, то они отдавали отдельные части своих владений в кормление и управление тем или иным лицам. Нобиларизм, таким образом, мог сочетаться и обычно сочетался с *алиментаризмом*, но особого рода, отличным от алиментаризма политарного, который будет рассмотрен ниже. Обычным явлением было превращение рядовых nobиларистов в nobилархов, а тем самым и распад прежней nobилархии на несколько новых, меньших по размеру.

Второй из ранних способов производства — *доминарный* (от лат. *dominare* — господствовать) способ. Суть его заключается в том, что эксплуатируемый полностью работает в хозяйстве эксплуататора. Этот способ выступает в пяти вариантах, которые часто являются и его составными частями. В одном случае человек работает только за

содержание (кров, пищу, одежду). Это — доминоприживальческий, или просто приживальческий вариант доминарного способа эксплуатации (1). Нередко вступление женщины в такого рода зависимость оформляется как заключение брака. Это — брако-приживальчество (2). Человек может работать за определенную плату. Этот вариант можно назвать доминонаймитским, или просто наймитским (3). Человек может оказаться в чужом хозяйстве в качестве заложника или несостоятельного должника. Это — доминокабальный подспособ (4). И, наконец, еще одним является доминорабовладельческий подспособ эксплуатации (5). Рабство как вариант и составной элемент доминарного способа эксплуатации качественно отличается от рабства как самостоятельного способа производства. В литературе его обычно именуют домашним, или патриархальным, рабством.

Третьим основным ранним способом производства был *магнатный*, или *магнарный* (от лат. magna — великий, ср.-лат. magnat — владыка). Он выступал в четырех вариантах, которые нередко являлись одновременно и его составными элементами. При этом способе основное средство производства — земля, находившаяся в полной собственности эксплуататора, передавалась в обособленное пользование работника, который более или менее самостоятельно вел на ней хозяйство. Случалось, что непосредственный производитель получал от эксплуататора не только землю, но и все средства труда. Работник обычно отдавал собственнику земли часть урожая, а нередко также и трудился в собственном хозяйстве эксплуататора.

Таким работником мог стать раб, посаженный на землю. Это — магнорабовладельческий вариант магнарного способа производства (1). Им мог стать приживал. Это — магноприживальческий вариант магнарного способа производства (2). Им мог стать человек, оказавшийся в зависимости от владельца земли в результате задолженности. Это магнокабальный подспособ эксплуатации (3). И, наконец, им мог стать человек, взявший участок земли в аренду и оказавшийся в результате этого не только в экономической, но и в личной зависимости от владельца земли. Это — магноарендный подспособ эксплуатации (4). В литературе последнюю форму эксплуатации обычно называют издольщиной, а когда работник отдает половину урожая — испольщиной.

Очень часто доминарный и магнарный способы производства срастались друг с другом, образуя по существу один единый гибридный способ производства — *доминомагнарный*. Доминаристы при этом одновременно были и магнарристами.

7.7. Варианты политарного способа производства и подтипы древнеполитарного общества

Древнеполитарный способ производства существовал в трех основных вариантах. Один из них был самым распространенным, и когда говорят об «азиатском» способе производства, то только его и имеют в виду. В этом смысле его можно считать классическим. Существуют, по крайней мере, еще два варианта древнеполитарного способа производства, которые описываются, но к азиатскому способу производства обычно не причисляются.

При классическом варианте древнеполитарного способа производства эксплуатируемый класс — крестьяне, живущие общинами. Крестьяне или платят налоги, которые одновременно представляют собой земельную ренту, или, что реже, наряду с ведением собственного хозяйства, обрабатывают землю, урожай с которой поступает государству. Этим крестьянам также нередко в порядке трудовой повинности используют на различного рода работах (строительство и ремонт каналов, храмов, дворцов и т. п.).

Крестьянские дворы, таким образом, входят одновременно в состав двух разных хозяйственных организмов: крестьянской общины и политархии⁶⁴¹. Как составные части крестьянской общины они представляют собой ячейки по производству необходимого продукта; они же в составе политархии и сама политархия в целом суть ячейки по производству прибавочного продукта, идущего классу политаристов. Как явствует из сказанного, древнеполитаризм в данном варианте — двухэтажный способ производства. Политарный общественно-экономический уклад включает в себя в качестве своего основания крестьянско-общинный уклад.

Таким образом, при данном варианте политаризма, который можно назвать *политарно-общинным* или *политообщинным*, частная собственность на средства производства вообще, на землю, прежде всего, раздвоена. Общеклассовая политарная частная собственность является при этом не полной, а верховной, и, разумеется, как всякая верховная частная собственность представляет собой собственность не только на землю, но и на личности непосредственных производителей. Крестьянские общины или отдельные крестьянские дворы при этом — подчиненные обособленные собственники земли, а входящие в них крестьяне — подчиненные

собственники своей личности, а тем самым и своей рабочей силы.

Существовавшие в недрах крупных политарных социоисторических организмов крестьянские общины не были простыми их подразделениями. В основе этих общин лежали иные социально-экономические отношения, чем те, что образовывали базис классового социоисторического организма, в который они входили. Поэтому крестьянские общины обладали некоторыми особенностями социоисторических организмов, выступали в ряде отношений как подлинные социоры. В частности, они имели свою особую культуру, отличную от культуры классового социоисторического организма, в состав которого входили. Они были субсоциорами⁶⁴².

Крестьянские общины являлись глубинной подосновой политообщинных обществ. Древнеполитарные социоисторические организмы возникали, исчезали, сливались и раскалывались. Но общины при этом сохранялись.

Даже самые небольшие формирующиеся политархии (протополитархии) включали в себя несколько пракрестьянских общин. В таком случае верховному правителю — протополитарху — были непосредственно подчинены старосты общин. Что же касается политархий классового общества, то они обычно имели не менее трех уровней управления. Политарху подчинялись правители подразделений политархии (дистриктов, округов) — субполитархи, которым в свою очередь были подчинены старосты общин. В крупных политархиях могла существовать четырехзвенная система управления: (1) политарх — (2) правитель провинции (субполитарх первого ранга) — (3) правитель округа (субполитарх второго ранга, или субсубполитарх) — (4) староста крестьянской общины. Система, состоящая из политарха и субполитархов, — *политархосистема* была костяком, скелетом, несущей конструкцией политосистемы в целом.

В идеале весь прибавочный продукт должен был поступать в распоряжение политарха, который, оставив себе определенную его часть, все остальное должен был распределить между членами политосистемы. В чисто социальном плане весь прибавочный продукт шел от непосредственных производителей на самый верх политосистемы, т. е. к политарху, минуя все промежуточные звенья, и уже от него растекался сверху вниз по ее каналам. В некоторых политархиях действительно предпринимались попытки сконцентрировать весь этот продукт в одном месте с последующей его раздачей членам господствующего класса.

Но чаще физическое перемещение прибавочного продукта не совпадало с социальным его движением. Правители территориальных

подразделений политархии — субполитархи, собрав налоги, оставляли себе определенную, установленную политархом долю, а все остальное передавали вышестоящему правителю. Если этот правитель тоже был субполитархом, то он, получив налоги от всех нижестоящих субполитархов, опять-таки оставлял себе определенную политархом их часть, а остальное передавал выше. В конце концов, часть продукта, причем обычно значительная, оказывалась в руках политарха. В таком случае физическое движение прибавочного продукта шло по канала политосистемы снизу вверх. Но в идеале это ни в малейшей степени не мешало прибавочному продукту в социальном отношении двигаться сверху вниз: ведь именно политарх назначал субполитархов и тем самым выделял им доли прибавочного продукта, определяя при этом размеры этих долей.

Правители всех рангов, получив в своё распоряжение установленную политархом долю прибавочного продукта, часть её использовали для обеспечения своего существования, а другую — на содержание подчиненного им аппарата управления, состоявшего из различного рода должностных лиц. Причем, в идеальной политархии размеры долей продукта, получаемого этими лицами, определялись не субполитархом, а опять-таки политархом. По существу субполитарх распоряжался не всем выделенным ему продуктом, а лишь той его частью, которая шла на его содержание. Политарх за счет полученного им продукта содержал центральный аппарат управления. Чаще всего чиновники, которые не являлись субполитархами, получали причитающуюся им долю продукта в виде своеобразного жалованья натурой. Жалованье получали и люди, обслуживающие политарха и его семью.

Однако ряд должностных лиц мог получать от политарха не жалованье натурой, а право на сбор части или даже всего налога с определенного числа крестьян, иногда даже с целой крестьянской общины. Такого рода вариант можно было бы назвать *алиментарным* (от лат. *alimentum* — содержание). Алиментарист не приобретал никаких особых прав ни на землю *алиментариума*, ни на личности крестьян-алиментариев, кроме тех, что он имел как член господствующего класса. Он получал лишь особое право на часть созданного в алиментариуме продукта до тех пор, пока занимал должность. С лишением должности это право терялось.

Такова картина древнеполитарного общества, в котором политообщинный уклад был либо единственным, либо безраздельно господствующим. Это общество было монополитарным. Но даже когда древнеполитарное общество первоначально являлось таковым, в последующем оно претерпевало существенные изменения.

Возникновение древнеполитарного общества означало конец политарного классовообразования, но не классовообразования вообще. Практически во всех монополитарных обществах на определенных этапах их развития начинался процесс вторичного классовообразования, имущественного расслоения в среде людей, не входивших в состав класса политаристов, прежде всего крестьянства. Не вдаваясь в детали этого процесса, отмечу, что важнейшую роль в нем играли заёмно-долговые отношения, особенно займы под залог личности и земли, которые неизбежно порождали кабалу и рабство⁶⁴³. Шел процесс, с одной стороны, обезземеливания крестьян, с другой, возникновения крупной персональной полной частной собственности на землю.

С одной стороны, появлялись крупные земельные собственники, с другой стороны, люди, лишившиеся возможности самостоятельно вести хозяйство. В обществе происходил интенсивный процесс формирования доминарных, магнарных и доминомагнарных отношений. Возникали доминомагнарные хозяйственные ячейки, в которых работали лишившиеся средств производства люди. В основном они входили в их состав в роли магнокабальников и магноарендаторов. Магнарный способ производства чаще всего выступал в кабальном и арендном вариантах, что, разумеется, не исключало бытия и других его подтипов. Рядом с магнарно-зависимыми работниками (магнариями) могли трудиться и доминарно-зависимые (доминарии).

Тем самым в древнеполитарных обществах наряду с политарной верховной частной собственностью на землю и подчиненной обособленной собственностью на землю крестьян или крестьянских общин в том или ином объеме получала развитие персональная полная частная собственность на землю. Возникающий внутри древнеполитарного общества докиномагнарный уклад теснил крестьянско-общинный. Если раньше нижний этаж общества был в основном крестьянско-общинным, то теперь он всё в большей степени начинал становиться доминомагнарным.

В обществе начинали существовать два вида и две системы отношений частной собственности, два этажа эксплуатации и два эксплуататорских класса. Когда непосредственные производители из крестьян превращались в доминариев и магнариев, то они переставали платить налоги государству. Созданный ими прибавочный продукт непосредственно шел только доминомагнарными. Но хотя последние и были полными персональными частными собственниками, их возникшая в результате экспроприации подчинённой крестьянской обособленной собственности полная частная собственность на землю с неизбежностью была тоже подчиненной. Так

наряду с подчиненной обособленной собственностью на землю возникла подчиненная же персональная частная собственность на это основное средство земледельческого производства. Из двух форм частной собственности на землю политарная была верховной, доминомагнарная — подчиненной.

Верховная частная собственность политаристов распространялась не только на принадлежавшие доминомагнарстам средства производства, включая землю, но и на их личности. Верховным собственником и всей территории государства и личности подданных государства как был, так и продолжал оставаться класс политаристов, а глава этого класса — политарх и был, и оставался полным собственником и имущества, и личностей подданных государства. Политарх в принципе в любое время мог лишить доминомагнарста не только имущества, но и жизни. Таким образом, из двух эксплуататорских классов политаристы были классом господствующим, доминомагнарсты — классом подчиненным. В таком же подчиненном положении было и купечество.

Доминомагнарсты, как и крестьяне, должны были платить ренту-налог классу политаристов. Они должны были отдавать часть созданного доминариями и главным образом магнарными прибавочного продукта в политофонд. На этой почве между политаристами и доминомагнарстами возникали конфликты. Доминомагнарсты пытались сократить долю прибавочного продукта, идущего в политофонд, и тем увеличить свой доход, и вообще превратить свою подчиненную, зависимую частную собственность на землю и прочее имущество в независимую, свободную собственность, т. е. избавиться от верховной собственности класса политаристов и полной собственности политарха на свои личности и свое имущество.

С развитием доминомагнарного уклада древнеполитарное общество превращалось из монополитарного в политарно-доминомагнарное, короче, политодоминомагнарное. Здесь перед нами не два варианта или подтипа древнеполитарного способа производства, а два подтипа древнеполитарного общества. Это общество, как и политообщинное, было двухэтажным. Но здесь перед нами иная форма социальной двухэтажности. Политообщинное общество было двухэтажным в силу двухэтажности классического варианта политарного способа производства. Двухэтажность политодоминомагнарного общества была обусловлена наличием в нем двух общественно-экономических укладов, один из которых — политарный — был господствующим, а другой — доминомагнарный — подчиненным. На нижнем этаже такого общества сосуществовали крестьянско-общинный и

доминомагнарный уклады, причем в ходе развития последний вытеснял и поглощал первый. В принципе доминомагнарный уклад мог полностью поглотить крестьянско-общинный. В таком случае должно было исчезнуть крестьянство и крестьянские общины. Крайне своеобразный вариант развития дает Индия. Там деревенские общины были не крестьянскими, а стратифицированными. В их состав входили и доминомагнарлисты, и работавшие на них магнарии и доминарии.

Большинство восточных обществ в XVII—XIX вв. принадлежало к числу не монополитарных, а политодоминомагнарных, что и давало исследователям основания утверждать о существовании в них персональной частной собственности и характеризовать их как феодальные. При этом как персональных частных собственников социологи и историки нередко трактовали не только доминомагнарлистов, но и алиментаристов и даже субполитархов. В этих условиях было очень нелегко понять, что восточное общество не является феодальным, что в нем господствуют социально-экономические отношения качественно отличные от феодальных. Но, как мы уже видели, Ф. Бернье и ряд других исследователей сумели это уяснить, хотя и не в полне адекватной форме

При классическом варианте развития начальное древнеполитарное общества было монополитарным, в политодоминомагнарное оно превращалось позднее. Но существовал и другой вариант, при котором еще на предклассовой стадии наряду с господствующим протополитарным общественно-экономическим укладом не просто возникал, но начинал играть значительную роль доминомагнарный уклад. В результате возникало такое древнеполитарное общество, которое с самого начала было не монополитарным, а политодоминомагнарным. В литературе ранние монополитарные общества иногда именуют «деревенскими», а ранние политодоминомагнарные — «городскими». И для этого имеются основания. И в монополитарном обществе могли существовать и существовали города, но они представляли собой административно-управленческие центры — столицы политархий и их подразделений — субполитархий. В раннем политодоминомагнарном обществе город был не столицей политархии, а совпадал с самой политархией, был самой политархией. Такие социальные образования в литературе часто именуют городами-государствами. Их можно было бы назвать *урбополитархиями* (от лат. *urb* — город).

За этим различием скрывается другое, более серьезное. Политархия «деревенского» подтипа, которую я буду называть *орбополитархией* (от лат. *orbo* — мир, страна, область), состояла из общин, но сама общиной не

была. Всех людей, входивших в ее состав, объединяло лишь одно: все они были подданными одного политарха. Все общины такой политархии соединяла воедино политосистема во главе с политархом. Основой протополитархии были, если можно так выразиться, верховые экономические связи, связи между членами господствующего класса.

В «городской» политархии были и политосистема, и политарх. Но людей, входивших в ее состав, объединяли не только верховые связи. «Городская» политархия в отличие от «сельской» в главном и основном была одновременно и своеобразной великообщиной. Поэтому она основывалась не только на верховых, но и низовых экономических связях. Большинство жителей «городской» политархии было не только подданными политарха, но и членами этой великообщины, т. е. пусть своеобразными, но тем не менее общинниками. Кроме полноправных членов великообщины — «великообщинников», или «граждан», в состав урбополитархии могли входить и обычно входили люди, которые не были членами великообщины и тем самым «гражданами». Но хотя совпадение великообщины и урбополитархии не было абсолютным, это не меняло суть дела. Наряду с простыми урбополитархиями, существовали и сложные. Социоисторический организм, кроме собственно урбополитархии, мог включать в себя несколько подчиненных ей крестьянских общин. Такой социор соединял особенности урбополитархии и орбополитархии. Наконец, более могущественная урбополитархия могла подчинить себе несколько более слабых.

Оба названных подтипа древнеполитарной формации существовали на самой заре классового общества. Как орбополитархии возникли, например, Раннее царство Египта, Иньское (Шанское) общество Китая, как Урбополитархии — города-государства Шумера, а затем Финикии. В доколумбовой Америке орбополитархией была империя инков, урбополитархиями — города-государства майя и ацтеков.

Наряду с развитием более или менее самостоятельного доминомагнарного уклада в древневосточных обществах наблюдался и своеобразный синтез политарных и доминомагнарных отношений. Результатом его и было появление еще двух, кроме политообщинного, вариантов древнеполитарного способа производства. Оба они не требовали обязательного существования крестьянской общины. Политарная частная собственность здесь была не верховной, а полной. Соответственно общество было не двухэтажным, как политообщинное, а одноэтажным.

При одном из этих вариантов государство само непосредственно вело хозяйство руками людей, полностью лишенных основных средств

производства. Эти производители работали на государственных полях партиями во главе с надсмотрщиками. Весь урожай с этих полей поступал в государственные закрома. Работники и их семьи получали довольствие натурой с казенных складов. Некоторые из этих работников могли быть рабами. Но основную массу составляли местные жители, которые рабами не являлись. Они пользовались определенными правами, имели, как правило, семьи и нередко, если не всегда, владели каким-то имуществом. Здесь перед нами своеобразное сращивание политаризма с доминарным способом производства. Поэтому данный вариант политарного способа производства можно назвать *политарнодоминарным*, или, короче, *политодоминарным*. Он встречался не очень часто.

Политодоминарные отношения лишали работника всякого стимула к труду и предполагали создание огромного бюрократического управленческого аппарата, на содержание которого шла большая часть прибавочного продукта. Поэтому там, где они утверждались, рано или поздно происходила деградация экономики. Примером может послужить история хозяйства царства Шумера и Аккада при III династии Ура (2111-2003 гг. до н. э.).

При другом варианте работникам выделялись участки земли, которые они обрабатывали в известной мере самостоятельно, причем степень этой самостоятельности была различной. Часть урожая, выращенного на участке, шла государству, другая оставалась производителю. Кроме земли, работник нередко получал в пользование также посевное зерно, рабочий скот, инвентарь. Здесь наблюдается своеобразное срастание политарного и магнарного способов производства. Поэтому данный вариант политарного способа производства можно назвать *политарномагнарным*, или *политомагнарным*. Он встречался реже, чем политообщинный, но чаще, чем политодоминарный.

Иногда работник получал в свое распоряжение весь урожай, выращенный на выделенном ему участке, но в таком случае часть своего времени он должен был работать, нередко в составе партии во главе с надзирателем, на государственном поле, весь урожай с которого шел в казенные хранилища. У некоторых подобного рода работников собственное хозяйство было явно подсобным и не могло обеспечить существование ни их самих, ни их семей. Поэтому они получали регулярные выдачи из государственных житниц. О таких работниках зачастую трудно сказать, были ли они политомагнарно-зависимыми или политодоминарно-зависимыми. Политодоминарии могли превращаться и превращались в политомагнарив. Имела место и обратная трансформация.

Еще один источник политоманаризма — грабительские и завоевательные войны. Захваченных в плен людей нередко сажали на землю, снабжали инвентарем, и они вели хозяйство, отдавая часть урожая государству. Население покоренных стран могло специально, принудительно переселяться в другие области государства. С течением времени такого рода зависимые работники чаще всего превращались в крестьян. Соответственно у них возникали общины.

7.8. Особенности и закономерности развития древнеполитарного общества

Характерным для древневосточных обществ был циклический характер их развития. Они возникали, расцветали, а затем приходили в упадок. В большинстве случаев последний проявлялся в распаде крупного социоисторического организма на несколько более мелких, каждый из которых продолжал оставаться классовым обществом, в превращении его в региональную систему политарных же социоров. При этом исчезали крупные социоисторические организмы, но цивилизация сохранялась. В последующем региональная система социоров могла снова превратиться в один социоисторический организм, и общество вступало в новый период расцвета, который завершался очередным упадком.

Но в ряде случаев упадок древнеполитарных обществ был настолько глубоким, что они гибли, причем не в смысле исчезновения тех или иных конкретных социоров, а в том, что они переставали быть классовыми, рассыпались на массу предклассовых социоисторических организмов. В таком случае можно говорить о гибели цивилизации в точном смысле слова. Это чаще всего происходило тогда, когда на ослабевшее политарное общество обрушивались варвары — соседи, находившиеся на предклассовой стадии развития. Когда общество приходит в упадок и особенно, когда гибнет цивилизация, то нередко ищут причины в чем угодно: во вторжении варваров, в истощении почвы, в природных катаклизмах и т. п., но только не в его устройстве. Но если циклическим было развитие всех без исключения древневосточных обществ, то причины нужно искать в их социально-экономическом строе.

Происшедший впервые на Древнем Востоке переход от предклассового, протополитарного общества к древнеполитарному, классовому был гигантским шагом вперед в истории человечества. Но техника, которую использовали крестьяне-общинники и вообще все политарно-зависимые и магнарно-зависимые работники, мало чем отличалась от той, которая существовала на предшествующем этапе развития — в предклассовом обществе. И металлургия меди, и металлургия бронзы возникли до появления первых древнеполитарных обществ и были унаследованы ими. В Шумере с самого начала использовалась бронза. Египет отставал. Его Раннее и Старое царства знали только медь. Переход к бронзовому веку произошел там лишь с

началом Среднего царства, что не выводило его на принципиально новый технический уровень по сравнению с предклассовыми обществами, в которых бронза к тому времени получила довольно широкое распространение.

На этом основании нередко делается вывод, что с переходом к классовому древнеполитарному обществу сколько-нибудь существенных сдвигов в развитии производительных сил не произошло. В основе данного вывода лежит сведение производительных сил общества к технике и, соответственно, прогресса производительных сил к росту производительности труда. И основание, на котором зиждился этот вывод, и сам вывод — ошибочны.

Показателем уровня развития производительных сил того или иного конкретного отдельного общества является *продуктивность общественного производства* — объём создаваемого в нем общественного продукта в расчете на душу его населения. Увеличение продуктивности общественного производства может быть достигнуто не только за счет прогресса техники и роста производительности труда. Кроме технического способа повышения продуктивности общественного производства, а тем самым и уровня развития производительных сил, существуют и иные.

Детальное исследование сохранившихся вплоть до наших дней позднепервобытных и предклассовых земледельческих обществ, живших в природных условиях, сходных с теми, что были характерны для древневосточных социумов, показало, что, вопреки привычным представлениям, время, которое члены этих обществ уделяли земледельческому труду, было сравнительно небольшим: 100-150 дней в году. В классовых же, политарных обществах Азии земледельцы работали в поле не менее 250 дней в году.

Развитие производительных сил в позднепервобытном обществе сделало возможным появление протополитарных отношений. Стремление протополитаристов получить больше прибавочного продукта привело к возникновению мощного государственного аппарата и превращению протополитаризма в настоящий политаризм.

Утверждение политарных отношений и связанное с ним увеличение налогового бремени привело, во-первых, к возрастанию продолжительности рабочего дня, во-вторых, к увеличению числа рабочих дней в году. В результате при той же самой производительности труда резко выросла продуктивность общественного производства. Отношения эксплуатации, утвердившись, сделали создателей материальных благ совершенно иной производительной силой, чем та, которой они были

раньше. Непосредственные производители стали теперь трудиться не только по много часов в день без длительных перерывов, но и работать систематически, постоянно, изо дня в день по много дней подряд, работать не только в меру своих сил, но и через силу.

Такой способ повышения продуктивности общественного производства, а тем самым и уровня развития производительных сил, можно назвать *темпоральным* (от лат. *tempus* — время). На приведенном выше примере можно наглядно видеть, что новые производственные отношения не просто влияют на производительные силы, не просто способствуют их развитию, а возникнув, создают, вызывают к жизни новые производительные силы.

Подобного рода развитие производительных сил общества возможно было только до какого-то более или менее определенного уровня. Этот уровень зависел, в частности, и от природных условий. В странах, в которых в силу климатических особенностей земледельческие работы в течение определенного сезона, например, зимой, невозможны, увеличить число рабочих дней земледельца за счет этого периода времени было нельзя. Для стран, где земледельческие работы возможны в течение всего года, а такими были почти все восточные, такое ограничение отпадает. В качестве ограничивающего момента там выступают, прежде всего, особенности биологической природы самого человека

Производители материальных благ физически не были в состоянии работать сверх более или менее определенного числа часов в сутки и сверх более или менее определенного числа дней в году. Непосильный труд вел к изнашиванию организмов работников. Кроме того, начиная с определенного уровня, возрастание прибавочного продукта могло происходить только за счет изымания части жизнеобеспечивающего продукта, т.е. такого, который абсолютно необходим для физического выживания работников и членов их семей. Движение пресса эксплуатации на каком-то уровне должно было остановиться. Происходило это, разумеется, не автоматически. Нередко останавливало его сопротивление самих производителей, которое выражалось в форме и бунтов, и крестьянских войн.

Там, где сопротивление было слишком слабым, работники физически изнашивались от непосильного труда и истощались от постоянного недоедания, производительные силы тем самым деградировали и разрушались. В результате классовое общество могло не только прийти в упадок, но и погибнуть. Но чаще всего происходил распад крупного социоисторического организма на мелкие, что вело к ослаблению мощи

государственного аппарата и, соответственно, его способности высасывать прибавочный продукт. Все это давало возможность непосредственным производителям оправиться от физической деградации, а затем все начиналось сначала.

Но это не единственный механизм, лежавший в основе циклических изменений. Как уже указывалось, практически во всех политарных обществах шел процесс вторичного классовообразования, выражавшийся в становлении доминарных, магнарных и доминомагнарных отношений. С превращением крестьян-общинников в магнариев они становились объектом двойной эксплуатации: если раньше их эксплуатировали одни только политаристы, то теперь к ним добавились ещё и доминомагнаристы. С неизбежностью увеличивался объем прибавочного продукта, изымаемого у этой части производителей материальных благ, но так как политаристы стали получать теперь только часть его, то они стремились возместить эту потерю усилением эксплуатации сокращавшегося числа крестьян-общинников. Все это ускоряло физическую деградацию всех разрядов эксплуатируемого населения и тем самым приближало крах социоисторического организма.

Последним по счету, но отнюдь не по важности был еще один фактор. Любая политархия держалась на верховых связях, на связях между политаристами, на политосистеме. Самыми важными из них были связи между политархом и субполитархами всех уровней. Политархия была прочна, пока её правитель был единственным распорядителем прибавочного продукта, когда он один определял, какую именно долю этого продукта должен получить тот или иной политарист вообще, тот или иной субполитарх в особенности. Все политаристы без исключения в принципе должны были кормиться исключительно из рук политарха, получать средства содержания только из политофонда. Независимых источников доходов у них в идеале не должно было быть. Когда же таковые появлялись, то ослаблялась зависимость политаристов от политарха, а тем самым и связи по распределению прибавочного продукта, на которых покоилась политархия.

Каждый из политаристов в принципе был заинтересован в сохранении и укреплении политархии. Однако наряду с общими классовыми интересами у каждого из политаристов, взятого в отдельности, были и иные интересы, обусловленные не индивидуальными их особенностями, а структурой общества и его местом в ней. Важнейшей особенностью положения каждого политариста, исключая политарха, была неопределённость и неустойчивость его положения. Он в любое время мог

быть смещен политархом с должности и даже физически уничтожен по его приказу. От политарха зависел и объем получаемой им доли прибавочного продукта. В принципе каждый политарист жаждал ликвидации этой неопределенности.

Субполитархи высшего ранга в принципе могли добиться устойчивого положения и увеличения размеров получаемой доли общественного продукта путем отделения возглавляемых ими субполитархий от политархии и тем самым их превращения пусть в меньшие, но тем не менее настоящие политархии. Когда субполитарх превращался в политарха, то он теперь никем не мог быть легитимно смещен или умерщвлен, и в его распоряжении оказывался весь политофонд новой возникшей политархии. Но такой путь решения встававших перед политаристами проблем не всегда был реально возможен даже для субполитархов высшего ранга и по сути исключен для всех остальных. Политархи всегда учитывали возможность сепаратизма и с целью предотвращения её реализации постоянно перемещали субполитархов высшего ранга из одного территориального подразделения в другое. В некоторых политархиях субполитархи высшего ранга должны были постоянно проживать в их столицах и управлять своими провинциями через заместителей.

Когда отделение было практически невозможным, субполитархи всех рангов стремились превратить свою должность в пожизненно занимаемую, а ещё лучше — и в передаваемую по наследству. Политархи всячески этому противились, ибо в таком случае они фактически теряли возможность распоряжаться значительной долей прибавочного продукта и соответственно происходило ослабление зависимости субполитархов от центра. Такой сценарий реализовывался лишь в условиях общего упадка политархии и имел следствием последующий её развал.

Когда политаристы существовали лишь за счет получаемой от политарха доли прибавочного продукта, то с потерей должности они лишались средств существования. Отсюда стремление обзавестись таким собственным персональным имуществом, которое могло бы обеспечить им возможность жить, не трудясь и не неся службы, — частным персональным богатством. Такое частное персональное богатство могло включать в себя средства производства, прежде всего землю, дающие возможность эксплуатировать людей, лишенных собственных средств производства. В таком случае политарист становился одновременно и доминамагнаристом. Таким образом, граница между двумя эксплуататорскими классами становилась относительной. Но не только политаристы становились доминамагнаристами. С тем, чтобы избавиться от приниженого

положения, доминомагнарлисты стремились занять место в госаппарате и тем войти в состав класса политаристов.

Частное персональное богатство могло состоять из недвижимости, которую в случае нужды можно было реализовать, и, наконец, из сокровищ — драгоценных металлов и камней. Политархи обычно стремились препятствовать политаристам обзавестись частным персональным богатством. В некоторых политархиях субполитархи не имели права даже иметь собственное жилище. Они должны были жить в доме, принадлежащем государству. Когда субполитарха перемещали в другое территориальное подразделение, он покидал дом, в котором жил на старом месте службы, оставляя его своему преемнику, и поселялся на новом месте в жилище, которое ранее занимал его предшественник.

Чтобы обзавестись частным богатством, выделяемой политархом доли прибавочного продукта не хватало. С целью обогащения субполитархи предпринимали попытки тайно от центра увеличить размеры собираемого налога и присвоить этот излишек. С тем, чтобы пресечь такую практику, политархи нередко отстраняли субполитарха от сбора налогов. Налог собирали присланные из центра чиновники, которые затем выделяли субполитарху причитающуюся ему и его персоналу часть. Еще один вариант: субполитарх вообще ничего лично не получал из собираемых в его субполитархии налогов. Он жил за счет доходов с выделенного ему политархом алиментариума, находившегося, как правило, за пределами его субполитархии.

Пока общество было монополитарным, у политаристов было мало возможностей обрести частное богатство. Весь прибавочный продукт шел в политофонд. Если тот или иной политарист пытался вытянуть у крестьян помимо налогов что-либо лично для себя, последние могли пожаловаться политарху, который предпринимал меры с тем, чтобы покончить с такой практикой, включая смещение с должности или иные формы наказания.

Положение резко изменилось после появления доминомагнарного уклада и слоя доминомагнарлистов. С этих пор в политофонд начал поступать не весь созданный в стране прибавочный продукт, а только часть его. Другая часть поступала доминомагнарлистам, а также купцам и оказывалась вне распоряжения политарха. Доминомагнарлисты и купцы в силу своего положения часто нуждались в различного рода услугах со стороны политаристов, в частности в протекции. За эти услуги нужно было платить. Политаристы могли, используя свое служебное положение, вымогать у доминомагнарлистов и купцов те или иные ценности.

Протекционизм, взяточничество, вымогательства, поборы и тому

подобные действия со стороны представителей государственного аппарата принято называть коррупцией. Последняя возможна и реально имеет место в любом обществе, в котором существует государство. Люди, занимающие те или иные посты в государственном аппарате, всегда имеют возможность использовать свое служебное положение для личного обогащения. Но при капитализме, например, чиновник есть наемный сотрудник аппарата, обслуживающий интересы экономически господствующего класса, в состав которого он в большинстве случаев не входит. Это ограничивает его коррупционные возможности.

Иное дело — политаризм. Здесь чиновник не просто служащий госаппарата, он — член господствующего общественного класса, являющегося верховным или полным собственником средств производства и верховным собственником личностей всех подданных государства. Это резко увеличивает возможность злоупотребления своим служебным положением. Коррупция в политарном обществе есть не что иное, как использование общеклассовой частной собственности на средства производства и на личности подданных государства не для служения своему классу, в частности для пополнения политифонда, а для личного обогащения. Когда политарист использует общеклассовую собственность для получения дохода из иных источников, чем политифонд, то в таком случае он выступал в качестве не представителя класса, являющегося корпоративным частным собственником, а персонального частного собственника. Поэтому такое употребление общеклассовой частной собственности можно назвать *властной персонализацией* этой собственности. Другое название, которое появилось тогда, когда в ряде современных паракапиталистических государств эта форма эксплуатации вышла на первый план, — *клетократия* (от греч. клетто — воровать, кратос — власть). Наряду с протекционизмом, взяточничеством, вымогательством к властной персонализации относится также и хищение государственной собственности, казнокрадство.

Вслед за властной персонализацией стала проявляться и другая форма персонализации общеклассовой собственности — присвоение той или иной части находящегося в общеклассовой частной собственности крупного имущества, прежде всего средств производства. Это — *имущественная персонализация*. В наиболее наглядной форме она проявлялась в попытках политаристов, получивших алиментариумы, превратить их в свою полную персональную собственность. Это выражалось в произвольном увеличении поступлений с алиментариумов, в стремлении сделать эти держания пожизненными, а затем и наследственными. Для периодов упадка

политарного общества было крайне характерным увеличение числа алиментариумов и закрепление их за держателями. В эти же времена происходит и превращение должностей субполитархов в пожизненные, а затем и наследственные.

Результатом было сокращение, а затем и прекращение социальной мобильности, «закрытие» класса политаристов, превращение его в сословие, в замкнутую касту. И это тоже характерный признак упадка политаризма. В эпохи расцвета политарного общества в нем существовала довольно широкая социальная мобильность. Не только шли постоянные подвижки в среде политаристов, но возможным было пополнение его состава за счет представителей иных социальных слоёв. Люди даже из самых низов могли не только приникать в политосистему, но и достигать в ней самого высокого положения.

В добавление ко всему сказанному в эпоху упадка политарного общества нередко возникает практика сдачи сбора государственных налогов на откуп богатым людям. Откупщики также стремились закрепить за собой территории, с которых собирали налоги, т. е. опять-таки персонализировать часть общеклассовой частной собственности.

Общим итогом всех такого рода изменений было фактическое лишение политарха права на жизнь и смерть рядовых политаристов и вообще смягчение практики политарного террора. Фактически в такого рода периоды политаризм во многом превращался в своеобразную разновидность нобиларизма. Поэтому применительно к этим эпохам вполне можно говорить о наступлении в эволюции политарных обществ нобиларной стадии.

В целом развитие доминомагнарных отношений в политарном обществе в огромной степени способствовало обогащению политаристов и росту самостоятельности субполитархов. Когда внутри сколько-нибудь крупного политарного социоисторического организма получали развитие доминомагнарные отношения, они разъедали политосистему и, в конечном счете, обрекали это общество на развал.

Нельзя не учитывать также и того, что в древнеполитарных обществах продуктивность общественного производства в значительной степени зависела от природных условий; серьезное изменение последних могло привести к резкому падению уровня развития производительных сил, а тем самым и к деградации социоисторического организма.

Процессы разрушения человеческих производительных сил, побуждавшие работников восставать против существующей власти, вызревания магнарных отношений и роста самостоятельности

политаристов вообще, субполитархов прежде всего, конфликты между политаристами и доминомагнарстами, экспансии варваров, изменения в худшую сторону природных условий по-разному сочетались и переплетались, что определяло особенности упадка или даже гибели тех или иных древнеполитарных обществ.

Возрождение пришедшего в упадок и нередко при этом развалившегося на части общества чаще всего предполагало ликвидацию доминомагнарного уклада и регенерацию крестьянско-общинного. Это особенно наглядно прослеживается в истории Китая. Так, например, в начале эпохи Хань (II в. до н. э.) основную массу земледельцев составляли крестьяне-общинники. Затем сравнительно быстрыми темпами прошел процесс обезземеливания крестьян и развития доминомагнарных отношений. К концу данного периода (III в. н. э.) удельный вес крестьян-общинников упал до 50%, что привело к кризису общества. Рухнула империя Восточная Хань. Наступила эпоха, когда периоды раздробленности сменялись периодами возникновения кратковременных и непрочных объединений, чаще всего в пределах не всего Китая, а отдельных его регионов. Все это сопровождалось постоянными нашествиями варваров.

Поиски путей выхода из создавшегося положения привели к внедрению системы государственного надельного землепользования. Большая часть земли снова поступила в непосредственное распоряжение государства, которое стало наделять ею работников. Первые шаги в этом направлении были сделаны в конце III в. н. э. Окончательно система «равных полей» (цзюньтянь) восторжествовала на территории всего Китая лишь в VI в. н. э., что создало основу расцвета страны в эпоху Тан (618-907). Но в Танской империи снова начался процесс становления персональной частной собственности на землю и ликвидации надельного землепользования, что, в конце концов, завершилось её крахом.

Исчезновение крестьянства и крестьянских общин, а затем их возрождение наблюдалось и в других странах Востока.

7.9. Иные, кроме древнеполитарного, политарные способы производства

Как уже отмечалось, кроме древнеполитарного способа производства в истории человечества существовали еще несколько политарных способов производства. В отличие от древнеполитарного, ни один из них не был основой особой общественно-экономической формации. Можно говорить только о нескольких общественно-экономических параформациях (от греч. пара — возле, около)⁶⁴⁴.

Один из таких политарных способов производства возник в Древнем Риме. В I в. до н. э. - I в. н. э., в Римской державе началось постепенное обволакивание всех существующих социально-экономических связей политарными. На поверхности это выразилось в переходе Рима от республики к империи. Становление политаризма невозможно без постоянного, систематического террора. В этом заключена глубинная причина и проскрипций, начало которым положил Луций Корнелий Сулла, и политики массовых репрессий

Тиберия, Калигулы, Клавдия, Нерона. Завершение становления политаризма нашло свое внешнее выражение в смене режима принципата, при котором формально сохранялись республиканские институты, доминатом — откровенным единодержавием.

Другой такой политарный способ производства сложился в России в XV-XVI вв. Этот процесс, начавшийся еще при Иване III Великом, достаточно четко проявившийся при Василии III, окончательно завершился в царствование Ивана IV, еще при жизни прозванного Грозным. Опричный террор был вовсе не результатом плохого характера или психического заболевания этого монарха. Как уже указывалось, утверждение политаризма в любом его варианте с неизбежностью предполагает массовый террор и создание атмосферы всеобщего страха. Все политархи так или иначе осознавали свое главное право, обладание которым отличало их не только от рядовых подданных, но и от всех других членов класса политаристов. Но из всех политархов один лишь Иван IV сумел его лаконично и в то же время совершенно точно выразить: «А жаловати есмь своих холопов вольны, а и казнити вольны же...»⁶⁴⁵.

Почти одновременно еще один политарный способ производства сформировался в странах Западной Европы в конце Средних веков и начале

Нового времени. Развитие вглубь капитализма — вызревание и окончательное утверждение этого способа производства в его колыбели, в Западной Европе, было процессом сложным и противоречивым. Формирование национальных рынков, которое началось еще в конце Средних веков, а затем превращение этих рынков в капиталистические, оказало огромное влияние на социально-экономическую структуру общества. Оно перестало быть феодальным, хотя пережитки этого способа производства продолжали сохраняться.

Общеизвестно, что централизованные государства, обязанные своим появлением национальным рынкам, возникли в форме абсолютных монархий. Абсолютизм обычно понимается историками как явление чисто политическое, как всего лишь новая форма государственной власти. Однако все обстоит гораздо сложнее. Становление абсолютизма было одновременно и становлением новой системы социально-экономических отношений, отношений политарных. Эти политарные отношения, которые, возникая, обволакивали все остальные социально-экономические связи, можно назвать абсолютополитарными. Становящийся абсолютополитарный уклад втянул в себя в качестве подчиненных все остальные существующие в обществе уклады, включая крестьянско-общинный, торговбюргерский, а затем и капиталистический. Возникшее абсолютополитарное общество было двухэтажным.

Становление политаризма невозможно без систематического массового террора. И волна страшного террора действительно, начиная с XVI в., на более чем сотню лет захлестнула всю Западную Европу. Речь идет, прежде всего, о терроре инквизиции. Последняя, как известно, возникла еще в Средние века. Но ее костры ярче всего пылали не в темной ночи средневековья, а на заре Нового времени, что всегда поражало историков вообще, историков культуры в особенности.

Историк Ефим Борисович Черняк в книге «Вековые конфликты» (М., 1988) указывает, что, начиная с этого времени, инквизиция приобрела иной характер, чем раньше. В Средние века инквизиторы стремились выявить и уничтожить действительных отступников от веры. В Новое время задачей инквизиции стало создание врагов, обвинение ни в чем не повинных людей в ереси и истребление этих созданных ее же собственными усилиями еретиков. Именно с этим связано повсеместное применение пыток.

Но обвинение в ереси невозможно было предъявить всегда и всем. В результате наряду с преследованиями еретиков началась охота за ведьмами и колдунами. «В течение всего XVI в. и первой половине XVII в. по всей Центральной и Западной Европе, — пишет современный французский

исследователь Жан Делюмо в книге "Ужасы на Западе", — множатся процессы и казни колдунов; в период 1560-1630 гг. безумие преследования достигает своего апогея»⁶⁴⁶. Обвинения в ведовстве были удобны тем, что от них не был застрахован никто. Обвинить можно было всех и каждого.

Преследование колдунов и ведьм не только не пресекалось государством, а всемерно им поощрялось. Церковь и инквизиция были по сути дела орудиями в его руках, хотя внешне они могли выступать в качестве вдохновителей. «Происходившие процессы и казни, — пишет Ж. Делюмо, — не были бы, конечно, возможны без их постоянного инициирования церковными и гражданскими властями»⁶⁴⁷. Инквизиция была важнейшим, хотя не единственным орудием террора в руках становящегося политарного государства. Право политархов на жизнь и смерть подданных проявлялось в разных формах, из которых практика знаменитых «lettres de cachet» (буквально — секретные письма, реально — королевские указы о заточении без суда в тюрьму или о ссылке тех или иных лиц) во Франции была, пожалуй, не самой страшной.

Характеризуя в целом эту эпоху, Ж. Делюмо писал: «В Европе начала Нового времени повсюду царил явный или скрытый страх»⁶⁴⁸. И этот страх был, прежде всего, результатом описанного выше массового террора. Кстати сказать, неоднократно цитированный выше автор, не давая четкого ответа на вопрос о причинах «безумия», охватившего Западную Европу, в то же время отмечает, что «различные формы демонического наваждения помогали укреплению абсолютизма»⁶⁴⁹.

Крупнейший отечественный историк Евгений Викторович Тарле (1874-1955) прямо связывал политику массовых репрессий в Западной Европе раннего Нового времени с абсолютизмом. Как указывал он, характерная черта абсолютизма заключалась в том, что он везде и всюду выискивал и карал врагов. «Если не было революционеров, преследовались умеренные реформисты; не было реформистов — преследовались вообще всякие лица, даже идеализирующие данный строй, но осмеливающиеся делать это хоть немного не по-казенному, хоть немного по-своему; не было и таких — преследовались крутые шляпы, курение папирос на улице, участие в масонских ложах и т. д. Такова историческая логика абсолютизма, который был в движении не только потому, что ему было важно двигаться к известной цели, а и потому, что он не мог не двигаться»⁶⁵⁰.

Но, показав, что абсолютизм всегда преследовал еретиков и диссидентов, Е. В. Тарле не мог найти причину этого явления. Как считал

он, эти преследования не вызывались «решительно никакими потребностями ни его (абсолютизма. — Ю. С.) самого, ни тех классов, которые являлись его поддержками»⁶⁵¹. Его изумляла «даже не жестокость, а именно полная бессмысленность этих преследований», которые разоряли «иногда не только гонимых, но и правоверных», наносили «тяжкий удар торговле, промышленности, всему государству в его целом»⁶⁵². Единственное объяснение, которое он предлагает: абсолютизм все проделывал от нечего делать, из-за желания «занять свои досуги»⁶⁵³. В действительности для массовых репрессий были серьезные основания: без них абсолютизма просто бы не было.

Только массовый террор мог обеспечить утверждение в Западной Европе новой формы политаризма — абсолютистского политаризма (абсолютполитаризма). Характеризуя французский абсолютизм, историк Франсуа Мари Огюст Минье (1796-1884) писал: «Корона распорядилась совершенно свободно личностью — при помощи бланковых приказов об арестовывании (*lettres de cachet*), собственностью — при помощи конфискации, доходами — при помощи налогов»⁶⁵⁴.

С абсолютистским политаризмом была связана политика меркантилизма, которая на первых порах способствовала развитию капитализма. Но в последующем он все в большей и большей степени стал препятствовать развитию капиталистических отношений. Это начала осознавать нарождающаяся буржуазия. Её все в большей мере стало пугать стремление королевской власти к дальнейшему усилению абсолютизма.

Во Франции абсолютполитаризм достиг своего апогея во время правление Людовика XIV, которому не без основания приписывают высказывание: «Государство — это я!» Существовала масса недовольных существующим порядком, настроения которых выражались в обличительных сочинениях, которые публиковались за рубежом и оттуда поступали во Францию. Одно из наиболее острых критических произведений называлось «Вздохи порабощенной Франции, оплакивающей свою свободу». Это сочинение выходило в виде небольших выпусков — мемуаров в 1689-1690 гг.

Для нас особенно интересен второй мемуар, озаглавленный «Об угнетении народа чрезмерными налогами и о финансовых злоупотреблениях». В нем говорится о том, что тираническое правительство не ведает границы между имуществом подданных и имуществом государя, что оно вводит налоги, как ему заблагорассудится. «Я, — пишет автор, — расскажу вам вещь достоверно известную многим,

но большинству французов неизвестную. При Кольбере серьезно обсуждается вопрос, не может ли король вступить во владение всеми землями Франции, нельзя ли обратить все земли в королевский домен и сдавать их, кому захочет двор, не обращая внимания ни на давность владения, ни на наследственные, ни на какие бы то ни было права... Смотрите же, прошу вас, под каким вы живете правительством. Стоит явиться финансисту посмелее Кольбера, и вы станете арендаторами, станете платить королю ренту за собственное добро. Впрочем, самое главное уже сделано: король уже пришел к убеждению, что он вправе сделать это»⁶⁵⁵. К этому пассажи автор труда добавляет: «М. Colbert послал за одним знаменитым путешественником, прожившим несколько лет при восточных дворах, и долго расспрашивал его о том, как управляют на Востоке государственными землями. Разговор заставил путешественника напечатать письмо к Кольберу, в котором путешественник показывает, как несчастная восточная тирания обратила в пустыни самые прекрасные страны Востока. На Востоке никто больше не имеет земли на правах собственности; вот почему никто там не заботится о земле»⁶⁵⁶.

Этим путешественником был, разумеется, уже известный нам Ф. Бернье. Вот, что он писал в своей записке: «Итак, не дай бог, чтобы наши европейские монархи стали собственниками всех земель, которыми владеют их подданные. Тогда их государства оказались бы далеко не в том состоянии, в котором они находятся, не такими обработанными, населёнными, хорошо застроенным, богатыми, культурными и цветущими, какими мы их видим теперь. Наши короли гораздо богаче и могущественнее, чем короли Индостана, и надо признаться, что они обслужены гораздо лучше и по-царски. Между тем они могли бы легко оказаться королями пустынь, нищих и варваров, каких я только изобразил»⁶⁵⁷. И он по существу угрожает Людовику XIV и Кольберу: «Те, которые желают иметь всё, теряют в конце концов всё, и желая стать слишком богатыми, оказываются в результате лишенными всего или по крайней мере весьма далёкими от той степени богатства, которое им сулит слепое честолюбие и слепая страсть стать более неограниченными властителями, нежели это позволяют законы божеские и природы»⁶⁵⁸. Во многом не столько стремление к ознакомлению с восточной экзотикой, сколько резкое выступление против абсолютизма обусловило успех книги Ф. Бернье.

И хотя западноевропейский абсолютополитаризм был мягче, чем восточный древнеполитаризм, он тем не менее все в большей степени

вступал в противоречие с потребностями развития общества. Чтобы капиталистическая частная собственность могла успешно развиваться, необходимо было превращение её из подчиненной, какой она была при абсолютополитаризме, в свободную, независимую, что было невозможно без ликвидации верховной собственности класса политаристов и полной собственности абсолютного монарха на личность подданных. А это предполагало уничтожение абсолютополитаризма, что и произошло в результате буржуазных революций, которые были по своей сущности не столько антифеодальными, как это принято считать, сколько антиабсолютистскими.

И, наконец, еще два новых политарных способа производства появились в XX в. Они, имея много общего с древнеполитарным, в то же время значительно отличались от него. Материально-технической основой древнеполитарного общества было доиндустриальное сельское хозяйство. Древнеполитарное общество было агрополитарным. Оба типа политарных общества XX в. были, как и капиталистическое общество, обществами индустриальными. Оба новых политарных способа производства были индустрополитарными.

Возникновение одного из них было прямо подготовлено эволюцией капитализма. И дело здесь не только в технике производства и структуре производительных сил. Само развитие капиталистических отношений создало возможность появления политарного общества данного типа.

В последней трети XIX в. начали возникать монополистические объединения капиталистов, которые имели тенденцию к укрупнению. Возникали все более и более крупные монополии. Несколько позднее стала проявляться еще одна тенденция — сращивание монополий с государством, соединение их в единый организм. Логическим завершением действия этих двух тенденций должно было бы быть появление в каждой из империалистических стран такого монополистического объединения, в состав которого вошли бы все представители господствующего класса и которое совпадало бы, если не со всем государственным аппаратом, то, по крайней мере, с его верхушкой. Иначе говоря, логическим завершением развития в этом направлении было бы появление индустрополитарного общества.

Тенденция развития капитализма ио пути его превращения в индустрополитаризм не осталась незамеченной. Она нашла художественное воплощение в романах Герберта Джорджа Уэллса (1866-1946) «Когда спящий проснется» (1898) и Джека Лондона (1876-1916) «Железная пята» (1908). Там была нарисована впечатляющая картина

пришедшего на смену капитализму индустриальному обществу. В целом ряде работ Н. И. Бухарина, прежде всего в труде «Мировое хозяйство и империализм» (1915), эта тенденция была осмыслена теоретически. В последующем об опасности превращения капитализма в подобного рода общество много писали экономисты, выступавшие за свободный рынок и против государственного регулирования экономики: Людвиг фон Мизес (1881-1973), Фридрих Август фон Хайек (1899-1992), Милтон Фридмен (1912-2006).

Но перерастание капитализма в индустриализм произошло и не совсем так, и не совсем в том виде, как это теоретически предполагалось. В 20-е годы XX в. капитализм переживал общий кризис, который более чем наглядно проявился в «Великой депрессии», начавшейся в 1929 г. и охватившей весь капиталистический мир. Он свидетельствовал о том, что дальнейшее сохранение полной свободы рынка может привести к краху капиталистической системы. Насущной необходимостью стало государственное регулирование рынка. На фоне всеобщего кризиса выделялся СССР, плановая экономика которого в эти годы развивалась невиданными темпами.

Перед капиталистическим миром открывались два пути решения назревших задач. Один путь выхода из кризиса был намечен «Новым курсом» Франклина Делано Рузвельта (1882-1945). Наряду с государственным регулированием рынка он предполагал существенное повышение заработной платы и создание развитой системы социального обеспечения, что делало необходимым изъятие государством у капиталистов определенной доли прибавочного продукта с последующим его распределением среди значительной части остального населения.

Теоретическое обоснование практика государственного регулирования капиталистического рынка нашла в работе английского исследователя Джона Мейнарда Кейнса (1883-1946) «Общая теория занятости, процента и денег» (1936), которую многие западные ученые считают третьим великим экономическим трудом после «Исследования о природе и причинах богатства народов» А. Смита и «Капитала» К. Маркса. Как утверждает, например, американский экономист Курт Ф. Флекснер, кейнсианская революция положила конец свободнорыночному капитализму. Он был радикально реформирован, и на смену ему в странах Запада пришли разные формы смешанной экономики, сочетавшие капитализм с элементами социализма⁶⁵⁹.

Уже после Второй мировой войны этот путь привел к возникновению того, что получило название «государства благосостояния» (Welfare State).

В одних случаях эти преобразования проводились руками буржуазных деятелей, в других — пришедшими к власти партиями, представлявшими интересы широких трудящихся масс, — социалистическими и социал-демократическими.

Другой путь выхода из создавшихся трудностей — становление политарно-капиталистического общества. Раньше всего подобного рода строй начал формироваться в Италии. По такому же пути пошла и дальше всех зашла Германия. После назначений 30 января 1933 г. лидера нацистской партии Адольфа Гитлера (1889-1845) рейхсканцлером в стране был совершен государственный переворот, в результате которого изменился не только политический, но и социально-экономический строй общества. Функционеры фашистской партии заняли все важнейшие государственные посты. И этот обновлённый партийно-государственный аппарат, развязав террор, стал верховным частным собственником личности всех жителей страны, включая капиталистов, и тем самым всех существующих в стране средств производства. Разумеется, что фюрер, как и полагается политарху, был полным собственником и личностей жителей страны и всего их имущества. Персональная и групповая капиталистическая собственность не была уничтожена: она только из свободной, независимой превратилась в зависимую, подчиненную.

«Всякое действие и всякая потребность личности, — говорил А. Гитлер, — должна регулироваться обществом, функцию которого выполняет партия. Больше нет своеволия, больше не будет свободного места, где бы личность была бы предоставлена самой себе. Вот это называется социализм! А всякие мелочные споры о частной собственности на средства производства не имеют к нему никакого отношения. К чему об этом спорить, если я прочно свяжу людей дисциплиной, из рамок которой они не смогут вырваться? Пусть они владеют землей и фабриками, сколько им угодно. Самое главное — что государство распоряжается ими с помощью партии, независимо от того, хозяева они или рабочие. Поймите, собственность больше ничего не значит. Наш социализм берет значительно глубже. Он не меняет внешнего порядка вещей, а формирует лишь отношение человека к государству, к всенародной общности... Как будто что-то изменится, если владельцем фабрики будет называться государство, а не какой-нибудь господин Леман. Но когда все господа директора и высшие чиновники будут подчинены одной общей дисциплине — тогда-то и придет новый порядок, который невозможно описать прежними словами... И у нас есть особое, тайное наслаждение — видеть как люди вокруг нас не могут взять в толк, что с ними происходит на самом деле.

Они упрямо таращатся на знакомые внешние приметы — на имущество, доходы, чины и порядок наследования. Если все это на месте — значит все в порядке. Но тем временем они уже вовлечены в новые связи, гигантская организующая сила определяет их курс. Они уже изменились. И здесь им не помогут ни имущество, ни доходы. Зачем нам социализировать банки и фабрики? Мы социализируем людей»⁶⁶⁰.

Таким образом, Германия при Гитлере из капиталистического общества превратилась в политарно-капиталистическое. Это общество было двухэтажным. Возникший политарный уклад включал в себя в качестве низшего этажа капиталистическую и мелкобуржуазную системы общественного производства. В гитлеровской Германии было два эксплуататорских класса, из которых один — политарный был господствующим другой — капиталистический — подчиненным. Грань между этими классами была весьма относительной. «Нельзя было также сказать, — писал немецкий историк Мартин Броскат, — что в Третьем рейхе свободный предприниматель мог благоденствовать. Чаше всего появлялся такой тип руководителя экономики, который был наполовину функционером режима, наполовину частным предпринимателем»⁶⁶¹.

Утверждение политокапитализма обеспечивало, с одной стороны, регулирование экономики в масштабе страны, с другой — подавление рабочего движения. Однако мало было усмирить рабочих. Чтобы обеспечить длительное существование такой системы, нужно было что-то дать трудящимся массам в ближайшем будущем и открыть перед ними какую-либо заманчивую дальнюю перспективу. Это обуславливало милитаризацию общества и подготовку к войне. Победоносная война сразу же создавала возможность грабежа покоренных стран, а затем и превращения побежденных в рабов народа-победителя. Господствующими в таком обществе с неизбежностью должны были стать идеи корпоративности, национализма, расизма и мирового господства. Хорошо известно, чем все это кончилось. «Тысячелетний» Третий рейх просуществовал всего лишь двенадцать лет.

7.10. Возникновение неополитаризма в СССР

Второй индустрополитарный способ производства — неополитарный — был одноэтажным. Он вначале утвердился после Великой Октябрьской рабоче-крестьянской революции 1917 г. в России, а затем широко распространился по всему миру. Достаточно подробно становление этого способа производства рассмотрено в моей работе «Россия: что с ней случилось в двадцатом веке» (1993)⁶⁶². Здесь я ограничусь рассмотрением лишь основных моментов этого процесса.

Придя к власти, большевики первоначально ограничились претворением в жизнь лозунгов демократической революции. Это отчетливо можно видеть на примере декретов II Всероссийского съезда Советов. Большевики вначале не ставили своей задачей национализацию даже крупных промышленных предприятий. Они ограничились лишь созданием рабочего контроля. В дальнейшем началась национализация отдельных предприятий. Но она не носила массового характера и проводилась чаще всего под давлением низов. Центральная власть в большинстве случаев просто санкционировала инициативу мест. И только в июне 1918 г., уже в разгар гражданской войны, были приняты декреты о национализации крупных предприятий почти всех отраслей промышленности.

Можно дискуссировать о том, существует ли в принципе уровень производительных сил, по достижении которого отпадет объективная необходимость в существовании частной собственности, но бесспорно, что Россия такого уровня к 1917 г. не достигла. С этим были согласны все, включая и вождя революции — Владимира Ильича Ленина (1870-1924). Большевики надеялись, что они сумеют создать материально-техническую базу для социализма. Но даже если считать, что такая задача в принципе была по силам стране, для ее решения требовались десятилетия. А жизнь ждать не могла.

При том уровне производительных сил, который существовал в то время в России, общество могло быть только классовым и никаким другим. Поэтому в стране с неизбежностью начался процесс становления частной собственности и общественных классов. Путь к возрождению в полном объеме капиталистической собственности был надежно заблокирован государством. Поэтому процесс классовобразования пошел по иному пути.

В результате революции возник достаточно мощный

партийногосударственный аппарат, в задачу которого, помимо всего прочего, входило руководство производством и распределением материальных благ. В условиях всеобщей нищеты и дефицита неизбежными были попытки отдельных членов партгосаппарата использовать свое служебное положение для обеспечения себя и своей семьи необходимыми жизненными благами, а также для оказания услуг, причем не обязательно безвозмездных, различного рода людям, не входившим в аппарат.

Такая практика уже в первые годы после революции получила достаточно широкое распространение. Постепенно стала складываться система привилегий для руководящих работников партии и государства. И помешать этому не могли никакие меры. Становление такого рода отношений предполагало уничтожение контроля над аппаратом со стороны масс, т. е. ликвидацию демократии. Этому способствовали условия гражданской войны, которые делали необходимыми использование авторитарных методов управления. Но дело не в самой по себе гражданской войне, ибо пик классовобразования пришелся не на военное, а на мирное время. Уничтожение демократии предполагало фактический отказ от выборности в партии и государстве, а тем самым переход к системе назначений сверху донизу.

Самых нижестоящих чиновников назначали те, что были рангом выше, их, в свою очередь, — еще более высокопоставленные и т. д. Но где-то должен был существовать верховный назначающий, выше которого не стоял никто. Верховный руководитель не мог быть назначен. Он должен был выдвинуться сам. Формирование подобного рода иерархической системы с необходимостью предполагало появление человека, находящегося на вершине пирамиды. За это положение шла борьба.

Одержат в ней победу мог только тот человек, который обеспечил себе поддержку большинства новых хозяев жизни. Но для этого он должен был понимать их интересы и служить им. Таким человеком оказался Иосиф Виссарионович Сталин. (1879-1953). Однако главой системы вполне могло стать и другое лицо. Это сказалось бы на некоторых проявлениях происходившего процесса, но отнюдь не на его сущности.

Таким образом, процесс классовобразования, с неизбежностью начавшийся после революции в России, пошел по линии возникновения общеклассовой частной собственности, выступавшей в форме государственной, и соответственно превращения основного состава партийно-государственного аппарата в господствующий эксплуататорский класс. В России возник политарный способ производства, возникла

политосистема и появился политарх.

Хотя дореволюционная Россия и не была развитой капиталистической страной, но по уровню монополизации промышленного производства и государственного регулирования экономики она стояла не только не ниже, но, наоборот, выше ряда западноевропейских обществ. Это в значительной степени способствовало формированию в ней не аграрного, а индустриального политаризма

Любой политарный способ производства предполагает верховную собственность политаристов и полную собственность политарха на личности всех остальных членов общества. Любой вариант политарного классовообразования предполагает репрессии. Но особенно неизбежны они были в стране, в которой имела место народная по своим движущим силам революция и где была разбужена самостоятельная активность широких масс.

Первый цикл массовых репрессий в СССР пришелся на 1928-1933 гг. Он обеспечил завершение в основном процесса становления в СССР неополитарного строя. Господствующий класс в лице политарха обрел право на жизнь и смерть рядовых граждан. Но для эффективного функционирования политарной системы необходимо было, чтобы политарх приобрел право на жизнь и смерть не только представителей эксплуатируемого класса, но и членов господствующего, т. е. людей, входивших в состав политосистемы. Такое право И. В. Сталин получил в результате жесточайших репрессий 1934—1939 гг., получивших в литературе название «большого террора», пик которых пришелся на 1937-1938 гг. В результате на смену олигархическому способу правления пришел деспотизм⁶⁶³.

Все сказанное выше вплотную подводит к ответу на вопрос: победила или же потерпела поражение Октябрьская рабоче-крестьянская революция 1917 г. Речь, разумеется, идет не о военной победе революции, которая несомненна, а о социальной победе или социальном поражении. Чтобы ответить на этот вопрос, нужно четко провести различие между объективными задачами революции и субъективными целями ее участников. Люди, поднявшиеся на революцию, обычно осознают стоящие перед ней задачи не в адекватной, а в иллюзорной форме.

Объективной задачей Великой Французской революции было окончательное утверждение в стране капиталистических порядков. Субъективной целью значительной части ее активных деятелей было создание царства свободы, равенства и братства. Поэтому после победы революции наступило всеобщее разочарование.

Вот что писал о революционных иллюзиях Ф. Энгельс: «Предположим, эти люди воображают, что могут захватить власть, — ну, так что же? Пусть только они пробьют брешь, которая разрушит плотину, — поток сам быстро положит конец их иллюзиям. Но если бы случилось так, что эти иллюзии придали бы им большую силу воли, стоит ли на это жаловаться? Люди, хвалившиеся тем, что *сделали* революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали, что *сделанная* революция совсем непохожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что Гегель называл иронией истории, той иронией, которую избежали немногие исторические деятели»⁶⁶⁴.

К началу XX в. окончательно оформился раскол человеческого общества в целом на две части. Первая часть — мировой центр, мировая капиталистическая система (мировая в смысле не всемирной, а имеющей значение для всей истории человечества), в которую входили тогда страны Западной Европы, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, а позднее вошла Япония. В этих странах существовал капитализм, который можно назвать классическим, или *ортокапитализмом* (от лат. орт — прямой). В той или иной форме эта система господствовала над всеми остальными обществами, которые вместе взятые образовывали мировую периферию. Периферия не просто и не только находилась в экономической и политической зависимости от мирового центра, она в разных формах постоянно эксплуатировалась им.

В результате зависимости от центра капитализм, который возникал в периферийных странах, принял иной облик, чем на Западе. Этот зависимый, периферийный капитализм, или *паракапитализм* (от греч. пара — около, возле), был тупиковым. Зависимой от Запада периферийной страной была и Россия. И в ней возник периферийный капитализм⁶⁶⁵. Так как к началу XX в. капитализм в Западной Европе окончательно утвердился, то эра буржуазных революций для большинства ее стран ушла в прошлое. Зато для остального мира, и в частности для России, наступила эпоха революций, но иных, чем на Западе. Эти революции были направлены протав паракапитализма, который тормозил развитие стран периферии, и уже в этом смысле были антикапиталистическими. Но не только в этом смысле. Ведь возникновение и существование паракапитализма в странах периферии было обусловлено бытием ортокапиталистического западного центра и зависимостью этих стран от него. Поэтому антипаракапиталистические революции с неизбежностью были направлены против зависимости от ортокапиталистических стран и

тем самым и против ортокапитализма. Эти революции были освободительными, точнее, социорно-освободительными и антикапиталистическими.

Начало XX в. было ознаменовано целой серией социорно-освободительных революций в зависимых странах Европы, Азии и Латинской Америки: в России (1905-1907 гг.), Иране (1905-1911 гг.), Турции (1908-1909 гг.), Китае (1911-1912 гг.), Мексике (1911-1917 гг.). Завершением первой волны такого рода революций была Октябрьская рабоче-крестьянская революция. Её объективной задачей было уничтожение паракапитализма и зависимости нашей страны от ортокапиталистического центра. Эта объективная задача революции была осознана ее участниками как борьба за создание в России социалистического общества.

Социализм в России не возник. Цель, которую ставили перед собой активные деятели революции, не была достигнута. Если исходить из того, что революция в России действительно по своей объективной задаче была социалистической, то придется признать ее поражение. В стране на смену одному антагонистическому способу производства пришел другой, тоже антагонистический способ производства.

Но в реальности Октябрьская революция 1917 г. была не социалистической, а антипаракапиталистической и антиортокапиталистической. И в качестве таковой она победила. Были уничтожены паракапиталистические отношения. Революция вырвала Россию из международной капиталистической системы, освободила ее от экономической и политической зависимости от Запада. И это сделало возможным ее быстрое экономическое развитие. Неополитарные социально-экономические отношения, которые в основном сложились к началу 30-х годов, дали на первых порах мощный толчок развитию производительных сил общества. СССР превратился в одно из самых мощных индустриальных государств мира, что в дальнейшем обеспечило ему положение одной из двух мировых сверхдержав.

В результате второй волны социорно-освободительных, антипаракапиталистических, а тем самым антикапиталистических революций в странах мировой периферии, окончательно оформилась вторая мировая система — неополитарная. Так в человеческом обществе в целом начали существовать два мировых центра, две мировых системы, между которыми развернулась борьба.

Неополитарный строй обеспечил СССР положение одной из двух сверхдержав. Однако возможности этой экономической системы были ограничены. Она не могла обеспечить интенсификацию производства,

внедрение результатов нового, третьего по счету (после аграрной и промышленной революций) переворота в производительных силах человеческого общества — научно-технической революции (НТР). После 1970 г. темпы экономического развития страны стали постепенно снижаться, пока к середине 80-х годов упали до 2%. Это свидетельствовало о том, что неополитарные производственные отношения превратились в тормоз на пути развития производительных сил.

Настал кризис экономики и всего общества. Объективной необходимостью стала ликвидация ставшей неэффективной неополитарной системы. И она с неизбежностью началась. Именно в этом заключается сущность процесса, начальный этап (1985-1991 гг.) которого получил название перестройки. Необходимостью была революция. Но вместо нее произошла контрреволюция.

В 1991 г. распался СССР. В результате в мире осталась лишь одна сверхдержава — США. В самом большом обрубке СССР, который получил название Российской Федерации, и других государствах, возникших на развалинах этой страны, начал формироваться капитализм, причём периферийный, зависимый. По такому же пути пошло развитие подавляющего числа и других неополитарных стран. Исчезла неополитарная мировая система, а международная капиталистическая система снова стала превращаться во всемирную. В человеческом обществе в целом снова остался лишь один центр — мировая капиталистическая система

7.11. Последняя фаза развития неополитаризма в СССР

Чтобы понять, как этот переворот был совершен и каковы были его движущие силы, нужно, прежде всего, обратиться к анализу структуры советского неополитарного общества и положения класса советских неополитаристов. Он был дан в уже упоминавшейся выше работе «Россия: что с ней случилось в двадцатом веке». Не повторяя всего в ней сказанного, остановлюсь лишь на тех моментах, которые там почти совсем не были затронуты.

В литературе принято использовать для обозначения класса неополитаристов термин «номенклатура», а самих неополитаристов называть номенклатурщиками⁶⁶⁶. Этими терминами, наряду с прежними, буду пользоваться в дальнейшем изложении и я.

Неополитаризм есть политаризм. Поэтому многое из того, что выше было сказано о закономерностях развития палеополитаризма, относится и к неополитаризму. В принципе, при политаризме все члены господствующего класса должны получать средства существования только из политфонда, т. е., в чисто социальном аспекте, только из рук политарха. В идеальном политарном обществе политаристы вообще не должны иметь никакой персональной собственности, даже отдельной, не говоря уже об обособленной, тем более частной. Все вещи, которыми они пользуются, должны быть государственной собственностью. Из всех политарных обществ наиболее близким к идеалу был неополитаризм, каким он существовал в СССР при Сталине. Политаристы, кроме должностных окладов, имели немалые льготы и привилегии. Но жили они в казенных квартирах, а те из них, что занимали более или менее высокие посты, отдыхали на казенных дачах с казенной мебелью и казенной обслугой.

Как уже было сказано в п. 7.8, в любом обществе, в котором существует государство, чиновники имеют возможность использовать свое служебное положение для личного обогащения. Реализацию этой возможности принято именовать коррупцией. Но политарист не просто и не только служащий госаппарата, как это имеет место, например, при капитализме, кроме этого, он член господствующего общественного класса, являющегося верховным или полным собственником средств производства и верховным собственником личностей всех подданных государства. И у рядовых политаристов всегда возникал соблазн использовать эту

общеклассовую частную собственность на средства производства и на личности подданных государства не для служения общеклассовым интересам, в частности для пополнения политфонда, а для личного обогащения. Такое употребление общеклассовой частной собственности выше было уже названо «властной персонализацией».

В СССР в первые десятилетия его существования попытки политаристов иметь другие источники дохода, кроме политфонда, жестко пресекались. Коррупция безжалостно преследовалась. Достаточно вспомнить о мерах, которые были приняты, например, в 1928 г. в связи со «Смоленским нарывом» и «Астраханщиной» («Астраханским гнойником») ⁶⁶⁷. В годы НЭПа существовали самые благоприятные условия для взяточничества. Нэпманы и были готовы, и имели возможность прилично платить чиновникам за определенного рода услуги. И одной из причин, разумеется, не самой главной, отказа от НЭПа было стремление ликвидировать почву для коррупции.

Нельзя сказать, что в 1930-1940-х годах политаристы ограничивались лишь тем, что получали из политфонда. Они искали и находили и иные источники обеспечения своих нужд. Об этом красноречиво свидетельствует хотя бы Постановление Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах». «Установлены, — говорилось в нём, — факты злоупотреблений, выражающиеся в растаскивании колхозной собственности со стороны районных и других партийно-советских работников. растаскивание происходит в виде взятия у колхозов бесплатно или за низкую плату колхозного скота, зерна, семян, кормов, мяса, молока, масла, мёда, овощей, фруктов и т. п. Некоторые советско-партийные и земельные районные работники... грубо нарушают советские законы и, злоупотребляя своим служебным положением, незаконно распоряжаются имуществом, натуральными и денежными доходами колхозов, принуждают правления и председателей колхозов выдавать им бесплатно или за низкую плату имущество, скот и продукты, принадлежащие колхозам» ⁶⁶⁸.

Но в целом масштабы этого явления были не слишком велики. Занимались описанными выше поборами в основном политаристы, находившиеся на нижних ступенях пирамиды власти. Тем самым они обеспечивали некоторое повышение своего не слишком высокого уровня жизни, но никак не больше. Ни о каком обогащении, т. е. обретении персонального богатства, которое могло бы обеспечить их независимость

от верхов, не могло быть и речи. Верхние и средние слои политаристов были втянуты в такую практику гораздо меньше.

Положение начало меняться после смерти И. В. Сталина (1953) и особенно после XX съезда КПСС (1956). Политаристы в массе своей одобрительно отнеслись к тому, что называлось «разоблачением культа личности Сталина», ибо это означало потерю главой политосистемы права на жизнь и смерть ее членов. На смену деспотии снова пришла олигархия. С этих времен репрессии, правда, в значительной степени смягченные, продолжали осуществляться в основном лишь против рядовых граждан. И это имело серьёзные последствия.

Контроля снизу политаристы давно уже не знали. Теперь во многом был ослаблен и контроль сверху. Политаристы среднего и высшего звена стали обретать все большую степень самостоятельности. Субполитархи первого ранга, т. е. первые секретари ЦК компартий союзных республик, российских крайкомов и обкомов партии, которых в сталинское время постоянно перемещали с места на место, стремились — и при этом во многих случаях небезуспешно — закрепиться на своих постах. Их примеру следовали и субполитархи низшего уровня.

Тогдашнему политарху Никите Сергеевичу Хрущёву (1894-1971) пришлось приложить массу усилий для того, чтобы сохранить за собой роль распорядителя прибавочного продукта. Когда были ликвидированы отраслевые министерства и созданы совнархозы, то помимо прямой, официально провозглашенной цели эта реформа имела и побочную цель: подтверждение права политарха перемещать членов господствующего класса с одной должности на другую и тем уменьшать или увеличивать получаемую каждым из них долю прибавочного продукта.

И тогда, и после многих удивляло предпринятое по настоянию Н. С. Хрущёва нелепейшее преобразование: разделение обкомов (крайкомов) партии и облсоветов (крайсоветов) на промышленные и сельские. Важнейшей ее целью было перетряхнуть ряды субполитархов высшего ранга и заставить их следить друг за другом и доносить. В результате все это так настроило их против Н. С. Хрущева, что они единодушно поддержали смещение его в 1964 г. с должности Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР.

Новый политарх Леонид Ильич Брежнев (1906-1982) раз и навсегда отказался от подобного рода попыток. При нём субполитархи высшего ранга занимали свои посты долгие годы, нередко до самой смерти. Возрастание степени их самостоятельности по отношению к политарху было скоро подмечено, о чем говорит один из появившихся в то время

анекдотов. Рассказывали, что Аркадий Райкин, живший, как известно, в Ленинграде, обратился к Л. И. Брежневу с просьбой посмотреть его новую программу. На вопрос артиста о том, понравилась ли ему она, Л. И. Брежнев разразился градом похвал. На это А. Райкин печально заметил, что Г. Р. Романову (первому секретарю Ленинградского обкома КПСС) эта программа пришлась почему-то не по душе, и он запретил ее показывать. Возмущенный Брежнев со словами, что он сейчас же научит Романова, как нужно относиться к великим артистам, подошёл к телефону, снял трубку, затем, подумав несколько минут, положил её и обратился к А. Райкину: «А, может быть, Вы в Москву переберетесь?».

Раньше в СССР существовала большая «вертикальная» социальная мобильность: способные люди из самых низов могли попасть в состав политосистемы и там подняться до самых ее верхов. В эпоху застоя, как стали называть брежневское время, происходит постепенное «закрытие», «замыкание в себе» класса политаристов. Продолжая оставаться классом, политаристы все в большей и большей степени становятся своеобразным сословием, замкнутой кастой. Конечно, прямого наследования должностей не возникло, но политаристы высших рангов всё чаще стали добиваться для своих детей и других родственников номенклатурных постов. Это тоже получило отражение в анекдотах. Вот один из них: «Может ли сын генерала стать генералом? — Может. — А маршалом? — Нет. У маршалов свои дети есть».

Но самое главное, избавившись от опасности лишиться жизни и получив большую степень самостоятельности, многие политаристы начали энергичные поиски иных, чем политофонд, источников прибавочного продукта. Расцветают никогда полностью не исчезавшие протекционизм, взяточничество, поборы. Аппетит приходит во время еды. Политаристам становится недостаточно таких добавок к получаемому ими из политофонда прибавочному продукту, которые способствовали лишь некоторому повышению их материального благосостояния. Возникло стремление к обретению подлинного персонального частного богатства: больших денег, драгоценностей, недвижимого имущества.

Для этого нужно было наличие такого источника богатства, из которого можно было много и постоянно черпать. Весь прибавочный продукт, создаваемый на государственных предприятиях и в колхозах, в массе своей был, все же, под контролем государства. Урвать из него слишком много было трудно. И новый источник прибавочного продукта появился и получил развитие. Им стало то явление в хозяйственной жизни страны, которое получило названия «теневой», «скрытой», «нелегальной»,

«левой», «подпольной», «спекулятивной», «криминальной», «второй» экономики.

«Теневая» экономика имеет широкое распространение, она существует и в странах ортокапитализма. Здесь будет затронута «подпольная» экономика лишь в том ее виде, в котором она возникла и существовала в СССР, и рассмотрены лишь те ее аспекты, которые имеют прямое отношение к поставленной проблеме.

И в СССР люди имели возможность получить определенный доход за счет работы не только в политарном, казенном (государственном и формально кооперативном) хозяйстве. Не только колхозники, но нередко и горожане имели личное подсобное хозяйство, продукт которого мог использоваться не только для удовлетворения собственных нужд, но и для продажи. Вполне легально существовали продовольственные и вещевые рынки. За деньги могли оказываться те или иные личные услуги (например, репетиторство).

Стремление к повышению личного благосостояния в условиях дефицита, столь характерного для нашего тогдашнего общества, могло толкать и толкало людей к действиям, выходящим за пределы закона: к присвоению казенного имущества и его употреблению в личном хозяйстве или его продаже, использованию казенной техники, например автомашин, для собственных нужд и извлечения дохода, к перепродаже купленного по более высокой, чем исходная, цене (спекуляция), продаже товара в казенном магазине «из под прилавка» особо избранным лицам и т. д. и т. п. Большинство этих действий объединяется под названием «черного рынка».

Но последний отнюдь не представляет собой, как нередко полагают, систему пусть и запрещенных, но всего лишь товарно-денежных отношений. В этой системе товарно-денежные отношения теснейшем образом связаны и переплетаются с качественно иными формами экономических отношений, нередко представляющих собой приспособленные к современности весьма архаические формы обмена. Так, например, две такие формы обмена, как услугуообмен и услугуоплатеж,⁶⁶⁹ возродились в нашем обществе в виде «блата». Существуют две разновидности последнего: одну из них можно назвать «блатообменом», другую — «блатоплатежом».

Мелкая теневая экономика существовала в советском политарном обществе всегда, но если она и давала возможность повысить благосостояние, то лишь членам низших звеньев аппарата управления. Для обогащения политаристов более высокого ранга ее было недостаточно, и начиная с хрущевских времен наряду с мелкой теневой экономикой

начинает возникать и развиваться крупная. Хищения казенной собственности, продажа по блату и спекуляция приобретают все более широкие масштабы. В отношении блатообмена и блатоплатежа втягиваются руководители торговых предприятий и государственных организаций, ведавших торговлей, вплоть до главков и министерств. Все это происходит при содействии и покровительстве высокопоставленных чиновников, причем, разумеется, небескорыстном. Например, при расследовании уголовного дела, заведенного на начальника Главного управления торговли г. Москвы Н. Трегубова, выяснилось, что в преступных действиях участвовали почти все тридцать тысяч торговых работников столицы. Каждый магазин района организовано выплачивал дань районному торгу, тот, в свою очередь, отстегивал Мосторгу, а руководители последнего распределяли деньги по аппаратам разных министерств и ведомств⁶⁷⁰. Платежи, разумеется, шли и работникам правоохранительных органов, с тем чтобы он закрывали глаза на происходящее.

Возникший мир торговой организованной преступности тесно смыкался с криминальным миром в привычном смысле слова, который тоже принимал все более организованные формы. Мафия возникала не только в области торговли. То же самое происходило в системе бытового обслуживания и общественного питания, в мясо-молочном, деревообрабатывающем, хлопковом, зерновом и т. п. производствах⁶⁷¹. Не были, разумеется, обойдены строительство и транспорт.

Везде разрастались хищения, продажа похищенного и приписки. В строительстве, например, приписки составляли 70% стоимости фактически выполненных работ, на автотранспорте — 100%. В сельском хозяйстве приписки урожайности полей достигали 20-30%, привесов скота — до 50%. Наряду с приписками получило развитие и прямо противоположное явление — сокрытие имущества от учета. Неучтенный скот на пастбищах превышал учтенный в несколько раз. В южных республиках 10% земельного фонда скрывалось от учета и фактически покупалось и продавалось⁶⁷².

Но, что было самым важным: постепенно наряду с крупной теневой экономикой, в которой шло только перераспределение уже созданного продукта, возникла еще одна форма теневой экономики — производящая. Суть ее — тайное масштабное производство товаров широкого потребления и их сбыт на черном рынке. К этому делу стали обращаться люди, накопившие большие капиталы в сфере крупной перераспределительной теневой экономики и жаждавшие их преумножить.

Возможность для успеха их деятельности создавалась уже упоминавшимся выше всеобщим дефицитом вкупе с тоже упоминавшимся желанием получивших теперь значительную степень самостоятельности политаристов всех рангов найти такой источник прибавочного продукта, который находился бы вне пределов политарного хозяйства. Все большее число номенклатурщиков было готово за приличное вознаграждение помочь подпольным дельцам — цеховикам — в реализации их замыслов.

Масштабное подпольное производство было абсолютно невозможно без регулярного снабжения незаконных предприятий материальными ресурсами, а все они были в СССР собственностью государства. Поэтому получить их в свое распоряжение было невозможно без самого активного участия высокопоставленных политаристов. Вполне понятно, что выполнять роль снабженцев они были согласны лишь за приличные деньги. Последние были платой не за сами материальные ресурсы, а за услугу, заключающуюся в возможности их получить. Это было не что иное, как взятка, или благоплатеж.

Как писал советский юрист Константин Симс, выступавший в качестве адвоката ряда видных подпольных предпринимателей, в изданной в 1982 г. в США книге «Коррупция в СССР — тайный мир подпольного советского капитализма»: «Ни одно нелегальное предприятие не могло вообще быть создано без содействия каких-либо подкупленных деятелей государственного аппарата»⁶⁷³. Адвокат Евгения Эвельсон на основе изучения материалов четырехсот процессов по уголовным делам, связанным с теневой экономикой, пришла к аналогичному выводу: «Существование и процветание левой экономики, — подчеркивала она в книге “Судебные процессы по экономическим делам в СССР в 60-е годы” (1997), — оказывается возможным только благодаря противоправной перекачке фондового сырья и оборудования из системы планового хозяйства в левую экономику. Эта перекачка производится всегда нелегально, всегда за деньги, всегда за взятки»⁶⁷⁴.

Но мало было обеспечить подпольные предприятия нужными средствами производства. Необходимо также было уберечь их хозяев от вмешательства правоохранительных органов, а если это, все же, происходило, то принять все возможные меры к тому, чтобы дело замять. Снабжение и защита теневых дельцов не могли быть под силу ни одному политаристу, взятому в отдельности. Каким бы высоким не было положение политариста, выступающего в роли снабженца и/или протектора, он с неизбежностью должен был вовлекать в это дело в

качестве соучастников определенное число других лиц, занимающих посты в хозяйственных, правоохранительных, партийных и иных органах. В результате между политаристами возникали отношения взаимного дележа вознаграждения и круговой поруки.

С целью расширения теневого производства и в связи с возникшей конкуренцией цеховики стали объединяться. Возникли сети, «синдикаты», «кланы», включавшие в свой состав «мозговые центры» (подпольных менеджеров), снабженцев, охранников, транспортников⁶⁷⁵.

В создавшихся условиях существенно перестроилась профессиональная преступность. Традиционная уголовная среда (блатные) стала грабить тех, кто жил ворованным. Резко возросли различные виды игорного мошенничества, похищения людей, появился рэкет. Потерпевшие, по вполне понятным причинам, в милицию в большинстве случаев не обращались. В среде профессиональных преступников выделились некоронованные короли, которые делили территории и зоны влияния. Они усилили давление на дельцов теневой экономики. Стали заключаться договоренности между подпольными дельцами и главарями организаций уголовного мира. Цеховики обязывались уплачивать 10-15% нелегального дохода, уголовники гарантировали им безопасность. В последующем усилилась непосредственная смычка тех и других: уголовные авторитеты стали все чаще вкладывать деньги в теневое производство, подпольные капиталисты начали широко использовать уголовников для охраны, а также и для расправы с конкурентами, включая убийства⁶⁷⁶.

В конечном счете в СССР возникла прочная связка: (1) партийный и советский аппарат, включая правоохранительные органы — (2) теневые дельцы — (3) профессиональные уголовники.

В итоге вместе с крупномасштабной теневой экономикой появилась столь же крупномасштабная коррупция в среде политаристов. Эти два явления оказались неразрывно связанными. Каждое из них, развиваясь, стимулировало рост другого. В результате в стране шло неуклонное разрастание и крупной теневой экономики и коррупции. Вполне понятно, что это способствовало развитию и мелкой теневой экономики. Вместе со всем этим возникла и расцвела организованная преступность в привычном смысле слова, в частности широкая торговля наркотиками, живым товаром и т. п. Появился валютный рынок, который, разумеется, в то время мог быть только «черным».

Начало крупной теневой экономики и крупномасштабной коррупции было положено еще в хрущевскую пору. Это в свое время было хорошо

показано в книге первого и последнего начальника знаменитого Главного управления по борьбе с организованной преступностью и коррупцией МВД СССР, ныне генерал-лейтенанта милиции в отставке и депутата Госдумы Александра Ивановича Гурова «Красная мафия» (1995).

«Период хрущевской “оттепели” и открытия нашего общества, — резюмировал он содержание этой книги, — предоставил возможность для развития также и организованной преступности... При Сталине было невозможно даже представить существование организованных преступных групп подобных масштабов... После него, однако, в обществе каким-то образом, причем весьма открыто, стало утверждаться что-то, что можно было бы назвать... “Моральным кодексом грабителя”. Все это, конечно, было в интересах определенной части партийной бюрократии. В 1974 году, например, у так называемой “торговой мафии Москвы” были уже свои “представители” даже в высших уровнях партийного руководства. Получалась такая ситуация, при которой, если бы мне или кому-нибудь еще пришлось в голову попробовать предупредить людей о том, что в стране происходит в действительности, то так называемые “либералы” меня бы просто высмеяли, а правительство объявило бы нас сумасшедшими. Однако все начиналось именно так. Определенные люди из партийного руководства дали “зеленый свет” процессам незаконного обогащения. Всем нам следовало бы гораздо раньше и намного серьезнее и ответственнее призадуматься о причинах, породивших “теневую экономику” и связанную с ней коррупцию. Они появились при Хрущеве, а дальше разрастались при Брежневе. При Горбачеве же организованная преступность в стране приобрела возможность и статус по-настоящему могущественного фактора»⁶⁷⁷.

Особенно быстрыми темпами рост крупной теневой экономики и коррупции шел в 1960-1990 гг. По расчетам известного экономиста Татьяны Ивановны Корягиной, в начале 1960-х годов объем теневой экономики приблизительно равнялся 5 млрд рублей. К концу 1980-х он достиг: по минимальной оценке, 20-25 млрд рублей, максимальной — 150 млрд по средней, наиболее близкой к действительности — 90-100 млрд. Если взять за основу последний вариант, то получится, что объем теневой экономики за указанные годы увеличился в 18-20 раз⁶⁷⁸.

По подсчетам большинства специалистов, в начале 1960-х годов удельный вес «второй» экономики в СССР составлял 3-5% ВВП страны⁶⁷⁹. Для конца 1980-х годов приводятся цифры от 20 до 30%⁶⁸⁰.

По данным американского экономиста Грегори Гроссмана, который

одним из первых (еще в 1977 г.⁶⁸¹) приступил к серьезному исследованию советской «второй» экономики, «теневая» экономика была не одинаково развита в разных регионах СССР : меньше — всего в РСФСР, больше — на Украине и в Молдове, и достигала максимума в республиках Закавказья и Средней Азии⁶⁸². По мнению ряда авторов, в некоторых регионах СССР «вторая» экономика по своему значению приближалась к «первой», а кое-где даже превосходила ее⁶⁸³.

Там, где теневая экономика была особо развита, места в системе управления давали такой колоссальный доход, что сами стали предметом купли и продажи. Так, например, в Азербайджане пост первого секретаря райкома партии стоил 200 000 рублей, второго — 100 000, директора совхоза — 80 000, начальника райотдела милиции и председателя колхоза — 50 000, районного прокурора — 30 000, директора НИИ — 40 000, ректора вуза — 200 000 и т. п.⁶⁸⁴

На волне борьбы с коррупцией к власти в этой республике пришел Гейдар Алиевич Алиев (1923-2003). Были арестованы и осуждены сотни цеховиков и чиновников, включая первых секретарей райкомов, председателей райисполкомов, районных прокуроров, торговых инспекторов. Но искоренить коррупцию не удалось.

В соседней Грузии нарастающим народным недовольством всеми видами коррупции воспользовался для прихода к власти Эдуард Амвросиевич Шеварнадзе. Став в 1972 г. первым секретарём ЦК Коммунистической партии Грузии, он повел борьбу с этими явлениями, что нашло отражение в его выступлениях и ряде республиканских партийных документов. Появились постановления ЦК КПГ «О грубейших нарушениях правил советской торговли, приписках, растратах и других злоупотреблениях в системе Цекавшири» (2 февраля 1973 г.), «О борьбе с протекционизмом в республике» (11 июня 1974 г.) и др.⁶⁸⁵ Но, в конце концов, всё заглохло. Как горько шутили рядовые жители республики: «Месячник советской власти в Грузии закончился».

Таким образом, к 1980-м годам XX в. в СССР, наряду с политарным общественно-экономическим укладом, сложились еще две системы социально-экономических отношений. Одна из них — мелкая теневая экономика — была аналогом мелкобуржуазного уклада, существующего во всех капиталистических странах. Вторая — крупная теневая производящая экономика — была по своей сути очень своеобразным вариантом капиталистической системы хозяйства. Это был скрытый, тайный капитализм — криптокапитализм (от греч. *криптос* — тайный, скрытый).

Вместе с ним в недрах политарного общества возник еще один эксплуататорский класс — класс криптокапиталистов, криптобуржуазии.

Советское общество оказалось в состоянии, в ряде аспектов сходном с тем, что наблюдалось в древнеполитарных обществах, когда в них появлялись доминарные, магнарные и доминомагнарные отношения и они соответственно из монополитарных превращались в политодоминомагнарные. Как уже было показано в пп. 7.7 и 7.8 настоящей работы, рождавшиеся в недрах древнеполитарного общества доминомагнарные отношения разъедали его фундамент и, в конечном счете, обрекали на исчезновение.

Возникновение в недрах советского неополитарного общества криптокапитализма и криптобуржуазии тоже не могло не сказаться на его исторической судьбе. Оно не могло слишком долго оставаться в таком неустойчивом, по существу, переходном состоянии. Вполне понятно, что криптобуржуазия была крайне недовольна своим положением. Какие бы доходы подпольные дельцы ни получали, в какой бы роскоши ни купались, они всегда жили под страхом разоблачения, суда, конфискации всего имущества и даже лишения жизни. Был, например, расстрелян А. М. Сергеев по кличке Леша Кабан — хозяин тридцати восьми подпольных цехов, владелец богатого особняка, где постоянно гостили и развлекались руководители Московского обкома КПСС и чиновники рангом повыше. Расстрелян был трикотажный король И. Гальперин и пять его подельников⁶⁸⁶. К смертной был приговорен директор Елисеевского гастронома Ю. К. Соколов⁶⁸⁷.

Естественно, что криптокапиталисты кровно были заинтересованы прежде всего в легализации существующего капиталистического уклада. Уже это само по себе превратило бы их из преступников в законопослушных граждан, пользующихся вполне законными доходами. А в перспективе они, конечно, желали бы превращения всех вообще предприятий в капиталистические и воцарения в стране капитализма. В какой-то степени с ними была солидарна теневая мелкая буржуазия

Сложнее было положение коррумпированных политаристов, число которых непрерывно увеличивалось. Аппетиты у них росли: им хотелось получать все больше дохода. Но это требовало увеличения размеров источника дополнительного прибавочного продукта, т. е. расширения масштабов капиталистического производства. Этого можно было достичь путем его легализации, а еще более кардинально — путем превращения в капиталистические всех или большинства предприятий, находящихся в

государственной собственности. При этом совершенно не обязательно было передавать их в руки уже существующих капиталистов и вообще посторонних лиц. Они вполне могли быть переданы в собственность тех или иных отдельных политаристов, которые пожелали бы сами вести хозяйство.

Переход государственных предприятий в собственность отдельных лиц у нас принято называть «приватизацией», что в отношении политарной собственности не очень точно. Ведь политарная собственность является собственностью не общественной, а частной, но только не персональной, а общеклассовой. Поэтому в данном контексте правильнее было бы говорить не о приватизации, а об имущественной персонализации классовой частной собственности.

И политаристы даже в брежневское время не ограничивались одной лишь властной персонализацией. Наряду с ней начала осуществляться персонализация и имущественная. Определенное развитие она получила в республиках Средней Азии, где приняла специфическую форму. Председатели колхозов и директора совхозов во многих случаях превратились в неограниченных владык, которые полностью распоряжались не только всеми средствами хозяйств, но и их работниками. Однако необходимым условием этого были, во-первых, выполнение обязательств хозяйства перед государством, во-вторых — и это главное — выплата дани вышестоящим политаристам. Специфика здесь заключалась в том, что такого рода хозяйства были не капиталистическими предприятиями, а скорее доминагнарными латифундиями. Сходные явления наблюдались и в РСФСР, что нашло, например, яркое отражение в повести Владимира Федоровича Тендрякова (1923-1984) «Кончина» (1968).

Были случаи скрытой персонализации государственных промышленных и торговых предприятий. Оставаясь формально казенными, они фактически, по крайней мере, на определенное время переходили в собственность управляющих ими лиц.

В сторону капитализма толкало политаристов и крайне неопределенное положение, в котором находилось накопленное ими частное персональное богатство. Пока существовали прежние порядки, не было никакой гарантии, что оно не будет изъято, а сам их владелец не лишится не только имущества, но и свободы и даже жизни.

В ходе знаменитого «краснодарско-сочинского дела» были сняты со своих постов и исключены из КПСС более 500 чиновников, 150 человек осуждены и получили немалые сроки. Правда, главный покровитель коррупционеров первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС, член

ЦК КПСС, Герой социалистического труда С. Ф. Медунов избежал уголовного преследования благодаря заступничеству своего близкого друга Л. И. Брежнева. Он только лишился своего поста и был исключен из партии⁶⁸⁸. Выгородил Л. И. Брежнев и попавшегося на крупных взятках министра рыбного хозяйства, члена ЦК КПСС А. Ишкова. Но его заместитель В. Рытов был расстрелян⁶⁸⁹.

В середине 1980-х годов в одном только Казахстане были посажены на скамью подсудимых около тридцати министров и их замов, заведующих отделами ЦК КПК и других крупных чиновников⁶⁹⁰.

Можно, к примеру, вспомнить судьбу зятя Л. И. Брежнева первого заместителя министра внутренних дел СССР, генерал-полковника Ю. М. Чубанова. В 1988 г. он был приговорен к 12 годам лишения свободы с конфискацией имущества и взысканием в доход государства незаконно полученных в качестве взяток денежных сумм⁶⁹¹.

Поэтому настоятельно необходимой для политаристов была легитимизация персонального богатства, превращения его в «священную и неприкосновенную частную собственность». А для этого, опять-таки, был нужен капитализм.

Однако политаристы не могли принять капитализм в том виде, в котором он существовал в странах Запада, ибо это означало бы полный отказ от политаризма. Но ведь именно существование политарных отношений и обеспечивало им поступление дани с теневых капиталистов. С ликвидацией же политарной частной собственности, с превращением теневых капиталистов в полных независимых частных собственников последние с неизбежностью прекратили бы платить дань теперь уже бывшим политаристам.

Политаристам, таким образом, нужно было, с одной стороны, легализовать капитализм, капиталистическую частную собственность на средства производства, а с другой стороны, сохранить политарную частную собственность на средства производства и рядовых членов общества. И решение этой задачи, в принципе, было вполне возможно. Необходимо было раздвоение частной собственности на средства производства. Политарная собственность на средства производства должна была превратиться из полной, какой она была при советском неополитаризме, в верховную, а персональная и групповая легальная капиталистическая частная собственность должна была возникнуть в стране не как полностью свободная, а как подчиненная верховной политарной собственности, как зависимая от нее.

Гарантией незыблемости верховной собственности политаристов на частную собственность отдельных капиталистов и их групп было сохранение верховной собственности политаристов на личности всех остальных членов общества, включая и капиталистов. Короче, выход из создавшегося положения состоял для политаристов в становлении в стране капитализма особого рода — капитализма не свободного, а зависимого, подчиненного, каким он был, например, при абсолютизме.

В целом неополитаризм в СССР на исходе 1970-х годов, в силу действия рассмотренных выше причин, претерпел серьезные изменения. Он, по сути; вступил в нобиларную фазу своего развития. Л. И. Брежнев был уже не столько политархом, сколько нобилархом.

Именно развитие в СССР теневой экономики и расцвет коррупции привели к крушению страны. Это давно было достаточно ясно целому ряду исследователей уже во второй половине 1990-х годов. Такую точку зрения отстаивал, в частности, известный нам Г. Гроссман в работе «Разрушительная власть. Историческая роль советского подполья» (1998)⁶⁹².

7.12. «Демократическая» контрреволюция 1991 г. в СССР и превращение неополитарного общества в клептокапиталистическое

Когда с начала 1980-х годов в стране начался общий кризис, выразившийся, в частности, в широком недовольстве существующими порядками, политаристам нужно было срочно принимать меры. Было ясно, что без существенных изменений общества обойтись было совершенно невозможно. Важнейшими требованиями общественности стали отмена льгот и привилегий, которыми пользовалась номенклатура, и утверждение демократии. Результатом установления реальной демократии в неополитарном обществе, в принципе, должно было явиться превращение общеклассовой частной собственности на средства производства в общенародную, социалистическую и ликвидация класса политаристов.

Политаристам нужно было найти путь к спасению. Единственный для них выход из положения состоял в срочном превращении значительной части общеклассовой частной собственности на средства производства из полной в верховную и в дополнении ее подчиненной персональной частной собственностью на эти же средства производства, которая в условиях XX в. могла быть только капиталистической. С возникновением капитализма, причем капитализма подчиненного, зависимого, переход к демократии переставал таить в себе опасность для номенклатуры. Никакая буржуазная демократия не могла допустить покушения на частную собственность. Как известно, основной принцип буржуазного права — частная собственность священна и неприкосновенна. Тем более что в условиях подчиненного капитализма было очень легко превратить буржуазную демократию, которая всегда является формальной, в фикцию.

Именно высшие слои номенклатуры возглавили то движение, которое одни характеризуют как контрреволюцию, а другие называют «демократической революцией». Как поведал нам А. С. Ципко, когда-то специалист по научному коммунизму, ставший в годы перестройки ярким антикоммунистом: «Французские журналисты, писавшие в начале перестройки о том, что очагом контрреволюции в СССР является штаб коммунизма, ЦК КПСС, были правы. Работая в то время в международном отделе ЦК КПСС консультантом, я, к своему удивлению, обнаружил, что настроения среди высших иерархов этой организации ничем не отличаются

от настроений в Академии наук, в гуманитарных институтах. Было ясно, что только законченный лицемер может верить в преимущества социализма над капитализмом. Было ясно и то, что социалистический эксперимент потерпел поражение»⁶⁹³.

В стране с начала 1990-х начался бурный процесс, который получил название приватизации, а в действительности, как уже говорилось, был имущественной персонализацией, а именно превращением одной формы частной собственности — общеклассовой — в другую ее форму — персональную или групповую. Одна часть средств производства перешла в руки самих политаристов, которые, тем самым, стали одновременно и капиталистами, другая была передана различного рода «своим» людям с обязательством платить дань тем, кто им это имущество выделил. Были также легализованы подпольные капиталистические предприятия.

Уже в те годы нашлись люди, которые приблизились к пониманию сути происходившего процесса трансформации собственности. Одним из них был известный литературный критик и публицист Юрий Григорьевич Буртин (1932-2000). К началу 1990-х у него уже не было никаких иллюзии относительно природы нашего общественного строя. «В условиях "реального социализма", — писал он в декабре 1992 г., — государственная собственность фактически являлась коллективной, корпоративной "собственностью" нового класса, каждый из членов которого в форме зарплаты и привилегий получал из неё свою долю прибавочной стоимости от коллективной эксплуатации миллионов "рядовых", чей труд в свою очередь оплачивался по заведомо заниженным ставкам»⁶⁹⁴.

И затем, обращаясь к тому, что происходило на его глазах, он продолжал (не нужно забывать, что процесс имущественной персонализации тогда только еще начинался. — Ю. С.): «Новое время принесло в этом отношении новые большие возможности. С одной стороны, благодаря сохранению большого массива государственной собственности в полной мере сохранилась и традиционная форма начальственного присвоения. С другой стороны, описанное корпоративное присвоение госсобственности дополнилось частным, широкими возможностями для всякого рода начальства присваивать ту же госсобственность и в различных инициативных, нерегламентированных формах... В результате "новый класс" становится ещё и классом богатых»⁶⁹⁵.

Грубо, по-солдатски, но довольно красочно суть происшедшего переворота выразил генерал, в дальнейшем известный политический

деятель Александр Иванович Лебедь (1950-2002). «К КПСС, — писал он в книге "За державу обидно..." (1995), — можно относиться как угодно, но при всех остальных раскладах с ней пришлось бы побарахтаться. Хоть и наполовину сгнившая изнутри, но это была ещё могучая организация. Как всякая порядочная рыба, гнила она с головы. Партийная верхушка давно уже отделилась от тела партии и на второй космической скорости рванула к высотам персонального коммунизма, оставив за собой без малого 17 миллионов рядовых баранов, которые сеяли, пахали, ходили в атаки, получали выговоры и инфаркты и не получали никаких льгот, зачастую не подозревая даже об их существовании. <...> По дороге к светлому будущему, вроде, шли все вместе, но ветерок в другую сторону повеял, и они, номенклатурно-конъюнктурные светочи наши, умудрились сначала приотстать, партийные билеты в урну швырнуть, демократические знамена выбросить», потом развернуться на 180 градусов, и опять они впереди, на лихом коне ведут нас к не менее светлому будущему, только теперь уже капиталистическому будущему. <...> Все хладнокровно и без потерь отошли на заранее подготовленные коммерческие и политические позиции. И опять сыты, пьяны и нос в табаке. Оглянемся вокруг себя: кто у власти? Ба! Знакомые все лица. До недавнего времени многие из них умно и значительно смотрели на нас со стендов с названием "Политбюро ЦК КПСС"»⁶⁹⁶.

Заметили это и за рубежом. Бывший советский разведчик, полковник КГБ, а затем писатель Михаил Петрович Любимов с ликованием встретил 21 августа 1991 г. — день провала замыслов ГКЧП. Своим энтузиазмом он захотел поделиться с бывшим царским генералом, который, находясь в эмиграции, из патриотических чувств помогал советской разведке. «Об этом, — пишет Любимов, — я рассказываю старику, сдуру назвав тот август "революцией". Он хохочет: "Ну, вы и наивны! А еще работали в такой организации! Это был просто второй этап октябрьского грабежа. Тогда забрали собственность, но не присвоили себе, а отдали в руки государства. А через семьдесят с лишком лет коммунисты поняли, что это глупо, созрели для прямого грабежа — как еще назвать приватизацию? Кто это там у вас лепетал насчет первоначального накопления капитала? Гайдар? Ничего себе накопльнице! Одним махом, без всяких усилий превратиться в мультимиллионеров!"»⁶⁹⁷.

Старый генерал, действительно, прекрасно схватил суть переворота 1991 г., чего не скажешь о его понимании Октябрьской революции. Коммунисты 1991 г. были совсем иными, чем большевики 1917 г. Это,

кстати, достаточно хорошо понимал народ. На вопрос: «В чем различие между большевиками и коммунистами?» — под последними здесь понимались, конечно, не рядовые члены партии, а номенклатурщики брежневского времени — народные остроумцы давали ответ: «Большевики — они Ленина видели, а коммунисты — в гробу они Ленина видели!»

Персонализация общеклассовой частной собственности имела своим следствием развал СССР. Субполитархи высшего ранга (первые секретари ЦК республиканских компартий) использовали создавшуюся ситуацию для того, чтобы избавиться от контроля центра и стать политархами. Их горячо поддержали местные политаристы, жаждавшие сами персонализировать предприятия, находившиеся на территории их республик, полностью отстранив всех возможных конкурентов извне, прежде всего из бывшего центра.

Вместе с экономическими и политическими изменениями наступили перемены и идеологические. Начался даже не просто повсеместный отказ от марксизма, но всяческое его оплевывание. И в первых рядах гонителей марксизма выступили вовсе не бывшие диссиденты, а люди, которые ранее безмерно его восхваляли и за счет этого сытно и вкусно кормились (А. Н. Яковлев, Д. А. Волкогонов и др.).

Наши номенклатурщики давно уже перестали быть марксистами и классиков марксизма не читали. Марксизм давно уже стал для них дымовой завесой, призванной скрыть истинную природу существующего строя и выдать неополитаризм за социализм. Теперь нужда в таком прикрытии для них исчезла — нашлось новое.

В результате описанных выше преобразований в стране возникло двухэтажное общество. Нижний этаж образовал капитализм, высший — трансформированный политаризм. Общеклассовая частная собственность из единственно существующей и полной превратилась теперь в верховную, возникшая капиталистическая персональная и групповая частная собственность стала подчиненной, зависимой. Соответственно, в этом обществе существуют два эксплуататорских класса, из которых один — класс переродившихся политаристов — является господствующим, а другой — класс капиталистов — подчинённым. Господство политаристов над капиталистами проявляется в том, что вторые должны отдавать часть полученного прибавочного продукта первым.

Сотрудник ИСЭПН РАН экономист Леонид Янович Косалс, характеризуя экономические преобразования в России, видит важнейшую их особенность в возникновении «делового тандема чиновника и предпринимателя». «Преобразования, — писал он, — были проведены так,

что предприниматели попали в зависимость от чиновников... Они (чиновники. — Ю. С.) фактически приватизировали свои рабочие места и стали выполнять должностные обязанности (или не выполнять их), насколько это отвечало их частным экономическим интересам. В результате, когда предприниматель обращается к государству за защитой своих интересов, он ее от органов государственной власти не получает. Тогда деловой человек нанимает в частном порядке сотрудников какой-нибудь государственной спецслужбы или правоохранительных органов и напрямую платит им деньги, как другим сотрудникам своей фирмы. В своей деятельности люди фактически стремятся игнорировать государство и действуют так, как будто его не существует. Уплата же налогов рассматривается населением как двойное налогообложение, поскольку все покупают государственные услуги в частном порядке, в конкретном объеме, который требуется тому или иному предпринимателю или другому частному лицу. В обществе формируется соответствующая социально-психологическая атмосфера, когда уклонение от уплаты налогов — норма, следование которой не осуждается»⁶⁹⁸. К этому нужно добавить, что чиновники очень часто различными способами прямо вымогают деньги у предпринимателей.

«Другая важная особенность рыночных преобразований в России, — добавляет Л. Я. Косалс, — состоит в том, что чиновники используют свои рабочие места (точнее, власть и информацию с ними связанные) как один из ресурсов для частного предпринимательства. Ясно, что осуществляемое ими предпринимательство носит теневой характер так же, как и предпринимательство частных фирм, являющихся их партнерами по бизнесу»⁶⁹⁹. Как очевидно, теневая экономика в России после такого рода преобразований не только не исчезла, но, наоборот, получила чрезвычайное развитие.

По рассказам самих современных российских капиталистов, в среднем половину всех их расходов составляют различного рода платежи чиновникам⁷⁰⁰. По словам московских предпринимателей, сумма, которую они раздают на взятки, чуть ли не в два раза превышает налоги⁷⁰¹. Вполне понятно, что эти расходы включаются капиталистами в цену продукции. Таким образом, на трудящихся России лежит двойной гнет. С них дерет шкуру не один класс угнетателей, как при ортокапитализме, а целых два эксплуататорских класса.

Грань между двумя названными эксплуататорскими классами весьма относительна: существуют «чистые» политаристы, часть политаристов

обзавелась персональной частной собственностью, немало капиталистов стремится прорваться в состав политаристов. К пониманию того, что в нынешней России существуют два класса эксплуататоров, постепенно приходят сейчас некоторые из наших экономистов. Так, например, руководитель Института проблем глобализации Михаил Геннадьевич Делягин в своих работах, в частности, в книге «Россия после Путина» (2005) говорит о наличии в стране двух групп олигархов: силовой олигархии и коммерческой олигархии.

Отношения между новыми политаристами и капиталистами амбивалентны, они одновременно и сотрудничают в деле эксплуатации народных масс и сохранения эксплуататорского строя, и враждуют. Капиталисты стремятся избавиться от всевозможных видов дани, которыми их обложили и продолжают облагать политаристы, и хотели бы ликвидации этого класса. Именно в этом суть нашумевшей истории с М. Б. Ходорковским и его детищем ЮКОСом. Осуждение этого человека и ликвидация ЮКОСа было серьёзным предупреждением всем тем капиталистам, которые тяготятся своим подчинённым положением и пытаются уклониться от выплаты дани новым политаристам.

В результате описанных выше преобразований общеклассовая частная собственность сохранилась, но при этом из полной превратилась в верховную. Продолжают существовать и политосистема, и политофонд. Но политосистема претерпела определенные изменения. На первых порах была введена выборность глав субъектов федерации. В результате резко снизилась зависимость субполитархов высшего ранга от политарха. Как следствие, политосистема стала состоять из нескольких во-многом независимых друг от друга частей. Второй российский президент Владимир Владимирович Путин, стремясь восстановить прежнюю пирамидальную структуру политосистемы, заменил выборность президентов национальных республик и глав краев и областей назначением сверху. Однако полного возвращения к прошлому не произошло и произойти не могло.

В постсоветской России окончательно утвердилось то, что наметилось в поздний период существования СССР. Официальный политофонд, находящийся в распоряжении политарха, окончательно престал быть для политаристов единственным источником их доходов — возникли другие, как легальные, так и нелегальные.

Это отнюдь не значит, что официальный политофонд полностью утратил свое значение. Новые политаристы, как и старые, конечно, заинтересованы в увеличении официального политофонда и получаемых из

него долей прибавочного продукта. Эти доли, как и прежде, состоят из денежных выплат и различного рода льгот и привилегий. Последние не только не исчезли, но их стало еще больше. Непрерывно и существенно увеличиваются денежные выплаты. Если, например, в 2006 г. расходы на содержание чиновников составляли 444 млрд руб., то в бюджете на 2007 г. они были запланированы в сумме 664 млрд руб., т. е. увеличились на 49,5%⁷⁰². Идет непрерывный рост армии чиновников. Если в 1990 г. их было в России 663 тыс, то к 2003 г. их стало 1 млн 253 тыс. Сейчас их число приближается к 3 млн. Если в 1990-х годах чиновники составляли 1,9% всех работающих, то сейчас — 4,6%⁷⁰³. Рост численности чиновников и размеров их жалованья не был прерван даже начавшимся в 2008 г. финансовоэкономическим кризисом. По словам В. В. Путина, за первые восемь месяцев 2009 г. расходы на госуправление выросли на 84%⁷⁰⁴.

Однако у большинства, если не у всех новых политаристов основные доходы поступают отнюдь не из официального политфонда. Широко используя свое служебное положение, они находят массу самых разнообразных источников обогащения. Одни из них оформлены так, что никакой суд не придерется, внешне они вполне законны. Но важнейшими способами приобретения частного персонального богатства являются казнокрадство, взятки и поборы. Многие политаристы получают также доходы от финансовых операций, от функционирования собственных предприятий, которые обычно оформлены как принадлежащие иным лицам (чаще всего супругам, а также взрослым детям, иным родственникам и свойственникам).

Все сколько-нибудь значительные политаристы имеют источники дохода, иные, чем официальный политфонд, почти все обладают немалыми состояниями, что делает их во многом независимыми от вышестоящих должностных лиц, включая и самого верховного — президента.

Так, например, министр природных ресурсов Ю. П. Трутнев в 2009 году получил доход в 150 093 105,82 руб. Доход заместителя председателя правительства РФ и полпреда президента в СКФО А. Г. Хлопонина, — 67 750 861,99 руб., его жены — 13 735 327,8 руб. В собственности супругов вместе и порознь находятся жилой дом в России (677,7 кв. м.), дом с хозпостройками в Италии (818,4 кв. м.) и огромное количество земельных участков, в том числе и за рубежом⁷⁰⁵.

Глава (губернатор) Красноярского края Л. В. Кузнецов заработал за 2009 г. 119 млн руб., его жена — 14 млн⁷⁰⁶. Доход мэра Москвы Ю. М.

Лужкова в 2009 г. составил 7,9 млн руб. В его собственности четыре земельных участка общей площадью около млн кв. м., жилой дом (144 кв. м.), коттедж 2500 кв. м.), квартира (445 кв. м.), которую он делит с женой и дочерьми, а также автомобиль и автоприцеп. Годовой доход его супруги Е. Н. Батуриной составляет 30,9 млрд руб. В ее собственности находятся земельные участки в России (28 тыс кв. м.) и в Австрии (2 тыс кв. м.), три дома в Австрии — 321 кв. м.; в Испании — 1600 кв. м.; в Великобритании — 1200 кв. м.) и шесть иномарок⁷⁰⁷. Ее общее состояние, по данным журнала «Форбс», достигает 2,9 млрд долл.⁷⁰⁸

Для финансовых отчетов многих высоких должностных лиц характерно резкое превышение доходов их жен над их собственными. Так, бывший глава Ростовской области В. Ф. Чуб заработал в 2009 г. всего 3,8 млн руб., а его жена — 174 млн, т. е. в 44 раза больше⁷⁰⁹. Глава Приморского края С. М. Дарькин заработал чуть больше 2 млн руб., а его супруга — скромная актриса краевого театра — почти 145 млн. Она владеет тремя иномарками, квартирой (39,9 кв, м.), дачей (500 кв. м.), земельным участком (3069 кв. м.)⁷¹⁰.

Немалые доходы отмечены и у менее высокопоставленных должностных лиц. Глава УВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области В. Пиотровский, к примеру, заработал в 2009 г. почти 24 млн руб. У него три земельных участка общей площадью 72 сотки, жилой дом (368 кв. м.) дача (192 кв. м.), квартира (177 кв. м.), гараж и престижная моторная лодка⁷¹¹. Число примеров можно было бы без труда умножить, но и сказанного вполне достаточно.

Чтобы вновь придать политосистеме форму настоящей пирамиды, нужно снова превратить официальный политифонд в единственный источник дохода политаристов, ликвидировав все остальные, лишить политаристов накопленного ими частного богатства, а все это невозможно без восстановления права политарха на жизнь и смерть членов правящего слоя. Но сделать это сейчас никому из высших руководителей России не под силу.

Как уже подчеркивалось, главным и основным источником доходов новых политаристов является то, что ранее было названо «властной персонализацией», т. е. персонализацией верховной частной собственности на личность подданных. Как уже указывалось, это явление принято называть «коррупцией». Говорилось выше и о том, что коррупция существует и в обществах, где нет политаризма, в частности в развитом капиталистическом (ортокапиталистическом) обществе. Но в странах

ортокапитализма коррупция, все же, представляет собой отклонение от нормы, реальное преступление. Коррупция у наших новых политаристов не есть отклонение от нормы — это для них норма поведения, способ их существования, привычный образ жизни. Как было сказано в 2006 г. первым заместителем Генерального прокурора Российской Федерации Александром Эммануиловичем Буксманом: «Объем рынка коррупции в нашей стране сопоставим по доходам с федеральным бюджетом и оценивается в 240 миллиардов долларов»⁷¹². 240 млрд долл, в переводе по тогдашнему курсу на наши деньги — это около 6,7 трлн руб. На 2007 г. доходы федерального бюджета были запланированы в сумме 6,9 трлн руб. Иными словами, тайная дань с общества, получаемая российскими политаристами, примерно равна сумме всех доходов российского государства. И по признанию Генерального прокурора РФ Юрия Яковлевича Чайки, она каждый год возрастает на 5%⁷¹³. По расчетам фонда «Индем», коррупционный оборот в России в 2002 г. составлял 36 млрд долл., а в 2008 г. он превысил 300 млрд⁷¹⁴. Последнюю цифру приводят для 2009-2010 гг. многие другие эксперты, в частности специалисты международной антикоррупционной организации Трансперенси Интеренешнл (Transparency International)⁷¹⁵. С ней согласен председатель Национального антикоррупционного комитета Кирилл Викторович Кабанов⁷¹⁶.

По подсчетам экспертов Всемирного банка, в карманах наших чиновников оседает 48% доходов Российской Федерации. О том, что коррупционный оборот в нашей стране приближается к 50% ВВП, свидетельствуют материалы, приведенные в докладе Ассоциации адвокатов России за права человека⁷¹⁷. По оценкам международных экспертов, в рейтинге коррумпированности Россия в 2006 г. занимала 121 место, в 2007 г. — 143 место, в 2008 г. — 147, в 2010 г. — 154⁷¹⁸.

Под подсчетам МВД, средний размер взятки в России с января по июль 2010 г. вырос с 23 тыс. руб. до 44 тыс. Экс-помощник президента РФ, ныне глава фонда «Индем» Георгий Александрович Сатаров разъяснил, что этим цифрам верить нельзя, ибо под суд попадают только мелкие взяточники, крупные остаются нетронутыми. По результатам исследования, проведенного фондом «Индем» в 2005 г., когда «по мелочи» брали всего лишь от 500 до 2000 руб., средний размер взяток в сегменте деловой коррупции составлял порядка 300 тыс. долл.⁷¹⁹

То обстоятельство, что в современной России коррупция есть не отклонение от нормы, а норма, начинает во всё большей мере осознаваться.

Тот же самый М. Г. Делягин в одном из своих выступлений сказал: «Какую проблему сейчас ни изучай, упираешься в коррупцию. И причина бедности тоже здесь. Сегодня 80% бедные, 13% нищие. Коррупция не порок, а суть политики сегодняшнего государства»⁷²⁰. В последующем он совершенно четко определил коррупцию как «основу государственного строя, созданного в России в 2000-е годы»⁷²¹.

Собственно чиновники и стремятся к занятию той или иной должности, главным образом, для того, чтобы обогатиться за счет властной персонализации путем взимания всевозможных поборов. И поэтому, пока будет существовать эта новая политарная система, коррупцию искоренить абсолютно невозможно. Это, разумеется, не теоретически, а практически осознается нашей высшей властью, которая никакой реальной борьбы с коррупцией не ведет и вести не собирается. Все сводится к словам, лозунгам и немногочисленным показательным процессам над теми коррупционерами, которые явно зарвались и «брали не по чину».

В то время как высшие руководители России без конца говорили о необходимости беспощадной борьбы с коррупцией, Государственная дума РФ уже более десятка лет откладывала принятие закона о противодействии ей.

И дело не ограничивается одним только затягиванием. В 2006 г. Государственная Дума вынуждена была ратифицировать Конвенцию ООН против коррупции. Но при этом, по настоянию фракции «Единой России», были изъяты четыре статьи, которые были реальными препятствиями для коррупции, в частности статья 20, в которой устанавливалась презумпция виновности государственных чиновников в случае, когда их фактические расходы превышают их официальные доходы⁷²².

Два года спустя 4 апреля 2008 г. нижняя палата нашего парламента голосами членов фракции «Единой России» окончательно отклонила внесенный еще во время работы третьего думского созыва законопроект «О предупреждении злоупотребления властью или служебными полномочиями на верхнем уровне управления государством». Он предусматривал создание специальных институтов по борьбе с коррупцией: пост уполномоченного по этике в органах власти и парламентской комиссии по борьбе с коррупцией. Последней предоставлялись огромные полномочия: она могла отслеживать на предмет коррупции деятельность Президента, Премьера, Секретаря Совета безопасности, судей, депутатов и сенаторов, председателя Центробанка и полномочных представителей Президента в федеральных округах. Все эти чиновники, согласно законопроекту, должны

были во время пребывания в должности и в течение трех лет после окончания срока полномочий представлять сведения не только о собственных доходах и имуществе, но и о доходах и имуществе ближайших родственников. Всем перечисленным чиновникам запрещалось принимать подарки, услуги, денежные вознаграждения, оплату отдыха, транспортных расходов и поездок за границу, а также открытие банковских счетов за границей. Уполномоченный по этике мог бы, с соблюдением определенной процедуры, «приостанавливать осуществление полномочий любого лица» в случае нарушения этих запретов или предоставления неверной информации. Нужно ли удивляться тому, что законопроект был отклонен окончательно без права на доработку⁷²³. Взамен его в 2009 г. наконец-то был принят закон «О противодействии коррупции», но такой, из первоначального проекта которого было изъято все то, что действительно представляло реальную опасность для коррупционеров.

В обычных политарных обществах самых различных видов в эпохи их расцвета политаристы в принципе играют роль организаторов производства, являются необходимыми его агентами, без которых нормальное течение производственной жизни общества невозможно. Так было и в советском неополитарном обществе. Именно это и дает основание говорить о политарном способе производства.

Наши новые политаристы, если и играют роль в производстве, то, как показывает жизнь, исключительно негативную. Наш новый политаризм не есть способ производства, он представляет собой только способ эксплуатации человека человеком, т. е. метод эксплуатации, каковыми являются, например, данничество, систематический военный грабеж, ростовщичество. Этот политаризм — паразит, который может существовать только присосавшись к какому-либо из существующих способов производства. Для обозначения описанного выше метода эксплуатации в том его виде, в котором он существует в современную эпоху, давно уже имеется название. Оно введено в оборот учеными, которые занимались и занимаются исследованием других стран периферийного капитализма, в особенности африканских. Как уже указывалось в п. 7.8, это слово — *клеттократия*⁷²⁴. Некоторые зарубежные исследователи уже несколько лет тому назад начали пользоваться им применительно к России⁷²⁵.

Клеттократия, или клеттократизм, есть своеобразная, выродившаяся форма политаризма. Наше современное российское общество является клеттократо-капиталистическим, или, короче, клеттокапиталистическим. Но так как клеттократия есть не способ производства, а лишь метод

эксплуатации, то она, несмотря на господство в ней слоя клептократов, должна быть отнесена к числу не политарных, а капиталистических. Но этот капитализм является периферийным.

Как уже говорилось, периферийным был капитализм в царской России. Он был уничтожен в результате Великой Октябрьской рабочекрестьянской революции 1917 г. Следствием переворота, совершённого в начале 1990-х годов, было второе появление в нашей стране периферийного капитализма. Не буду приводить здесь многочисленные данные, в частности цифры, неопровержимо свидетельствующие о том, что Россия после 1991 г. стала зависимой от западного центра страной⁷²⁶. Ограничусь, в целях экономии места, высказыванием яркого апологета нашего нынешнего строя президента фонда «Политика» Вячеслава Алексеевича Никонова: «А еще был целый период, когда крупное государство Россия само отказывалось от суверенных прав, в частности на собственную экономическую политику. Напомню, что в 1990-е годы бюджет страны и ее экономические планы утверждались Международным валютным фондом и Всемирным банком, которые давали займы, если Кремль полностью соглашался с их рекомендациями. А без займов обойтись было нельзя, поскольку в казне было пусто, а внешний долг рос как на дрожжах, что еще более сужало пространство для суверенных действий»⁷²⁷.

С тех пор положение несколько изменилось, но от экономической, а тем самым и политической зависимости от Запада Россия так и не освободилась. О том, что Россия и сейчас является страной, находящейся в зависимости от США, откровенно и прямо заявил в одном из интервью (21.01.2010) председатель Комитета Государственной Думы РФ по экономической политике и предпринимательству Евгений Алексеевич Федоров. Порадовал он россиян и сообщением, что 95% крупной промышленности нашей страны находится под иностранной юрисдикцией⁷²⁸.

К концу 1998 г. внешний государственный долг России достиг огромной суммы в 155 млрд долл., не считая 55 млрд долга российских компаний и банков. В последующие годы за счет повышений цен на нефть он был существенно сокращен (в 2009 г. он равнялся 40,6 млрд долл.)⁷²⁹. Но одновременно стали нарастать внешние долги российских корпораций, включая госкорпорации. По данным, приводимым председателем Счетной палаты РФ Сергеем Вадимовичем Степашиным, к началу 2009 г. эти долги достигли суммы в 548 млрд долл.⁷³⁰ На шею России и сейчас наброшена прочная долговая петля. А с началом мирового финансово-экономического

кризиса правительство России запланировало прибегнуть к внешним заимствованиям: в 2010 г. на сумму 17,79 млрд долл, в 2011г. — 20,677 млрд, в 2012 г. — 20 млрд⁷³¹.

Одновременно в России, как и других странах периферийного капитализма, идет гигантский отток капитала за рубеж. Как наши клептократы, так и наши капиталисты переводят деньги в иностранные банки, покупают за границей виллы и дворцы, отправляют туда свои семьи, учат там своих детей. Только за последние годы XX в. за рубеж было вывезено, по разным подсчетам, от 1 до 2 трлн долл.⁷³²

Таким образом, в России в 1990-е годы произошла вовсе не революция, как любят говорить наши «демократы», а самая настоящая контрреволюция. Возникший у нас паракапитализм не представляет собой буквального повторения первого российского периферийного капитализма. Как свидетельствует история последних полутора столетий, паракапитализм в различных странах возникает в разных формах. Наш вторичный периферийный капитализм, при своём рождении, как в стране, так и за рубежом всеми политиками от левых до правых, был дружно окрещен «бандитским, грабительским, разбойничьим, криминальным» и т. п. капитализмом.

Криминальным, грабительским, воровским он остается и поныне. Наше общество насквозь криминализировано. И это отнюдь не метафора. Так как наши чиновники в большинстве своем являются преступниками, то вполне понятно, что они легко находят общий язык с миром организованной и обычной уголовной преступности, криминалитетом в классическом значении этого слова. Возникает не просто сотрудничество, а буквальное сращивание государственных, прежде всего правоохранительных (милиции, прокуратуры, суда) органов власти с организованными преступными (в привычном смысле слова) группировками. Такая картина особенно ярко высветилась при расследовании зверского убийства двенадцати человек, включая детей, в станице Кущёвской Краснодарского края. Вся реальная власть во всей округе находилась в руках банды, которая держала в страхе все население. Бандиты, как по приказу главарей, так и по собственной инициативе облагали поборами местных жителей, отбирали имущество, избивали и убивали тех, кто пытался сопротивляться, насиловали и т. п. Местные правоохранительные органы не просто покрывали бандитов, но и возбуждали уголовные дела против тех, кто осмеливался противодействовать преступникам. Не помогали никакие жалобы в краевые

и другие вышестоящие инстанции — и там находились покровители бандитов. И для завершения картины: главарь банды был крупным предпринимателем, хозяйство которого основывалось на труде рабов.

И станица Кущёвская не представляет собой исключительного явления. Как вынужден был признать губернатор Краснодарского края Александр Николаевич Ткаченко: «Такие банды, бандочки, я думаю, присутствуют в той или иной части края, в каждом муниципалитете»⁷³³. После публикации сообщений о событиях в Куцевской начался поток заявлений рядовых граждан: выяснилось, что точно такие же порядки господствовали в г. Энгельсе, районном центре Балаково (Саратовская область), г. Гусь-Хрустальный (Владимирская область) и ряде других населенных пунктов. В заключение нельзя не отметить, что криминальный характер нашего современного общества находит свое яркое проявление в широчайшем распространении практики так называемого рейдерства.

Наши либералы, или, как они любят называть себя, «демократы», мечтают о капитализме западного типа (ортокапитализме). Если пользоваться введенными выше терминами, то суть их желаний, выраженных в программах их партий («Правое дело», «Яблоко»), заключается в избавлении от клептократии и клептократов, в ликвидации верховной частной собственности клептократов на средства производства и личности граждан страны, в превращении капиталистической собственности из зависимой, подчиненной в свободную, какой она является на Западе. Всё это не более чем иллюзии. История не знает ни одного случая превращения паракапитализма в ортокапитализм — не знает потому, что это невозможно. Уничтожить клептократию, намертво присосавшуюся к российскому капитализму, можно только вместе с самим этим капитализмом. Как говорится в народе: «Горбатого могила исправит».

Как уже указывалось, пока процветает коррупция, создать настоящую пирамидальную по своей структуре политосистему невозможно. Коррупционные и иные посторонние доходы делают политариста-клептократа в значительной степени независимым от вышестоящих субполитархов и политарха. Но эта независимость никогда не является полной.

Клептополитарист действительно получает значительную часть своих доходов из иных источников, нежели официальный политифонд, т. е. не из рук политарха (или субполитархов). Но ведь свой скрытый доход он получает лишь постольку, поскольку он занимает должность, т. е. место в политосистеме. А эту должность он получает от политарха или субполитарха. Сняв его с должности, выведя его из политосистемы,

политарх (субполитарх) тем самым лишает его доступа не только к официальному полигофонду, но делает невозможным и коррупционный доход. И даже когда политарист получает доход не только от поборов, но и от предпринимательской или иной, даже внешне вполне законной деятельности, то и здесь успех его усилий в этой сфере в значительной степени определяется его служебным положением. Все это побуждает большинство нижестоящих политаристов делиться полученным ими из посторонних источников доходом с вышестоящими. Вышестоящие политаристы чаще всего обкладывают данью подчиненных им клептократов, в результате чего складывается множество локальных пирамидоподобных систем по распределению коррупционных доходов.

Так как должности приносят немалый доход, то процветает бизнес по их продаже. В самых коррупционных регионах (Москва, Московская область, Татарстан, Санкт-Петербург, Краснодарский край) за должность инспектора ГИБДД платят 50 тыс. долл., за должность помощника районного прокурора — 10 тыс.⁷³⁴

Сила клептократов в том, что они получают доход из иных источников, нежели официальный политофонд. Это порождает определенную их независимость от вышестоящих политаристов, включая политарха. Но в этом же заключена и их слабость.

Как уже отмечалось, коррупция в России фактически является вовсе не отклонением от нормы, а нормой. Но формально, согласно российским законам, она и была, и остается преступлением, за которое полагается серьезное наказание. Самые верхи нашего правящего класса это прекрасно знают, и по их указанию на каждого стоящего ниже рангом клептократа тайно заводится потенциальное уголовное дело. Нижестоящим клептократам дают об этом знать и предупреждают, что в случае неповиновения верхам они будут преданы суду и понесут наказание. Клептократы второго уровня применяют ту же самую тактику по отношению к клептократам третьего уровня и т. д. Подобным образом обеспечивается определенная субординация и дисциплина. Тем самая коррупция, которая подрывает пирамидальную структуру официальной политосистемы, создает известные условия для создания ее подобия.

Все это дает некоторым авторам основание утверждать, что только существование коррупции обеспечивает более или менее нормальное функционирование нашего государственного аппарата. «Российскую хозяйственно-политическую систему, — пишет заместитель главного редактора газеты «Коммерсантъ» Кирилл Юрьевич Рогов, — бессмысленно характеризовать беззубым термином "коррупция". Это мало дает для ее

понимания. Ее следует характеризовать как механизм, работающий на принципе коррупционной лояльности. Эта лояльность многогранна. Можно разоблачить "серую" схему на таможне, но изменить там правила игры систематически вряд ли возможно — вы столкнетесь с серьезным административным сбоем, система перестанет работать. Именно поэтому высший административный аппарат в целом лоялен к коррупции на среднем и низшем уровне и рассматривает ее как фактор, обеспечивающий относительную управляемость. В свою очередь, средний и низший уровень, сознавая свою коррумпированность, лоялен к интересам высшего административного аппарата, даже если они не совпадают с его собственными (это и есть базовый принцип вертикали). Наконец, население в целом лояльно к коррупции, потому что сознает ее системообразующую роль в нашем социальном устройстве и ценит ее "смягчающую" функцию в условиях реального бесправия и повсеместного неисполнения законов»⁷³⁵.

Нетрудно заметить, что в данной ситуации мы имеем дело со своеобразной формой политарного террора, имеющего целью держать всех членов господствующего класса в страхе. Правда, смерть им теперь не угрожает, но тюрьма — вещь тоже не сладкая.

Что касается террора по отношению к рядовым жителям страны, то он тоже существует как в старых, так и в новых формах. Яркий пример старой его формы — расстрел 4 октября 1993 г. Белого дома по приказу первого президента РФ Бориса Николаевича Ельцина (1931-2007). Он был нужен для того, чтобы массы народа смирились с развернувшейся имущественной персонализацией государственной собственности. Не слишком новая, но ранее находившаяся на заднем плане форма — «телефонное право».

Вот, что писал о наших современных правоохранительных органах, включая суд, бывший начальник отдела «П» Службы безопасности президента РФ Валерий Андреевич Стрелецкий: «В стране произошел захват власти небольшой группой людей, которая в своих целях приватизировала государственный аппарат, да и государство в целом. Получилось так, что общество, по своей глупости, сотворило такое государство, которое представляет интересы узкого круга олигархов, а они начисто забыли о существовании всего остального населения. В данных условиях госаппарат вынужден действовать не по закону, а "по понятиям"... Происходит разложение всей правоохранительной системы. А знаете, почему? Потому что на сегодняшний день органы стоят на стороне олигархов и в центре, и на местах. За деньги готовы выполнить любой заказ: невиновного посадить за решетку, даже жизни лишиться, а виноватого

оправдать; где нужно, готовы закрывать глаза на творящиеся беззакония. Главное — приказ сверху. Особенно в этом преуспела судебная система. В России судьи защищены от закона (я не оговорился, именно от закона). Деньги они получают огромные, как от государства, так и от других «заказчиков», поэтому и идут на любое нарушение, действуют «по понятиям»⁷³⁶. Все это было сказано в 2003 г., но если что-нибудь с тех пор изменилось, то отнюдь не в лучшую сторону.

Отвечая на вопрос, почему в России нет реального правопорядка, заместитель председателя Комитета Государственной Думы РФ по безопасности Геннадий Владимирович Гудков, сказал: «Да, странная картина получается. Во всех цивилизованных странах реальный правопорядок. И только мы в России не знаем, как это сделать... Почему? Что, совсем мы дураки? Нет, конечно. Сегодня, огромное число людей в политической элите России заинтересованы в том, чтобы у нас была непрофессиональная милиция, плохо организованная, с серьезнейшей коррупцией внутри. Так им безопаснее. Ведь начини работать профессиональный аппарат, он сразу выявит факты преступлений внутри самих властных структур. Кому же такое МВД нужно? Поймите, подлинной реформе милиции, приходу новых Анискиных противостоят тысячи, десятки, сотни тысяч высокопоставленных чиновников, бюрократов. Идет дикое отчаянное сопротивление»⁷³⁷.

О реальном положении дел в России ярко свидетельствует более чем откровенное интервью одного из самых богатых и влиятельных олигархов России Олега Владимировича Дерипаски. Вот его ответ на вопрос, стимулирует ли материально бизнес чиновников: «Не смейтесь. Нигде в мире чиновники, в том числе правоохранительных ведомств, не живут на мизерную зарплату из бюджетной кассы. Если человек правильно понимает все, если он задействован в какой-либо технологии властных действий — ему согласуется уровень личных доходов, и жизнь его и семьи обеспечивается очень хорошо. Фильмы и блокбастеры о борьбе с коррупцией — это для широкого охвата населения, своеобразный паблисити государства. Так и у нас, и в Америке, и везде. К тому же коррупция — это не тот случай, когда крупный бизнес платит зарплату и обеспечивает личный доход госфункционера. Коррупция — это когда госфункционер сам произвольно берет, где захочет и когда захочет, я уже говорил... Социальные проблемы в бизнесе — дело обычное. Нужно уметь работать с госаппаратом и политическими структурами — и все можно решить. У нас есть хороший опыт решения таких проблем в разных

регионах, особенно интересно получилось в городе Ачинске»⁷³⁸. А вот обстоятельный рассказ О. В. Дерипаски о том, что же там произошло: «Один профсоюзный лидер пошел против правил и стал нас шантажировать — пытался отнять глиноземный комбинат, поднять рабочее движение, журналистов и прочее. Цена вопроса от профсоюза — около четырех миллионов долларов. Для меня цена вопроса — стоимость комбината. Около 1,5 млрд. Платить мы конечно не стали. Этот бедолага Смоленцев не учел, что Ачинск — очень криминальный город. Мы всего лишь сняли с профсоюзника всю защиту государства на некоторое время. И почему власть должна защищать всех, кто против нее? И вот криминал узнал про четыре миллиона. Начались акции. Струсил профсоюзник, стал бегать от бандитов, и активисты его попрятались. Некоторое время спустя пошел купаться на пруд, а сердечко от стресса не выдержало — утонул. Вышло смешно. Труп нашли. Собрался профсоюзный актив — крики, почему у трупа вся голова и шея сзади якобы сплошной кровоподтек, ногти на руках сорваны — вроде бы пытали и убили его. Работал судмедэксперт, я сам просил Владимира Васильевича Устинова, генпрокурора, проконтролировать. <...> Результат очень профессиональным получился, его донесли до публики. Человек плыл, пруд довольно большой, метров сорок. Ветер дул, волна большая. Сердце не выдержало у профсоюзника. Он задыхался, но еще карабкался по берегу, ногти срывал. А когда обессилел — его волной било о прибрежный камень, головой и затылком. Отсюда гематома на трупе, а не от бандитских пыток. Всякие общественники шумели, обвиняли нас, три раза уголовное дело возбуждали — результат тот же. Умер от приступа. Теперь нет у нас проблем в Ачинске. Комбинат наш. Журналисты и профсоюзники переехали в другие города, посбежали. Так что не стоит доводить дело до массовых беспорядков. Нужно действовать с упреждением. Профессионально работать надо»⁷³⁹.

В заключение, ответ О. В. Дерипаски на вопрос о демократичности нашей власти: «Куда уже демократичнее. Если, конечно, откинуть всякие сказки о демократии, якобы кто-то что-то решает, зайдя в кабинку для голосования. На самом деле кабинки существуют для того, чтобы население имело возможность туда заходить — торжественно, под музыку. Это население должно надолго запоминать то, что они имели демократическую возможность поставить галочку в любом месте, где захотят. Это элемент стабилизации общественных процессов. Совершенно ясно, что экономика, крупный конкурентоспособный бизнес не могут

пойти на такой великий риск — произвольное назначение менеджеров госаппарата, как бог на душу положит»⁷⁴⁰. Перед нами — великолепное и глубоко правдивое раскрытие сущности знаменитой формулы «суверенная демократия». Действительно, о какой не только реальной, но даже формальной демократии может идти речь в стране клептократического капитализма? В ней может существовать лишь фикция демократии.

Клептократы — люди, само существование которых основывается на постоянном, систематическом нарушении установленных в обществе законов. Это с неизбежностью формирует у них глубокое и прочное убеждение, что законы не для них писаны, что они стоят выше всяких законов и могут их совершенно безнаказанно нарушать. И они не ограничиваются только тем, что воруют, берут взятки; они считают, что им позволено все. Они давят людей на дорогах, организуют охоту на животных, занесенных в Красную книгу. И все им сходит с рук: безнаказанность обеспечивается круговой порукой. Безнаказанность распространяется и на всех вообще людей, которые имеют достаточно денег, чтобы откупиться. Все население нынешней России подразделяется на две категории. Одну составляют рядовые жители страны, обязанные соблюдать законы и подвергающиеся наказанию за их нарушение. Другую образуют клептократы всех уровней и не являющиеся политаристами обладатели больших состояний. Для которых этих людей нет ничего запретного. Если их и наказывают, то только в том случае, когда они чем-то прогневили вышестоящую власть. Поэтому все разговоры о правовом государстве в России остаются пустой болтовней. Ну а там, где нет правового государства, т. е. такого, законы которого не на бумаге, а реально обязательны для всех, не может быть никакой демократии.

Возникновение в СССР клептокапитализма было подлинной катастрофой, разрушившей страну и отбросившей все части, на которые она распалась, включая и Российскую Федерацию, на много лет назад.

Началось резкое падение промышленного и сельскохозяйственного производства, которое продолжалось семь лет. Промышленность была наполовину разрушена. В два раза сократилось промышленное производство, почти совсем было уничтожено машиностроение, при этом особенно пострадало наукоемкое производство, высокие технологии. В два раза сократился контингент промышленных рабочих. Произошла деиндустриализация страны. Если СССР до самого конца оставался одной из ведущих индустриальных держав мира, то Российская Федерация превратилась в сырьевой придаток развитых стран, в экспортера газа, нефти, леса. Разрушено было и сельское хозяйство, в результате чего

Россия лишилась возможности обеспечить свое население собственной продукцией. По официальным данным около 40% продовольствия она вынуждена теперь ввозить из-за границы⁷⁴¹. Но многие экономисты считают эти цифры значительно заниженными. По их подсчетам Россия ввозит 75% продовольствия⁷⁴². На импорт приходится четыре пятых ассортимента наших аптек. Что же касается остальных лекарств, то их производство на 90% зависит от импортного сырья⁷⁴³. Короче говоря, собственная фармацевтическая промышленность почти полностью ликвидирована. В годы «реформ» были разрушены почти вся система бесплатного здравоохранения, среднее и высшее образование, наука, вооруженные силы.

Произошло катастрофическое обнищание населения. Возникла структура доходов, характерная для стран периферийного капитализма: огромное большинство живущих в бедности (неимущих и малоимущих), небольшой слой обеспеченных людей и ничтожное меньшинство богатых и сверхбогатых. По самым последним данным, бедных в России 88% (из них 14% являются нищими, т. е. испытывают недостаток денег для покупки еды, 37% хватает денег на еду, но не на одежду, и еще у 37% есть деньги на одежду, но не хватает на простую бытовую технику), сравнительно обеспеченных — 11%, богатых — 1%⁷⁴⁴. Резко сократилось в расчете на душу населения потребление ценнейших пищевых продуктов. Особенно ухудшилось в результате «реформ» положение пенсионеров России.

Статс-секретарь заместитель министра здравоохранения и социального развития РФ Юрий Викторович Воронин, комментируя очередную пенсионную реформу, заявил, что в результате нее мы к 2024 г., т. е. только еще через 14 лет, должны выйти на тот уровень обеспеченности пенсионеров, который существовал в СССР, т. е. 19 лет тому назад⁷⁴⁵. О гигантском социальном расслоении населения страны свидетельствует фондовый коэффициент дифференциации, или децильный коэффициент — отношение суммарных доходов 10% высокооплачиваемых граждан к 10% низкооплачиваемых. В СССР в 1991 г. он был равен 4,5:1 (в США — 5,6:1). В России в 1994 г. он, по официальным данным, подскочил до 15,1:1⁷⁴⁶. К 2008 г., по таким же данным, он достиг почти 17:1⁷⁴⁷. В действительности же, по подсчетам экспертов, этот коэффициент равняется по России в целом — 30:1 и даже 45:1⁷⁴⁸.

Результатом всех перечисленных выше пертурбаций было сокращение рождаемости и резкое возрастание заболеваемости всеми болезнями (туберкулез, сифилис, заболевания органов кровообращения, пищеварения

и дыхания, психические расстройства и т. п.) и смертности населения. Все это вместе взятое привело к резкому сокращению ожидаемой продолжительности жизни населения. За 1917-1990 гг. она увеличилась с 30,34 года до 69,9 года. С наступлением клептокапитализма она сразу же сократилась до 63,2 года и до сих пор не вернулась к прежнему уровню. После окончания Великой Отечественной войны каждый год в СССР шел прирост населения. Но уже в первый год пришествия клептокапитализма, а им был 1992 г., смертность в России превысила рождаемость на 219,8 тыс. человек. Дальше все пошло по нарастающей: в 2000 г. естественная убыль населения достигла уже 958,5 тыс. человек. К настоящему времени вымирание России несколько замедлилось, но не прекратилось⁷⁴⁹. Утверждение клептократизма имело своим следствием физическую деградацию молодого поколения (сокращение массы тела, уменьшение роста и др.)⁷⁵⁰. Беспорядочных детей стало больше, чем их было в первые годы после Великой Отечественной войны. В два раза увеличилось число преступлений, в частности убийств.

Деградируют в России не только промышленность и сельское хозяйство. Регресс носит всеобщий характер, он охватывает все сферы жизни. И политика руководства России не только не препятствует этому, но, наоборот, всемерно способствует. Упорно проводимые сверху новые «реформы» науки и образования окончательно добивают все то, что еще сохранялось. То же самое можно сказать и о нынешней очередной «реформе» вооруженных сил. Последняя, если ее позволят довести до конца, окончательно оставит страну без армии и флота. Углубляется деградация духовной культуры, идет падение, точнее даже исчезновение морали, приходит конец подлинному искусству. Впервые в истории России Нового и Новейшего времени за целых двадцать лет не появилось ни одного выдающегося художественного произведения. Современное положение в этой области нашло свое выражение в чеканном афоризме известного литературного критика, переводчика и публициста Виктора Леонидовича Топорова: «Литература ушла из жизни, а жизнь из литературы»⁷⁵¹. На страну обрушился поток пошлости и халтуры во всех областях. Идет пропаганда всех видов и форм мракобесия, начиная с колдовства, астрологии и кончая православием. Страна погружается в мрак средневековья.

С 1999 г. началось увеличение ВВП, но в основном оно достигалось за счет повышения цен на нефть. Наметился рост и промышленного производства, но происходило это в основном за счет ввода в действие

заброшенных ранее и простаивавших мощностей. Если и создавались новые предприятия, то главным образом в сфере производства предметов потребления. Машиностроение так и не вышло из состояния разрухи. Несмотря на бесконечные разговоры об инновационном развитии, в области высоких технологий не было сделано практически ничего.

Не восстановлено науко- и техноемкое производство. Даже производство стали в целом не достигло уровня конца 1980-х годов. Еще хуже обстоит дело с высшими сортами стали, без которых невозможно машиностроение. Например, производство сортовой холоднокатаной стали за годы «реформ» сократилось в 8,4 раза. Прокат нержавеющей стали в период с 1990 по 1998 г. снизился с 810 тыс. тонн до 46,8 тыс., т. е. в 20 раз, и лишь в 2006 г. он вырос до 111 тыс. тонн.

Производство металлорежущих станков упало в 15 раз и никаких сдвигов в этой области не наблюдается. Если в 1990 г. в РСФСР было выпущено 16,7 тыс. станков с числовым программным управлением (ЧПУ), то в 1996-1999 гг. их выпускали по 100 штук в год, т. е. в 167 раз меньше. В 2001 г. было изготовлено 257 таких станков, а затем произошел новый спад. В дореформенные годы производилось в год 25-27 тыс. экскаваторов, в 1999 г. — 2,6 тыс., в 2006 г. — 3,99 тыс. Не лучше обстоит дело в других отраслях промышленности и в сельском хозяйстве⁷⁵². Если, например, по данным Росстата, в 1980-е годы в России производилось в год в среднем по 4096 тысяч тонн говядины, то в 2001 г. — 1872, в 2005 г. — 2794, в 2007 г. — 1690 тысяч тонн⁷⁵³.

Таким образом, начавшийся в 1999 г. рост производства не смог привести к даже восстановлению дореформенного его уровня. В результате мирового финансово-экономического кризиса, захватившего также и Россию, и этим весьма скромным достижениям пришел конец. Произошло новое падение производства: снова свернули свою деятельность или даже закрылись предприятия, миллионы людей оказались без работы и средств к существованию. За прошедшие почти два десятилетия, когда производство в России вначале рушилось, а затем только начало оживать, другие более или менее развитые государства не стояли на месте. В результате наша страна безнадежно от них отстала. Техническая отсталость России побуждает, в частности, к закупкам вооружения за рубежом⁷⁵⁴.

По данным директора НИИ статистики Росстата Василия Михайловича Симчеры, за годы «реформ» производительность труда в стране снизилась наполовину. Экономика России развивалась и продолжает развиваться с убывающей эффективностью⁷⁵⁵.

Короче говоря, в результате начавшихся в 1990-е гг. «демократических реформ» Россия оказалась в безвыходном тупике. В последние годы эта трагическая ситуация начала осознаваться и высшими руководителями РФ. Как вынужден был признать в 2009 г. премьер-министр В. В. Путин, инновационный уровень России крайне невелик. Удельный вес высокотехнологичной продукции составляет чуть более 5% в общем объеме⁷⁵⁶. И наконец, в том же году третий президент РФ Дмитрий Анатольевич Медведев заявил: «России нужно движение вперед, а этого движения пока нет. Топчемся на месте. Кризис четко продемонстрировал, что нынешний путь развития тупиковый»⁷⁵⁷. Тогда же им был торжественно провозглашен курс на модернизацию страны, на построение «инновационной экономики». С тех пор слова «модернизация», «инновации», «инновационные технологии», «инновационное развитие» уже больше года не сходят с уст наших чиновников и со страниц газет и журналов.

Но, как говорится, воз и ныне там. Никаких сдвигов в лучшую сторону не произошло, что отмечают как отечественные, так и зарубежные экономисты. К весьма печальным выводам пришли участники исследования «Конкурируя за будущее сегодня: новая инновационная политика для России». «На протяжении десяти лет, — сказал на презентации один из авторов проекта, президент ОПОРЫ Сергей Борисов, — российская инновационная система не только не развивалась, но фактически деградировала»⁷⁵⁸. А вот мнение главы Восточного комитета германской экономики юриста и экономиста Клауса Мангольда: «России так и не удалось сделать акцент на индустриализации. До сих пор около 80% ее экспорта строится на основе вывоза сырья. Нынешний рост российского ВВП на 4% не должен вводить нас в заблуждение в отношении все еще существующей зависимости от экспорта сырьевых ресурсов и потребности модернизации»⁷⁵⁹.

В президентском окружении начались поиски причины продолжающегося топтания на месте, и она наконец-то была найдена. Об этом объявил в сентябре 2010 на пресс-конференции «Что мешает модернизации России» председатель правления президентского Института современного развития (ИНСОР) Игорь Юрьевич Юргенс. Предельно четко и лаконично разгадка тайны нашла свое выражение в названии статьи, посвященной этой пресс-конференции: «В провалах модернизации виноват народ»⁷⁶⁰. По мнению И. Ю. Юргенса, наша беда в том, что российский народ слишком архаичен, что он ментально несовместим со

среднестатистическим прогрессивным европейцем.

И это говорится о народе, который практически за полтора десятилетия превратил неграмотную, отсталую, по преимуществу аграрную, к тому же еще разрушенную гражданской войной страну в великую индустриальную державу с огромным научным потенциалом, разгромил фашистскую Германию, опирающуюся на промышленный потенциал почти всей Западной и Центральной Европы, за считанные годы восстановил разрушенное в ходе войны народное хозяйство, открыл человечеству дорогу в космос.

Причина экономического и социального тупика, в котором оказалась Россия, таится вовсе не в ее народе. Все дело в том, что в ней на смену утратившей экономическую эффективность неополитарной социально-экономической системе пришла такая, которая не только никогда не была, но и в принципе не способна стать экономически эффективной. Господствующие сейчас в России клептократо-капиталистические социальноэкономические отношения с неизбежностью обрекают ее не просто даже на бесконечное топтание на месте, а на все более прогрессирующую деградацию. Спасти страну может только ликвидация периферийного, клептократического капитализма и, соответственно, освобождение ее от зависимости от Запада, прекращение ее эксплуатации мировым ортокапиталистическим центром.

Примечания

Подробнее об этом взгляде и его негативном воздействии на результаты исторических исследований см.: Семенов Ю. И. Эдуард Мейер и его труды по методологии и теории истории // Мейер Э. Труды по теории и методологии исторической науки. М., 2003.

Об этом понятии см. раздел 4 включенной в данный сборник работы «Проблема исторического исторического пути Руси-России».

Статья была впервые опубликована в «Ученых записках Красноярского государственного педагогического института» (Т. 3. Вып. 1. Кафедра истории. 1957). Перепечатывается без изменения. В примечании было дано заявление от имени кафедры истории: «Настоящая статья, представляющая собой попытку философского обобщения исторического материала, печатается в порядке дискуссии. Кафедра истории, считая постановку данного вопроса своевременной и заслуживающей внимания, вместе с тем не разделяет целый ряд положений, выдвинутых в статье».

Маркс К. К критике политической экономии. М., 1949. С. 8. Последнее издание вышло в URSS 2018г.

Маркс К. К критике политической экономии... С. 219; Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., 1940. С. 5-31; Маркс К. Капитал. Т. 1. М., 1950. С. 85, 340; Маркс К. Капитал. Т. III. М., 1953. С. 804; Маркс К. Теории прибавочной стоимости. Т. III. М., 1933. С. 319.

Авдиев В. А. История Древнего Востока. М., 1953. С. 192.

Там же. С. 226.

Авдиев В. А. Указ. соч. С. 228-229

Всемирная история. Т. 1. М., 1955. С. 164.

Там же. С. 168-169. См. также. С. 163—164

Там же. С. 168.

Там же. С. 170.

Там же. С. 272.

Там же. С. 335-336.

Дьяконов И. М. Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1949. С. 77.

Там же. С. 117.

Там же. С 148.

Там же. С. 117

Там же. С. 106.

Там же. С. 104.

Там же. С. 106.

Дьяконов И. М. Развитие земельных отношений в Ассирии. С. 104.

Осипов А. Краткий очерк истории Индии до X века. М., 1949. С. 37.

Рубин В. А. Дискуссия о периодизации древней истории Китая на страницах журнала «Вэньшичжэ» // Вестник древней истории. 1955. № 4.

Уже после того, как «Ученые записки» были сданы в печать мы получили № 3 журнала «Вэньшичжэ», содержащий статью профессора Тун Шу-е, в которой излагаются взгляды на характер социально-экономического строя стран Древнего Востока во многом близкие к взглядам, выдвигаемым и обосновываемым в настоящей работе.

Цит.: Рубин В. А. Указ. соч. С. 117.

Там же. С. 118.

Рубин В. А. Указ. соч. С. 122

Из этого неизбежно следует, что феодальные отношения, имевшие место в странах Древнего Востока, отличались от феодальных отношений, господствовавших в средневековой Европе. Но вопрос о своеобразии феодальных отношений, существовавших в древневосточном обществе, выходит за рамки настоящей статьи. Он сам по себе может явиться темой самостоятельной работы.

Очерки истории СССР. Период феодализма. IX-XV вв. Ч. 1. М., 1953.
С. 58-182.

История средних веков. Т. 1. М., 1952. С. 193-206.

Там же. С. 230-251.

Там же. С. 38-42,101-191.487-499.

Там же. С. 518-528.

Очерки истории СССР. Период феодализма. IX-XV вв. Ч. 1. С. 670-686.

Там же. С. 696-703.

Смирнов А. П. Волжские болгары. М., 1951. С. 6-50.

Очерки истории СССР. Период феодализма. IX-XV вв. Ч. 1. С. 730-733.

Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в., М., 1955. С. 904-912.

Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949. С. 426: Соселия Г. К. Существовала ли в Грузии рабовладельческая формация? // Вопросы истории. 1956. №, 10.

Греков Б. Д. Указ. соч. С. 425: Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 1. М., 1950. С. 69-70, 158, 164.

Лященко П. И. Указ, раб. С. 73-158.

Очерки истории СССР. Период феодализма. IX-XV вв. Ч. I. С. 792-795.

Очерни истории СССР. Период феодализма. IX-XV вв. Ч. II. М., 1953.
С. 429-467.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1953. С. 4-8, 593-598.

Там же. С. 4-8,500-505.

Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV - начало XVII вв. М., 1955. С. 878-886.

Там же. С. 876-886.

Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в... С. 882-894.

Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV - начало XVII вв. С. 878-894.

Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. С. 871-873.

Там же. С. 837-838.

Там же. С. 841-842.

Там же. С. 846.

Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV - начало XVII вв. С. 655-657.

Там же. С. 688.

Рейснер И. М. Развитие феодализма и возникновение государства у афганцев. М., 1954. С. 4-9.

История средних веков. Т. 1, М., 1938. С. 221-223.

Пак М. Н. О характере социальных отношений в государстве Силла (III-VI вв.)// Вопросы истории. 1956. № 8.

Жуков Е. История Японии. М., 1939. С. 6-18.

Новая история стран зарубежного Востока. Т. 1. М., 1952. С. 181 -186.

Тумаркин Д. Д. К вопросу о формах семьи V (гавайцев в конце XVIII - начале XIX вв. // Советская этнография. 1954. №, 4; Токарев С. А. Предисловие // Те Ранги Хироа (П. Бак). Мореплаватели солнечного восхода. М., 1950. С. 8.

Токарев С. А. Родовой строй в Меланезии // Советская этнография. 1933. № 3-4. С. 70-76; № 5-6. С. 35-40.

Народы Африки. М., 1954. С. 218-226, 262-280, 404-408, 472-477, 626;
Новая история колониальных и зависимых стран. Т. 1. М., 1940. 82-86.

Народы Африки. С. 360-370.

Сергеев В. С. История древней Греции. М., 1948. С. 76, 98: Всемирная история. Т. 1. С. 420: Древняя Греция. М., 1956. С. 16, 59.

Всемирная история. Т. 1. С. 420,641; Древняя Греция... С. 16, 59.

Тюменев А. И. История античных рабовладельческих обществ. М.; Л., 1935. С. 24-26.

См., например: Древняя Греция... С. 93.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. П. М., 1948. С. 210. Последнее отдельное издание вышло в URSS в 2019 г.

Шмидт Р. В. О непосредственных производителях на Крите // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 9-10;
Казманова Л. Н. Рабовладение на Крите в VI—IV вв. до н. з. // Вестник древней истории. 1952. № 3. С. 35.

Шмидт Р. В. Из истории Фессалии // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Вып. 101, М.; Л., 1934.

Сергеев В. С. История Древней Греции. М., 1948. С. 159.

Валлон А. История рабства в античном мире. М., 1941. С. 48.

Энгельс Ф. Письмо К. Марксу 22 декабря 1882 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Письма. М- Л., 1932. С. 346.

См.: Всемирная история. Т. 1. С. 655-657; Древняя Греция... С. 106-108.

Материалы см.: Всемирная история. Т. 1. С. 633-635.

Материалы см.: Дьяков В. Н. История римского народа в античную эпоху. Ч. 1 // Ученые записки МГПИ имени В. И. Ленина. Т. 46, М., 1947. С. 43.

Струве В. В. Проблема кризиса рабовладельческого строя и генезиса феодализма II Вопросы истории. 1956. № 9. С. 187.

Кнорозов Ю. В. «Сообщение о делах в Юкатане» Диэго де Ланда как историко-этнографический источник // Диэго де Ланда. Сообщение о делах в Юкатане. М., 1955. С. 37-41: Липщунц А. А. Храм с настенной живописью в дремучем лесу (из истории древних майя) // Советская этнография. 1956. № 1.

Фостер У. Очерк политической истории Америки, М., 1953. С. 34-38,42-46; Вайян Дж. История ацтеков. М., 1949. С. 86-102.

Косвен М. Древнее Перу // Исторический журнал. 1941. № 3.

Разработанной периодизации железного века не существует. В статье конец среднего железного века и начало позднего века датируется временем изобретения и начала широкого распространения чугунного литья и переделки чугуна в железо (XIV-XVI вв.).

Маркс К. Капитал. Т. 1. С. 203 (примечание).

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. Изд. 2. Т. 3. С. 22.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства... С. 256.

См. Томсон Дж. Письмо в редакцию // Вестник древней истории. 1953.
№ 4.

Если согласиться с вышеизложенным, то борьба между демократией и аристократией в древней Греции предстанет перед нам как борьба между опирающимися на широкие народные массы рабовладельцами и представителями феодально-рабовладельческого класса, а Пелопоннесская война как война между рабовладельческим и феодально-рабовладельческими государствами. С этой точки зрения легко объясним и тот факт, что идеальное государство Платона «представляет собой лишь афинскую идеализацию египетского кастового строя» (Маркс К. Капитал. Т. 1. 375). Идеалом для идеолога феодально-рабовладельческого класса могло быть только феодально-рабовладельческое общество, каким было общество древнего Египта.

Всемирная история. Т. II. М., 1956. С. 20.

Всемирная история. Т. I. С. 476.

Цит. по: Рубин В. А. Укза. соч. С.

Цит. по: Рубин В. А. Указ. соч. С. 123.

По вопросу о развитии классового общества у славян см.: Гарновский К. Н. Предпосылки развития феодализма у восточных славян // Вопросы истории. 1954. №4. В этой статье излагаются во многом сходные мысли

Обоснование этого положения см.: Семенов Ю. И. Возникновение и основные этапы развития труда (в связи с проблемой становления человеческого общества) // Ученые записки Красноярского пединститута. Т. 6. Красноярск, 1956. С. 221-224.

Родовая формация характерна для каменного века.

Данная работа впервые была опубликована под названием «Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии: прагосударство и аграрные отношения» в сборнике «Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки» (М., 1980). Единственные изменения, внесенные в текст данного издания (не считая перемены названия), — замена терминов «социальный организм» на «социоисторический организм», «классовая собственность» на «общеклассовая собственность» и введение заголовков разделов работы.

Этот раздел можно не читать. Он носит чисто формальный характер — его цель состояла в обосновании законности включения данной работы в сборник, носящий названия «Государство и аграрная эволюция в странах Азии и Африки».

См.: The Bantu-Speaking Tribes of South Africa / Ed. I. Schapera. London, 1937; Schapera I. Government and Politics in Tribal Society. London, 1966; The Bantu-Speaking People of Southern Africa/ Ed. by W. D. Hammond-Tooke. London-Boston, 1974.

East African Chiefs. A Study of Political Development in Some Uganda and Tanganyika Tribes / Ed by A. Richards. London, 1980. P. 75-97; Fallers L. A. Bantu Bureaucracy: A Study of Integration and Conflict in the Political Institution of an East African People. Cambridge, 1956.

East African Chiefs... P. 212-228.

Ibid. P. 229-259,347.

См.: Evans-Pritchard E. E. The Azande. History and Political Institutions. London, 1971.

Southhall A. W. *Alur Society. A Study in Processes and Types of Domination*. Cambridge, 1968. P. 248—252; *Idem. A Critique of the Typology of States and Political Systems // Political Systems and Distribution of Power*. London, 1966. P. 126-128.

King's Men. Leadership and Status in Buganda on the Eve of Independence/ Ed. by L. A. Fallers. London, 1964. P. 98-99.

Stevenson H. N. C. The Economics of the Central Chin Tribes. Bombay, 1944. P. 81-84.

Nguyen Tu Chi. A Muong Sketch // Vietnamese Studies. № 32. Hanoi, 1972.
P. 109-125.

Токарев С. А. Родовой строй в Меланезии // Советская этнография.
1933. № 5-6. С. 35-41-

Ancient Hawaiian Civilization. Honolulu, 1933. H. 31-36,66-73,77-87;
Goldman 1. Ancient Polynesian Society. Chicago, 1970. P. 199-242; Sahlins
M.A. Social Stratification in Polynesia- Seattle, 1960. P. 13-19, 132-133.

Rouse L. The Arawak // Handbook of South American Indians. Vol. 4. Washington, 1948.

Swanton J. S. Indian Tribes of the Lower Mississipian Valley and Adjacent Coast of the Gulf of Mexico. Washington, 1911. P. 507-509.

Крюков М. В. Социальная дифференциация в древнем Китае // Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968. С. 193-195, 215-219.

Крюков М. В. Формы социальной организации древних китайцев. М., 1967. С. 89-73.

Васильев Л. С. Аграрные отношения и община в древнем Китае. М., 1961. С. 151.

Mason J. A. *The Ancient Civilization of Peru*. Harmondsworth, 1961. P. 104-265; Rowe J. H. *Inca Culture at the Time of the Spanish Conquest* // *Handbook of South American Indians*. Vol. 2. Washington, 1943. P. 184-274.

Schapera I. Government and Politics in Tribal Society... P. 58,109.

Evans-Pritchard E. E. The Azande... P. 230-231,250-251, etc.

Подробнее об этом см.: Семенов Ю. И. Категория «общественно-экономический уклад» и ее значение для философской и исторической наук // Философские науки. 1984. № 3.

Об этих понятиях см.: Семенов Ю. И. Значение категории «общественно-экономический уклад» для анализа социально-экономического строя общества // Философские науки. 1976. № 3

Подробнее см.: Семенов Ю. И. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община// Становление классов и государства. М., 1976. С. 37-79.

Об этом см.: Семенов Ю. И. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки // Вопросы истории. 1986. № 8.

См.: Летнее А. Б. Деревня Западного Мали. М., 1964. С. 65-89; Орлова А. С. История государства Конго в XVI-XVII века. М., 1988. С. 244, 252; Иванов Ю. И. Феодалные отношения в доколониальной Африке // Народы Азии и Африки. 1973. № 3. С. 62-66; Кобищанов Ю. М. Африканские феодалные общества: воспроизводство и неравномерность развития // Африка: возникновение отсталости и пути развития. М., 1974. С. 215-290.

Маркс К. Капитал. Т. 3. Ч. 2. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 26. Ч. 2. С. 368.

См.: Семенов Ю. И. Значение категории «общественно-экономический уклад» для анализа социально-экономического строя общества... С. 46-48.

См.: Васильев Л. С. Аграрные отношения и община в древнем Китае. С. 58, 60-81; Годелье М. Понятие азиатского способа производства и марксистская схема развития общества // Народы Азии и Африки. 1965. № 1. С. 101; Крюков М. В. Социальная дифференциация в Древнем Китае... С. 216-217.

Подробнее см.: Тер-Акопян Н. Б. Маркс и Энгельс об азиатском способе производства и земледельческой общине // Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1973.

Маркс К. Капитал. Т. 3. Ч. 2 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. 2. С. 354.

См.: Маркс К. Военный вопрос. — Парламентские дела. — Индия // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 9. С. 222; Маркс К. К критике политической экономии // Там же. Т. 13. С. 7; Маркс К. Капитал. Т. 1 // Там же. Т. 23. С. 89; Маркс К. Капитал. Т. 3. Ч. 1. // Там же. Т. 25. Ч. 1. С. 367 и др.

См.: Тер-Акопян Н. Б. Маркс и Энгельс об азиатском способе производства и земледельческой общине... С. 204-206.

О месте общества данного типа в мировой истории см.: Семенов Ю. И. Теория общественно-экономических формаций и всемирная история // Общественно-экономические формации. Проблемы теории. М., 1978. С. 65,71-76,83-88.

Маркс К. Конспект книги Г. С. Мейна «Лекции по древней истории институтов». Лондон, 1875 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 45. С. 421.

Там же. С. 422.

Подробнее см.: Семенов Ю. И. О специфике производственных (социально-экономических) отношений первобытного общества // Советская этнография. 1976. №4. С. 109-110.

Schapera I. Government and Politics in Tribal Society....P. 218-129.

Roscoe J. The Baganda. An Account of their Native Customs and Beliefs. London, 1911- P. 6; King's Men... P. 83.

Mair L. P. Baganda. Land Tenure // Africa. 1933. Vol. 6. № 2. P. 190.

King's Men... P. 276.

Schapera I. Government and Politics in Tribal Society.... P. 78,103,149,152
etc.

Roscoe J. The Baganda... P. 209-210,331-338; King's men... P. 276-277.

Gluckman M. Politics, Law and Rituals in Tribal Society. Oxford, 1967. P. 38-41.

Ibid. P. 40 etc.

Schaperal. Government and Politics in Tribal Society... P. 26-28,157-164.

Roscoe J. The Baganda... P. 238-240.

Roscoe J. The Baganda... P. 257-258; King's men... P. 94.

Ibid. P. 234-237.

Roscoe J. The Baganda... P. 244-245.

Кобищанов Ю. М. Община или класс? (Формирование и социальное функционирование аристократических кланов в Тропической Африке) // Аграрные структуры стран Востока. М., 1977; Schapera I. Government and Politics in Tribal Society... P. 56-60.

Schapera I. Government and Politics in Tribal Society... P. 56-59,112,196.

Ibid. P. 58,109-111.

East African Chiefs... P. 46.

King's Men... P. 96.

King's Men... P. 45-47

Ibid. P. 69.

East African Chiefs... P. 47.

King's Men... P. 69.

Roscoe J. The Baganda... P. 238.

Ibid. P. 238,259,269.

Ibid. P. 108.

Roscoe J. The Baganda... P. 237-338,247.

King's Men... P. 111.

Работа публикуется впервые. Она дополняет и продолжает предшествующую. Поэтому понятия, введенные в предшествующем очерке, используются здесь без объяснения.

East African Chiefs. A Study of Political Development in some Uganda and Tanganyika Tribes / Ed. by A. Richards. London, 1960.

West African Kingdoms in the Nineteenth Century / Ed. by D. Forde and P. M. Kaberry. London, 1971.

Vansina J. A Comparison of African Kingdoms // Africa. 1962. Vol. 32. № 4.

Richards A. I. Land, Labor and Diet in North Rhodesia. An Economic Study of Bemba Tribe. London, 1939.

White C. M. N. Clan, Chieftainship, and Slavery in Luvale Political Organization // Africa. 1957. VoL 27. № 1.

Nadel S. F. A Black Bysantium. The Kingdom of Nupe in Nigeria. New York etc.,1964.

Lebar F. M. Malagasy // Ethnic Groups of Insular Southeast Asia. F. M. Lebar, Editor and Compiler. Vol. 1. New Haven, 1972. P. 2-3.

The Bantu-Speaking Peoples of Southern Africa. Ed. by W. D. Hammond-Tooke. London and Boston, 1974. P. 248.

Gluckman M. The Kingdom of the Zulu of South Africa // African Political Systems / Ed. by M. Fortes and E. E. Evans-Pritchard. London, 1969. P. 25.

Bryant A. T. Olden Times in Zululand and Natal Containing earlier Political History of the Eastem-Nguni Clans. London etc., 1929. P. 6-7.

Krige E. J. *The Social System of the Zulus*. Pietermaritzburg. 1965. P. 1,6,9; Риттер Э. А. Чака Зулу. Возвышение зулусской империи. М., 1969. С. 24-26,43,76-79.

Krige E. J. Op. cit. P. 217.

Об этих понятиях см. раздел 4 включенный в этот сборник работы «Проблема исторического пути Руси-России».

Bryant A. T. Op. cit. P. 6-7.

Krige E. J. Op. cit. p. 217; Риттер Е. А. Указ. соч. С. 24-26.

Gluckman M. Op. cit. P. 25.

Кrige E. J. Op. cit. P. 8; Риттер Э. А. Указ. соч. С. 32-33.

Bryant A. T. Op. cit. P. 86-95; Krige E. J. Op. cit. P. 6-8.

Bryant A. T. Op. cit. P. 97.

Krige E. J. Op. cit. P. 8.

The Bantu-Speaking Peoples of Southern Africa... P. 248,268,371.

Риттер Э. А. Указ. соч. С. 165.

Там же. С. 191.

Bryant A. T. Op. cit. P. 81-82.

Риттер Э. А. Указ. соч. С. 284.

Там же. С. 342.

Gluckman M. Op. cit. P. 26-27.

The Bantu-Speaking Peoples of Southern Africa... P. 246-248,268-272.

Вгунт А. Т. Ор. сит. Р. 135-158; Риттер Э. А. Указ. соч. С. 122-126,236-237,286-287.

Вруант А. Т. Ор. cit. Р. 252-273; Риттер Э. А. Указ. соч. С. 126,229.

Bryant A. T. Op. cit. P. 446-458.

Там же. Р. 458—471; Риттер Э. А. Указ. соч. С. 356.

Bryant A. T. Op. cit. P. 446,460-462,471-472.

Вруант А. Т. Ор. cit. Р. С. 423; Риттер Э. А. Указ. соч. С. 238-239.

Потехин И. И. Военная демократия матабеле // Труды Института этнографии. Новая серия. Т. 14. М., 1951. С. 237.

Потехин И. И. Указ. соч. С. 244-245; Риттер Э. А. Указ. соч. С. 239.

Попов В. А. Этносоциальная история аканов в XVI-XIX веках. М., 1990. С. 119.

Там же. С. 212.

Там же. С. 184.

201

Там же. С. 224.

Там же. С. 209-210.

Попов В. А. Этносоциальная история аканов в XVI-XIX веках. С. 106.

Там же. С. 90-91,104.

Попов В. А. Этносоциальная история аканов в XVI-XIX веках. С. 114.

Там же. С. 128-129.

Там же. С. 175-180.

Там же. С. 179.

Там же. С. 84-186,193-196.

Там же. С. 120-121.

Попов В. А. Этносоциальная история аканов в XVI-XIX веках. С. 112-113.

Орлова А. С. История государства Конго (XVI-XVII века.). М., 1968. С. 41-54; Орлова А. С., Львова Э. С. Страницы истории великой саванны. М., 1978. С. 54-57.

Там же. С. 57.

Цит. по: Орлова А. С. Указ. соч. С. 237.

Цит. по: Там же.

Орлова А. С. Указ. соч. С. 186-192.

Там же. С. 79.

Орлова А. С. Указ. соч. С. 86-87.

Там же. С 88-90.

Орлова А. С., Львова Э. С. Указ. соч. С. 77.

Там же. С. 82.

Там же.

Weeks J. H. *Among the Primitive Bakongo*. London, 1914. P. 60.

Орлова А. С. Указ. соч. С. 138.

Орлова А. С. Указ. соч. С. 282.

Weeks J. H. Op. cit P. 32-34.

Ibid. P. 36-37,100-102.

Томановская О. С. Лоанго, Каконго и Нгойо. Историко-этнографический очерк. М., 1980. С. 105,109,125-131.

Орлова А. С., Львова Э. С. Указ. соч. С. 54-92.

Там же. С. 145-150.

Давидсон В. Новое открытие древней Африки. М., 1962. С. 83-92.

Куббель Л. Е. Из истории древнего Мали // Труды Института этнографии. Новая серия. Т. 76. М.— Л., 1963.

Куббель Л. Е. Сонгайская держава. Опыт исследования социально-политического строя. М., 1974. С. 306-317.

Там же. С. 103,110.

Там же. С. 136,164,165,167.

О трех вариантах политарного способа производства: политообщинном, политомагнарном и политодоминарном см. раздел 7 включенной в данный сборник работы «Политарный ("азиатский") способ производства: Теория и история».

Куббель Л. Е. Указ. соч. С. 135-137.

Там же. С. 175, 176, 179.

Меликишвили Г. А. Некоторые вопросы социально-экономической истории Наири-Урарту // Вестник древней истории. 1951. №4. С. 27-28; Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства // Там же. 1953. № 3. С. 285; Дьяконов И. М. К вопросу о судьбе пленных в Ассирии и Урарту // Там же. 1952. № 1; Он же. Некоторые данные о социально-экономическом устройстве Урарту // Проблемы социально-экономической истории древнего мира. М.-Л., 1962. С. 62; Тюменев А. И. Передний Восток и античность // Вопросы истории. 1957. №6. С. 65; Лурье И. М. 1955. Рабы — держатели храмовой земли (по материалам Нового царства) // Вестник древней истории. 1955. № 1. С. 25-26; Стучевский И. А. О специфических формах рабства в Древнем Египте в эпоху Нового царства // Там же. 1960. № 1. С. 19.

Тюменев А. И. Указ. соч. С. 54-57; Стучевский И. А. Указ. соч. С. 8.

Дьяконов И. М. Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1949.

Куббель Л. Е. Указ. соч. С. 328-330

Орлова А. С. Указ. соч. С. 169-190.

Подробный анализ различия между орбополитархиями и урбополитархиями см. в разделе 7 включенной в этот сборник работы «Политарный ("азиатский") способ производства: Теория и история».

Кочакова Я. Б. Рождение африканской цивилизации. Ифе, Ойо, Бенин, Дагомея. М, 1986. С. 232.

Lloyd P. Sacred Kingship and Government among Yoruba // Africa. 1960.
Vol. 30. № 3. P. 231.

Конакова Я. Б. Города-государства йорубов. М., 1968. С. 73-77.

Там же. С. 78,90-81,87.

Кочакова Я. Б. Указ. соч. С. 11.

Там же. С. 106.

Там же. С. 33-34.

Там же. С. 168.

Кочакова Я. Б. Города-государства йорубов. С. 123-124.

Детальный их анализ см.: Семенов Ю. И. Общая теория традиционной крестьянской экономики (крестьянско-общинного способа производства // Власть земли. Традиционная экономика крестьянства России XIX века - начала XX века. Т. 1. М., 2002. С. 130-134, 147-152.

Кочакова Я. Б. Указ. соч. С. 120-122.

О магнарном способе производства и его вариантах (магнорабовладельческом, магноприживальческом, магнокабальном и магоноарендном) см. в разделе 6 включенной в данный сборник работы «Политарный ("азиатский") способ производства: Теория и история».

Кочакова Я. Б. Указ. соч. С. 12-14,35,46.

Конакова Я. Б. Указ. соч. Там же С. 52-53,

Там же. С. 53.

Johnson S. The History of Yorubas. From Earliest Time to the Beginning of the British Protectorate. London, 1966.

Leach E. R. Political Systems of Highland Burma. London, 1964.

Furer-Haimendorf Ch. von. The Konyak Nagas. New York, 1969.

Nguyen Tu Chi. A Muong Sketch // Vietnamise Studies. № 32. Hanoi, 1972.

Barney G. L. The Meo of Xieng Khouang Province of Laos // Southeast Asian Tribes, Minorities and Nation. Vol. I. Princeton. 1967. P. 279-280.

Dang Nghiem Van. The Khmu in Viet Nam // Vietnamise Studies. № 36.
Hanoi. P. 74-76.

Lam Tam. A Survey of Meo // Ibid. P. 44-45.

Lowis C. C. A Note of Palaungs of Uspaw and Tawngpeng // Ethographical Survey of India, Burma. № 1. Rangoon, 1906.

Rose A., Goggin Brown J. Lisu (Yawyn) Tribes of Burma-China Frontier // Memoirs of the Royal Asiatic Societe of Bengal. 1911. 3. P. 249-276.

Cai Huai. A Society Without Fathers or Husbands. The Na of China. New York, 2001. P. 70-74.

Уиннингтон А. Рабы Прохладных гор. М., 1960. С. 267-271.

Mabuchi T. Aboriginal Peoples of Formosa // Social Structure in Southeast Asia. Ed. by G. P. Murdock. Chicago, London, 1960. P. 137.

Loeb E. M. Sumatra. Its History and People. Vien, 1935. P. 37-38.

Ibid. P. 158.

Geertz H. Balinese // Ethnic Groups of Insular Southeast Asia. F. M. Lebar, Editor and Compiler. Vol. 1. (в дальнейшем — EGISA) New Haven, 1972. P. 63-64.

Schulte Nordholt H. G. Sumbawanese-Binanese-Dompu // Ibid. P. 71.

Cunningham C. E. Order and Change in an Atoni Diarchy // Southwestern Journal of Anthropology. 1965. Vol. 21. № 4. Ormelling F. J. Timor Problem. A Geographical Interpretation of the Underdeveloped Island. Djakarta, 1956.

Forbes H. O. On some of Tribes the Island of Timor // The Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1884. Vol. 13. № 4;
Capell A. Peoples and Languages of Timor // Oceania, 1944. Vol. 14. № 3.

Sunderman H. The Island of Nias and Its People // The Popular Science Monthly. 1888. Vol. 33. № 3; Loeb E. M. Op. cit. P. 141-142.

Lebar F. M. Sumba-Savu // EGISA. P. 74-77.

Fox J. J. Savunese // Ibid. P. 77-78.

Koentjaraningrat. Manggarai // Ibid. P. 81-83.

Lebar F. M. Endenese // Ibid. P. 88; Fox J. J. Sikanese // Ibid. P. 88.

Malinowski B. Coral Gardens and their Magic. Vol. I. Bloomington, 1965. P. 328, 334, 369; Powell H. A. Competitive. Leadership in Trobriand Political Organization // Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. 1960. Vol. 90. Pt. 1-2.

Токарев С. А. Родовой строй в Меланезии // Советская этнография. 1933. №5-6; Guiart J. Structure de la chefferie en Melanesia du Sud. Paris, 1963.

Hocart A. The Northern States of Fiji. London, 1932.

Ancient Hawaiian civilization. Honolulu, 1933; Sahlins M. D. Social Stratification in Polynesia. Seattle, 1950; Goldman I. Ancient Polynesian Society. Chicago, 1970.

Gifford E. W. Tongan Society. Honolulu, 1929; Sahlins M. D. Op. cit.;
Oliver D. L. Ancient Tahitian Society. Vol. 2. Hoholulu, 1970.

Macgregor G. *Ethnology of Tokelau Islands*. New York, 1971.

Goldman I. Op. cit. P. 166-167.

Cordy R. Relationships between the Extent of Social Stratification and Population in Micronesian Polities at European Contact // *American Anthropologist*. 1986. Vol. 88. № 1; Peoples J. G. Political Evolution in Micronesia // *Ethnology*. 1993. Vol. 32. № 1.

Rouse L. The Arawak // Handbook of South American Indians. Vol. 4. The Circum-Caribbean Tribes. Washington, 1948. P. 507-539.

Steward J. H., Faron L. C. Native Peoples of South America. New York, 1959. P. 248.

Kroeber A. L. The Chibcha // Handbook of South American Indians. Vol. 2. Andlan Civilizations. Washington, 1946. P. 887-903.

Steward J. H., Faron L. C. Op. cit. P. 174-246.

Swanton J. R. Indian Tribes of the Lower Mississippi Valley and Adjacent Coast of the Gulf of Mexico. Washington, 1911. P. 144-186.

Swanton J. R. The Indians of Southwestern United States. New York, 1946.
P. 641-646.

Goggin J. M. and Sturtevant W. C. *The Calusa: A Stratified, Nonagricultural Society // Exploration in Cultural Anthropology*. New York etc, 1964; Milanich J. T., Fairbanks C. H. *Florida Archaeology*. New York, 1980. P. 242-243; Marquardt W. H. *Politics and Production Among the Calusa of South Florida // Hunter and Gatherers 1. History, Evolution and Social Change*. Oxford etc. 1988; Widmer R.J. *Evolution of Calusa: a Nonagricultural Chiefdom on the Southwest Florida Coast*. Tuscaloosa, 1988.

Башилов В. А. Древние цивилизации Перу и Боливии. М., 1972. С. 17,181,190.

Там же. С. 193.

Березкин Ю. Е. Мочика. Цивилизация индейцев Северного побережья Перу в I-VII вв. Л., 1983.

Башилов В. А. Указ. соч. С. 58.

Karen R. Kingdom of Sun. *The Inca: Empire Builders of the Americas*. New York, 1975.

Березкин Ю. Е. Послесловие // Стингл М. Государство инков. Слава и смерть «сыновей солнца». М., 1986. С. 254-255.

Там же. С. 256.

Conrad G. W., Demarest A. A. Religion and Empire. The Dynamics of Aztek and Inka Expansionism. Cambridge, etc., 1984. P. 99.

Вега Инка Гарсиласо де ла. История государства инков. Л., 1974. С. 49-87, 106-113, 140-184, 221-244; Стингл М. Государство инков. Слава и смерть «сыновей солнца». М., 1986. С. 50-57.

Schaedel R. P. Early State of the Incas // The Early States / Ed. by H. J. M. Classen, P. Skalnik The Hague etc., 1978.

Rowe J. H. Inca Culture at the Time of the Spanish Conquest // Handbook of South American Indians. Vol. V. 2. Andean civilization. Washington, 1946;
Березкин Ю. Е. Инки. Исторический опыт империи. Л., 1991. С. 78.

Rowe J. H. Op. cit. P. 274-280.

Rowe J. H. Op. cit. P. 229-233.

Borah W., Cook S. F. The Aboriginal Population of Central Mexico on the Eve of the Spanish Conquest // *Ibero-Americana*. Vol.45. 1963; Hicks F. Dependent Labor in Prehispanic Mexico // *Estud. Cult. Nahuatl*. Vol. 11. 1974; Гуляев В. И. Город и общество в Центральной Мексике накануне конкисты // *Археология Старого и Нового Света*. М., 1982. О доминарном способе производства и его вариантах см. раздел 6 включенной в этот сборник работы «Политарный ("азиатский") способ производства: Теория и история».

Гуляев В. И. Древнейшие цивилизации Мезоамерики. М., 1972.

Там же. С. 227-230; Он же. Древние майя. Загадки погибшей цивилизации. М., 1983. С. 18.

Conrad G. W., Demarest A. A. Op. cit. P. 15-17.

Вайян Дж. История ацтеков. М., 1949.

Там же. С. 84-85.

Баглай В. Е. Ацтеки: история, экономика, социально-политический строй. М., 1998. С. 33

Kurtz D. Y. The Legitimation of the Aztek State // The Early States. The Hague etc. 1978; P. 171 Гуляев В. И. Город и общество в Центральной Мексике накануне конкисты. С. 197.

Баглай В. Е. Указ. соч. С. 39-40.

Cook S. F. Human Sacrifice and Warfare as Facts in the Demography of Pre-Colonial Mexico // Human Biology. 1946. Vol. 18. № 2.

Вайян Дж. Указ. соч. С. 83; Conrad G. W., Demarest A. A. Op. cit. P. 147.

Статья была впервые опубликована в № 2 журнала «Народы Азии и Африки» за 1988 г. В настоящее издание внесены минимальные изменения: слова «доминатный», «магнатный», «политарно-общинный», «политарно-доминарный», «политарно-магнарный» заменены соответственно на «доминантный», «магнарный», «политообщинный», «политодоминантный» и «политомагнарный». Примечания, которых не было в первом издании, даны в квадратных скобках.

См.: Кобищанов Ю. М. Феодализм, рабство и азиатский способ производства // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966.

См.: Илюшечкин В. П. Система внеэкономического принуждения и проблема второй основной ступени общественной эволюции. М., 1970.

См.: Семенов Ю. И. Теория общественно-экономических формаций и всемирный исторический процесс // Народы Азии и Африки. 1970. № 5.

История Древнего Востока. М., 1979. С. 6.

Там же. С. 33.

Там же.

Там же. С. 6.

Там же. С. 56.

Там же. С. 117.

Там же. С. 134.

Там же. С. 145.

Там же.

Там же. С. 134.

Там же. С. 172.

Там же. С. 392-393.

Там же. С. 412.

Там же. С. 8.

341

Там же. С. 33,56,145,160,414 и др.

Подробно об этом см.: Семенов Ю. И. Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии // Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1980. Эта статья включена в настоящий сборник (Очерк 2).

История Древнего Востока... С. 8.

Там же. С. 6.

Там же. С. 7.

Подробно об этом см.: Семенов Ю. И. Типология ранних форм эксплуатации. // Народы Азии и Африки. 1985, № 4.

Тюменев А.И. Передний Восток и античность // Вопросы истории. 1957. №6. С.65; Берлее О.Д. Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. М., 1972.

Струве В. В. Рабство в древнейшем Сумире // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Вып.97. М.—Л., 1934. С. 15-17; Тюменев А.И. Государственное хозяйство Древнего Шумера. М.—Л., 1956. С. 135-177; Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., 1959. С. 101-113.

Струве В. В. Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ Древнего Востока// Известия Государственной академии истории материальной культуры. Вып. 77. М., Л., 1934. С. 54—57, Он же. К вопросу о специфике рабовладельческих обществ Древнего Востока// Вестник Ленинградского университета. 1953. №9. С. 81-91: Тюменев А. И. Государственное хозяйство... С. 266-276.

Тюменев А. И. Государственное хозяйство... С. 90-122.

Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царств// Вестник древней истории. 1952. №3. С. 270-271; Тюменев А. И. Передний Восток и античность. С. 60-61; История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 1. Месопотамия. М., 1983. С. 336-337.

Стучевский А. И. Земледельцы государственного хозяйства Древнего Египта эпохи Рамессидов. М., 1982.

Тюменев А. И. Государственное хозяйство... С. 152; Дьяконов И. М. Указ. соч. С. 104-105.

Тюменев А. И. Государственное хозяйство... С 103-104; Он же. Передний Восток и античность. С. 61; Стучевский А. И. Указ. соч. С. 57,59, 123.

История древнего мира. Ранняя древность. М., 1983. С. 38.

356

Там же.

Там же.

Там же.

История древнего мира. Ранняя древность. С. 38-39.

Там же. С. 39.

Там же. С. 37.

362

Там же.

Там же. С. 41.

История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ... С. 336.

История древнего мира. Ранняя древность... С. 42.

Стучееский А. И. Указ. соч. С. 245.

Там же. С. 246.

История древнего мира. Ранняя древность. С. 43.

В вышедшей уже в постсоветское время книге «Пути истории. От древнейшего человека до наших дней» (М., 1994) И. М. Дьяконов во всеуслышание заявил, что советским историкам древности уже со времен второй дискуссии об азиатском способе производства 1960-х годов стало ясно, что древнее общество рабовладельческим не являлось (С. 7). В таком случае получается, что он в течение многих лет упорно отстаивал точку зрения, которую сам считал заведомо ошибочной.

Дандамаев М. А. Нерабские формы зависимости в древней Передней Азии (К постановке вопроса) // Проблемы социальных отношений и форм зависимости на Древнем Востоке. М., 1984. С. 14.

Там же. С. 16.

Там же. С. 17.

Дандамаев М. А. Нерабские формы зависимости в древней Передней Азии. С. 14,16.

Там же. С. 23.

Там же. С. 23-24.

Там же. С. 24.

См.: Васильев Л. С. Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982. С. 63, 96; Он же. Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983. С. 56.

Васильев Л. С. Феномен власти-собственности... С. 76,93; Он же. Проблемы генезиса китайского государства... С. 56.

Васильев Л. С. Феномен власти-собственности... С. 62-63,93-96.

Там же. С. 90-91.

381

Там же. С. 87,96.

Васильев Л. С. Феномен власти-собственности... С. 82.

Там же. С. 62.

Васильев Л. С. Феномен власти-собственности... С. 93.

385

Там же.

См.: Семенов Ю. И. О специфике производственных (социально-экономических) отношений первобытного общества // Советская этнография. 1976. № 4. С. 110.

Васильев Л. С. Феномен власти-собственности... С. 82.

Маркс К. Конспект книги Г. С. Мейна «Лекции по древней истории институтов». Лондон, 1875. //Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 45. С. 421,422.

Васильев Л. С. Феномен власти-собственности... С. 89-96.

См.: Семенов Ю. И. Теория общественно-экономических формаций и всемирная история // Общественно-экономические формации. Проблемы теории. М., 1978.

Илюшечкин В. П. Сословно-классовое общество в истории Китая. М., 1986. С. 158.

Там же.

Там же. С. 227.

Илюшечкин В. П. Сословно-классовое общество в истории Китая. С. 228.

Там же. С. 231.

Там же. С. 231,233.

Там же. С. 232

Там же. С. 239.

Там же. С. 239,242.

Меликишвили Г. А. Об основных этапах развития древнего ближневосточного общества // Вестник древней истории. 1985. № 4. С. 9.

401

Там же. С. 3-7,10.

Меликишвили Г. А. «Древневосточный» социально-экономический строй и развитие ближневосточного общества в эллинистическую, позднеантичную и средневековую эпохи // Кавказско-ближневосточный сборник. 7. Тбилиси, 1984. С. 23.

Меликишвили Г. А. Об основных этапах... С. 10.

Меликишвили Г. А. «Древневосточный» социально-экономический строй... С. 9,23.

Там же. С. 17.

Там же. С. 20.

Меликишвили Г. А. «Древневосточный» социально-экономический строй... С. 17,23; Он же. Об основных этапах.... С. 31.

Меликишвили Г. А. «Древневосточный» социально-экономический строй... С. 21.

Кобищанов Ю. М. Указ. соч. С. 45.

Илюшечкин В. П. Система и структура добуржуазной частнособственнической эксплуатации. Выл. 1. М., 1980. С. 190.

Эта работа была впервые опубликована под названием «Россия: что с ней случилось в двадцатом веке» в 1993 г. в напечатанном на ротапринте тиражом в 150 экземпляров 20-м выпуске неперiodического сборника «Российский этнограф», который никогда не поступал в открытую продажу. В настоящем издание название заменено. Весь же основной текст работы воспроизводится по существу без изменений, за исключением одного единственного абзаца, который заменен на новый. В примечании, в котором объясняется причина замены, приводится первоначальный текст. Во всех остальных случаях перемены выразились лишь в исправлении орфографических ошибок, уточнении пунктуации и мелких стилистических правках. Существенные изменения претерпел лишь аппарат работы. Ссылки на те или иные работы даны не в тексте, как это было в первом издании, а в подстрочных сносках. Там, где это было возможно, ссылки из вторых рук заменены ссылками на первоисточники, что в ряде случаев требовало уточнения текста приводимых цитат. Кроме того, сделано несколько примечаний, которых не было в первом издании. Все они даны в квадратных скобках.

Подробно об этом см.: Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.

См. об этом, например: Ельцин Б. Исповедь на заданную тему. М., 1990. С. 65-68.

Сорокин П. Современное состояние России // Новый мир. 1992. №. 4.
С. 193.

Там же. С. 199.

Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 105.

Впервые эти взгляды были изложены Б. Рицци в вышедшей двумя годами раньше, в 1937 г. в Милане на итальянском языке книге «Куда идёт СССР».

Bruno R. *La Bureaucrazation du Monde*. Paris, 1939. P. 46. [в последующем сходные взгляды развивали М. Шахтман в серии статей, публиковавшихся с 1940 г. (были собраны в книге: Shachtman M. *The Bureaucratic Revolution: The Rise of Stalinist State*. New York, 1962) и К. Касториадис в работе «Социализм или варварство» (Castoriadis C. *Socialisme ou barbarie // Temps moderne*. 1949. № 2; Idem. *La Societe bureaucratique*. Т. 1. Paris, 1973.) и Р. Баро в книге «Альтернатива. К критике реально существующего социализма» (Bahro R. *Die Alternative. Zur Kritik des reale existierende Sozialismus*. Koeln-Frankfurt/M, 1977).

Джилас М. Новый класс // Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992. Впервые эта работа была опубликована в 1957 г. Ранее эти идеи были высказаны М. Джиласом в статьях «Класс или каста?», напечатанной в газете «Сведочанство» (05.04.1952), и «Анатомия одной морали», появившейся в журнале «Нова мисао» (1954. № 1).

Подробнее см.: Семенов Ю. И. Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии // Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1980. [Работа включена в данный сборник, под измененным названием — «Становление и сущность политарного ("азиатского") способа производства»]

Martens O. Ein sozialistischer Grossstaat vor 400 Jahem. Berlin, 1895; Bauden L. L'empire socialist des Inca. Paris, 1928 etc. [По-видимому, первыми это сделали французский философ Адольф Франк в брошюре «Коммунизм судимый историей» (первое издание — 1848 г., второе, дополненное — 1871 г.) и французский же публицист Альфред Сюдр в книге «История коммунизма» (1848 г.). См.: Шер Я. Виновата ли Россия? // Философские исследования. 1993. № 1].

См., например: Святловский В. В. Коммунистическое государство иезуитов в Парагвае в XVII и XVIII ст. Пг., 1924.

Сорокин П. Указ. соч. С. 196.

Wittfogel K. A. *Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power.* New Haven, 1957.

Шафаревич И. Р. Социализм как явление мировой истории. Париж, 1977. Впервые в нашей стране эта работа была опубликована: Шафаревич И. Р. Есть ли у России будущее? Публицистика. М., 1991. С. 5-388.

См., например: Радаев В., Шкаратан О. Возвращение к истокам // Известия. 17.02.1990; Они же. Правда этакратизма против мифа о социализме // Квинтэссенция. Философский альманах. 1991. М., 1992; Криворотое В. Русский путь // Знамя. 1990. № 8; Стариков Е. Фараоны, Гитлер и колхозы // Знамя. 1991. № 2; и др.

См.: Семенов Ю. И. Первобытный коммунизм и крестьянская соседская община // Становление классов и государства. М., 1976. С. 77-78.

Подробное см.: Семенов Ю. И. Об одном из типов традиционных социальных структур Азии и Африки. [Работа включена в данный сборник, под измененным названием — «Становление и сущность политарного ("азиатского") способа производства»]

См.; Семенов Ю. И. Социально-экономический строй Древнего Востока: Современное состояние проблемы // Народы Азии и Африки. 1988. № 2. Статья включена в данный сборник.

См.: Семенов Ю. И. Социально-экономический строй Древнего Востока.

См.: Горбачев М. С. Социалистическая идея и революционная перестройка //Известия. 08.11.1989; К гуманному, демократическому социализму. Программное заявление XXVIII съезда КПСС // Материалы XXVIII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1990. С. 77-78 и др.

Подробнее об этом см.: Семенов Ю. И. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. Ч. 1-3. М., 1993.

Цит. по: Хуа Ган. История революционной войны тайпинского государства. М., 1952. С. 266. См. также: Кара-Мурза Г. С. Тайпины. Великая крестьянская война и тайпинское государство в Китае. 1850-1864. М., 1941. С. 71.

Цит. по: Хуа Гзн. Указ. соч. С. 268. См. также: Кара-Мурза Г. С. Указ. соч. С. 73.

Десятью годами раньше идея индустриально-политарного общества нашла свое художественное воплощение в романе Г. Уэллса «Когда спящий проснется» (1898).

Бухарин Н. И. Мировое хозяйство и империализм (экономический очерк). М.—Пг., 1923. С. 78.

Бухарин Н. И. К теории империалистического государства // Революция права. Сборник первый. М., 1925. С. 15-18,21-22,25,27.

Бухарин Н. И. Мировое хозяйство и империализм... С. 30.

Бухарин Н. И. Экономика переходного периода // Избранные произведения. М., 1990. С. 105.

Бухарин Н. И. О некоторых вопросах из первой части программы К. И.
// Коммунистический интернационал. 1928. № 31-32. С. 35.

Бухарин Н. И. Мировое хозяйство и империализм... С. 151. сн. 1.

Бухарин Н. И. О некоторых вопросах из первой части программы К. И... С. 35.

Бухарин Н. И. Мировое хозяйство и империализм... С. 137-140, 157;
Он же. К теории империалистического государства... С. 26-27.

Heichelheim F. M. *An Ancient Economic History*. Vol. 1. Leiden, 1968. P. 99-100.

Желев Ж. Фашизм. Тоталитарное государство. М., 1991. С. 293.

Там же. С. 291.

447

См.: Там же. С. 292.

В последующем я пересмотрел подобную трактовку рассматриваемых социальных революций. Кратко мой нынешний взгляд изложен в 10-м разделе включенной в данный сборник работы «Политарный ("азиатский") способ производства: Теория и история».

К настоящему времени мои взгляды на русскую революцию существенно изменились. Теперь я рассматриваю её как общенародную, рабоче-крестьянскую по движущим силам революцию, направленную против зависимости от западной мировой капиталистической системы, против возникшего в России в результате влияния Запада периферийного капитализма. Она была революцией национально-освободительной и антикапиталистической. Подробнее об этом см.: Семенов Ю. И. История цивилизованного общества (XXX в. до н. э. - XX в. н. э.). М., 2001. С. 125—163; Он же. Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. М., 2003. С. 479-508. Краткое изложение этих взглядов дано в 10-м разделе работы «Политарный ("азиатский") способ производства: Теория и история», включенной в данный сборник.

Шингарев А. И. Вымирающая деревня. М.: Издательство ЛКИ/URSS, 2015. С. 4.

См. Симония Н. А. Что мы построили. М., 1991. С. 41-49.

Энгельс Ф. Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 22. С. 308-309.

Дурново П. Н. Записка// Красная новь. 1922. № 6 (10). С. 195.

Дурново П. Н. Записка. С. 197.

Сорокин П. А. Голод и идеология общества // Квинтэссенция. Философский альманах. М., 1990. С. 398-399.

Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Маркс К., Энгельс Ф.
Соч. Изд. 2-е. Т. С. 422-423.

Энгельс Ф. Письмо И. Ведемейеру 12 апреля 1852 г. // Маркс К.,
Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 28. С. 490-491.

Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма. Самара, 1920. С. 177-178.

Ленин В. И. О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова) // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 380.

Там же. С. 381.

Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 54. Последнее отдельное издание вышло в URSS в 2019 г.

Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме... С. 6.

Ленин В. И. Доклад о замене разверстки натуральным налогом 14 марта // Полн. собр. соч. Т. 43. С. 61-62.

Ленин В. И. Доклад Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров о внешней и внутренней политике 22 декабря // Полн. собр. соч. Т. 42. С. 159.

См., например: Ленин В. И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов // Полн. собр. соч. Т. 44. С. 159-161 и др.

Там же. С. 161.

Ленин В. И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов.
С. 161-162.

Ленин В. И. Письмо Г. Мясникову // Полн. собр. соч. Т. 44. С. 79.

Wittfogel K. A. Op. cit. P. 398-400.

Плеханов Г. В. Наши разногласия // Соч. Т. 2. М.—Л, 1925. С. 306.

Плеханов Г. В. Социализм и политическая борьба // Там же. С. 81.

Ленин В. И. Новые времена, старые ошибки в новом виде // Полн. собр. соч. Т. 44. С. 106.

Ленин В. И. Лучше меньше, да лучше // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 390.

Там же. С. 392.

Ленин В. И. Лучше меньше, да лучше. С. 392.

Michels R. Zur Sociologie des Partaiwesens in der modernen Demokratie. Leipzig, 1910. S. 3-70. Сходные взгляды развивал М. А. Бакунин в работе «Государственность и анархия» (1873). См.: Бакунин М. А. Философия. Социология. Политика. М., 1989. С. 438-439, 482-484.

Бухарин Н. И. Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. М.—Пг., 1924. С. 354.

Там же. С. 355.

Я имею в виду произведения, созданные им в тот период, когда он еще не перешел на позиции пещерного антикоммунизма и стал восхвалять победу фашистов в Испании и оправдывать вьетнамскую авантюру США. После этого он оказался не в состоянии написать ни одной сколько-нибудь приличной стихотворной строчки.

Коржавин Н. Танька // Коржавин Н. Время дано. М., 1992. С. 190-191.
Расположение строк приведено в соответствии с изданием: Коржавин Н.
Стихи и поэмы. М., 2004.

Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963. С. 57-58.

Коржавин Н. Начальник творчества // Коржавин Н. Стихи и поэмы. М., 2004. С. 514. Данное издание поэмы является первым. Я ее читал в середине 1960-х годов в машинописном варианте, и ссылки в первом издании работы были сделаны по памяти. Допущенные мелкие неточности в настоящем издании устранены.

Травкин Н. Президентом я не буду. Но кое-что скажу // Megapolis-Express. 08.08.1991.

Задорнов М. Демократия в Чи-чи-чи-пи // Известия. 07.11.1991.

Ашин Г. За элитой — вновь элита? // Известия. 01.10.1991.

Овчинникова И. Новая власть в старом лимузине // Известия.
14.12.1991.

Пономарев Л. Прокуратура — в кусты, номенклатура — в дамки // Куранты. 31.03.1992.

Медведев Н. Нам нечего скрывать, кроме своих доходов // Куранты.
11.04.1992.

Рязанов Э. Жаль только, что жить в эту пору прекрасную // Куранты.
06.06.1992.

Винокур В. Мысли оптом и в розницу // Куранты. 23.06.1992.

Буртин Ю. Новый «новый класс» // Куранты. 08.02.1992. Более детально об этом же см.: Буртин Ю. Важные государственные дела. Новые люди на фоне нового пейзажа // Независимая газета. 21.04.1992.

Заявление «46-ти» в Политбюро ЦК РКП(б) 5 октября 1923 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 190.

См.: Roscoe J. The Baganda. An Account of their Native Customs and Beliefs. London, 1911. P. 209-210,331-338; King's men. Leadership and Status in Buganda on the Eve of Independence / Ed. by L. A. Fallers. London, 1964. P. 276-277.

CM. Wittfogel K. A. Op. cit. P. 137-160.

Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 1. М., 1990. С. 84.

Там же. С. 92,96-97.

См.: Собеседник. 1991. №3; Куранты. 24.01.1991; 21.06.1992; 15.08.1992; 23.12.1992 и др.; Книжное обозрение. 13.05.1992 и др.

См.: Советский цирк. 22.11-05.12.1990; Куранты. 22.07.992;
Независимая газета. 27.11.1991; Московский комсомолец. 30.03.1991.

См.: Медведев А. Революция — валютный товар // Megapolis-Express 14.03.1991. С. 20. Телеграммы, на которые ссылается А. Медведев, действительно существовали, но относились они, разумеется, не к 1917, а к 1918 г. В телеграмме Мирбаха от 16 мая 1918 г. сообщалось, но не кайзеру, а МИДу Германии, что Антанта тратит огромные деньги с целью привести к власти правое крыло эсеров с тем, чтобы Россия возобновила войну с Германией. Посол спрашивал, оправдывает ли ситуация использование крупных сумм в германских интересах, если в этом будет необходимость, и какое течение ему нужно поддерживать, если большевики падут. В ответной телеграмме от 18 мая статс-секретарь Кюльман дает послу разрешение использовать крупные суммы, ибо Германия заинтересована в том, чтобы большевики остались у власти. Какие-то деньги посольством были истрачены, но относительно того, куда они пошли, ничего не известно. В июне Мирбаху было обещано 40 млн марок, но эти деньги, скорее всего, до посольства так и не дошли. (См.: Фишер Л. Жизнь Ленина. Т. 1. М., 1997. С. 334-335; Документы. Германия и русские революционеры в годы первой мировой войны // Николаевский Б. И. Тайные страницы истории. М., 1995. С. 382-383, 411; Соболев Г. Тайна «немецкого золота». М., 2002. С. 305-315). Как видно из статьи А. Медведева, он не случайно перепутал годы, а совершил сознательный подлог. Тексты телеграмм им были заимствованы из первого тома труда Л. Фишера «Жизнь Ленина». Но при передаче текста телеграммы Мирбаха он опустил слова: «Какое течение поддерживать в случае, если большевики не удержаться? Если большевики падут... у Антанты лучшая перспектива». А при цитировании текста телеграммы Кюльмана: «Пожалуйста, пользуйтесь более значительными суммами, так как в наших лучших интересах, чтобы большевики остались у власти» автор слова «остались у власти» заменил словами «оказались у власти».

См.: Страницы истории. Бухарин об оппозиции Сталину. Интервью с Б. И. Николаевским// Фельцитинский Ю. Г. Разговоры с Бухариным. М., 1993. С. 68.

По самым последним данным в 1930-1931 годах было отправлено на спецпоселение 381137 семей общей численностью 1803329 человека. См.: Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930-1960. М., 2003. С. 16-18.

Коржавин Н. Тањка. С. 192-193.

Письмо Генерального прокурора СССР Р. А. Руденко, Министра внутренних дел СССР С. Н. Круглова, Министра юстиции СССР К. П. Горшенина 1-му секретарю ЦК КПСС Хрущеву о пересмотре дел на осужденных за контрреволюционные преступления // ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918-1960. Документы. М., 2002. С. 147-149.

См.: Земсков В. Политические репрессии в СССР // Россия XXI. 1994. № 1-2. С. 107-110. Абзац, который завершается данной ссылкой — единственный, которого не было в издании 1993 г. На его месте находился другой, следующего содержания: «По данным КГБ СССР, представленным в 1956 г. в Президиум ЦК КПСС, с 1 января 1935 г. по 22 июня 1941 г. было арестовано 19 млн 840 тыс. "врагов народа", из которых 7 млн было расстреляно». Далее следовала ссылки на три работы: Микоян С. «Аскетизм» вождя // Огонек. 1989. № 15. С. 30;. Антонов-Овсеенко А. Сталин без маски. М., 1990. С. 340; Шатуновская О. Фальсификация// Аргументы и факты. 1990. № 22. В то время я считал сведения о справке КГБ 1956 г. достоверными, ибо полагал, что они получены из трех независимых источников. В действительности источник был один — рассказы О. Г. Шатуновской. К сожалению, я тогда не был знаком со статьей В. Н. Земского «ГУЛАГ: Историко-социологический аспект», опубликованной в 1991 г. в № 6 журнала «Социологические исследования», в которой было убедительно доказано, что документа, на который ссылается О. Г. Шатуновская, никогда не существовало, а приведенные ею цифры являются фантастическими. Что же касается цифр, приведенных в письме Р. А. Руденко, С. Н. Круглова и К. П. Горшенина и справке МВД СССР, то они полностью подтвердились в результате современных архивных исследований.

Коржавин Н. Начальник творчества... С. 495.

Конквест Р. Большой террор. Т. 1-2. Рига, 1991.

Конквест Р. Указ. соч. С. 47-53.

Коржавин Н. Тањка. С. 195.

Раскольников Ф. Ф. Открытое письмо Сталину // Гребельский Э. В. Федор Раскольников. М., 1989. С. 177-178.

Когда я писал эти строки, то был убежден, что убийство С. М. Кирова был инспирировано И. В. Сталиным. К настоящему времени в результате появления целого ряда новых свидетельств я склоняюсь к мнению, что И. В. Сталин не имел прямого отношения к этому убийству. Он лишь умело использовал его для развязывания и оправдания новой волны политарного террора.

Федотов Г. П. СССР и фашизм // Искусство кино. 1991. № 7. С. 24.

Яхот И. Подавление философии в СССР (20-30 годы) // Вопросы философии. 1991. № 7,8,9

Федотов Г. П. Сталинокрафия // Федотов Г. П. Судьбы и грехи России.
Т. 2. СПб, 1992. С. 86-90.

Федотов Г. П. Новый правящий класс // Искусство кино. 1990. № 7. С. 25.

Федотов Г. П. Торопитесь! // Искусство кино. 1990. № 8. С. 34.

Рютин М. Н. Сталин и кризис пролетарской диктатуры // Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов. М., 1991. С. 334.

Рютин М. Н. Сталин и кризис пролетарской диктатуры. С. 425.

Там же. С. 416-418. В дополнение к словам М. Н. Рютина можно привести высказывание Л. Д. Троцкого, сделанное им в 1936 г.: «Несмотря на то, что формально марксизм является в СССР государственной доктриной, за последние 12 лет не появилось ни одного марксистского исследования — ни по экономике, ни по социологии, ни по истории, ни по философии, — которое заслуживало бы внимания или перевода на иностранные языки. Марксистская продукция не выходит за пределы схоластически компиляций, которые пересказывают одни и те же заранее одобренные мысли и перетасовывают старые цитаты, сообразно потребностям административной конъюнктуры. В миллионах экземплярах распространяются по государственным каналам никому не нужные книги и брошюры, сработанные при помощи клейстера, лести и других липких веществ. Марксисты, которые смогли бы сказать что-либо ценное и самостоятельное, сидят под замком или вынуждены молчать. И это несмотря на то, что, что эволюция общественных форм выдвигает на каждом шагу грандиозные научные проблемы» (Троцкий Л. Д. Преданная революция. М., 1991. С. 152).

См. Яковлев А. Н. Предисловие. Обвал. Послесловие. М., 1992.

Галич А. Баллада о прибавочной стоимости // А. Галич. Возвращение. Л., 1989. С. 126.

521

Там же. С. 130.

См. Ципко А. С. Методологические проблемы исследования критерия социального прогресса социалистического общества. М., 1971; Он же. Оптимизм истории. М., 1974; Он же. Идея социализма. Вехи биографии. М., 1976; Он же. Социализм: жизнь общества и человека. М., 1980; Он же. Некоторые философские аспекты теории социализма. М., 1983; Он же. Философские предпосылки становления и развития учения Карла Маркса о первой фазе коммунистической формации. М., 1985; и др.

См.: Ципко А. С. Насилие лжи, или как заблудился призрак. М., 1990.

Ракитов А. И. Марксистско-ленинская философия. М., 1986. С. 361.

Там же. С. 151-153.

Ракитов А. И. Направление прорыва// Российская газета. 09.01.1991.

Толстой А. К. Поток-богатырь // Собр. соч. в 4-х т. Т. 1. М., 1963. С. 312.

Маяковский В. В. Служака. // Соч. в 2-х т. Т. 1. М., 1987. С. 513-514.

Войнович В. Иванькиада // Войнович В. Хочу быть честным. Повести. М., 1989. С. 124-125.

Войнович В. Иванькиада... С. 202-203.

См.: Жигулин А. Черные камни. М., 1990. С. 24-26.

См. Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Вильнюс-Москва, 1992. С. 301. С тех пор появились новые работы, посвященные этой теме. Наиболее интересные: Пока свободю горим... М., 2004; Крамола. Инакомыслие при Хрущёве и Брежневe. М., 2005.

533

Куранты. 07.03.1992. См. также номера от 19.05 и 21.07.1992.

534

Куранты. 14.01.1992.

535

См.: Независимая газета. 05.05.1991,28.02.1992,07.04.1992.

Леонтьев В. Современное значение экономической теории К. Маркса // Леонтьев В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. М., 1990. С. 111.

Валентинов Н. (Вольский Я). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. М., 1991. С. 180.

Там же. С. 180-181.

См.: Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения, м., 1979. С. 169-171.

Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию // Специальный выпуск. Брошюра в газете. «Комсомольская правда». Сентябрь 1990 г. С. 8.

См. Шмелев Н., Попов В. На переломе: экономическая перестройка в СССР. М., 1989. С. 46-47, 54.

542

Российская газета. 29.11.1990.

Сборник статистическо-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год седьмой. СПб., 1914. С. 110.

Сборник статистическо-экономических сведений по сельскому хозяйству России... С. 110-112.

См. Шмелев Н., Попов В. Указ. соч. Рис. 5,5а, 5б.

См.: Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы. М., 1989. С. 61.

См.: Архипов А. Большевики, хватит лгать // Начало. 1990. № 2. С. 5;
Россия кормила Европу // Куранты. 1993. № 8; фильм С. Говорухина
«Россия, которую мы потеряли» и т. п.

См.: Малый энциклопедический словарь. Издание Брокгауз-Ефрон. Т. II (выпуск ГУ). СПб., 1909. С. 124.

Ленин В. И. Лучше меньше, да лучше // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 402.

Там же. С. 403.

Там же. С. 404.

Велехов Л. Последняя провокация. Сальвадор: революционный эксперимент закончен// Независимая газета. 11.01.1992.

См., например: Берез Я. Крах операции «Фокус». М., 1986; К событиям в Чехословакии. М., 1968; Необъявленная война против Польши. М., 1984; Трубников В. Крах «Операции Полония». М., 1985 и т. п.

Бжезинский З. Большой провал. Агония коммунизма // Квинтэссенция. Философский альманах. М., 1990. С. 256.

Рубинштейн И. А. Русская историография. М., 1941. С. 364.

См.: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. II. М., 1960. С. 124-128.

Подробнее об этом направлении см.: Семенов Ю. И. Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции. М., 2003. С. 367-363.

См. об этом: Семенов Ю. И. Введение во всемирную историю. Вып. 1. Проблема и понятийный аппарат. Возникновение человеческого общества. М., 1997. С. 16-45; Он же. Философия истории... С. 432-435 и др.

Primitive, Archaic and Modern Economies. Essays of Karl Polanyi / Ed. by G. Dalton. New York, 1968. P. 7, 9, 23, 30, 35, 65, 66, 84 etc; Dalton G. Introduction // Primitive, Archaic and Modern Economies. Essays of Karl Polanyi. Ed. by G. Dalton. New York, 1968. P. XVII; Idem. The Development of Subsistence and Peasant Economies in Africa // International Social Science Journal. 1964. Vol. 16. № 3. P. 81; Idem. Theoretical Issues in Economic Anthropology // Current Anthropology. 1969. Vol. 10. № 1. P. 73 etc.; Sahlins M. Stone Age Economics. Chicago and New York, 1972. P. 76, 101, 185-186 etc.

Подробнее об этом см.: Семенов Ю. И. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. Выл. 1-3. М., 1993.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Книга 1 (тома 1-2). М., 1962. С. 58.

См., например: Шапиро А. Л. Историография с древнейших времен до 1917 года. М., 1993. С. 403-404 и др.

Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. М., 1941. С. 332.

См. об этом: Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М., 1974.
С. 36-43.

Подробнее обо всем этом см.: Семенов Ю. И. Философия истории.

Подробно предклассовое общество рассмотрено: Семенов Ю. И. Введение по всемирную историю. Вып. 2. Истории первобытного общества. М., 1999.

Подробно об этом см.: Семенов Ю. И. Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии // Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1980. Эта работа включена в данный сборник под измененным названием — «Становление и сущность политарного ("азиатского") способа производства».

О понятии хозяйственного организма см.: Семенов Ю. И. Введение во всемирную историю. Вып. 1. С. 36.

Обзор работ сторонников концепции зависимого развития см.:
Семенов Ю. И. Философия истории... С. 205-214.

Последние обзоры состояния проблемы см.: Решин А. И. Еще раз о «феодальной революции» и источниках ее изучения в монографии Д. Бартелеми «Имела ли место революция тысячного года?» // Средние века. Вып. 62. М., 2001; Щеглов А. Д. «Феодальная революция» и насилие: Дискуссия в журнале «Past and Present» // Там же.

За границу между Центральной и Восточной Европой условно принимается западная граница расселения восточных славян. Под Центральной Европой понимается территория, расположенная между Западной и Восточной Европой, за исключением — на юге Греции, на севере — Ютландского и Скандинавского полуостровов. Тем самым в Центральную Европу включается большая часть Юго-Восточной Европы и Прибалтика.

Подробно об обществе йорубов см. раздел 7 включенной в данный сборник работы «Протополитарные и политарные общества: материалы к генезису политарного способа производства».

См. Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988.

Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. Пг., 1919. С. 22, 29; Он же. Курс русской истории. Ч. 1 // Соч. в 8 т. Т. 1. С. 136 сл.

Подобного рода объединения существовали и в урбополитарных обществах, в частности, у шумеров, майя, йорубов. В подчинении, например, йорубской протоурбополитархии Адо с населением в 25 тыс. человек находилось 17 городов-государств с общим населением 37 тыс. человек.

См. Горемыкина В. К проблеме истории докапиталистических обществ (на материалах Древней Руси). Минск, 1970; Она же. Возникновение и развитие первой антагонистической формации в средневековой Европе: (Опыт историко-теоретического исследования на материале варварских королевств Западной Европы и Древней Руси). Минск, 1982.

Однако были и авторы, находившие в Киевской Руси «ранний русский капитализм», правда, не промышленный, а торговый (См., например: Святловский В. В. История экономических идей в России. Т. 1. Пг., 1923. С. 8-10).

Историю вопроса о социально-экономическом строе Руси см.:
Свердлов М. Б. Общественный строй Древней Руси в русской
исторической науке XVIII-XIX вв. СПб., 1996.

См. Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки отечественной историографии. Л., 1990. С. 310-318 и др.

Соловьев С. М. Указ. соч. С. 56.

581

Там же. С. 56.

Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 3. М., 2007. С. 417.

Подробнее об этом см.: Семенов Ю. И. Введение во всемирную историю. Выл. 3. История цивилизованного общества (XXX в. до н. э. - XX в. н. э.). М., 2001. С. 90-96.

См., например: История России с древнейших времен до конца XVIII века. М., 1996. С. 168.

См.: Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 225-226 и др.

5. Вернадский Г. В. История России. Монголы и Русь. Тверь-М., 1997. С.

Wittfogel K. A. Russia and the East: A Comparison and Contrast // The Development of the USSR / Ed. by D. W. Treadgold. Seattle, 1964. P. 323-339.

Островски Д. Монгольские корни русских государственных учреждений // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси. Антология. Самара, 2001. С. 143 сл.

Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. 1. М., 2007. С. 137.

См. об этом: Семенов Ю. И. Общая теория традиционной крестьянской экономики (крестьянско-общинного способа производства) // Власть земли. Традиционная экономика крестьянства России XIX века - начала XX века. Т. 1. М., 2002.

См., например: Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону, 1995 (перепечатка 7-го изд. Киев, 1915). С. 626-633.

См.: Семенов Ю. И. Введение во всемирную историю. Вып. 3. С. 38-40.

См., например: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 2. С. 124-125.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 26.

Подробно обо всем этом см.: Семенов Ю. И. Россия: что с ней произошло в двадцатом веке // Российский этнограф. Вып. 20. М., 1993. (Эта работа включена в данный сборник под измененным названием «Великая Октябрьская рабоче-крестьянская революция 1917 г. и возникновение неополитаризма в СССР»); Семенов Ю. И. Введение во всемирную историю. Вып. 3; Он же. Философия истории...

См.: Kelley D. R. De Origine Feodorm // Speculum. 1964. Vol. 39. № 2.

The Embassy of Sir Thomas Roe to the Court of the Great Mogul, 1615-1619/ Ed. by W. Forster. London, 1926. P. 89.

Mukherjee S. N. Sir William Jones. A Study of Eighteen-Centure British Attitudes to India. Cambridge, 1968. P. 9.

Бернье Ф. История последних политических потрясений в государстве Великого Могола. М., 2008. С. 269.

Бернье Ф. История последних политических потрясений... С. 286.

601

Там же. С. 292.

Patton R. *The Principles of Asiatic Monarchies, Politically and Historically Investigated and Contrasted with those of the Monarchies Europe: Shewing the Dangerous Tendency of Confounding Them in the Administration of the Affairs of India: With an Attempt to Trace this Difference to Its Source.* London, 1801. P. 4.

Ibid. P. 75-76.

Гегель Г. Философия истории //Соч. Т. 8. М.; Л., 1936. С. 98.

605

Там же. С. 19.

Гегель Г. Философия истории... С. 107.

Джонс Р. Вводная лекция по политической экономии // Экономические сочинения. Л., 1937. С. 221.

См.: Дубровский С. М. К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала. М., 1929. С. 20-23; Иолк Е. К вопросу об «азиатском» способе производства // Под знаменем марксизма. 1931. № 3; Значение рукописи Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству» для истории древности // Вестник древней истории. 1940. № 1; Струве В. В. Марксово определение раннеклассового обществ // Советская этнография. 3. 1940; Редер Д. Г., Ульяновский Р. А. Азиатский способ производства// Советская историческая энциклопедия. Т. 1. М., 1961.

См.: Фокс Р. Взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на азиатский способ производства и их источники // *Летописи марксизма*. ПТ (XIII). 1930. С. 20-22.

Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу 2 июня 1853 г. // Маркс К., Энгельс. Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 28. С.214-215.

Энгельс Ф. Письмо К. Марксу 6 июня 1853 г. // Маркс К., Энгельс Ф.
Соч. Изд. 2-е. Т. 28. С. 221-222.

612

См.: Фокс Р. Указ. соч.

Маркс К. Конспект книги М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия сто разложения». Часть первая. Москва, 1879 // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., Изд 2-е. Т. 45.

Маркс К. Конспект книги Дж. Фира «Арийская деревня в Индии и на Цейлоне» // Народы Азии и Африки. 1964. № 1; 1965. № 1; 1966. № 5.

Michels R. Zur Sociologie des Partaiwesens in der modernen Demokratie.
Leipzig, 1910. S.370.

Бакунин М. А. Государственность и анархия // Бакунин М. А. Философия. Социология. Политика. М., 1989. С. 438-439, 482-484.

Martens O. Ein sozialistischer Grossstaat vor 400 Jahem. Berlin, 1895; BaudenL. L'empire socialist des Inca. Paris, 1928 etc. По-видимому, первыми это сделали французский философ Адольф Франк в брошюре «Коммунизм судимый историей» (первое издание — 1848 г., второе, дополненное — 1871 г.) и французский же публицист Альфред Сюдур в книге «История коммунизма» (1848 г.). См.: Шер Я. Виновата ли Россия? // Философские исследования. 1993. № 1.

См., например: Святловский В. В. Коммунистическое государство иезуитов в Парагвае в XVII и XVIII ст. Пг., 1924.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономики. Т. 3. Кн. 3. Ч. 2. //
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. 2. С. 449.

Бухарин Н. Я. Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. М., Пг. 1924. С. 174, 219-220; Тальгеймер А. Введение в диалектический материализм. М.—Л., 1928. С. 198-203.

Кушнер (Кнышев) П. Предисловие // Гуковский А. И. и Трахтенберг О. В. Очерк истории докапиталистического общества и возникновения капитализма. М.—Л., 1931. С. XX.

Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен // Избр. произв. в 4-х книгах. Кн. 1.М., 1966. С. 103.

Пеппер Дж. Европейско-американский империализм и китайская революция // Правда. 01.05.1927.

Мадьяр Л. Предисловие // Кокин М., Папаян Г. «Цзин-тянь». Аграрный строй древнего Китая. Л., 1930. С. LIII.

См., например: Иолк Е. К вопросу об «азиатском» способе производства // Под знаменем марксизма. 1931. № 3.

См., например: Иолк Е. К вопросу об «азиатском» способе производства // Под знаменем марксизма. 1931. № 3. С. 145.

Эта статья включена в данный сборник.

Welskopf E. C. Die Produktionsverhältnisse in Alten Orient und in der griechischen mischen Antike. Ein Diskussionsbeitrag. Berlin, 1957.

Ким Г. Ф. Рец.: В. Н. Никифоров. Восток и всемирная история. М., 1975 // Вопросы истории. 1976. №6. С. 153.

История древнего Востока. Зарождение древнейших обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Часть первая. Месопотамия. М., 1983. С. 22

Дьяконов И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. 4-е изд. М.: КомКнига/URSS, 2012. С. 7.

632

Там же.

Семенов Ю. И. Проблема социально-экономического строя Древнего Востока // Народы Азии и Африки. 1965. № 4. Статья включена в настоящий сборник.

Прудон П. Ж. Что такое собственность? М., 1998. С. 14-15; М.: Красанд/URSS, 2017.

Подробно об этом см.: Семенов Ю. И. Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии // Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1980. Эта работа включена в настоящий сборник под измененным названием. —«Становление и сущность политарного ("азиатского") способа производства».

Подробно об этом см.: Семенов Ю. И. Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии...

См.: Roscoe J. The Baganda. An Account of their Native Customs and Beliefs. London, 1911. P. 209-210, 331-338; King's men. Leadership and Status in Buganda on the Eve of Independence / Ed. by L. A. Fallers. London, 1964. P. 276-277.

См.: Wittfogel K. A. Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Haven— London, 1957. P. 137-160.

Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов // Маркс К.,
Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 46. Ч. 1. С. 485.

640

Эта работа включена в настоящий сборник под измененным названием.

О понятиях хозяйственного организма и хозяйственной ячейки см.: Семенов Ю. И. Философия истории: Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. М., 2003. С. 437-441.

Подробнее см.: Семенов Ю. И. Общая теория традиционной крестьянской экономики (крестьянско-общинного способа производства) // Власть земли. Традиционная экономика крестьянства России XIX века - начала XX века. Т. 1; М., 2002.

Подробнее обо всём этом см. Семенов Ю. И. Общая теория традиционной крестьянской экономики...

Об этом понятии см.: Семенов Ю. И. Философия истории... С. 256.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 26.

Делюмо Ж. Ужасы на Западе. М., 1994. С. 352.

647

Там же. С. 354.

Там же. С. 3.

649

Там же. С. 355.

Тарле Е. В. Падение абсолютизма в Западной Европе и России. 2-е доп. изд. Пг., 1924. С. 71.

651

Там же. С. 68

652

Тарле Е. В. Указ. соч. С. 68.

653

Там же. С. 71.

Минье Ф. История Французской революции с 1789 до 1814 г. М., 2006.
С. 38.

Цит. по: Савин А. И. Политическая оппозиция во французской литературе великого века // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. XLVIII. 1913. Ноябрь. С. 2; См. также: Савин А. Н. Век Людовика XIV. М., 1930. С. 18.

656

Там же. С. 3.

657

Берње Ф. Указ. соч. С. 292-293

658

Там же. С. 293.

Флекснер К. Ф. Просвещенное общество. М., 1994. С. 65-70,279-284.

Раушнинг Г. Говорит Гитлер // Раушнинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М., 1993. С. 152-153.

Бросчат М. Тысячелетний рейх. М., 2004. С. 313.

Семенов Ю. И. Россия, что с ней случилось в двадцатом веке // Российский этнограф. Вып. 20. М., 1993. Эта работа включена в данную книгу под названием «Великая Октябрьская рабоче-крестьянская революция 1917 г. и возникновение неополитаризма в СССР».

663

Подробнее обо всем этом см.: Семенов Ю. И. Россия, что с ней случилось...

Энгельс Ф. Письмо В. И. Засулич, 23 апреля 1885 г. // Маркс К.,
Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. т 36. С. 263.

Подробнее об этом см.: СеменовЮ. И. Философия истории... С. 479-499.

666

См., например: Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза М.,1991.

См.: Голиков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 2. М., 1986. С. 326-332; Кодин Е. «Смоленский нарыв». Смоленск, 1995.

Постановление Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 2.7-е изд. М., 1953. С. 1040.

См.: Семенов Ю. И. Общая теория традиционной крестьянской экономики (крестьянско-общинного уклада) // Власть земли. Традиционная экономика крестьянства России XIX века - начала XX века / Под ред. Ю. И. Семенова. М., 2002. С. 130-135.

670

См.: Гуров А. Красная мафия. М., 1995. С. 60.

671

Там же.

См.-. Крылов А. А. «Тени» советской экономики // Экономические науки. 1990. №4. С. 105.

Цит. по: Киран Р., Кенни Т. Продавшие социализм. Теневая экономика в СССР. М., 2009 С.57.

Цит. по: Константинов А. Коррупцированная Россия. М., 2006. С. 111.

См.: Гуров А. И. Организованная преступность и теневая экономика // Теневая экономика. М., 1991. С. 119; Корягина Т. Н. Анализ, оценки, прогнозы // Там же. С. 38.

См.: Гуров А. И. Указ. соч. С. 119-120; Шурус А. А. «Теневая экономика»: реализм оценок или предвзятость // Экономические науки. 1990. № 5. С. 110.

677

Цит. по: Кирон Р., Кенни Т. Указ. соч. С. 59.

Корягина Т. Теневая экономика в СССР (анализ, оценки, прогнозы) // Вопросы экономики. 1990. №3. С. 117.

См.: Константинов А. Коррупцированная Россия. М., 2006. С. 110;
Киран Р., Кенни Т. Указ. соч. С. 47.

См.: Киран Р., Кенни Т. Указ. соч. С. 47-49; Улыбин К. А. Знакомая незнакомка // Теневая экономика. М., 1991. С. 21; Grossman G. Subverted Sovereignty. Historic Role of the Soviet Underground // The Tunnel at the of the Light I Ed. by S. S. Cohen, A. Schwartz, and J. Zysman. Berkeley, 1998. P. 36.

Grossman G. The Second Economy of USSR // Problems of Communism. 1977. Vol. XXVI. September-October.

Grossman G. Subverted Sovereignty. Historic Role of the Soviet Underground... P. 38-40.

683

См.: Киран Р., Кенни Т. Указ. соч. С. 50.

См.: Константинов А. Коррупцированная Россия. С. 116-117.

См.: Коммунистическая партия Грузии в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4.1972-1989. Тбилиси, 1980.

См.: Хруцкий Э. Тайны уставшего города. М., 2003. С. 150-161.

См.: Гуров А. Красная мафия. М., 1995. С. 65-66; Хруцкий Э. Проходные дворы. М., 2009. С. 446-449.

См.: Звягинцев А. Сочинское дело. // Аргументы и факты. 2010. № 38. С. 8; Константинов А. Коррупцированная Россия. С. 121-122.

См.: Константинов А. Коррупцированная Россия. С. 120; Хруцкий Э. Проходные дворы. М., 2009. С. 446.

690

См.: Гуров А. Красная мафия. М., 1995. С. 62.

См.: Лошак В. Чурбанов, Яхьев и другие // Московские новости. 1988. №37; Темушкин О. Приговор вынесен, проблемы остаются // Московские новости. 1989. № 2; Дмитриев Ю. Приговор // Труд. 31.12.1988.

См.: Grossman G. Subverted Sovereignty... 1998. P. 36.

Ципко А. Правда никогда не опаздывает // Яковлев А. Предисловие.
Обвал. Послесловие. М., 1992. С. 4.

Буртин Ю. Чужая власть // Буртин Ю. Исповедь шестидесятника. М., 2003. С. 303.

695

Там же. С. 304.

Лебедь А. За державу обидно... М., 1995. С. 408-410.

Любимов М. Шпионы, которых я люблю и ненавижу. М., 1998. С. 357.

Косалс Л. Теневая, экономика как особенность российского капитализма // Вопросы экономики. 1998. № 10. С. 64-65.

699

Там же. С. 65.

См: Беляков Е. Половина доходов страны оседает в карманах коррупционеров // Комсомольская правда. 16.08.2010.

701

См.: Россия: взятки давать дешевле, чем идти в суд // Комсомольская правда. 02.09.2010. С. 12.

См.: Вишневский Б. Праздник бюрократа. Сильнее всего бюджет позаботился о чиновниках // Московские новости. 2006. № 32.

См.: Головачев В. 600 тысяч лимузинов // Труд. 17.02.2004; Дмитриев И. У аппарата, количество российских чиновников растет вместе с их зарплатой // Версия. 2009. № 33. С. 10.

См.: Рябцев А. — Владимир Пугин: Куда потратили? // Комсомольская правда. 29.08.2009.

См.: Доходы министров // Комсомольская правда. 13.04.2010. С. 4.

См.: Семушкин С. Губернаторы ездят и зарабатывают // Комсомольская правда. 1.05.2010. С. 8.

См.: Лебедева Е. Годовой заработок Юрия Лужкова — восемь миллионов рублей // Комсомольская правда. 05.05.2010. С. 6

См.: Беляков Е. Елена Батурина оказалась третьей в списке самых богатых женщин мира // Комсомольская правда. 16.06.2010.

709

См.: Семушкин С. Указ. соч.

710

См.: Рябцев А. Губернатора Дарькина содержит жена-актриса // Комсомольская правда. 19.05.2010.

711

См.: Кац А. Самый богатый милиционер заработал 24 миллиона рублей // Комсомольская правда. 26.05.2010.

Цит. по: Шаров А. Ни дать, ни взять. Генпрокуратура начала новое наступление на коррумпированных чиновников // Российская газета. 07.11.2006.

См.: Костиков В. ...И чтобы вороны пели соловьями // Аргументы и факты. 2009. №22. С. 6.

См.: Горевой Р. Коррупционный фонд // Версия. 2008. № 29. С. 6.

См.: Семушкин С. В России берут взятки на \$300 млрд в год // Комсомольская правда. 18.11.2009. С. 5; Панфилова Е. А. Все осуждают коррупцию, но когда припечет, хотят сунуть конверт// Комсомольская правда. 26.04.2010. С. 8.

См.: Яковлев М. Госзаказник. На «откатах» чиновникам казна теряет более 700 миллиардов рублей ежегодно // Версия. 2009. № 23. С. 10.

См.: Беляков Е. Половина доходов страны оседает в карманах коррупционеров // Комсомольская правда. 15.08.2010.

См.: Горевой Р. Указ. соч. С. 6; Он же. Взятка как измена Родине // Версия. 2008. № 43. С. 4.; Дмитриев И. Дать мзды. Борьба со взятками будет провокацией // Версия. 2010. № 44. С. 10; Аракелян Е. В РФ такой же уровень коррупции, как в Папуа-Новой Гвинее // Комсомольская правда. 28.10.2010. С. 9.

См.: Ударили коррупцией по кризису// Аргументы и факты. 2010. № 31. С. 2.

720

Цит. по: Коррупция достала всех // Советская Россия. 05.100.2006.

Деягин М. Это не кризис. Это депрессия // Наш современник. 2009.
№ 3. С. 188.

722

Подробнее см.: Родин И. Подсказка президенту // Независимая газета.
03.02.2011.

См.: Миронова Ю. Коммерческая тайна частной жизни. Дума позволила чиновникам не обнародовать доходы членов семьи // Время новостей. 2008.07.04.2008.

См., например: Гевелинг Л. В. Клептократия. М., 2001; Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы. М., 2003. С. 149-159.

См.: Роузфильд С. Сравнительная экономика стран мира: Культура, богатство и власть в XXI веке. М., 2004.

См. об этом: Семенов Ю. И. *Философия истории...* С. 561-639.

Никонов В. Еще раз о суверенной демократии // Труд. 30.09.2007.

См.: Евгений Федоров: «95% российской промышленности принадлежит иностранным оффшорам». [Электронный ресурс]
<http://fmam/archive-vieww/2035/>

См.: Яковлев М. Угрожает ли России новая долговая петля // Версия. 2009. № 32. С. 12.

Степашин С. После кризиса богатые не должны стать богаче // Комсомольская правда. 3.01.2009. С. 9.

731

См.: Яковлев М. Указ. соч.

См.: «Не путайте экспансию с бегством». Экономист Михаил Делягин просит называть вещи своими именами // ВН. 19.05.2006; Тудоровский Я. Сговор жадных // Аргументы и факты. 2009. №35. С. 15.

См. А Ткачев, губернатор Краснодарского края // Аргументы и факты. 2010. № 48. С. 2.

См.: Беляков Е. Коррупция съедает пол-экономики страны // Комсомольская правда. Ю.08.2010.

Рогов К. Механизм лояльности // Коммерсантъ. 13.11.2006.

Стрелецкий В. Нужно менять систему власти // Независимое обозрение. 2002. № 21.

Депутат Геннадий Гудков: «Чтобы милиция защищала народ, ее нужно сократить вдвое!»// Комсомольская правда. 2-9.07.2009. С. 4-5.

Асмолов Н. Феноменальное интервью Олега Дерипаски // Голос коммуниста. 2007. № 3 (144).

Асмолов Н. Феноменальное интервью Олега Дерипаски...

740

Там же.

См.: Елена Скрынник: «Через три-четыре года все импортное мясо и молоко заменим российским» // Комсомольская правда. 19.06.2009. С. 6.

См.: Кричевский Н. Какую финансовую пирамиду мы строим? // Аргументы и факты. 2009. №28. С. 11.

См.: Дуваниди Е. Деэальвацаия здровья // Аргументы недели. 2009. № 3. С. 5.

См.: Делягин М. Возмездие на пороге. Революция в России: когда, как и зачем. М., 2006. С. 112,119.

См.: Воронин Ю. Мы уравнием пенсии олигархов и сантехников // Комсомольская правда 27.06.2009. С. 5.

См.: Кара-Мурза С., Батников С., Глазьев С. Куда идет Россия. Белая книга реформ. М, 2008. С. 100-102.

См.: Гонтмахер Е. Розовый телевизор. Социально-экономическая статистика как инструмент пропаганды // Независимая газета. 04.03.2008.

См.: Замахина Т. Старикам подкинут, но только «на бедность» // Московский комсомолец. 28.03.2008; Дмитриев И. Не самый прогрессивный //Версия. 2009. № 6. С. 13.

См.: Семенов Ю. И. Философия истории... С. 580-581. Последние данные см.: Российский статистический ежегодник. 2009. М., 2009. С. 95,109.

См.: Баранов А. Неужели вырождаемся? // Аргументы и факты. 2010.
№ 48.

Топоров В. На развалинах литературной страны // Топоров В. Жесткая ротация. СПб., 2007. С. 227.

См. Кара-Мурза С., Батчиков С., Глазьев С. Куда идет Россия. Белая книга реформ. М., 2008.

См.: Кому выгодно забивать буренок? // Аргументы и факты. 2009. № 33. С. 9.

См.: Новосельцев А. Российская армия переходит на иностранное вооружение // Версия. 2009. №30. С. 11; Баранец В. Это прорыв // Комсомольская правда. 21.08.2009; «Электрический солдат» сразил наших генералов // Комсомольская правда. 25.08.2009; Сердюков А. Зачем иностранное «железо»? // Аргументы и факты. 2010. № 48; и др.

См.: Василий Симчера: «Давайте разберемся.» На вопросы «Завтра» отвечает директор НИИ статистики Роскомстата // Завтра. 2009. Май. № 12. С. 4.

См.: Кузнецова В. Хищники за госсчет. Владимир Путин не поддержал идею создания госконцерна по инновациям // Время новостей. 28.05.2009.

Цит.: Костиков В. А если обувать только одну ногу?... // Аргументы и факты. 2009. № 34. С. 6.

Цит.: Ситника В. Догнать и перегнать // Время новостей. 29.96.2010.

Цит. по: Шпаков Ю. Восточный комитет подвел итоги. России так и не удалось сделать акцентна индустриализации // Время новостей. 14.10.2010.

Сергеев М., Куликов С. В провалах модернизации виноват народ. Поэтому Дмитрий Медведев должен остаться во власти // Независимая газета. 16.09.2010.